

M

44

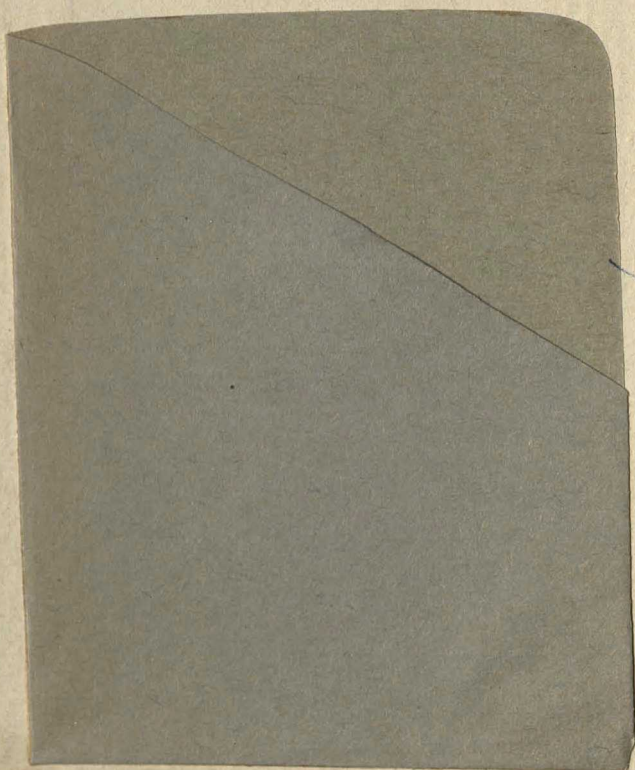
44

T. 2

M 44

44

✓ L

ФРИДРИХЪ ФОНЪ-ГЕЛЬВАЛЬДЪ.

ЗЕМЛЯ

И

ЕЯ НАРОДЫ.

ТОМЪ II.

ЖИВОПИСНАЯ АФРИКА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, д. № 39.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 ноября 1877 г.

42231-0

2007334300

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Африка.

	Общій обзоръ	стр. 1
Глава	I Область Атласа	8
»	II Султанство Марокко и его населеніе	15
»	III Французская колонія Алжирія	25
»	IV Регентство Тунисъ	33
»	V Триполи	36
»	VI Великая африканская пустыня (Сахара)	37
»	VII Государства и народы Сахары	44
»	VIII Суданъ	58
»	IX Западный Суданъ, или Сенегамбія	60
»	X Страны сѣвернаго берега Гвинеи	69
»	XI Страны по Нигеру	84
»	XII Средній Суданъ	92
»	XIII Бассейнъ Нила	106
»	XIV Египетъ	109
»	XV Страны Верхняго Нила	123
»	XVI Побережье Краснаго моря	141
»	XVII Абиссинская горная страна	143
»	XVIII Восточный выступъ Африки	154
»	XIX Берегъ Суахели	162
»	XX Озерная область въ центрально-восточной Африкѣ	168
	Сѣверныя озера	169
	Западныя озера	178
	Юговосточныя озера	187

Южная Африка.

Глава	XXI Общій обзоръ	192
»	XXII Колоніи и боерскія государства Южной Африки	194
»	XXIII Внутренность Южной Африки	207
»	XXIV Племена Южной Африки	217
»	XXV Земли Южной или Нижней Гвинеи	226
»	XXVI Западная экваторіальная Африка	233
»	XXVII Западныя группы острововъ	243
»	XXVIII Мадагаскаръ и африканскія группы острововъ Индійскаго океана	255

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ.

Африка на картѣ представляется аляповатѣе и неуклюжѣе всякой другой части свѣта, за исключеніемъ Австраліи. Видъ ея, какъ мы уже упоминали, живо напоминаетъ видъ Австраліи и Южной Америки, и по красотѣ очертаній она далеко уступаетъ не только Европѣ и Азіи, но и Сѣверной Америкѣ. Полуострововъ вовсе нѣтъ, и единственною слабою попыткою въ этомъ отношеніи можно считать раввѣ только восточный выступъ Сомали, противъ котораго лежитъ островъ Сокотора. Поэтому, разумѣется, должны быть крайне неразвиты также заливы и бухты. Правда, при сѣверномъ берегѣ мы замѣчаемъ такъ называемое Сиртское море, а при западномъ—Гвинейскій заливъ; но они такъ неглубоко вдаются въ землю и такъ открыты, что и самое названіе залива звучитъ въ приложеніи къ нимъ какъ бы насмѣшкою. Настоящій заливъ составляетъ только Красное море, которое можно сравнить съ Калифорнскимъ заливомъ; но оно своимъ восточнымъ берегомъ уже принадлежитъ азіатской Аравіи. Африка лишена также и красоты множества прибрежныхъ острововъ. Немногіе изъ нихъ лежатъ въ Гвинейскомъ заливѣ; самыя же значительныя группы, а именно: острова Зеленаго Мыса и Канарскіе, около большаго западнаго выступа страны чернокожихъ, и Азорскіе—расположены такъ далеко отъ нея, что ихъ вообще едва ли можно причислить къ Африкѣ. Богаче островами восточный берегъ Африки,—и здѣсь снова оправдывается тотъ законъ, что болѣе крупныя острова встрѣчаются только на восточной сторонѣ частей свѣта. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ здѣсь обширный островъ Мадагаскаръ, который самъ по себѣ составляетъ небольшую часть свѣта, представляя, какъ кажется, остатокъ Лемурии, того большаго материка, родины полуобезьянъ, который вѣроятно простирался на мѣстѣ нынѣшняго Индѣйскаго океана до Цейлона, а можетъ быть и до Киллинговыхъ острововъ или даже еще далѣе къ востоку. Между тѣмъ коралловые рифы между Мозамбикомъ и Момбасомъ свидѣтельствуютъ о поднятіи восточнаго африканскаго берега, равно какъ и Мадагаскара съ Сешельскими островами и сахарныхъ острововъ Бурбона и Маврикія. Точно также поднимаются и аф-

риканскіе берега Краснаго моря, одновременно съ противоположащими имъ аравійскими. (Peschel, Neue Probleme. S. 107).

То же однообразіе, какое господствуетъ въ очертаніи африканскихъ береговъ, замѣчается и въ вертикальномъ разрѣзѣ этой части свѣта. Строго говоря, вся Африка есть ни что иное, какъ одна большая плоская возвышенность съ болѣе или менѣе высокими ступенями. Конечно, встрѣчаются и низменности, и даже впадины, лежащія ниже уровня моря, но онѣ занимаютъ весьма ограниченное пространство. Горами Африка такъ-же бѣдна, какъ и низменностями. «Большія массы выдвинутыхъ частей земной коры ограничиваются, повидимому, восточною Африкой, гдѣ, начиная отъ Абиссинской низменности, до нѣсколькихъ градусовъ къ югу отъ экватора, развилась альпійская система, доходящая до снѣговой линіи и даже выше. Величественна, конечно, также горная природа въ системахъ мавританскихъ высотъ, а отдѣльныя вершины около Краснаго моря, при истокахъ Куары и Оранжевой рѣки представляются важными кульминаціонными пунктами; но въ цѣломъ на этомъ могучемъ материкѣ, составляющемъ почти $\frac{2}{3}$ Азии, рѣшительно преобладаетъ характеръ горизонтально растянutoй плоской возвышенности умѣренной высоты. Возвышающіяся же на ней горныя цѣпи на обширныхъ пространствахъ представляютъ одинъ и тотъ же однообразный видъ крутыхъ стѣнъ съ столовидными плоскостями наверху, который происходитъ отъ свойствъ песчаника, образующаго большую часть материка. (A. v. Klöden. Handb. der Erdk. III Bd. S. 388). Эта монотонность въ пластинѣ почвы выражается, конечно, лишь въ общихъ, крупныхъ географическихъ чертахъ, а не въ частностяхъ; напротивъ, пустыни и голыя степи плоскогорій чередуются тамъ съ полосами пышной тропической растительности; рядомъ съ однообразными столовыми возвышенностями встрѣчаются богатые красивыми формами горныя ландшафты—прекраснѣйшія картины, достойныя Альповъ.

Это африканское плоскогорье перерѣзано большими рѣками, но число ихъ не имѣетъ никакого соотвѣтствія къ протяженію материка; слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи та же поразительная бѣдность. Самыя значительныя изъ нихъ: Нилъ, Нигеръ, Конго и Замбезе, по длинѣ соперничаютъ отчасти съ величайшими рѣками на землѣ, но далеко уступаютъ имъ въ богатствѣ воды. «Если соединить Нилъ, Нигеръ и Замбезе, то всѣ они вмѣстѣ не составятъ могучей Амазонской рѣки». (Peschel, Neue Probleme. S. 137). Но зато во внутренности, въ собственно центральной Африкѣ, существуетъ значительное число прѣсноводныхъ озеръ, изъ коихъ нѣкоторые, какъ напримѣръ Укереве, Лута Н'диге, озеро Танганьика и пр., представляютъ весьма обширныя водныя пространства.

Изъ всѣхъ частей свѣта Африка является намъ совершеннѣйшимъ представителемъ тропическаго міра, потому что она, какъ ни одна другая часть свѣта, своею главною массою лежитъ въ границахъ поворот-

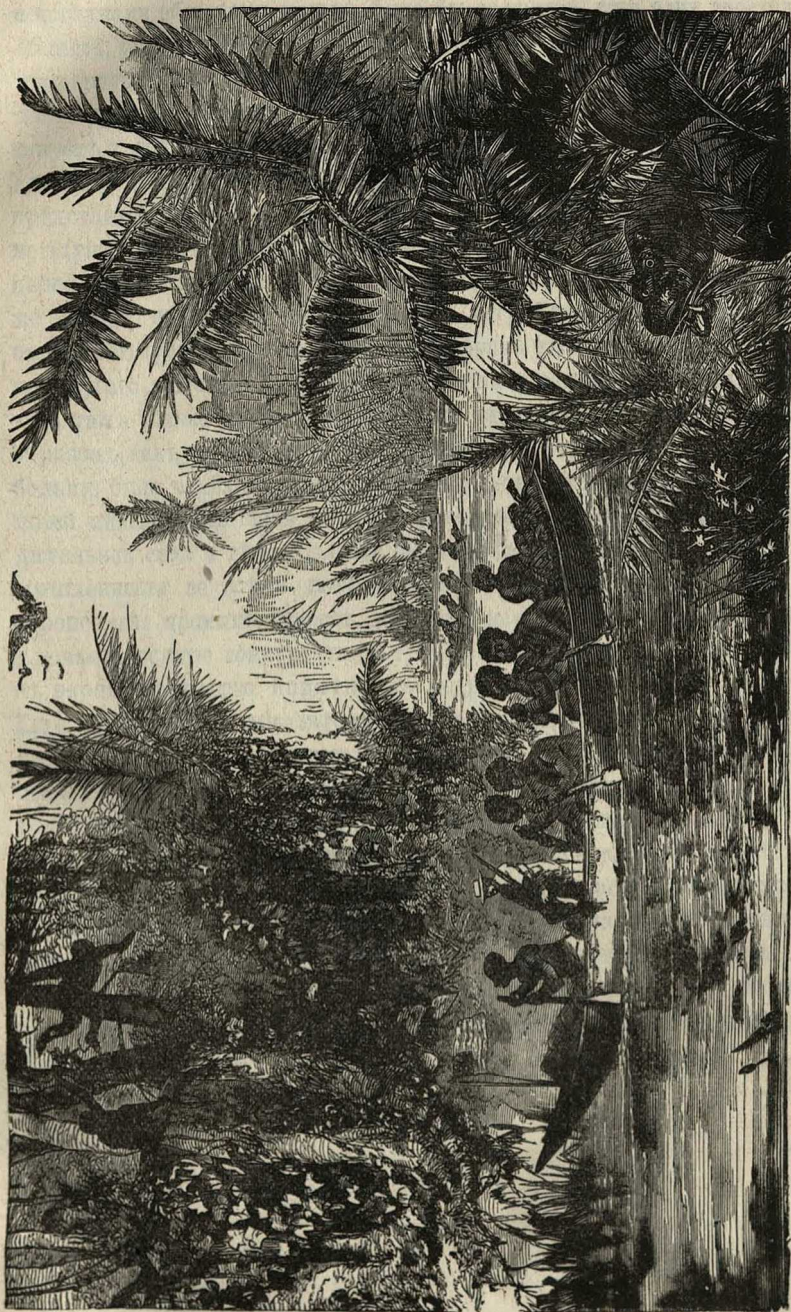
ныхъ круговъ, причемъ изъ предѣловъ тропическаго пояса на сѣверъ и на югъ выходятъ лишь относительно небольшія части. Къ этому надо добавить еще, что сѣверный отрѣзокъ ея принадлежитъ вполне подтропической области, ибо Тунисъ, почти самый сѣверный городъ Африки, находится на одной и той же широтѣ съ Сантъ-Люи и Сантъ-Франциско въ Америкѣ, Чи-фу въ Китаѣ и Иеддо въ Японіи. Понятіе о холодѣ тамъ можно получить только на плоскогорьяхъ южной Африки, да и то въ незначительной мѣрѣ, ибо положеніе Капштадта соответствуетъ положенію Монтевидео и Буэносъ-Айреса, или чилийскому Сантъ-Яго въ Южной Америкѣ, а также Сиднею въ Австраліи.

Африканское населеніе точно такъ-же неразвито, какъ и топографическое расчлененіе материка. При имени Африки у насъ невольно возникаетъ представленіе о негрѣ, котораго мы, вслѣдствіе изстари внесеннаго взгляда, считаемъ почти единственнымъ обитателемъ этой части свѣта. Дѣйствительно, африканское населеніе несомнѣнно представляетъ нѣкоторое однообразіе; поэтому извинительно, что прежде, при меньшихъ успѣхахъ изслѣдованія, различныя племена соединялись подъ однимъ общимъ названіемъ негра. Только болѣе точное наблюденіе могло показать, что собственно негры занимаютъ лишь относительно небольшую часть Африки и едва заходятъ южнѣ экватора. Все же пространство къ югу отъ нихъ принадлежитъ совершенно отличнымъ отъ негровъ по языку племенамъ Банту, къ которымъ относятся кафры, бечуаны, басуто и др., но не готтентоты и бушмены, изъ которыхъ первые составляютъ особое племя, — теперь конечно скорѣе остатки расъ, послѣдніе же представляютъ группу, родство которой съ другими народами еще сомнительно. Въ западной Африкѣ мы встрѣчаемъ племена фулаховъ, а къ сѣверу отъ негровъ — пришлыхъ хамитовъ и семитовъ, т. е. народовъ средиземной расы, къ которымъ, именно къ хамитской вѣтви, принадлежатъ также галла и сомали на крайнемъ востокѣ Африки. Такимъ образомъ, въ послѣднее время удалось всѣ народы африканскаго материка соединить въ пять большихъ группъ: четыре туземныя (фулахи, негры, кафры, готтентоты) и одну пришлую (хамиты и семиты). На островахъ, въ особенности на востокѣ, живутъ еще и другія племена, изъ которыхъ важнѣйшее — говасы на Мадагаскарѣ, которыхъ слѣдуетъ положительно отнести къ семьѣ малайскихъ народовъ.

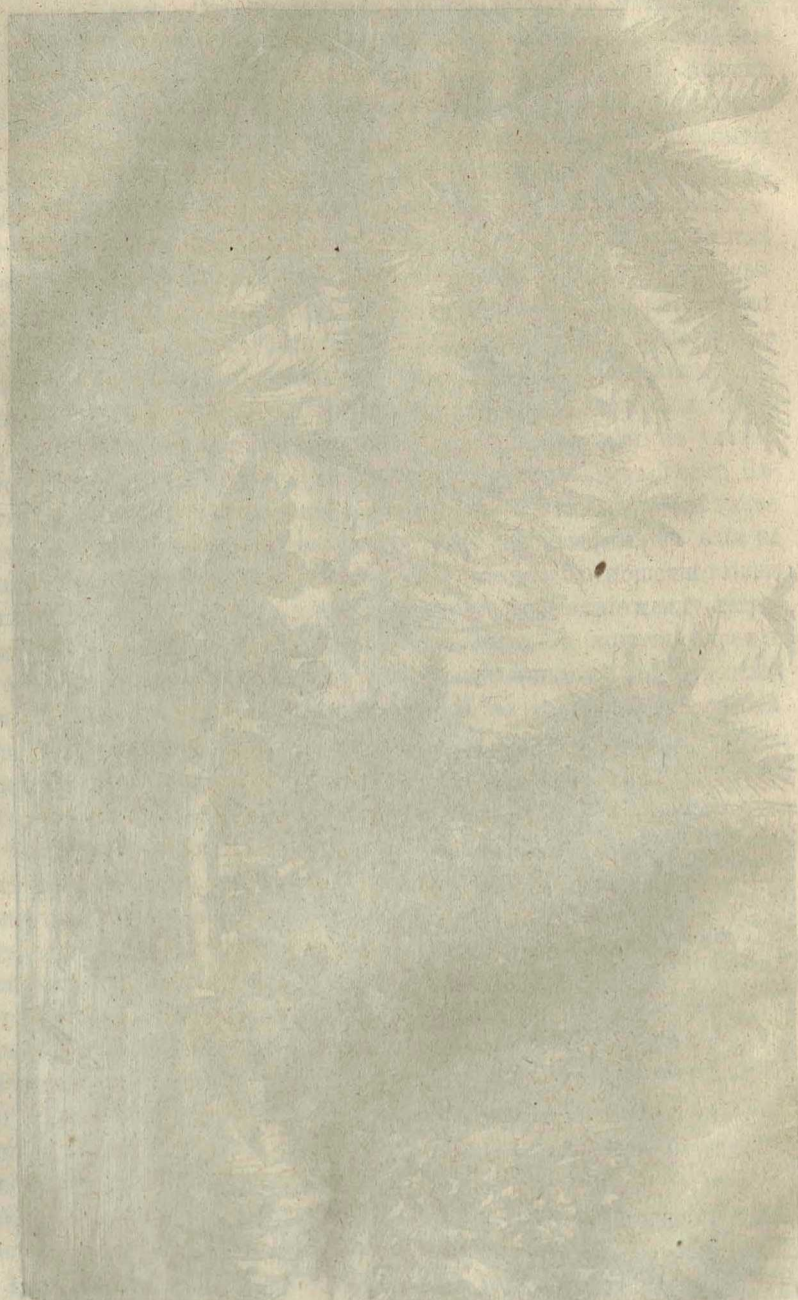
Безлюдная пустыня, которую такъ долго воображали въ Африкѣ, оказывается въ дѣйствительности оживленною болѣе или менѣе плотнымъ, а мѣстами даже и весьма густымъ населеніемъ, которое вовсе не безпрепятственно бродитъ по бесплоднымъ пространствамъ въ поискахъ за удобными мѣстами для своего временнаго пребыванія. И тамъ одно царство оберегаетъ свои границы отъ другаго, и тамъ ведутся войны за владѣніе и землю, за вліяніе и господство, и у чернаго человѣка есть свое государство и своя политика. Онъ хватается за оружіе, когда

можетъ съ пользою для себя примѣнить несомнѣнное правило, что сила есть лучшее право. Онъ заключаетъ мирные договоры и трактаты, и если не исполняетъ ихъ, то это не составляетъ еще непроходимой бездны, отдѣляющей его отъ бѣлаго племени. И во внутренней Африкѣ совершаются такіе перевороты въ народной жизни, которые мы назвали бы передѣлкою карты, если бы знали хорошенько карты и событія тѣхъ странъ. И тамъ иной чернѣйшій геній умѣетъ пользоваться свойствами и преимуществами своего племени для невѣроятнаго расширенія границъ своего царства и для основанія въ нѣкоторомъ смыслѣ міроваго государства, которое затѣмъ распадается вслѣдствіе кровавыхъ гражданскихъ войнъ, когда ослабѣетъ сдерживавшая его сильная рука. Но все-таки такая дѣятельность африканскаго человѣчества не имѣетъ для насъ почти никакого интереса, такъ какъ она зиждется на весьма низкой цивилизаціи и въ отношеніи улучшенія, украшенія жизни дала лишь весьма слабые результаты. Не пренебрегая или не умаляя первобытной цивилизаціи негритянскихъ государствъ: какъ Борну, Багирми и пр., мы должны, однако, признать, что о болѣе высокой гражданственности можно говорить только тамъ, гдѣ утвердились если не европейцы, то по крайней мѣрѣ арабы. Въ нѣкоторомъ отношеніи вліяніе послѣднихъ даже сильнѣе, такъ какъ культурное разстояніе между неграми и арабами вовсе не такъ велико и рѣзко. Этимъ-то, конечно, прежде всего объясняются удивительные успѣхи, сдѣланные въ Африкѣ исламизмомъ, который проникъ уже до экватора, въ самое сердце черной части свѣта, безъ шума, безъ помощи особыхъ апостоловъ, между тѣмъ какъ христіанство, не смотря на ревность своихъ миссіонеровъ всѣхъ сектъ, успѣло приобрести лишь немногихъ послѣдователей. И хотя ученіе Магомета представляетъ самую низшую изъ культурныхъ религій нынѣшняго времени, тѣмъ не менѣе оно дѣйствуетъ на грубый фетишизмъ черныхъ въ извѣстной степени цивилизующимъ образомъ. Впрочемъ, мы не должны возлагать какихъ-либо особенныхъ надеждъ на распространеніе исламизма, съ тѣхъ поръ какъ обнаружился фактъ, что соприкосновенія съ иноземными вліяніями порождаютъ у африканцевъ быстрое движеніе назадъ во многихъ отношеніяхъ.

Ученый путешественникъ Георгъ Швейнфуртъ дѣлитъ Африку, по различнымъ ступенямъ культуры ея жителей, на три части, границы которыхъ соотвѣтствуютъ движеніямъ міровой торговли, направляющимся отъ ея периферическихъ частей къ центральной массѣ. Около берега мы встрѣчаемъ особенно глубоко вдающуюся въ сѣверную половину материка область огнестрѣльнаго оружія, которая поддерживаетъ съ Европою болѣе или менѣе оживленные торговые сношенія. Далѣе внутри мы находимъ область, которую европейскій рынокъ можетъ снабжать, при посредствѣ мѣстной торговли, только хлопчатобумажными тканями для одежды жителей. Въ самомъ же центрѣ Африки простирается область, неимѣющая съ европейскимъ міромъ

Путешествіе по рѣкамъ экваторіальной Африки.

почти никакого соприкосновенія, гдѣ жалкое одѣяніе туземцевъ состоитъ лишь изъ самодѣльныхъ лубяныхъ тканей и шкуръ. Между двумя послѣдними областями можно было бы включить еще одну переходную область, гдѣ главную цѣнность во взаимныхъ сношеніяхъ народовъ составляютъ мѣдь и стеклянныя бусы; вмѣстѣ съ тѣмъ это—главная область торговли невольниками. Этимъ культурнымъ ступенямъ соответствуетъ и степень развитія искусствъ и промышленности у африканскихъ племенъ; только здѣсь оказывается совершенно противное тому, что представляетъ намъ ходъ развитія историческихъ народовъ. Взаимныя международныя сношенія всякаго рода, торговыя связи, мирныя и военныя передвиженія приводятъ многихъ народовъ къ высшей культурѣ. Другіе же народы, наоборотъ, вытѣсняются и истребляются отъ столкновенія съ вышею культурою. Въ нынѣшней Африкѣ мы не встрѣчаемъ ни того, ни другаго изъ этихъ явленій; теперешнія европейскія вліянія дѣйствуютъ тамъ только разрушающимъ, а не оживляющимъ и плодотворнымъ образомъ, какъ это показываютъ туземныя искусства африканцевъ. Чѣмъ больше были успѣхи какого нибудь африканскаго народа на пути внѣшней цивилизаціи, тѣмъ меньше проявлялась ихъ собственная производительная сила и тѣмъ больше была зависимость отъ европейской промышленности во всѣхъ потребностяхъ утонченной жизни, такъ какъ европейская промышленность, проникая неудержимо, тѣмъ самымъ исключаетъ всякую конкуренцію туземной производительности и душитъ въ зародышѣ всякую попытку къ подражанію со стороны туземцевъ. Еще болѣе сильное доказательство этому представляютъ магометанскіе народы, населяющіе большую часть сѣверной половины Африки, у которыхъ туземныя произведенія искусствъ и промышленности годъ отъ году становятся все хуже и хуже, причемъ народы эти имѣютъ такое же вліяніе на народы второй изъ вышеупомянутыхъ областей, какое испытываютъ сами отъ европейцевъ. Это яснѣе всего обнаруживается въ негритянскихъ государствахъ средняго Судана, гдѣ съ принятіемъ ислама замѣчается постепенный регрессъ въ отношеніи внѣшней культуры, такъ что въ скоромъ времени могутъ исчезнуть даже послѣдніе слѣды туземной промышленности. (Georg Schweinfurth. *Artes africanae* Лейпцигъ. 1875, стр. VII—IX).

ГЛАВА I.

Область Атласа.

По общимъ чертамъ Африка распадается на рядъ географическихъ особенностей. Взглянувъ на карту, мы увидимъ тотчасъ же рѣзко отдѣляющійся отъ южныхъ областей гористый выступъ, занимающій приблизительно западную половину сѣвернаго побережья, омываемаго Средиземнымъ моремъ. Онъ простирается отъ Атлантическаго океана до залива Габешъ, или Малаго Сирта, въ Средиземномъ морѣ, и на югѣ оканчивается рядомъ горъ, спускающихся къ Великой пустынѣ, или Сахарѣ. Это—та самая область, въ которой находятся имперія Марокко, французская колонія Алжирія и регентство Тунисъ; но, кромѣ того, всѣ три распространяются еще южнѣе—по сѣверной части Сахары. Общее направленіе упомянутыхъ горныхъ цѣпей въ сущности параллельно сѣверному берегу, и долго эти горы обозначались на картахъ подъ именемъ Атласскихъ горъ. Въ дѣйствительности же могучія Атласскія горы ограничиваются только Марокко и перерѣзываютъ его съ ЮЗ. на СВ. Ошибочно было бы причислять въ Великому Атласу Алжирскія горы; пусть французскіе географы называютъ горы, идущія въ Алжиріи параллельно берегу, Большимъ и Малымъ Атласомъ, говоритъ Гергардъ Рольфсъ, но тотъ, кто объѣхалъ обѣ эти страны, знаетъ, что Алжирія обладаетъ лишь обширными плоскогорьями съ лежащими предъ ними горными цѣпами, Большой же Атласъ находится только въ Марокко; это видно и изъ свидѣтельства древнихъ, у которыхъ Большой Атласъ начинался у мыса Гиръ, на Атлантическомъ океанѣ, и оканчивался пынѣшнимъ мысомъ Эль-Дейръ въ Средиземномъ морѣ, или наоборотъ. (Gerhard Rohlfs. *Mein erster Aufenthalt in Marokko und Reise südlich vom Atlas durch die Oasen Draa und Tafilet*. Bremen. 1873 г, 8°, стр. 36).

Вообще можно сказать, что Атласъ имѣетъ форму подковы, открытую съ СЗ. Съ одной стороны онъ оканчивается мысомъ Расъ-эль-Дейръ, а съ другой—мысомъ Гиръ. Атласъ составляетъ главную цѣпь, которая вообще съ СЗ., т. е. слѣдовательно со стороны, обращенной собственно къ Марокко, переходитъ постепенно, широкими террасами въ низменность. Между тѣмъ съ ЮВ., круто и перпендикулярно обрываясь, отдѣляется, приблизительно подъ 31° с. ш. и 5° 40' з. д. отъ Гр., значительная цѣпь къ ЮЮВ. и идетъ почти параллельно главной цѣпи Атласа. Точка развѣтвленія даетъ начало рѣкѣ Сусъ. Нѣсколько далѣе отъ этой точки находится настоящій ихъ узелъ—такъ сказать Сень-Готтардъ этихъ горъ. Но какъ и въ швейцарскихъ Альпахъ, это—не высочайшая горная точка; высочайшая гора находится, по-видимому, на ЮЗ., нѣсколько южнѣе города Марокко. Это — Джебель-Милъ-т-синъ въ 3475 м. высоты. Отъ этого узла идутъ еще отдѣльныя цѣпи къ

Ущелье Эль-Кангара, къ северу отъ Бискры.

востоку и югу, но характеръ горной цѣпи въ этихъ направленіяхъ вообще уже исчезаетъ: горы являются просто лабиринтами отвѣсныхъ скалъ и расщелившихся высотъ. Но главная цѣпь Атласа все еще сохраняется, продолжаясь къ сѣверу въ видѣ Джебелайи (горная страна—отъ Жебель, гора) и Жебель-Гарета, и оканчивается при Средиземномъ морѣ Расъ (мысль) эль-Дейромъ. Но еще раньше эта главная цѣпь отдѣляетъ отъ себя къ СЗ., приблизительно подь $3^{\circ}40'$ з. д. отъ Гр. и $34^{\circ}40'$ с. ш., вѣтвь горъ Рифъ, которая оканчивается у Гибралтарскаго пролива. Кромѣ того, Большой Атласъ отдѣляетъ отъ себя множество мелкихъ отроговъ, расходящихся въ окружаемомъ имъ между Расъ-эль-Дейромъ и Расъ-Гиромъ треугольникѣ. (Rohlf's. Ibid. S. 36—39.)

Вся земля въ Марокко отъ сѣвернаго края Атласа до Атлантическаго океана и Средиземнаго моря совершенно удобна для земледѣлія. Въ Алжиріи способную къ обработкѣ страну называютъ «Телль», въ Марокко жъ это названіе неизвѣстно, такъ какъ тамъ вообще вовсе не существуетъ подобнаго различія, которое только въ Алжиріи обуславливается свойствами почвы. Единственную полосу въ сѣверномъ Марокко, т. е. на отлогости къ Средиземному морю, не обладающую плодородіемъ совершенно годной для воздѣлыванія земли, составляетъ такъ называемый Ангадъ, къ югу отъ горъ Бени-Снассенъ, пересѣкаемый среднимъ теченіемъ Мулуйи. Но земля эта вовсе не пустынна, не бесплодна, не лишена растительности, какъ и алжирскія плоскогорья къ югу отъ Себды, Саиды или Тіарета. При обильномъ и своевременномъ дождѣ, земля всюду покрывается нивами.

Пластика почвы въ Алжиріи еще проще, чѣмъ въ Марокко: здѣсь ясно обозначаются три различныя пояса—«Телль», область плоскогорій, или степная страна, и алжирская Сахара. Телль начинается у береговъ Средиземнаго моря и простирается во всю ширину Алжиріи до подошвы Средняго Атласа французскихъ географовъ. Это—самая плодородная полоса Алжиріи, гдѣ произрастаютъ хлѣбныя и стручковыя растенія, овощи, рисъ, табакъ, хлопчатникъ и даже виноградъ, а земля способна къ постоянной культурѣ; здѣсь встрѣчается множество прекрасныхъ, лѣсовъ особенно большихъ дубовыхъ и кедровыхъ, и роскошныхъ луговъ. Телль пересѣкается въ различныхъ направленіяхъ многочисленными рѣками (называемыми «вади», «вадъ» или «уадъ»), болотами и горами, занимаетъ пространство около 140,000 квадратныхъ километровъ и имѣетъ въ ширину только 75 километровъ, но на западѣ онъ шире, чѣмъ на востокѣ. Важнѣйшіе города Алжиріи расположены, разумѣется, въ этомъ Теллѣ, и именно по берегу моря.

Такъ какъ страна довольно быстро поднимается отъ уровня моря до значительной высоты, то доступъ внутрь ея необыкновенно труденъ. Параллельно берегу, въ весьма близкомъ отъ него разстояніи, тянутся, хотя мѣстами и прерывающіяся, прибрежныя горы, въ родѣ тѣхъ, какія мы видѣли въ Венецуэлѣ или въ Калифорніи. Французы называютъ ихъ Малымъ Атла-

сомъ, въ дѣйствительности же это—скорѣе рядъ отдѣльныхъ горныхъ цѣпей, каковы: Джебель-Уджда, горы Тессала, Джебель-Дара, Алжирскія горы, Малый Атласъ, Джуджура (2317 м.) и Большой Баборъ (1993 м.). Этотъ послѣдній, т. е. полоса земли къ востоку отъ города Алжира, между устьями Иссера и Кебира, называется «Великою» и «Малою Кабилиею». Мѣстами эти гористыя группы прерываются широкими и иногда необыкновенно плодородными равнинами, каковы напр. Метиджа около Алжира и Млета около Орана. Непосредственно за этими цѣпями высотъ, которыя мы назовемъ «Алжирскими Прибрежными горами», и большею частію въ прямой связи съ ними, возвышаются не менѣе высокія параллельныя и расщелистыя горныя цѣпи, составляющія собственно южную границу Телля, которымъ нѣкоторые французскіе писатели даютъ названіе «Средняго Атласа» (Atlas moyen), которому мы предпочли бы названіе «Средне-Алжирскихъ горъ».

Второй поясъ, примыкающій къ уступу прибрежныхъ горъ Телля, состоитъ изъ однообразныхъ, покрытыхъ скудными травами плоскогорій (région des plateaux), съ длиннымъ рядомъ соляныхъ озеръ, называемыхъ здѣсь «шоттъ» или «себка», и возвышается на 1170 м. надъ уровнемъ моря.

Область эта начинается уже въ восточной части Марокко, на склонѣ, идущаго къ сѣверу отрога Большаго Атласа, и тянется почти безъ перерыва до Туниса. Слѣдуя въ направленіи отъ запада къ востоку, мы встрѣчаемъ равнину, на которой находится длинное озеро Шоттъ-эшъ-Шергуи, при южной подошвѣ Саидскихъ горъ, плоскогорье Сагесъ съ нѣсколькими горными грядами, плоскогорье Годна съ Шоттъ-эшъ-Саидомъ и плоскогорье Сбахъ, отдѣленное отъ предыдущихъ невысокою грядою Бу-Талебъ. Рѣкъ въ этой обширной, большею частью каменистой степной области, въ которой вы уже начинаете испытывать ощущеніе пустыни, очень мало, да и тѣ имѣютъ воду только въ дождливое время. Хлѣба произрастаютъ здѣсь лишь въ нѣкоторыхъ благословенныхъ мѣстахъ; но съ исходомъ зимы эта африканская степь покрывается мелкими ароматическими травами и высокими злаками служащими для корма скоту, которой разводятъ немногочисленные обитатели этихъ мѣстностей. Иногда случается, что послѣ сильныхъ ливней остаются лужи воды. Такіе редиры—такъ называются эти лужи,—имѣютъ большое значеніе, такъ какъ служатъ для водопоя скота и доставляютъ воду, которая обыкновенно сохраняется въ бурдюкахъ. Въ западной части этой пустыни нѣтъ ничего, кромѣ чистаго сыпучаго песку.

Съ юга этотъ нагорный уступъ ограничивается новою параллельною цѣпью—третьею, считая отъ Средиземнаго моря. Французы называютъ ее Большимъ Атласомъ; но такъ какъ названіе это, какъ мы сказали выше, приложимо только къ главной цѣпи, проходящей въ Марокко, то мы предложили бы называть ее «Присахарскими горами». Дѣйствительно, при одномъ уже взглядѣ на хорошую карту видно, что цѣпь эта идетъ южнѣе и параллельно главной оси марокккаго Атласа, продолжается поперекъ Алжиріи въ видѣ южной границы степной области и переходитъ

даже въ Тунисѣ, котораго пластическій видъ почвы обусловливается во всѣхъ отношеніяхъ отрогами алжирскихъ хребтовъ. На всемъ этомъ длинномъ пространствѣ, отъ Атлантическаго океана до мыса Бона (Расъ-Аддаръ), въ Тунисѣ, который можно считать крайнимъ восточнымъ окончаніемъ этой цѣпи, она составляетъ границу той полосы земли, которая въ географическомъ отношеніи принадлежитъ области пустыни Сахары и считается переходомъ къ ней. Поэтому названіе «Присахарскихъ горъ» намъ кажется не совсѣмъ непригоднымъ. По характеру своему, онѣ, какъ и Прибрежныя и Средне - Алжирскія горы, представляютъ вовсе не сплошную, а многоразлично разорванную цѣпь шириною въ 9—10 часовъ пути, съ значительными высотами, которыя бывають обыкновенно покрыты снѣгомъ до конца марта. Мы назовемъ изъ нихъ главнымъ образомъ горы Аурасъ, которыя достигаютъ въ Маммелѣ 2315 метровъ, а въ Шелигѣ—2320 м., и продолжаются въ Тунисѣ подъ именемъ Умъ-Деббена. Къ югу горы эти, въ 1790 м. средней высоты, обрываются довольно рѣзко и круто; но еще обрывистѣе онѣ въ восточной части, гдѣ находится проходъ Эль-Кантара, при подошвѣ могучей горы Аурасъ, имѣющій только 518 м., а черезъ день пути далѣе къ югу — Бискара, только на 125 м. надъ уровнемъ моря.

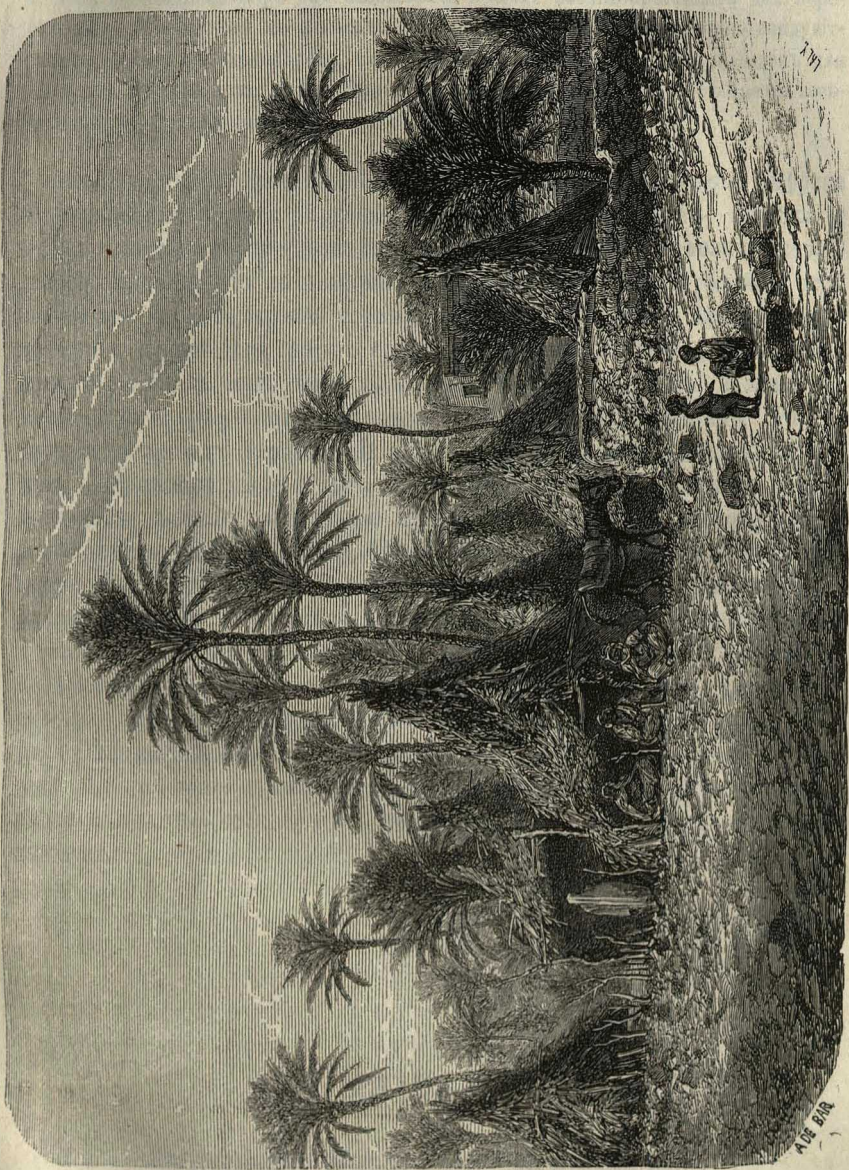
Понятно, что описанный рельефъ почвы сѣверной Африки не особенно благопріятенъ для развитія рѣкъ, и на всемъ разсматриваемомъ нами сѣверномъ берегу едва-ли существуетъ хоть одна рѣка, которая бы имѣла особенное значеніе для задней части страны. Почти всѣ значительныя рѣки въ Тунисѣ и Алжиріи текутъ изъ степной области и, слѣдовательно, должны перерѣзывать Средне - Алжирскія и Прибрежныя горы,—послѣднія уже непременно, прежде чѣмъ достигнуть Средиземнаго моря, причѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ такъ изгибаются, что текутъ иногда параллельно берегу. Въ Марокко многія рѣки берутъ начало съ сѣверозападнаго склона Атласа, за исключеніемъ Мулуйи, которая течетъ также изъ пояса степей, и затѣмъ направляются, конечно, къ Атлантическому океану, такъ напримѣръ: Вадъ-Кусъ, Себу, Умъ-эль-Реа («мать травъ») и большой Тензифтъ. Перейдя затѣмъ отроги этихъ горъ и хребетъ, оканчивающійся мысомъ Гиръ, мы встрѣтимъ рѣку Сусъ, текущую съ востока къ западу. Далѣе къ югу на картахъ отмѣчается Вадъ-Нунъ, но названіе это обозначаетъ ни что иное, какъ цѣлую мѣстность или провинцію, между тѣмъ какъ текущая въ ней рѣка называется Азака, или Аксаби. Наконецъ, еще южнѣе, по ту сторону Присахарскихъ горъ, течетъ чисто степная рѣка Вадъ-Драа.

Вадъ - Драа длиннѣе Рейна по крайней мѣрѣ на одну шестую часть и имѣетъ воду постоянно, даже въ концѣ лѣта, до поворота своего съ юга на западъ. Но количество воды въ Драа, именно въ верхнихъ частяхъ ея, имѣющихъ направленіе съ сѣвера на югъ, все-таки не больше, чѣмъ въ Шпрее у Берлина; въ южномъ концѣ той ея части, которая течетъ съ С. на Ю., послѣ нѣсколькихъ исчезновеній и потребленія воды для орошенія, она такъ

мала, что эту большую рѣку осенью едва можно назвать ручьемъ. (Rohlf. *ibid.*, S. 45—46).

Климатъ сѣверной Африки вообще жарокъ, но здоровъ, и всего здоровѣе въ Марокко. Причины этого слѣдуетъ искать частію въ значительномъ возвышеніи страны, въ освѣжающихъ вѣтрахъ Средиземнаго моря и океана, въ отсутствіи болотистыхъ низменностей, которыя такъ часто встрѣчались въ Алжирѣ при поселеніи французовъ; затѣмъ, въ богатыхъ лѣсахъ на уступахъ Атласа, которые умѣряютъ зной и вмѣстѣ съ снѣгами вершинъ лѣтомъ постоянно питаютъ рѣки водою; наконецъ, въ отсутствіи тѣхъ шоттовъ, мелкихъ озеръ, и болотъ, которыя тянутся въ Алжирѣ и Тунисѣ съ запада къ востоку.

Атласъ составляетъ естественный раздѣлъ въ отношеніи температуры. Къ сѣверу отъ Атласа дождливые мѣсяцы начинаются съ октября и продолжаютъ до конца февраля, между тѣмъ какъ къ югу отъ него дожди идутъ только въ январѣ и въ первой половинѣ февраля, распространяясь внутрь страны приблизительно до $7^{\circ} 40'$ з. д. отъ Гр., такъ что вовсе не касаются южныхъ частей провинцій, лежащихъ по теченію Драа. Въ оазисѣ Тафилетѣ дождь бываетъ чрезвычайно рѣдко, а въ Туатѣ не болѣе одного раза въ 20 лѣтъ. Поэтому линію дождя къ югу отъ Атласа можно было бы провести приблизительно такъ: отъ $7^{\circ} 40'$ з. д. и 29° с. ш. въ косомъ сѣверо-восточномъ направленіи параллельно Атласу до оазиса Фигигъ. Осадковъ влажности въ частяхъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Атласа, равно какъ и на самомъ Атласѣ, весьма значителенъ, между тѣмъ какъ къ югу отъ него не болѣе какъ умѣренъ. Съ октября по февраль господствуютъ почти исключительно сѣверо-западные вѣтры, и всего переѣчивѣе февраль мѣсяцъ, когда вѣтеръ въ одинъ день переѣняется отъ шести до семи разъ. Въ мартѣ преобладаютъ сѣверные вѣтры, а затѣмъ съ марта до конца сентября дуютъ ВЮВ. и Ю. вѣтры. На берегахъ океана, лѣтомъ, отъ 9 часовъ утра до полудня, дуетъ сильно охлаждающій морской вѣтеръ, а затѣмъ снова беретъ перевѣсъ юговосточный. Юговосточные и южные вѣтры приносятъ съ собою часто саранчу, какъ въ 1778 и 1780 годахъ. Но Атласъ является, повидимому, настоящею плотиною противъ вторженій этихъ насѣкомыхъ, потому что къ сѣверу отъ него они встрѣчаются только отдѣльными экземплярами. Въ Алжирѣ и Тунисѣ климатъ необыкновенно постояненъ и почти одинаковъ съ климатомъ Испаніи, Португаліи, Италіи, Прованса и Греціи. Въ Сахарѣ, т. е. по ту сторону Присахарскихъ горъ, онъ уже совершенно тропическій, и уже въ Бискрѣ жары весьма тяжелы и иногда гибельны для европейцевъ. На плоскогорьяхъ Телля различаютъ, какъ и въ центральной Европѣ, четыре времени года съ незамѣтными переходами. Жары продолжаются отъ середины іюня приблизительно до половины сентября, и въ этотъ промежутокъ времени на алжирскую почву не падаетъ ни капли дождя. Затѣмъ начинаются благодѣтельные осенніе дожди, но солнце грѣетъ еще весьма сильно, такъ что въ началѣ октября земля бываетъ украшена снова прекраснѣйшею растительностью. Это дождливое время продолжается до марта. Прибрежныя же мѣста и пустыни имѣютъ собственно только два времени года: обыкновенно весьма жаркое лѣто и весьма дождливую

Деревня близъ Бискры.

зиму. Говоря вообще, климатъ Алжирѣ здоровъ, за исключеніемъ болотистыхъ мѣстъ на побережьи и низменныхъ оазисовъ на югѣ. Его можетъ выносить и европеецъ, если онъ пріѣдетъ въ надлежащее время (въ январѣ или февралѣ) и облегчитъ себѣ акклиматизацію умѣренностью и большою осторожностью; но до сихъ поръ онъ оказывался вообще неблагоприятнымъ для переселенцевъ. Нѣкоторые же отдѣльные мѣста, наоборотъ, весьма рекомендуются для больныхъ европейцевъ. Самый городъ Алжиръ весьма полезенъ для больныхъ грудью, даже лучше Ниццы, и нынѣ дѣйствительно посѣщается весьма многими больными.

Естественными произведеніями различнаго рода сѣверная Африка необыкновенно богата. Крупныя хищныя, какъ - то: левъ, пантера и весьма многочисленные шакалъ и гіена, которые такъ полезны истребленіемъ падали, что въ Алжирѣ, напримѣръ, запрещено убивать ихъ, прекрасно характеризуютъ страну, какъ часть великаго африканскаго материка. Кромѣ того, несутъ свою полезнѣйшую службу домашнія животныя: лошади, мулы, верблюды, дромадеръ, быкъ, овца и коза. Во множествѣ встрѣчаются ихневмоны, газели, черепахи и пиявки. Растительность имѣетъ необыкновенное сходство съ растительностью Лангедока и Прованса; какъ и тамъ, здѣсь произрастаютъ маслина, лавры, апельсины, лимоны, миндальное дерево, фиговое дерево, мирта, мастиковое дерево, алеппская сосна, бѣлый тополь, алоэ, олеандръ. Но африканская область при Средиземномъ морѣ носитъ рѣзко тропическій характеръ, потому что климатъ ея теплѣе, воздухъ мягче, чѣмъ воздухъ и климатъ соотвѣтственной европейской области. Потому-то, кромѣ растеній послѣдней, здѣсь мы находимъ еще много другихъ породъ восточнаго происхожденія или свойственныхъ специально этой части Африки. Исключительно тропическія растенія растутъ въ южныхъ оазисахъ. Минеральное царство доставляетъ желѣзо, свинецъ, мѣдь, киноварь, рѣдко каменную соль, но нѣтъ ни благородныхъ металловъ, ни каменнаго угля.

ГЛАВА II.

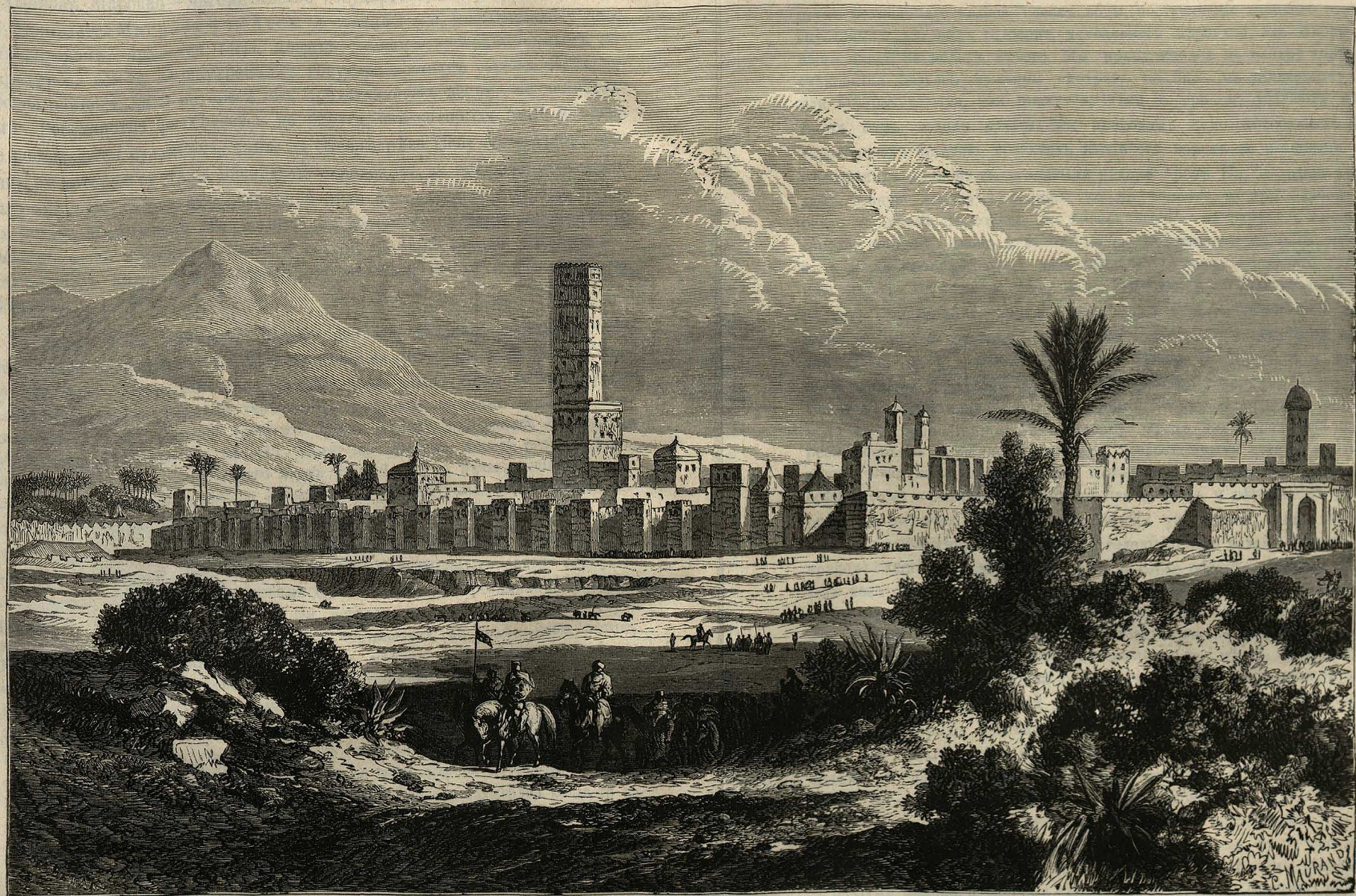
Султанство Марокко и его населеніе.

Изъ трехъ сѣверо-африканскихъ государствъ, пластику поверхности которыхъ мы разсмотрѣли, самое западное и самое большое — Марокко. Такъ какъ границы въ Африкѣ рѣдко обозначаются съ точностью, то почти никогда нельзя опредѣлить достовѣрно пространства государ-

ства, почему приходится довольствоваться приблизительными опредѣленіями какъ поверхности, такъ и народонаселенія. Поверхность можно принять въ 662,000 квадратныхъ миль, а населеніе, по Рольфсу, въ 6½ миллионѣвъ. Марокко—магометанское государство, которое, по туземному, называется Магребъ-уль-Акса, а султанъ его, называемый у насъ императоромъ, является, быть можетъ, самымъ неограниченнымъ монархомъ на землѣ. О внутреннѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ извѣстно немного, да и интересъ они представляютъ весьма незначительный. Государство раздѣляется на округа, изъ которыхъ нѣкоторые никогда не посѣщаются султаномъ; такъ, на сѣверѣ рѣка Себу составляетъ границу, за которую султаны никогда не переходятъ, за исключеніемъ военного времени; къ югу отъ названной рѣки находятся три города, именно: Феца, Марокко и Мекинецъ, въ которыхъ султаны попеременно имѣютъ свое мѣстопробываніе, а также двойной городъ Салехъ-Рабатъ, чрезъ который они всегда проѣзжаютъ, на пути изъ Феца въ Марокко.

Положеніе Феца, имѣющаго 100,000 жителей, недавній посѣтитель его, итальянскій путешественникъ Эдмондо-де-Амичисъ, находитъ весьма красивымъ. Феца стоитъ, какъ исполинскій стражъ, между двумя холмами, увѣнчанными остатками бывшихъ укрѣпленій. Горизонтъ за этими холмами оканчивается вѣнцомъ горныхъ вершинъ. Чрезъ городъ протекаетъ Жемчужная рѣка, которая дѣлитъ его на двѣ части: на правомъ берегу старый Феца, на лѣвомъ—новый. Вокругъ него идетъ старый, частію развалившійся зубчатый валъ со многими сильными башнями. Съ упомянутыхъ выше высотъ видѣнъ весь городъ, который съ своими безчисленными бѣлыми домами, плоскими крышами, зелеными куполами, красиво построенными минаретами и многими зубчатыми башнями, между коими возвышаются свои верхушки исполинскія пальмы и другія зеленныя деревья,—имѣетъ чрезвычайно разнообразный и привлекательный видъ. Вы тотчасъ же узнаете размѣры старой метрополи, которой нынѣшній городъ составляетъ не болѣе какъ островъ. Близъ воротъ и на ближайшихъ высотахъ мѣстность покрыта развалинами и остатками построекъ: здѣсь пестрѣютъ, поремѣшиваясь другъ съ другомъ, кубы, жилища святыхъ, арки бывшихъ водопроводовъ, могилы, укрѣпленія и различнаго рода архитектурныя произведенія. Низшій изъ двухъ холмовъ, къ которымъ примыкаетъ городъ, покрытъ тысячами алоэ, изъ коихъ многія вдвое выше человѣческаго роста. Далеко не такъ пріятна нарисованная Амичисомъ картина внутренности города, который, однако, назывался когда-то западною Меккою. Направо и налѣво—высокія голыя стѣны, какъ стѣны крѣпости, затѣмъ высокіе дома безъ оконъ, часто съ глубокими щелями; улицы то круто поднимаются, то круто опускаются внизъ и всегда завалены мусоромъ и камнемъ, что весьма затрудняетъ ходьбу. На каждомъ шагу длинныя крытые проходы, въ которыхъ такъ темно, что приходится пробираться, протянувши руки впередъ; иногда ужаснѣйшіе глухіе переулки, пещеры, ямы, тѣсныя сырыя закоулки бываютъ усеяны костями павшихъ животныхъ и всевозможными разлагающимися предметами,—и все это скрыто въ полумракѣ, который повергаетъ въ меланхолическое настроеніе. Въ нѣкоторыхъ

Марокко.

мѣстахъ земля такъ расщелиста, пыли такъ много, вонь до того сильна, а воздухъ такъ наполненъ жужжащими мелкими мошками, что приходится останавливаться, чтобы перевести дыханіе. Въ какихъ-нибудь полчаса вашъ путь выпишетъ такіе изгибы и извороты, что если бы начертить его на бумагѣ, то вышли бы самые запутанные арабески Альгамбры. По временамъ вы слышите стукъ мельничнаго колеса, плескъ воды, постукиваніе ткацкаго станка, пѣніе тнсливыхъ дѣтскихъ голосовъ, исходящихъ вѣроятно изъ школы, но глазъ вашъ нигдѣ не видитъ ничего. Мы приближаемся къ центру города: народу становится больше, мужчины смотрятъ на насъ съ удивленіемъ, женщины или отворачиваются, или прячутся, дѣти съ крикомъ убѣгаютъ или показываютъ намъ издали кулаки. Мы проходимъ мимо нѣсколькихъ фонтановъ, украшенныхъ богатою мозаикою, входныхъ воротъ съ изящными сводами и нѣсколькихъ дворовъ съ красивыми рядами арокъ. Но, благодаря крытымъ ходамъ, всякую минуту находимся то въ темнотѣ, то при слабомъ свѣтѣ, то опять во мракѣ. Наконецъ, мы поворачиваемъ въ одну изъ главныхъ улицъ города, шириною около 2 м. Всѣ взоры обращаются на насъ, всѣ тѣнятся къ намъ, и провожающимъ насъ солдатамъ стоитъ не малаго труда сдерживать народъ. На каждомъ шагу намъ приходится останавливаться, чтобы пропустить какого-нибудь мавра верхомъ, или осла, навьюченнаго окровавленными бараными головами, или верблюда, везущаго закутанную покрываломъ даму. Направо и налево открываются базары, съ толпящимся народомъ, ворота и дворы торговыхъ домовъ, наполненные товарами, двери мечетей, въ которыхъ видны молящіеся правовѣрные. Воздухъ пропитанъ сильнымъ запахомъ алоэ, пряностей, ладона и табаку. Предъ нами проходятъ цѣлыя толпы ребятишекъ съ паршивыми головами, всевозможными язвами и рубцами, противныя старухи съ непокрытыми головами и обнаженною грудью; почти всеѣмъ голые юродивые съ вѣнками изъ цвѣтовъ и вѣтками въ рукахъ, не переставая, смѣются, поютъ и скачутъ. На углу одной улицы мы встрѣчаемъ «святаго» — непомѣрно жирнаго и съ головы до ногъ голаго старика, который съ трудомъ тащится по дорогѣ, опираясь на копье, обтянутое краснымъ лоскуткомъ. Онъ косо смотритъ на насъ и, проходя мимо, бормочетъ нѣсколько непонятныхъ словъ. Вскорѣ мы случайно наталкиваемся на четырехъ солдатъ, которые тащатъ какого-то несчастнаго, совершенно истерзаннаго и окровавленнаго человѣка — вѣроятно вора, понавагоса на мѣстѣ преступленія, потому что слѣдующая за нимъ толпа ребятишекъ кричитъ неумолкая: «руку! руку! отрубить ему руку!» На другой улицѣ мы встрѣчаемъ двухъ человѣкъ съ носилками, на которыхъ лежитъ высохшій какъ мумія трупъ, закутанный въ мѣшокъ изъ бѣлаго холста, перевязанный около шеи, вокругъ поясицы и около колѣнъ. Я невольно спрашиваю себя, во снѣ я вижу это или на яву? на одной ли планетѣ стоятъ города Фецъ и Парижъ?!

Мекинецъ, третью резиденцію мароккскаго императора, итальянскій путешественникъ изображаетъ, въ противоположность Фецу, весьма привѣтливымъ, свѣтлымъ городомъ, хотя съ кривыми, но широкими улицами. Дома нечрезчуръ высоки, а садовыя стѣны низки, такъ что отовсюду виднѣются красивые очертанія окружающихъ городъ холмовъ. Разнообразныя тѣнистыя деревья украшаютъ не только дворы и сады веселаго города, но и улицы и даже площади. Всюду дышешь свѣжимъ, душистымъ деревенскимъ воздухомъ. Надъ всею мѣстностью распространяется какая-то благодѣтельная тишина,

благородное дыханіе хотя спустившагося съ прежней высоты, но вовсе не умершаго города. Дворецъ губернатора представляетъ большое монументальное зданіе, богато украшенное мозаикою, но стоитъ на отдаленной и довольно пустынной площади.

Марокко, или Марракешъ—второй главный городъ государства по числу жителей, превышающему 50,000, стоитъ гораздо южнѣ двухъ вышеописанныхъ городовъ, на рѣкѣ Тензифѣ и, такъ сказать, при подножіи Атласскихъ горъ. Окруженный огромными садами, покрывающими пустыя части города, Марокко находится въ совершенномъ упадкѣ и лишь изрѣдка можетъ быть посѣщаемъ европейцами. Гергардъ Рольфъ пробылъ тамъ два дня и выходилъ изъ фунда (гостиницы) только вечеромъ, чтобы не быть узнаваемымъ. Съ тѣхъ поръ въ Марокко были также въ 1872 г. д-ръ Фричъ и д-ръ І. Рейнъ; они встрѣтили тамъ хорошій приемъ. Въ противоположность Фецу, городъ Марокко состоитъ, за немногими исключениями, только изъ одноэтажныхъ домовъ, а по сторонамъ широкихъ улицъ часто встрѣчаются большіе сады. Улицы стѣснены домами только въ торговомъ центрѣ города. Общественными зданіями городъ бѣденъ, и дворецъ султана хотя очень обширенъ, но не отличается ничѣмъ особеннымъ.

Кромѣ трехъ названныхъ главныхъ городовъ, въ Марокко есть еще нѣсколько немаловажныхъ приморскихъ пунктовъ; впрочемъ, самые значительные изъ нихъ, на Средиземномъ морѣ, принадлежать испанцамъ. Важнѣйшіе изъ нихъ суть: Млила (Мелилла), Тетуанъ и Цеута, изъ которыхъ послѣдній расположенъ при восточномъ выходѣ Гибралтарскаго пролива, отдѣляющаго Африку отъ Европы. На атлантическомъ берегу стоятъ Тангеръ (у марокканцевъ Танджа), съ 20,000 жителей, Эль-Аришъ, Рабатъ, Азаморъ и Могадоръ. Всѣ эти города населены арабами, берберами, евреями и неграми, изъ смѣси которыхъ слѣгается мароккское народонаселеніе. Основу составляютъ потомки древнихъ нумидійцевъ, берберы, которые до 1050 года были почти единственными обитателями всей сѣверной Африки; только въ это время произошли тѣ нашествія арабовъ, которыя, благодаря исламу, наложили новую, особенную печать на сѣверо-африканскій государственный строй. Что касается численности и распространенія обоихъ народовъ, то мы находимъ, что въ Марокко берберы не только значительно многочисленнѣе, но и распространены въ странѣ на гораздо большемъ пространствѣ. Арабы же, за исключеніемъ большихъ городовъ и мѣстечекъ, гдѣ они всюду составляютъ преобладающій элементъ,—встрѣчаются только спорадически, мѣстами. Поэтому почти можно утверждать, что берберы владѣютъ четырьмя-пятью землями, а на долю арабовъ приходится только одна пятая; по числу же жителей арабы составляютъ двѣ трети.

Коренной берберскій народъ въ Марокко жилъ отдѣльно и не смѣшивался съ арабами. Въ городахъ и большихъ мѣстечкахъ, конечно, случаются браки между обоими народами, но вообще арабы и берберы и теперь такъ же чужды другъ другу, какъ и въ первыя времена нашествія. Языкъ, на которомъ говорятъ

берберы, тамазиргскій, или шеллахскій, есть именно тотъ, который ту-ареги Сахары называютъ на сѣверѣ темагакскимъ а на югѣ—темашекскимъ и который мы встрѣчаемъ въ Ауджилѣ и еще далѣе на крайнемъ востокѣ, въ оазисѣ Юпитера-Аммона. Конечно, разница между различными нарѣчіями этого языка весьма велика, какъ это и должно быть въ языкѣ, распространенномъ на пространствахъ почти четверти всей Африки. Но все-таки она не такъ велика, чтобы различныя племена, говорящіе по-берберски, не могли понимать другъ друга. Берберы въ Марокко не имѣютъ и не знаютъ никакихъ письменъ; единственныя берберскія письма встрѣчаются въ Туатѣ и происходятъ несомнѣнно отъ туареговъ, которые прежде, вѣроятно, были распространены далѣе къ сѣверу.

Именно языкъ отдѣляетъ всего рѣзче берберъ отъ арабовъ, хотя берберы естественно взяли многія слова изъ арабскаго языка, а мароккскіе арабы заимствовали ихъ изъ берберскаго. Остальныя различія весьма незначительны. Строеніе тѣла, какъ въ равнинѣ, такъ и въ горахъ (вслѣдствіе частыхъ передвиженій)—одно и то же, т. е. тонкій, жилистый станъ, съ сильно выдающеюся мускулатурою, смуглый цвѣтъ, кавказское строеніе лица, сильно изогнутый носъ, черныя сверкающіе глаза, гладкіе черныя волосы, острый подбородокъ, довольно сильно выдающіяся скулы, рѣдкая борода—все это обще какъ берберамъ, такъ и арабамъ. Горные жители, конечно, вообще свѣтлѣе, но это замѣчается какъ у берберскихъ жителей Рифскихъ горъ, такъ и у арабскаго населенія Анджерскихъ горъ. Относительно женщинъ обоихъ народовъ должно казаться очень страннымъ то, что арабская женщина всегда меньше берберской. Въ остальныхъ же отношеніяхъ и онѣ не отличаются другъ отъ друга по ви́шнему виду. И тѣ, и другія развиваются очень рано, въ молодости обладаютъ красивыми, полными формами и большею частію правильными чертами лица, но скоро старѣются, чрезвычайно худѣютъ, вслѣдствіе недостаточности пищи, и подъ старость дѣлаются очень противны, благодаря множеству морщинъ на кожѣ. Нельзя не сказать, что у берберовъ положеніе женщины гораздо выше, чѣмъ у арабовъ. Но тѣмъ не менѣе рассказы многихъ путешественниковъ о томъ, что будто женщина у арабовъ не больше, какъ служанка, — основано на поверхностномъ наблюденіи. Когда приходитъ время мужскихъ работъ, то за нихъ принимаются одинаково и берберъ, и арабъ: мужчины обрабатываютъ поле, убираютъ хлѣбъ, ухаживаютъ за садами, гдѣ они есть, пасутъ стада, бьютъ скотъ,—однимъ словомъ всѣ тяжелыя работы, какъ и у другихъ народовъ, исполняются сильнѣйшимъ поломъ.

Какъ у арабовъ, такъ и у берберовъ въ Марокко господствуетъ одноженство, если не считать немногихъ исключительныхъ случаевъ, когда какой-нибудь богатый или высокопоставленный арабъ содержитъ у себя гаремъ; берберъ же, какое бы высокое положеніе онъ ни занималъ, никогда не женится болѣе, чѣмъ на одной женѣ. Бракъ, въ большинствѣ случаевъ, составляетъ для данныхъ лицъ сдѣлку между родителями и родственниками, но довольно часто бываютъ браки и по любви. Причина этого заключается въ томъ, что всѣ женщины и молодыя дѣвушки ходятъ безъ покрывалъ, такъ что женихъ имѣетъ возможность заранѣе познакомиться со своею невѣстою. Такіе браки имѣютъ силу большею частію на всю жизнь, междутѣмъ какъ брачныя союзы, заключаемые по волѣ родителей, бываютъ обыкновенно весьма не прочны. Собственно купли женъ

не существуетъ, а женихъ даетъ своему будущему тестю нѣкоторую сумму денегъ, необходимую послѣднему на покупку нарядовъ и украшеній для своей дочери. Если жена подаетъ поводъ къ разводу или сама требуетъ развода, то деньги должны быть возвращены мужу; если же мужъ прогоняетъ жену, то вещи остаются въ ея собственности, отецъ же удерживаетъ деньги.

Обрѣзаніе распространено всюду, и только нѣкоторые берберскія племена не имѣютъ этого обычая. Въ Марокко обрѣзаніе не считается безусловно необходимымъ атрибутомъ ислама. Вообще берберы сохранили особенности, не встрѣчаемыя у арабовъ: такъ, всѣ жители Рифскихъ горъ, несмотря на запрещеніе корана, ѣдятъ дикую свинью. Всѣ берберы считаютъ время по солнечнымъ мѣсяцамъ и употребляютъ для нихъ старыя названія, происходящія отъ христіанъ; тотъ же счетъ времени принять и арабами, живущими къ югу отъ Атласа. Семейная жизнь патріархальна и родство пользуется необыкновеннымъ уваженіемъ; собственно фамилій въ нынѣшнемъ нашемъ смыслѣ не имѣютъ ни арабы, ни берберы; фамиліи носятъ только всѣ родственники въ совокупности, или весь родъ. Въ этихъ родахъ каждый присоединяетъ къ своему имени имя отца, а иногда дѣда и прадѣда. У арабовъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, мы находимъ имена, взятые почти исключительно изъ Библии и корана. Берберы и въ этомъ отношеніи сохранили самобытность, т. е. продолжаютъ носить языческія или берберскія имена: Буко, Рохо, Атта и пр., хотя имена арабскія, естественно, преобладаютъ. Настоящаго воспитанія дѣтямъ не дается: маленькія остаются втеченіи двухъ лѣтъ на спинѣ своихъ матерей, которыя около двухъ лѣтъ кормятъ ихъ грудью. Впрочемъ, во всякомъ чарѣ (деревня, состоящая изъ домовъ), во всякомъ дуарѣ (деревня изъ палатокъ), во всякомъ кзарѣ (деревня въ оазисѣ) есть свой талекъ или даже факи, заведывающій школою; но ученіе обыкновенно ограничивается лишь заучиваніемъ наизусть необходимыхъ для молитвы главъ корана, не касаясь чтенія и письма. Съ возрастомъ, дочери помогаютъ матерямъ въ ихъ домашнихъ занятіяхъ, сыновья же употребляются сперва для пастьбы скота, затѣмъ должны помогать при посѣвѣ, а послѣ короткаго рабочаго времени — начинается долгое ничего-недѣланье. Табакъ и гашишъ распространены вездѣ, но употребляются вовсе не въ чрезмѣрномъ количествѣ. Опіумъ, за исключеніемъ городовъ и оазиса Туать, права гражданства не приобрѣлъ. Но за то тѣмъ распространеннѣе наслажденіе виномъ во время сбора и нѣкоторое время послѣ сбора винограда. Марокко — страна, необыкновенно богатая виноградомъ. Господствующее при этомъ излішество и грубость Г. Рольфсъ изображаетъ въ далеко непривлекательныхъ краскахъ. Вообще весь мароккскій народъ отличается нѣкоторою грубостью, недостаткомъ благороднаго чувства и нѣжныхъ склонностей. У берберовъ, живущихъ на сѣверномъ склонѣ Атласа, грубость доходитъ даже до звѣрства. (Rohlf. Ibid. S. 60—74).

Скажемъ нѣсколько словъ о мароккскихъ дуарахъ, которые подробно описалъ Амичисъ. «Дуаръ состоитъ обыкновенно изъ 10, 15 или самое большое изъ 20 семействъ, находящихся другъ съ другомъ обыкновенно въ родственной связи; но у каждой семьи своя палатка. Палатки эти, расположенныя другъ отъ друга шаговъ на тридцать, идутъ двумя параллельными рядами, такъ что по срединѣ образуется четырехугольная, открытая съ обѣихъ сторонъ площадь. На видъ палатки эти почти всѣ одинаковы. Онѣ состоятъ изъ большаго куска черной или шоколаднаго цвѣта матеріи, сотканной

Марокканцы.

или изъ верблюжьяго волоса, или изъ волоконъ малорослой пальмы; онъ поддерживается двумя толстыми кольями съ поперечною перекладиною для крыши. Видъ ихъ и до сихъ поръ похожъ на тѣ жилища нумидійцевъ Югурты, которыхъ Саллюстій сравниваетъ съ судномъ, опрокинутымъ вверхъ килемъ. Зимую ткань натягивается до земли и прикрѣпляется колышками для защиты отъ дождя и вѣтра, лѣтомъ же палатка довольно широко кругомъ открыта для доступа воздуха, но зато окружена изгородью изъ ситника, тростника и кустовъ ежевики. Такимъ образомъ, палатки лѣтомъ прохладнѣе, а зимою лучше защищены отъ дождя, чѣмъ городскіе мавританскіе дома безъ необходимыхъ отверстій и оконныхъ рамъ. Ни одна изъ этихъ палатокъ не имѣетъ болѣе 2½ м. вышины, наибольшая же длина составляетъ 10 м. Камышевая стѣна дѣлитъ все пространство на двѣ части: по одну сторону спятъ родители, а по другую—дѣти и прочіе члены семейства. Что касается домашней утвари въ подобной палаткѣ, то она состоитъ изъ одной или двухъ цыповокъ, сплетенныхъ изъ ивовыхъ вѣтвей, пестро раскрашеннаго деревяннаго сундука, круглаго венеціанскаго зеркала, камышеваго треножника, служащаго для мытья, далѣе—изъ двухъ тяжелыхъ камней для молотья зеренъ, старинныхъ ткацкихъ станковъ, грубаго жестянаго свѣтильника, кое-какой глиняной посуды и тому подобнаго. Въ углу всегда засѣдаетъ наѣдка.

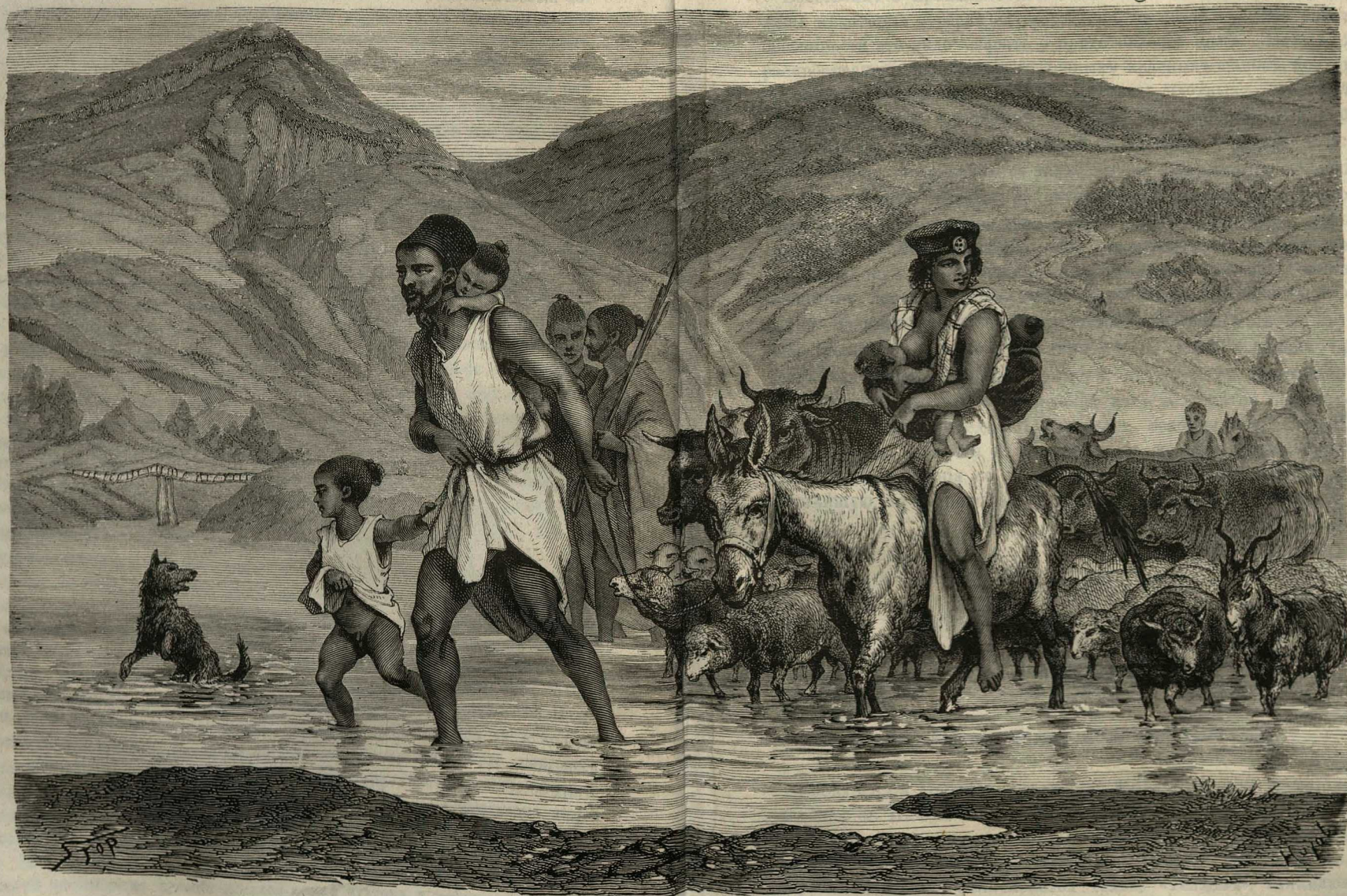
Бѣтъ марокканецъ и теперь такъ же, какъ во времена Авраама—изъ чашки, сидя на землѣ, и до сихъ поръ не знаетъ употребленія ножа и вилки. Даже ложка не вездѣ въ употребленіи. Мужчины ѣдятъ отдѣльно отъ женщинъ, которыя садятся вмѣстѣ съ дѣтьми; исламъ успѣлъ ввести это даже у берберовъ. Мясо употребляется деревенскими жителями только по праздникамъ, да и то въ незначительномъ количествѣ. Чай, весьма любимый въ городахъ, въ деревняхъ встрѣчается пока только у нѣкоторыхъ богачей и знатныхъ. Обыкновенный же напитокъ составляетъ вода. Въ Марокко нигдѣ не извѣстно приготовленіе «бузы», т. е. перебродившаго напитка изъ хлѣба, или «лакби», сока пальмы. Сдѣлать ради этого финиковую пальму безплодною или совершенно погубить ее считается у марокканцевъ большимъ преступленіемъ. Правила гостепріимства примѣняются въ Марокко вездѣ безъ напыщенности, безъ церемоній, какъ нѣчто такое, что само собою разумѣется. Въ большей части дуаровъ и почти во всѣхъ чарахъ существуютъ особыя дома или палатки, называемыя даръ и гитунъ-эль-діафъ, назначенныя для странниковъ, которые сами за это ничѣмъ не обязываются. Напротивъ, если съ ними обходятся не по обычаю, то они имѣютъ право жаловаться. Конечно, въ этомъ случаѣ начинаются ото всѣхъ и обо всемъ спросы и разспросы, потому что марокканецъ не знаетъ сдержанности и молчаливости. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что арабскія племена значительно либеральнѣе берберскихъ.

Въ населеніи Марокко не существуетъ дворянства въ нашемъ смыслѣ. Высшій классъ составляютъ шерифы или («шюрфа»), т. е. потомки Магомета; само собою разумѣется, что всѣ они арабской крови. Такъ какъ они невѣроятно умножились, то есть дѣляя мѣстности, населенныя почти исключительно шерифами, которые узнаются по тому, что къ ихъ имени прибавляютъ слово «сиди» или «мулен», т. е. «господинъ». Нынѣшняя мароккская династія—шерифская. Шерифство не наследственно въ женскомъ родѣ: если напр. обыкновенный марокканецъ женится на шерифкѣ, то дѣти не становятся шерифами. Но шерифъ можетъ взять жену изъ какого-угодно сословія, и всѣ происшедшія

отъ брака дѣти дѣлаются шерифами. Бракъ шерифа даже съ христіанкою или еврейкою (которыя могутъ оставаться въ своей вѣрѣ), или съ негритянкою (которая должна принять исламъ), не имѣетъ уничтожающаго вліянія на шерифство дѣтей; точно также дѣти, рожденные отъ наложничества, совершенно равноправны съ дѣтьми, рожденными въ законномъ бракѣ. Шерифы въ Марокко вездѣ считаются вообще высшимъ классомъ людей. Они имѣютъ право оскорблять другихъ людей, и тѣ не смѣютъ отвѣчать имъ тѣмъ же оружіемъ. Брань считается у магометанъ самую обидною тогда, когда она относится къ предкамъ или родителямъ оскорбляемаго лица, и не-шерифъ не смѣетъ возражать ему тѣмъ же, такъ какъ оскорбленіе предка или отца лица, происходящаго отъ пророка, было бы преступленіемъ противъ религіи. Но онъ имѣетъ право ругать самого шерифа. Такъ называемые марабутины, святые или потомки святыхъ, пользуются въ Марокко меньшимъ уваженіемъ, ибо они ниже шерифовъ.

О духовныхъ способностяхъ марокканцевъ можно сказать не много. Выдающихся личностей въ послѣднее время не является, и къ благороднымъ стремленіямъ марокканецъ почти не способенъ. Между тѣмъ, безнравственность въ народѣ далеко не такъ сильна, какъ въ городахъ. Распутства, нарушеній брака или другихъ пороковъ въ народѣ почти не встрѣчается. Воровство, ложь и обманъ хотя замѣчаются довольно часто, особенно въ отношеніяхъ одного колѣна къ другому, однако они почти не считаются грѣхомъ. Ложь вообще такъ свойственна арабамъ и берберамъ, что врядъ-ли можно найти человѣка, говорящаго правду; профессиональная же ложь всегда имѣетъ послѣдствіемъ обманъ и кражу. Кулачная расправа, грабежъ и убійство во всѣхъ частяхъ страны, куда не могутъ показываться войска султана, составляютъ явленіе обыденное, и въ нихъ никто не видитъ чего-либо необыкновеннаго. Что гость у марокканцевъ составляетъ священное лицо—это фарсъ, ибо во многихъ мѣстахъ не уважаютъ даже шерифа.

Евреи, живущіе по городамъ всюду въ особенныхъ кварталахъ (милъгасть), пришли въ Марокко прямо изъ Палестины, а частію изгнаны изъ Европы. Вообще евреи сильнѣе и красивѣе арабовъ; но ужасная грязь, выставляемая ими на показъ, небрежное и бѣдное одѣяніе, безобразятъ ихъ въ высшей степени. Еврейки отличаются красотою формъ тѣла и привлекательными чертами лица; поэтому онѣ довольно часто поступаютъ въ гаремы, если только подвернутся важному и знатному лицу. Евреи, пришедшіе прямо изъ Палестины, вовсе не говорятъ по-испански, а только по-арабски, въ чисто же берберскихъ мѣстностяхъ — по-шеллахски или по-тамазирски. Число живущихъ въ Марокко евреевъ, безъ преувеличенія, можно опредѣлить въ 200,000 душъ. Въ Марокко встрѣчается и черное племя, и притомъ преимущественно негры племенъ: гаусса, сонраи и бамбарра. Они сильно проникаютъ собою арабскій элементъ, хотя въ деревняхъ смѣшеніе съ чернокожими рѣже, чѣмъ въ городахъ. Обычай жениться на негритянкахъ въ арабскомъ народѣ не такъ развитъ, какъ въ высшемъ классѣ. Во всей семьѣ султана и всѣхъ высшихъ шерифскихъ семействахъ въ настоящее время въ жилахъ течетъ столько же негритянской крови, сколько и чистой арабской. Берберы же никогда не смѣшиваются съ чернокожими, считая это для себя унизительнымъ. Съ чернокожими невольниками въ Марокко обращаются хорошо и почти всегда рано или поздно даютъ имъ свободу. Число чернокожихъ въ Марокко, постоянно под-

Берберы.

держиваемое новыми пришлепами изъ центральной Африки, можно опредѣлить приблизительно въ 50,000. (Rohlf. Ibid. S. 75—85).

Собственно о промышленности въ Марокко не можетъ быть рѣчи; лишь нѣкоторыя отрасли ея удержались на своей прежней высотѣ. Въ особенности это надо сказать о приготовленіи кожъ. Затѣмъ въ Фецѣ распространена фабрикація восточныхъ красныхъ шалокъ, получившихъ по имени мѣста и свое названіе («фески»), плотныхъ, красныхъ шерстяныхъ поясковъ и дорогихъ поясовъ. Главный торговый городъ — Фецъ. Кромѣ различныхъ сношеній съ Англіею, Франціею и Испаніею, городъ этотъ поддерживаетъ также весьма оживленныя сношенія и ведетъ транзитную торговлю со внутреннею Африкою, куда ежегодно отправляются необозримые караваны съ тканями изъ Феса, англійскими сукнами, венеціанскими стеклянными товарами, итальянскими кораллами, порохомъ, оружіемъ, табакомъ, сахаромъ, зеркалами изъ Германіи, голландскими перьями, тирольскими коробками, англійскимъ и французскимъ мелкимъ металлическимъ товаромъ, наконецъ съ солью, собираемою дорогою въ оазисахъ Сахары и т. п. Такой караванъ представляетъ какъ бы передвижной рынокъ, въ которомъ постепенно товары мѣняются на мѣстные произведенія, какъ то: золотой песокъ, страусовыя перья, бѣлую камедь изъ Сенегалии, золотыя вещи изъ Нигриціи, всякаго рода пряности и, наконецъ, на негровъ-невольниковъ. Эти дѣятельныя сношенія со внутреннею Африкою составляютъ не только важнѣйшую, но и древнѣйшую отрасль мароккской торговли.

ГЛАВА III.

Французская колонія Алжирія.

Сосѣднее съ Марокко государство къ востоку есть Алжирія, составляющая съ 1830 г. собственность французовъ, которые изгнали оттуда прежняго алжирскаго дея. По величинѣ поверхности Алжирія немногимъ меньше Марокко, но населена гораздо слабѣе, такъ какъ годная для обработки земля ограничивается только «Теллемъ», занимающимъ относительно узкую полосу земли. Число жителей простирается до 2½ милліоновъ; въ Алжиріи, за исключеніемъ пришлыхъ европейцевъ, мы находимъ тѣ же этническіе элементы, что и въ Марокко. Встрѣчающіеся во всѣхъ городахъ евреи, а также негры, освобожденные съ 1848 года, имѣютъ второстепенное значеніе; основу населенія составляютъ опять-

такі берберы, но арабовъ въ странѣ гораздо больше, причемъ какъ тѣ, такъ и другіе являются общими врагами европейскихъ поселенцевъ, поселившихся не только въ городахъ, но и въ Теллѣ. Это европейское населеніе представляетъ около 250,000 человекъ, половину котораго составляютъ конечно французы, а другую—остальные національности.

Между этими остальными національностями испанцы, мальтійцы и итальянцы сильно возрастаютъ въ числѣ, между тѣмъ какъ нѣмцы съ 1862 года начали убывать. Въ 1851 г. нѣмцевъ считалось 2660, въ 1855 — 6040, въ 1862 — 5830, въ 1866—5436, въ 1872—4933 человекъ. Но что эти числа объясняются не однимъ только понятнымъ уменьшеніемъ въ послѣдніе годы нѣмецкихъ переселенцевъ,—показываютъ слѣдующія отношенія между рожденіями и смертностью у различныхъ національностей. Въ 1853—1856 гг. умерло изъ 1000 жителей: у нѣмцевъ 56, у французовъ 47,5, у испанцевъ, итальянцевъ и мальтійцевъ 30. Въ тотъ же промежутокъ времени на 1000 жителей родилось: у нѣмцевъ 31, у итальянцевъ 38,5, у французовъ 41, у мальтійцевъ 44, у испанцевъ 47,5. Въ 1865 году, а также въ промежутокъ времени съ 1867 по 1872 г., у нѣмцевъ оказывается наибольшая смертность (50,5 смертныхъ случаевъ на 1000 жителей), превышающая цифру рожденій (40,1) болѣе чѣмъ на 10 процентовъ. Д-ръ Е. Валлинь дѣлаетъ изъ этого правильный выводъ, что нѣмецкая національность въ Алжирѣ скоро исчезла бы совершенно, если бы не пополнилась переселеніемъ. (Allg. Ztg., 19 августа 1876). Послѣ недавней нѣмско-французской войны, правительство, по предложенію д-ра Варнье, сдѣлавшаго очень много для преуспѣянія Алжирѣ, дѣйствительно подарило 100,000 гектаровъ земли желающимъ переселиться эльзасо-лотарингцамъ и вообще истрагило нѣсколько милліоновъ на то, чтобы доставить на этой африканской землѣ убѣжище для лицъ, недовольныхъ нѣмецкимъ господствомъ. Но это не дало никакихъ хорошихъ результатовъ. Многіе изъ переселенцевъ погибли отъ алжирскаго климата. Всего лучше выносятъ климатъ испанцы, земли которыхъ въ сравненіи со всѣми остальными отличаются и хорошимъ состояніемъ, и доходностью. Впрочемъ, истинная колонизація въ Алжирѣ, какъ и вездѣ, состоитъ въ воздѣлываніи необработанныхъ пространствъ, на что не идутъ ни французы, ни эльзасецъ съ лотарингцемъ, которые требуютъ отнятой у арабовъ плодородной земли, чтобы засѣвать ее пшеницею или другими хлѣбами, собирать жатву лучшими и дешевѣйшими испанскими поденщиками, а прибыль пропить на попойной водкѣ и коньякѣ и прожить на комфортѣ. Сверхъ того, дѣти европейцевъ, ролившіяся не въ сосѣднихъ странахъ, какъ испанцы и мальтійцы, часто умираютъ въ самомъ раннемъ возрастѣ, если родители не посылаютъ ихъ для воспитанія въ Европу, какъ это дѣлаютъ англичане въ Индіи. Къ поселенію въ Алжирѣ, вѣроятно, способны только названные народы и южные французы.

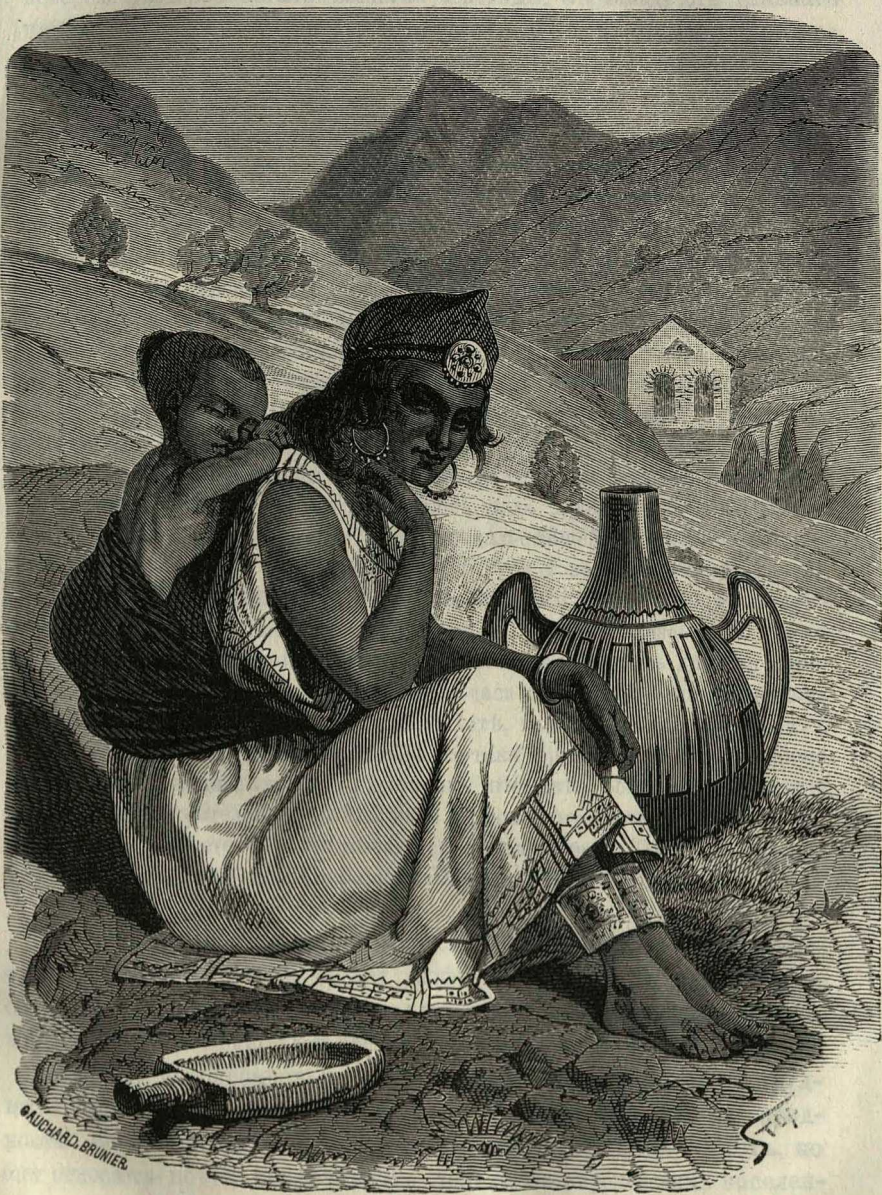
«Кто знаетъ Алжиръ», говоритъ Гансъ Вахенгузенъ, «тому извѣстно, что, кромѣ немногихъ плодовыхъ садовъ,—Тлемсена въ Оранѣ, Метиджи въ Алжирѣ и оазисовъ въ Константинѣ,—все представляетъ пустыню, по крайней мѣрѣ по нашимъ европейскимъ понятіямъ, и что даже Метиджа лишь искусственно превращена въ фруктовой садъ.—Поѣзжайте по берегу на лошади, гдѣ угодно—дорога цѣлые дни идетъ степями, а между тѣмъ вы идете все по Теллю, по способной къ обработкѣ землѣ, а не по настоящей степи—Сахарѣ. Въ Алжирѣ

вовсе неизвѣстенъ «рамле», песокъ Верхняго Египта, рамле Александріи, который изъ сыпучаго песку превращается въ жирнѣйшій черноземъ. Алжирскія степи состоятъ большею частью изъ необычайно твердаго хряща, который смѣняется лишь солеными себками. Только арабскій кочевникъ умѣетъ найти себѣ мѣсто въ этой степи для пастбища и посѣва, собрать одну, даже двѣ жатвы, и затѣмъ гонить свои стада дальше; европеецъ же долженъ погибнуть въ ней, а если и останется цѣлъ, то долженъ вести жизнь ссыльнаго, каторжника. Правда, есть пространства, которыя не устояли бы передъ трудами порядочнаго земледѣльца; но соотвѣтствуетъ-ли результатъ усилій всѣмъ лишеніямъ, податямъ, хлопотамъ при вѣчно военномъ положеніи субъ-дивизіоновъ, которое, конечно, не могло быть устранено со времени послѣдняго возстанія арабовъ? Прибавьте къ этому, что свою гурби, свою хижину поселенецъ долженъ ставить среди арабскихъ дуаровъ, что если онъ долготѣлнымъ трудомъ и придавъ засушливой землѣ необходимое плодородіе посредствомъ артезіанскихъ колодезевъ, если посаженные имъ деревья и даютъ ему немножко тѣни, которой прежде онъ искалъ за нѣсколько миль отсюда, то, окруженный ворами, онъ долженъ охранять свою собственность, какъ цѣпная собака, ибо кочующій арабъ свыкъ съ совершенно другими условіями жизни, чѣмъ европеецъ. Арабъ любитъ солнце, горячее, пожирающее солнце,—какъ будто само небо назначило его держать голову всегда подъ солнечными лучами, какъ будто оно старается избавить сына пустыни отъ малѣйшей тѣни. Это видно даже въ самомъ строеніи пальмы, которая крону свою, подобно пучку перьевъ, устремляетъ въ вышину; чтобы плодъ ея, финикъ, не производилъ тѣни даже въ вѣтвяхъ, небо заставляетъ его расти при основаніи кроны, прижавшись плотнымъ вѣнкомъ вокругъ ствола дерева». Но эта невеселая картина имѣетъ свою обратную сторону въ той дѣятельности, которая развивается въ настоящее время въ Алжиріи. Всюду образуются промышленныя и земледѣльческія общества. Одни изъ нихъ занимаются собираніемъ «гальфы», изъ которой англичане готовятъ бумагу, и строятъ длинную желѣзную дорогу для перевозки этого цѣннаго растенія съ высокихъ плоскогорій, гдѣ оно растетъ, къ морю для нагрузки на суда. Гальфа — это дикорастущее травянистое растеніе (*Machrochloa tenacissima*), которое на одѣхъ только южныхъ высотахъ департамента Орана покрываетъ пространство болѣе 4 милліоновъ гектаровъ и производство котораго, слѣдовательно, почти ничего не стоитъ. Другіе утилизируютъ малорослую пальму, которая здѣсь такъ же обыкновенна, какъ трава во Франціи; изъ нея очень простымъ способомъ дѣлаютъ нѣчто въ родѣ растительныхъ волосъ, которые и посылаютъ въ Парижъ. Третьи эксплуатируютъ великолѣнное противулихорадочное или синее камедное дерево (*Eucalyptus globulus*), которое въ 10 лѣтъ достигаетъ удивительной величины и плоды и листья котораго обладаютъ необыкновенными свойствами, — или эксплуатируютъ пробковый дубъ, олеандръ, доставляющій полезныя эссенціи, и т. д. Лѣсное богатство неизчерпаемо, минеральныя сокровища—также, и начинающаяся всюду разработка ихъ привлечетъ въ Алжирію крупныя капиталы.

Все, что сдѣлано французами въ Алжиріи за послѣдніе годы, во всякомъ случаѣ весьма замѣчательно и опровергаетъ обычное мнѣніе, будто они не умѣютъ колонизировать. Овладевъ страной, они увидѣли, что она болотиста имѣетъ переѣмчивый климатъ и подвергается песчанымъ вѣтрамъ, густымъ

росамъ, туманамъ и быстрой смѣнѣ жара и холода. Первоначально они должны были, для добыванія большей части жизненныхъ средствъ, обращаться къ ресурсамъ собственной страны и болѣе или менѣе нуждались въ свѣжѣмъ мясѣ и хлѣбѣ; воды также было мало. Въ равнинахъ они подвергались вредному вліянію испареній изъ большихъ мелководныхъ озеръ съ испорченною водою, у береговъ коихъ росли болотныя травы и которыя составляли собою гнѣздилище лихорадокъ. На горахъ они боролись то съ дѣйствіемъ широко, несущемъ съ собою тонкій, желтый песокъ, обозначающій ходъ его въ воздухѣ, то съ сѣверными вѣтрами, которые въ незащищенныхъ мѣстахъ понижали температуру почти на 7° Р. Во время военныхъ походовъ, они должны были выносить въ пути днемъ жаръ, а ночью испытывать внезапно наступающій холодъ, оставаясь безъ всякой внѣшней защиты. Во время обработки болотистыхъ равнинъ они, часто покрытые потомъ, попадали въ густой туманъ, пропитывавшій влагою всю растительность. Города считались непригодными для жизни европейца и, при своемъ дурномъ положеніи, не имѣли никакихъ отводныхъ канавъ. Всѣ эти обстоятельства въ совокупности порождали ужасную смертность въ первые года занятія страны французами. Было время, когда дѣтей трудно было вырастить, и смертные случаи превышали число рожденій. Французы вообще доказали, что задача уменьшенія смертныхъ случаевъ съ 80 на тысячу до 14 на тысячу хотя и не легка, но все же выполнима. Бона, расположенная въ болотистой равнинѣ, еще въ 1834 г. была столь нездоровымъ пунктомъ, что въ ней вымирали цѣлыя полки, или люди дѣлались неспособны къ военной службѣ. Нынѣ же смертность въ этомъ городѣ такая же, какъ и въ здоровыхъ городахъ Франціи. Болотистая низменность Буфарикъ, благодаря общей системѣ осушенія, превращена въ сухую, мягкую и здоровую почву, и малярія въ городѣ теперь неизвѣстна. Осушеніемъ озера Галлула приобрѣтено 13,758 гектаровъ земли, которая пригодна даже для произрастенія самыхъ лучшихъ сортовъ хлопчатника. Перемежающіяся лихорадки, отличавшіяся самымъ злокачественнымъ характеромъ, исчезли, а вмѣстѣ съ ними исчезли и тучи москитовъ, дѣлавшихъ жизнь почти невыносимою. Не менѣе способствуетъ освобожденію страны отъ лихорадокъ и распространяющееся нынѣ въ широкихъ размѣрахъ разведеніе *Eucalyptus globulus*. Даже африканская пустыня не совсѣмъ проклята природою. Почва ея покрыта глубокимъ известковымъ пескомъ, и ведѣ, гдѣ только она орошена водою, даетъ великолѣпные урожаи. Французы пробуравили въ Сахарѣ много артезіанскихъ колодцевъ и получили подобные же превосходные результаты. Вездѣ, гдѣ только ни устраивали подобный колодезь, онъ порождалъ прекрасные результаты: кругомъ появлялась трава, а затѣмъ начинается обработка и являлось населеніе.

Алжирія раздѣляется на три департамента: Алжиръ, Оранъ и Константина, изъ которыхъ каждый подраздѣляется на гражданскіе и военные округа; послѣдніе носятъ названіе субъ-дивизионовъ. Мѣстопробываніемъ правительства служить главный городъ Алжиръ съ удивительно красивымъ мѣстоположеніемъ и 52,000 жителей. Заливъ, который тянется полукругомъ на нѣсколько километровъ и оканчивается мысомъ Матифу, окруженъ красивыми, подернутыми особою южною розовою дымкою и постепенно спускающимися, горами Сахель, а радушные

Женщина племени кабилловъ.

бѣленныя загородныя дома и, прячушіеся въ великолѣпной растительности на всѣхъ ступеняхъ высотъ, дружески манеть васъ къ себѣ. Алжиръ, «серебряный городъ», расположенъ почти въ срединѣ алжирскаго побережья, которое богато важными мѣстами; къ западу отъ главнаго города, мы находимъ гавани: Шершель, Мостаганемъ и Оранъ, а къ востоку—Деллисъ, Бужъ, Филиппвиль, Бону и Ла-Калль.

Вся дорога этой береговой полосы идетъ вдоль чрезвычайно живописнаго поморья. Все выше и выше надъ моремъ поднимаются горы, дѣли которыхъ развертываютъ передъ нами въ своихъ узлахъ и развѣтвленіяхъ все новыя причудливыя, прекрасныя картины. Но онѣ не толы, какъ большая часть тѣхъ Альпъ, у подошвы которыхъ, какъ напр. при Ривьера-ди-Поненте, плещется море на европейской сторонѣ, — здѣсь природа стыдливѣе и почти всюду одѣта зеленью. Гавань Деллисъ создана самою природою; маленькій городокъ, живописно возвышающійся на скалистыхъ стѣнахъ у моря и окруженный стѣнами и фортами, имѣетъ много общаго съ находящеюся наспротивъ его въ Европѣ, около Ниццы, Виллафранкою. Очаровательная Бужійская бухта живо напоминаетъ Комское озеро, потому что и ея эллипсовидныя края до самаго входа вездѣ окаймлены величественными горными ландшафтами. Кабилы изъ сосѣдней Кабилии охотно доставляютъ сюда произведенія своей земли: шерсть, пробку, масло, кожи и фиги, для дальнѣйшей отправки на рынокъ Бужи, который уже по этой причинѣ пользуется довольно важнымъ значеніемъ. Минувавъ расположенный полуостровомъ Джиджелли, мы достигаемъ великолѣпнаго рейда Стора и Филиппвиля, двухъ хорошенькихъ городковъ французской постройки, которые соединяются другъ съ другомъ дорогою по горному склону, длиною въ $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ часа пути. Стора—главный пунктъ улова сарделей. Бона стоитъ на ровномъ мѣстѣ, такъ какъ горы Эль-Эдоагъ здѣсь нѣсколько отступаютъ, но издали все-таки придаютъ ей великолѣпную рельефность и защищаютъ отъ нѣкоторыхъ вѣтровъ. Бога—разцвѣтающій городъ, съ 12,000 жителей, по крайней мѣрѣ на половину французовъ; другая же, меньшая, половина его населена маврами, евреями и неграми. (Otto Schneider. Von Algier nach Tunis und Constantine. Dresden. 1872. 8°. S. 2—11).

Изъ внутреннихъ городовъ страны слѣдуетъ упомянуть: Гельму, Константину, Сетифъ, Батну, Бискру, далѣе Блидахъ, Орлеансвиль, Тлемсенъ и Немуръ. Желѣзная дорога, длиною въ 540 километровъ, соединяетъ Алжиръ съ Ораномъ и проходитъ чрезъ Блидахъ и Орлеансвиль,

Господству европейцевъ въ Алжиріи приходится бороться съ трудными препятствіями, которыя противопоставляютъ имъ мѣстныя народности. Какъ ни велики успѣхи, достигнутые въ послѣднія 40 лѣтъ, но они относятся почти исключительно только къ европейскимъ поселенцамъ. Туземцы же лишь на столько сближаются съ цивилизаціею, на сколько ихъ принуждаетъ къ тому сила. Исламъ, къ которому одинаково тяготеютъ всѣ неевропейскіе элементы, ставитъ такую рѣзкую преграду между послѣдними и властителями страны, что уничтожить ея до сихъ поръ ничто не могло. Въ Алжиріи, какъ и во всей сѣверной

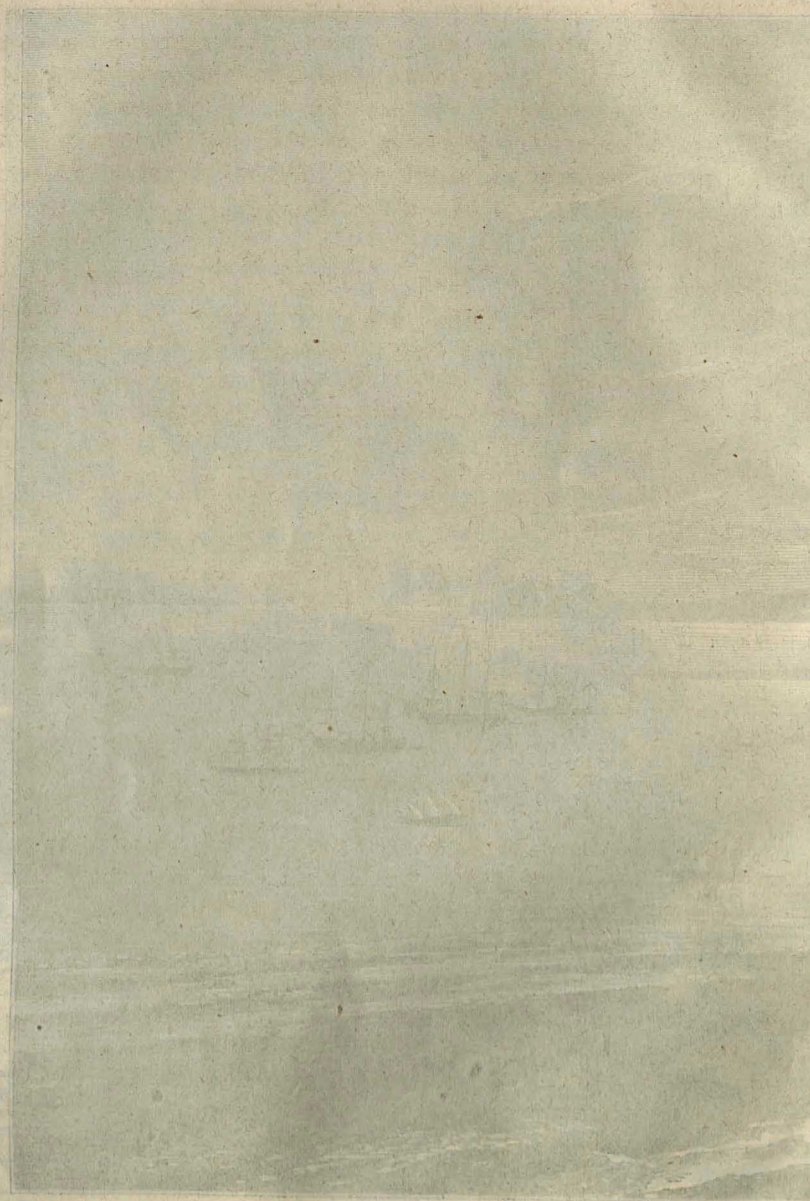
Африкѣ, нужно отличать берберовъ отъ арабовъ; послѣдніе въ свою очередь распадаются на городскихъ арабовъ, или мавровъ, и арабовъ пустыни, или бедуиновъ, ведущихъ кочевую жизнь. Совершенно тщетно было бы надѣяться, что они когда нибудь приспособятся къ осѣдлой жизни.

Слѣдующая черта особенно характеристична въ этомъ отношеніи и говоритъ гораздо больше, чѣмъ длинныя описанія. Чтобы вызвать у арабовъ охоту къ осѣдлости, французы сочли лучшимъ средствомъ къ этому — побудить мѣстныхъ вождей къ постройкѣ прочныхъ жилыхъ домовъ, въ виду того, что арабъ сильно уважаетъ власть и охотно подражаетъ своему предводителю. Послѣдніе въ свою очередь, также изъ уваженія къ власти, охотно согласились на постройку имъ французами постоянныхъ жилыхъ помѣщеній. Разъ одинъ инженерный офицеръ спросилъ шейха, которому онъ строилъ домъ, что онъ скажетъ о постройкѣ. Арабъ отвѣчалъ: «я въ восхищеніи; французы — дѣйствительно необыкновенные люди; они оказали мнѣ услугу, за которую я буду имъ благодаренъ во всю свою жизнь: съ тѣхъ поръ какъ оконченъ мой домъ, я не потерялъ ни одной овцы; каждый вечеръ я приказываю запираеть ихъ въ домѣ, и къ утру не бываетъ ни одной штуки пропавшей». «Какъ такъ?» спросилъ удивленный офицеръ, «а ты самъ гдѣ-же живешь?» — «О, я», отвѣчалъ шейхъ съ видомъ аристократическаго превосходства: «ты понимаешь, такой человекъ какъ я, человекъ крови, можетъ жить только подъ палаткой изъ верблюжьей шерсти». (Т. Hugonnet. Souvenir d'un chef de bureau arabe. Paris. 1858. 8°, p. 123).

Эти-то кочующіе бедуины и мѣшаютъ всего болѣе развитію Алжиріи, и нѣтъ иного средства, какъ только выгнать ихъ силою изъ страны, отгнать ихъ въ пустыню, которой они принадлежать. Примѣнявшаяся до сихъ поръ политика, которая стремилась привлечь арабовъ добрымъ отношеніемъ къ нимъ, оказалась совершенно ошибочною. Житель степей — кочевникъ, не культурный человекъ въ нашемъ смыслѣ, никогда не можетъ быть членомъ цивилизованнаго, по нашимъ понятіямъ, государства; по самой природѣ своей онъ скорѣе стремится къ его разрушенію; поэтому можетъ быть только одинъ выборъ: или отказаться отъ такого цивилизованнаго государства, или избавиться отъ кочевниковъ. Совершенно другое дѣло берберы, или, какъ ихъ обыкновенно называютъ въ Алжиріи, кабилы, т. е. тотъ народный элементъ, который составляетъ основу населенія Марокко. Хотя они долго были подъ вліяніемъ арабовъ, слѣдовательно точно также преданы исламу и являются ярыми врагами европейцевъ, хотя укротить ихъ было всего труднѣе и хотя они всего чаще поднимали кровавыя возмущенія противъ французскаго господства, — тѣмъ не менѣе они обладаютъ дорогами для цивилизаціи свойствами. Кабилъ живетъ почти исключительно въ высшихъ горныхъ областяхъ, куда выгнали его съ своей стороны арабскій пришелецъ, но онъ — осѣдлый человекъ, страстно привязанный въ своей родной землѣ; онъ старательно и заботливо обрабатываетъ ее, онъ

Видъ Ташкента съ моря.

воздѣлываетъ хлѣбъ, картофель, разводитъ плодовые деревья и виноградъ. Кабиламъ извѣстны нѣкоторыя искусства; они обладаютъ осмысленной политической и социальной организаціей, которая покоится на совершенно демократическомъ основаніи; въ ихъ деревняхъ (таддерсъ) господствуетъ личная, частная собственность, въ противоположность бедуннамъ, которые знаютъ только общинную собственность; самое названіе ихъ происходитъ отъ к'била (союзъ), и к'байль, откуда сдѣлано испорченное кабиль, — обозначаетъ человѣка общежительнаго. Не имѣя никакого фанатизма въ религіозномъ отношеніи, кабилы отличаются еще какъ превосходные воины и суть естественные враги арабовъ (см. Henri Aucapitaine. *Les Kabyles et la colonisation de l'Algerie*. Paris et Algier. 1864. 8°, p. 7 — 32). Хотя число ихъ въ Алжиріи простирается не болѣе какъ до 500,000, но не подлежитъ никакому сомнѣнію что именно имъ принадлежитъ будущее во всей сѣверной Африкѣ, и европейская колонизація должна стремиться привлечь къ себѣ прежде всего эту, до сихъ поръ заброшенную, часть берберскаго населенія, допустивъ ее снова къ господству въ равнинѣ, составлявшей ее исконно владѣніе.

ГЛАВА IV.

Регентство Тунисъ.

Самое маленькое изъ западныхъ государствъ сѣверной Африки составляетъ регентство Тунисъ, или Тунисія, которое какъ по физическимъ чертамъ, такъ и по составу населенія, почти ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ сосѣдней Алжиріи. Во главѣ этого почти самостоятельнаго государства, находящагося въ самой ничтожной зависимости отъ Высокой Порты, стоитъ бей, который съ большою безцеремонностью эксплуатируетъ страну въ свою собственную пользу. На пространствѣ приблизительно въ 118,400 квадратныхъ километровъ живетъ около двухъ милліоновъ человѣкъ: берберовъ или кабилловъ, арабовъ, «кулугли» — потомковъ отъ смѣшенія турецкой и мавританской крови, наконецъ евреевъ и нѣкотораго числа негровъ. Всѣ эти люди различнаго происхожденія взаимно презираютъ, ненавидятъ другъ друга и ведутъ, по возможности, изолированную жизнь. Такъ, мавры или городскіе арабы, называемые здѣсь хадарами, брачатыся только между собою и никогда не соединяются съ глубоко презираемыми ими кочевыми арабами, которыхъ въ странѣ, впрочемъ, очень немного. Точно такая же антипатія

существуетъ между арабами и кабилами, изъ которыхъ послѣдніе въ Тунисіи, конечно, сильно вытѣснены; равнымъ образомъ и евреи живутъ отдѣльно и поддерживаютъ съ остальными жителями страны только торговыя и дѣловыя отношенія.

Въ одѣяніи своемъ тунисскіе евреи совершенно отличаются отъ алжирскихъ и мароккскихъ. Полнота тѣла, особенно у женщинъ, самыя рѣзкія и яркія цвѣта платьевъ и къ тому же ихъ убѣжденіе, будто древніе евреи одѣвались точно также,—все это заставляетъ иностранца, встрѣтившаго эти костюмы въ первый разъ, смотрѣть на нихъ съ большимъ удивленіемъ и любопытствомъ. Но нравственное достоинство тунисскихъ евреевъ вовсе не выше, а напротивъ даже ниже нравственности живущихъ тамъ франковъ (такъ въ магометанскихъ странахъ называютъ европейцевъ), которые вовсе не могутъ считаться образцами честности, приличія и справедливости. Въ цѣломъ тунисское еврейство преуспѣваетъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ численномъ отношеніи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ему позволено жить и внѣ Гетто, называемаго здѣсь Харою. (Globus, XXIX. Bd. S. 86).

Жители Туниса мало занимаются хлѣбопашествомъ, къ которому земля большею частью очень удобна, а занимаются главнымъ образомъ разведеніемъ деревъ и садоводствомъ, доставляющими здѣсь легкую прибыль. Масличныя деревья разводятся въ сѣверныхъ мѣстностяхъ, затѣмъ въ Сузѣ и Гасѣ, финиковая пальма (*Phoenix dactylifera*)—во всѣхъ лѣсахъ южной равнины, такъ называемой Биледъ-уль-Геридъ, т. е. финиковой страны. Скотоводство также очень обширно. Промышленность не незначительна, особенно около береговъ моря, но стоитъ вообще на низкой ступени развитія. Приготавливаютъ шелковыя матеріи, бурнусы (плащи), красныя шалки (фески), толстые и тонкіе шерстяные товары, превосходно крашеный сафьянъ и знаменитую глиняную посуду. Центръ весьма значительной торговли, особенно съ Марселемъ, Генуей, Ливорно и Ливантомъ, составляетъ Тунисъ,—главный городъ, расположенный неподалеку отъ развалинъ древняго Карфагена и представляющій, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственный городъ страны, который имѣетъ право претендовать на особое вниманіе.

Тунисъ—это восточный городъ, оставшійся довольно неприкосновеннымъ, съ 100,000 до 150,000 жителей. Число ихъ колеблется въ такихъ широкихъ границахъ потому, что магометане не любятъ народосчисленія, и произвести таковое при ихъ обычаяхъ, запрещающихъ заглядывать въ частную жизнь, было бы врядъ-ли возможно. Поэтому слѣдуетъ принять среднее число—125,000, изъ которыхъ 30,000 составляютъ туземные евреи и 11,000 европейцы. Городъ расположенъ, по направленію съ запада на сѣверозападъ, при мелководномъ морскомъ рукавѣ, называемомъ Багира; съ Ю. на С. онъ шире, чѣмъ съ В. на З., и со стороны суши сплошь обнесенъ толстою стѣною съ 9 воротами. Между послѣднею и внутреннимъ городомъ, обнесеннымъ еще стѣною съ семью воротами, находятся: къ югу предмѣстье Бабъ-

Суига, къ сѣверу — Бабъ-Джезира, къ востоку — новая часть города, въ которой расположены таможня, складочныя постройки и производится торговля сѣлки. По отношенію къ величинѣ, Тунисъ имѣетъ мало большихъ площадей. Улицы его, кишащія съ ранняго утра самою пестрою толпою, почти всѣ безъ исключенія кривы, узки и угловаты, безъ вывѣсокъ, гласящихъ о названіяхъ площадей, улицъ и домовъ. Ночью путь не освѣщается ни газомъ, ни масломъ, ни саломъ: нужно ходить съ фонаремъ. Впрочемъ, и въ это время вы можете выходить безъ страха: врядъ ли кто сдѣлаетъ вамъ зло. Улицы вообще считаются безопасными, и непріятныя столкновенія рѣдко случаются съ мирнымъ магометанско-африканскимъ населеніемъ, а напротивъ скорѣе съ христіанско-европейскимъ, въ особенности сицилійскимъ, которое изъ всѣхъ націй всего менѣе пользуются хорошею славою. Но, возвращаясь къ улицамъ, надо упомянуть еще, что онѣ большею частію немошныя, неровныя, идутъ по землѣ, какъ она есть, и какъ онѣ ни узки, но еще болѣе суживаются кучами грязи, которыхъ никто не убираетъ. Изъ этого можно заключить, въ какую невыразимую грязь онѣ иногда обращаются послѣ нѣсколькихъ дождливыхъ дней. Другая, и именно главная улица, ведущая во внутренній городъ чрезъ кварталъ франковъ, хорошо вымощена и удобна для ѣзды, но въ одномъ мѣстѣ на ней есть нѣсколько камней, на которые непременно долженъ наткнуться экипажъ. Если окна домовъ выходятъ на улицу, то они непремѣнно снабжены рѣшетками; исключеніе составляютъ только обѣ назначенныя для европейцевъ гостиницы, нѣсколько консульствъ и домовъ, въ которыхъ живутъ европейцы. Если терпимость нынѣшняго правительства не ограничивается уже, какъ прежде, пребываніе франковъ, испанцевъ и евреевъ особеными кварталами города, то фактически въ этомъ отношеніи все-таки еще дѣйствуетъ обычай. Въ предмѣстьи Бабъ-Джезирѣ живутъ только мавры, и именно большею частію мелкіе горожане, но тамъ есть нѣсколько кубъ, могильныхъ часовенъ, или марабутовъ, которые считаются въ извѣстной степени священными. Въ одной части наружной стѣны внутреннего города существуетъ много саковъ (дворовъ), въ которыхъ или предъ которыми фабрикуются издѣлія различныхъ отраслей торговли и промышленности и выставляются на показъ товары, либо предлагаютъ свои услуги, наприм., мастера туфель, шорники, торговцы финиками, продавцы съѣстныхъ припасовъ, цирюльники, сапожники и т. д. Находящаяся на западной сторонѣ города цитадель, Казба, несмотря на щели въ стѣнахъ большого четырехугольнаго главнаго зданія, имѣетъ снаружи довольно внушительный видъ; но впечатлѣніе это исчезаетъ, если вы войдете внутрь ея, гдѣ глазамъ представляется не болѣе какъ длинная груда развалинъ, надъ которыми возвышается только единственно прочо сохранившійся и очень хорошенкій штукатуренный минаретъ въ стилѣ Гиральды; три большіе, положенные другъ на друга золоченые шара уже издали указываютъ мѣсто молитвы. (Otto Schneider. Ibid. S. 21—23). Километрахъ въ трехъ къ сѣверо-западу отъ Туниса находится Бардо, или резиденція правительства, которая представляетъ городокъ дворцовъ, караульных домовъ, жилыхъ построекъ, укрѣпленій и базаровъ, имѣетъ нѣсколько крѣпостныхъ стѣнъ и воротъ и заключаетъ въ себѣ около 2000 жителей. Тамъ живутъ не только весьма многочисленные члены семейства бея, но и до сотни семей чиновниковъ; кромѣ того, въ Бардо находится военная школа, изъ которой обыкновенно выходятъ почти всѣ высшіе чины. Желѣзная дорога

соединяетъ Тунисъ съ маленькимъ городкомъ Голеттою, расположеннымъ на мысѣ Кареагенъ.

Изъ остальныхъ городовъ Туниса слѣдуетъ упомянуть еще только объ укрѣпленныхъ прибрежныхъ городахъ Сузъ и Сфакесъ. Суза производитъ положительно пріятное впечатлѣніе: стѣны, ворота, укрѣпленія — все въ хорошемъ состояніи, виднѣется много довольно красивыхъ, новыхъ построекъ; вслѣдствіе порядочной торговли, ведомой этимъ городомъ, на рейдѣ всегда стоитъ много судовъ, короче, все имѣетъ весьма цивилизованный видъ. Въ зубчатыхъ стѣнахъ города считается 8000 жителей, изъ которыхъ 1000 евреевъ и 500 — 600 мальтійцевъ и сицилійцевъ. Сфакесъ представляетъ центръ южнаго Туниса; арабскій кварталъ его вмѣщаетъ въ себѣ 12,000 жителей, изъ которыхъ 2000 евреевъ, между тѣмъ какъ все населеніе города составляетъ 40,000 человѣкъ. Телеграфная проволока въ 350 километровъ соединяетъ Сфакесъ съ Тунисомъ. И здѣсь торговля ведется въ довольно порядочныхъ размѣрахъ. Складочные предметы суть: превосходные финики изъ мѣстности Джерида, бурнусные ковры изъ оазиса Гассы и сосѣдняго острова Джербы, оливковое масло изъ Сахели, трава «гальфа» изъ окрестныхъ пустынь, губки изъ Сирта и, наконецъ, очень цѣнные въ Тунисѣ и въ Константинополѣ жасминное и розовое масла изъ городскихъ садовъ.

ГЛАВА V.

Т р и п о л и.

Восточная половина сѣвернаго африканскаго берега, оттѣсненная къ югу сильно вдающимся, широкимъ Сиртскимъ моремъ на цѣлыхъ 4—5 градусовъ, принадлежитъ двумъ государствамъ — Триполи и Египту. Область разсматриваемаго здѣсь вассальнаго турецкаго государства Триполи, или Триполитаніи, расположена на заднемъ планѣ всего Сиртскаго моря и простирается далеко внутрь материка, въ область пустыни Сахары; впрочемъ, южная граница ея совершенно неопредѣлена. Теперь насъ интересуетъ лишь собственно триполитанское побережье, такъ какъ область Сахары будетъ разсмотрѣна въ слѣдующей главѣ. Къ востоку отъ тунисской границы тянется береговая равнина, простирающаяся внутрь на 90 — 160 километровъ. Восточная часть страны, напротивъ, высока и скалиста; это — плоскогорье Барка, древняя Кире-

наика съ ея многочисленными развалинами городовъ, которая выступаетъ въ Средиземное море, какъ большая цѣльная масса суши. Далѣе въ египетской границѣ плоскогорье снова постепенно понижается. На югѣ названной равнины возвышается промежуточное плоскогорье, южный уступъ котораго, столовая возвышенность, или Гаммада, возвышается до 900 м.; а затѣмъ на южной сторонѣ оно снова понижается къ оазису Феццанъ. Прибрежная равнина, за немногими перерывами, представляетъ безплодную, безводную песчаную пустыню, какъ и южное плоскогорье; только Барка на сѣверномъ краю своемъ богата источниками и лѣсами, но въ остальныхъ частяхъ представляетъ также лишь голый камень и безлѣсные луга. Этимъ унылымъ вообще свойствамъ почвы вполне соответствуетъ жаркій, сухой климатъ. Температура бываетъ невыносима, когда дуетъ жгучій южный вѣтеръ (самумъ); впрочемъ, жаръ въ нѣкоторой мѣрѣ смягчается морскими вѣтрами. Въ мѣстностяхъ, расположенныхъ повыше, климатъ здоровъ, но югъ посѣщается опасными лихорадками. Къ земледѣлію Триполитанія непригодна, но производитъ южные плоды и растенія, свойственныя всему сѣверному краю Африки. Животный міръ также не представляетъ никакихъ особенностей. Жители, число которыхъ простирается самое большое до 1.200,000, состоятъ изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и въ сосѣднихъ западныхъ государствахъ, только берберскіе коренные жители еще малочисленнѣе и въ странѣ живутъ много свободныхъ негритянскихъ племенъ. Въ городахъ живутъ турки въ качествѣ чиновниковъ. Изъ городовъ имѣетъ значеніе только Триполи, или Тарабулусъ—на берегу Средиземнаго моря; какъ и Тунисъ, онъ представляетъ естественную гавань для произведеній Судана и вмѣстѣ съ тѣмъ снабжаетъ внутреннюю Африку европейскими товарами. Въ немъ 30,000 жителей. Промышленность весьма незначительна.

ГЛАВА VI.

Великая африканская пустыня (Сахара).

По лучшимъ и новѣйшимъ географическимъ учебникамъ, поверхность Сахары занимаетъ 6.310,000 квадратныхъ километровъ, т. е. вдвое больше Средиземнаго моря и въ десять разъ больше Германіи. Но если мы откинемъ, говоритъ одинъ изъ основательнѣйшихъ знатоковъ Сахары, Гергардъ Рольфсъ (въ Ausland. 1872 г., № 45, стр. 1057), части страны, имѣющія правильные атмосферные осадки, т. е. широкую полосу

вдоль Атлантического океана, затѣмъ тѣ выступы на югѣ, которые вдаются глубоко внутрь Сахары и обыкновенно причисляются къ Великой пустынѣ, хотя къ области Сахары вовсе не принадлежать, то поверхность ея уже окажется значительно меньше. Прежде всего должно установить, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ Сахара, и лучшей отвѣтъ будетъ: то пространство, гдѣ нѣтъ никакихъ (по крайней мѣрѣ правильныхъ) атмосферныхъ осадковъ, а слѣдовательно вовсе нѣтъ растений, для которыхъ необходимъ дождь, и гдѣ не существуетъ крупныхъ хищныхъ четвероногихъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Сахара, представляющая во все не обширную низменность, какъ полагали прежде, а, напротивъ, песчаниковую плоскую возвышенность, съ встрѣчающимися на ней низкими котловинами съ твердою глинистою почвою,—была покрыта нѣкогда моремъ. Это доказываютъ многочисленныя окаменѣлости и раковины, изъ которыхъ нѣкоторыя еще и нынѣ встрѣчаются въ живомъ состояніи въ прилежащихъ моряхъ. Но вѣрнѣйшее доказательство того, что пространство это было нѣкогда подъ водою, составляютъ колоссальныя груды песку. Эти песчаныя груды, дюны, такъ распространены, что Сахару еще недавно представляли себѣ большимъ песчанымъ моремъ. Но теперь отказались отъ этого мнѣнія. Если возникновеніе дюнъ объяснить моремъ, то съ другой стороны форма, внѣшній видъ ихъ, зависитъ только отъ вѣтра. Въ цѣломъ дюны представляются какъ бы волнами, словно отвердѣвшіе вдругъ морскіе валы; такими представились бы мѣстности, покрытыя пескомъ, если бы посмотрѣть на нихъ съ птичьяго полета. Въ общемъ онѣ направляются съ юга на сѣверъ; наибольшее же протяженіе песчаная пустыня въ Сахарѣ имѣютъ съ запада на востокъ, или наоборотъ, и, на сколько мы знаемъ теперь Сахару, нѣтъ ни одной по направленію съ сѣвера на югъ.

Какъ вообще Сахара отличается темною окраскою всѣхъ предметовъ, вызванною внѣшними вліяніями, такъ точно горныя массы и скалы всегда носятъ черноватый колоритъ. Но было бы ошибочно заключать изъ этого непременно о вулканическомъ происхожденіи каменныхъ массъ. На сколько намъ извѣстны части Сахары, дѣйствительно въ ней значительно преобладаетъ вулканическая природа горъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ почти всюду встрѣчаются известковая и песчаниковая формаціи. Гранитныя породы попадаются только къ югу отъ 17° с. ш., къ сѣверу же отъ этой линіи гранитъ замѣчается только въ высшихъ частяхъ Большаго Атласа.

Хотя горы Сахары (на сколько намъ извѣстно) значительно ниже горъ Европы, то онѣ отнюдь не уступаютъ имъ въ протяженіи; такъ напр., горы Гаруджъ имѣютъ, повидимому, такую же длину, какъ и проходящіе чрезъ всю Италію Апеннины. Горы Ахагаръ, тѣсно связанныя съ высотами Адраръ, Тазили и Муидиръ, по занимаемому ими пространству равны европейскимъ Альпамъ. Высочайшую до сихъ поръ извѣстную точку Сахары

представляет Туссиде въ горахъ страны Ту (Тибести). Д-ръ Нахтигаль, опредѣляя высоту прохода, черезъ который онъ перешелъ главную горную вѣтвь, въ 2000 м., полагаетъ, что Туссиде еще выше, по крайней мѣрѣ на 300 м. Ничто не можетъ быть страшнѣе и ужаснѣе горъ Сахары. Совершенная нагота горныхъ склоновъ, лишенныхъ всякой растительности, черный, угрюмый видъ каменной массы, странная форма и своеобразный складъ скалъ, объясняемый частію тѣмъ, что горы совершенно голы и лишены земли—такія горы Сахары, больше чѣмъ самыя обширныя песчанныя дюны, напоминаютъ путешественнику, что онъ находится въ Великой пустынѣ.

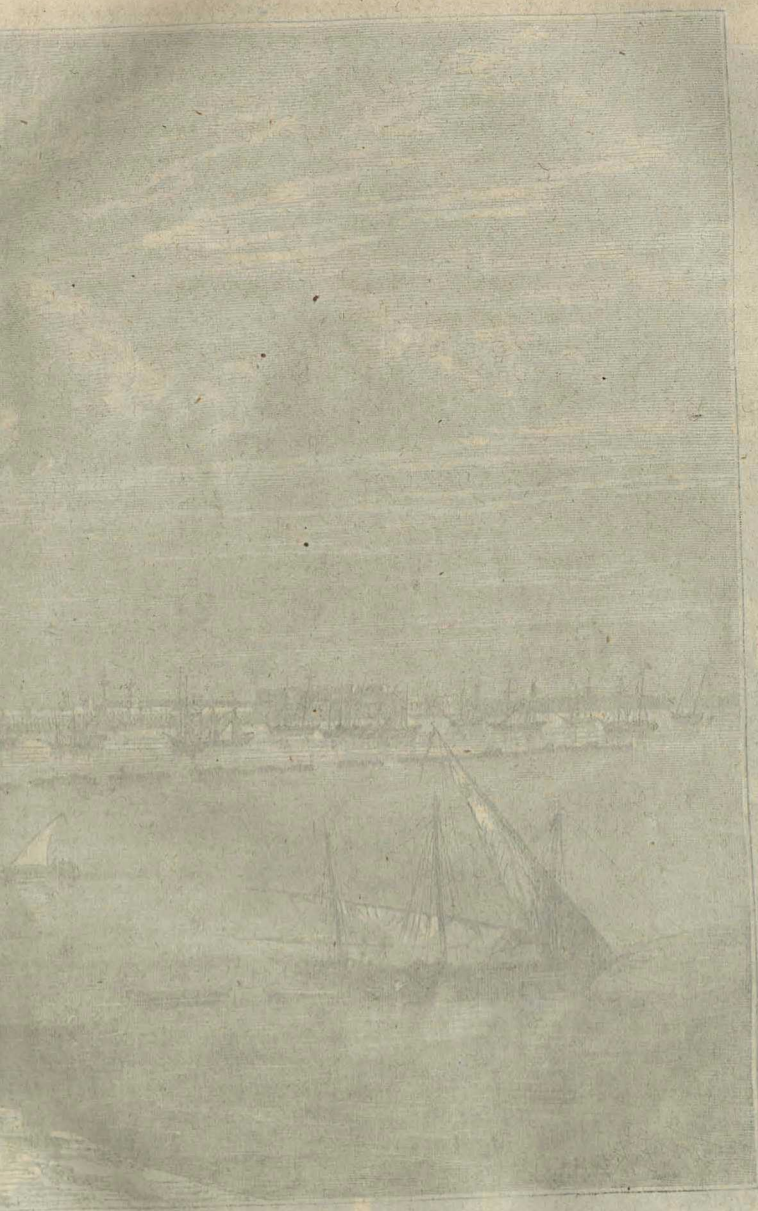
Самое значительное пространство Сахары занимаютъ болѣе или менѣе совершенно ровныя плоскія возвышенности. Если онѣ усѣяны острыми камнями, то называются гаммадами, или танесруфтами, а если покрыты мелкимъ хрящемъ, то носятъ названіе ссериръ. Гаммады и ссериръ всегда совершенно лишены растительности. Судя по остроугольнымъ камнямъ, можетъ показаться даже, что гаммада никогда не была покрыта моремъ; но на каждой гаммадѣ встрѣчается такое множество окаменѣлостей, что сомнѣваться въ этомъ нельзя. Что касается свойствъ почвы, то всякая гаммада и всякій ссериръ состоятъ изъ глины, иногда столь твердой, что она обратилась почти въ камень. Вслѣдствіе сильной примѣси окиси желѣза, цвѣтъ этой глинистой почвы бываетъ большею частью красный. Равнины, расположенныя по окраинѣ Сахары и имѣющія уже слѣды растительности, называются сахелями.

Противоположность плоскимъ возвышенностямъ представляютъ низменности, углубленія и впадины. Ихъ называютъ вообще гофрами, или джофами. Настоящая впадина, т. е. лежащая ниже океана, извѣстна до сихъ поръ только въ мѣстности къ югу отъ плоскогорья—такъ называемой Ливійской пустыни, да и то только въ трехъ направленіяхъ, съ запада, съвера и юга. Область Шоттъ-эль-Мель-Риръ представляетъ также впадину, которая, вѣроятно, соединялась нѣкогда съ Малымъ Сиртомъ посредствомъ Шоттъ-Рарнисъ и Шоттъ-эль-Кебиръ. Весьма вѣроятно, что въ Сахарѣ существуютъ еще и другія углубленія; такъ мѣстность на западѣ Сахары, называется «эль Джуфъ» и представляетъ мѣсто, лежащее, вѣроятно, ниже океана. Но многія изъ мѣстностей, называемыхъ жителями пустынь «гофрами», вовсе не представляютъ впадинъ въ нашемъ смыслѣ, а лишь относительныя углубленія, лежащія ниже окружающей ихъ почвы.

Важную роль въ пустынѣ играютъ оазисы, которые появляются только тамъ, гдѣ это дѣлаютъ возможнымъ свойства почвы въ связи съ существованіемъ воды. Но вездѣ, гдѣ только есть вода, хотя бы даже негоднаго свойства, появляется зелень и произрастаютъ растенія,—словомъ образуетъ оазисъ. Уже Бартъ указываетъ на то, что даже самый повидимому, бесплодный песокъ, при оплодотворяющемъ дѣйствіи воды, производитъ богатую растительность.

Условія возникновенія и существованія оазисовъ различны, а поэтому и оазисы бываютъ различныхъ родовъ. Прежде всего, между оазисами нужно отличать такіе, которые орошаются или поверхностно - текущими водами, или подземными водами, причемъ въ обоихъ случаяхъ они получаютъ естественное орошеніе. Къ числу первыхъ принадлежать, напр., оазисы: Вадъ-Драа, вся растительность которыхъ орошается текущею по поверхности земли рѣкою Драа; верхній Тафилеть, обязанный своимъ происхожденіемъ рѣкѣ Сису. Къ числу вторыхъ оазисовъ, которые являются вслѣдствіе подземнаго теченія воды, принадлежать, напр., Тафилеть, т. е. только Тафилеть къ югу отъ Эртиба, большая часть сѣверной группы оазисовъ Туатъ и многіе другіе мелкіе, къ югу отъ Атласа. Затѣмъ слѣдуютъ оазисы, образуемые сильно бьющими изъ-подъ земли источниками, напр. оазисы Радамесъ и Юпитера-Аммона. Бываютъ и такіе, которые возникаютъ вслѣдствіе существованія подземной нетекучей воды, отдѣляемой отъ поверхности земли лишь 0,3—0,6 м. песку или перегной, напр. оазисъ Кауаръ, многіе оазисы Феццана. Далѣе, есть и такіе, въ которыхъ слой воды лежитъ такъ глубоко (4—10 м.), что ее приходится поднимать на поверхность искусственно, каковы многіе оазисы въ Феццанѣ, Суфѣ и другіе. Наконецъ, бываетъ и такъ, что вода до того удалена отъ песчаной или перегнойной земли, что ее искусственно проводятъ изъ окрестностей и только такимъ образомъ даютъ возможность образоваться оазису, какъ это было въ Тидекельтѣ и въ некоторыхъ другихъ оазисахъ къ югу отъ Атласа. Только что упомянутые оазисы—съ водою, текущею по поверхности земли, встрѣчаются лишь при спускахъ и выходахъ изъ большихъ горъ, какъ напр. къ югу отъ Большаго Атласа. Конечно, съ теченіемъ, количество воды становится все меньше и меньше, главною причиною чего служитъ растеченіе ея по безчисленнымъ полямъ и чрезмѣрное испареніе, испытываемое водою въ сухой Сахарѣ. Драа только послѣ необыкновенныхъ дождей, вмѣстѣ съ таяніемъ снѣговъ, бываетъ въ состояніи весною достигнуть океана; но другія рѣки во время своего половодья образуютъ себки, болота и озера. Самые счастливые изъ оазисовъ—тѣ, въ которыхъ существуетъ поверхностное теченіе воды. Обиліе воды даетъ возможность жителямъ не съ такимъ страхомъ заботиться о распредѣленіи времени при орошеніи полей; вмѣстѣ съ тѣмъ текущая по поверхности вода понижаетъ температуру и придаетъ воздуху долины влажность, такъ что въ этихъ оазисахъ произрастаютъ и плодовые деревья умѣренного пояса. Такъ какъ почва въ рѣчныхъ оазисахъ склоняется неравномѣрно, то главная и единственная большая работа для жителей заключается въ проведеніе значительныхъ каналовъ, которые, начинаясь въ области источника, расходились бы по соответствующему низовью.

Во всей Сахарѣ нѣтъ ни одного рѣчнаго ложа, въ которомъ бы постоянно текла вода. Если даже считать Драа рѣкою Сахары, то извѣстно, что вода ея достигаетъ океана только въ исключительныхъ случаяхъ, обыкновенно же она течетъ только до того пункта, гдѣ теченіе ея вмѣсто южнаго направленія принимаетъ западное; но подъ землю она течетъ круглый годъ. Рѣчная долина, которая обуславливаетъ существованіе оазиса Туата и образуется на сѣверѣ изъ системы многочисленныхъ вѣтвей, поверхностную воду имѣетъ только въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

1841

Видъ Триполи съ моря.

Міа и Ирархаръ, рѣки съ колоссальными руслами, почти никогда не имѣютъ поверхностно текучей воды; но какое громадное количество воды нужно было для того, чтобы образовать и промыть такіа русла, какія мы находимъ теперь въ пустынѣ! Ирархаръ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ ширину въ нѣсколько часовъ пути. И какъ глубоко, какъ сильно размыты водою берега этихъ рѣкъ! Поэтому мы имѣемъ право заключить, что нѣкогда, при другихъ орографическихъ условіяхъ, въ Сахарѣ были и другія климатическія условія, а многочисленныя окаменѣлости цѣлыхъ лѣсовъ говорятъ намъ достаточно ясно, что нѣкогда, при другихъ условіяхъ, въ Сахарѣ было больше растительности, а слѣдовательно и больше падало дождя; отсюда—многочисленныя и часто удивительно длинныя, широкія и глубокія рѣчныя русла.

Не менѣе удивительно и то, до какой степени богата Сахара озерными бассейнами и даже озерами. Всего чаще мы находимъ ихъ тамъ, гдѣ есть низменности; но они встрѣчаются и въ другихъ высокихъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ Феццанѣ. Но какъ силенъ долженъ быть притокъ подземной воды, чтобы сохранялось озеро при томъ необыкновенномъ испареніи, которое совершается въ Сахарѣ изо дня въ день!

Съ испареніемъ этихъ озеръ образуется себка, т. е. илистое, болотистое пространство, покрытое твердою корою. Есть озера, въ которыхъ такъ много соли, какъ напр. въ Билмѣ, что вмѣсто соляно-землистой коры образуется кора изъ чистой соли; подобныя явленія можно наблюдать и въ другихъ мѣстахъ Сахары. Замѣчательно, что, послѣ испаренія воды, поверхность себки растрескивается всегда въ видѣ весьма правильнаго, большею частію шестиугольнаго многоугольника. Если же почва содержитъ очень много соли, то образуются сухія волны или глыбы. Себка Таментиль произвела на Рольфа впечатлѣніе внезапно окаменѣвшаго моря съ волнообразною поверхностью. Но себки съ такою поверхностью встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ себки съ многоугольными трещинами. Бываютъ обширныя себки съ островами, на которыхъ иногда виднѣются оазисы. Себки встрѣчаются также и къ сѣверу отъ Сахары, на плоскогорьяхъ Атласа, и называются тамъ шоттами.

Климатъ Сахары отличается отъ всѣхъ климатовъ въ мірѣ. Необыкновенная сухость воздуха въ ней составляетъ слѣдствіе не бесплодности почвы, а господствующихъ вѣтровъ. А мы знаемъ уже, что господствующіе здѣсь вѣтры—восточные и соединенные съ восточными, которые не приносятъ изъ Азіи ни одной тучи, а только токи сухаго воздуха. Если же и дуютъ, въ видѣ исключенія, западные вѣтры, несущіе облака съ Атлантическаго океана, то въ большей части случаевъ бываетъ такой сильный палящій жаръ, что тучи разсѣваются прежде, чѣмъ дѣло доходитъ до образованія дождя.

Господствующій въ Сахарѣ восточный потокъ воздуха и есть тотъ самый, который, достигая сѣверной Африки и Средиземнаго моря, измѣняется въ южный и ударяется объ Альпы; онъ-то и уменьшилъ до теперешнихъ размѣровъ

альпійскіе ледники. Существуют достаточныя доказательства того, что вѣтры эти, называемые, смотря по мѣстности, гебли, или шамсиномъ, начинаются въ Сахарѣ. Преобладающій восточный и юго-восточный вѣтеръ Сахары, поднимаясь, вслѣдствіе зноя, высоко въ атмосферу, достигаетъ обыкновенно нашихъ Альпъ, въ силу закона вращенія, уже какъ южный вѣтеръ, какъ фенъ; поэтому мы имѣемъ полное право привести прекрасное выраженіе Дезора: Сахара—великій регуляторъ нашего климата. Гебли обнаруживается еще за нѣсколько часовъ до своего появленія тѣмъ, что солнце принимаетъ огненно-красный цвѣтъ, въ особенности это бываетъ утромъ, когда солнце еще стоитъ низко на небѣ. Затѣмъ надвигается грозная туча и наступаетъ мракъ, какъ при густо обложенномъ тучами небѣ. Вѣтру ничто уже противустоять не можетъ, палатки срываются, хотя бы онѣ были прикрѣплены желѣзными кольями, камни въ кулакъ величиною катятся по песку, и самый песокъ, прикасаясь къ голой кожѣ, производитъ болѣзненное чувство. И человѣкъ, и животныя инстинктивно отворачиваются отъ вѣтра, верблюды останавливаются безъ приказанія и падаютъ на колѣни, лошади боязливо ищутъ защиты у человѣка,—и не остается ничего, какъ только терпѣливо дожидаться окончанія бушующаго урагана. Ураганы эти, имѣющіе по крайней мѣрѣ скорость 30 метровъ въ секунду, продолжаются обыкновенно нѣсколько часовъ, самое большое полдня, и только въ исключительныхъ случаяхъ бываютъ ураганы, продолжающіеся съ одинаковою силою нѣсколько дней. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ возможности видѣть столько вихрей, какъ здѣсь; мелкіе смерчи можно наблюдать каждый день, — они имѣютъ видъ опрокинутой бутылки изъ-подъ рейнвейна и находятся во вращательномъ движеніи вокругъ самыхъ себя и, кромѣ того, слѣдуютъ по направленію вѣтра. Большіе смерчи достигаютъ высоты нѣсколькихъ сотъ футовъ, мелкіе же бываютъ въ 7—16 м., причемъ первые несутся впередъ съ бѣшеною быстротою. Замѣчательно, что при юго-восточныхъ и южныхъ вѣтрахъ всякій разъ обнаруживаются электрическія явленія. Воздухъ бываетъ до такой степени заряженъ электричествомъ, что изъ шерстяной или шелковой одежды можно извлекать трескучія искры, которая ночью бываютъ видимы. Собственно въ Сахарѣ грозы бываютъ очень рѣдко, но зато очень часто замѣчаютъ молнію на границахъ пустыни. При совершенномъ затишьи, воздухъ бываетъ необыкновенно прозраченъ, такъ что отдаленные предметы можно видѣть явственнѣе и легче; но такіе, совершенно спокойные, дни бываютъ очень рѣдко; поэтому и совершенно ясное небо показывается не часто, а бываетъ обыкновенно болѣе или менѣе грязно голубымъ, или кажется чѣмъ-то задернутымъ. Весьма часто вокругъ луны замѣчаются круги, иногда въ каждую лунную ночь. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ восхода солнца появляются миражи. Эти отраженія воздуха имѣютъ, повидимому, всегда связь съ нѣкоторыми мѣстностями; впрочемъ, они замѣчаются не только въ равнинѣ, но и въ пересѣченныхъ мѣстностяхъ. Нѣкоторые путешественники, съ возбужденнымъ воображеніемъ, рассказываютъ о замкахъ, улыбающихся садахъ, цвѣтахъ, коняхъ и всадникахъ. Ничего подобнаго Рольфсъ не видалъ ни разу. Какъ у насъ въ жаркіе дни воздухъ принимаетъ иногда дрожащее движеніе, такъ точно бываетъ это и въ Сахарѣ, только гораздо въ болѣе сильной степени. Это-то дрожаніе, колебательное, волнообразное движеніе воздуха, въ связи съ преломленіемъ лучей, и производитъ тѣ картины, которая, въ высшей степени

своего проявленія, порождаютъ иллюзію—наблюдателю кажется, будто онъ видитъ море.

Климатъ Сахары, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ частяхъ ея царствуетъ такой зной, какой только можетъ быть на землѣ, — вообще говоря очень здоровъ. Часто абсолютная сухость воздуха вовсе не имѣетъ, какъ кажется, вреднаго вліянія на здоровье. Напротивъ, сухой воздухъ производитъ, повидимому, самое благодѣтельное вліяніе на легкія и является весьма дѣйствительнымъ средствомъ даже при сильно развившемся туберкулозѣ.

Но Сахара когда-нибудь исчезнетъ: распространеніе растений съ юга на сѣверъ увеличивается, почва чрезъ это мало по малу превратится въ перегной, покроется лѣсами и правильное осажденіе влажности будетъ постепенно подвигаться отъ центральной Африки къ сѣверу. Пройдутъ тысячи лѣтъ, — и великая пустыня когда-нибудь будетъ не пустыней, а культурною землею. (Гергардъ Рольфсъ въ *Ausland*, 1872 г., № 45, 46 и 47). Важнымъ шагомъ къ этому было бы исполненіе проекта капитана Рудера, который предлагаетъ провести воду изъ Средиземнаго моря въ Шоттъ-эль-Мель-Риръ въ алжирскомъ департаментѣ Константинѣ, къ югу отъ горъ Ауресъ (*Aures*), и возстановить такимъ образомъ море Сахары.

Что Шоттъ-эль-Мель-Риръ лежитъ ниже Средиземнаго моря, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; новѣйшія измѣренія показали, что онъ на 14 м. ниже уровня моря, и если Рарнисъ, или Гарнисъ, и Шоттъ-эль-Кебиръ представляютъ также настоящія впадины, то затопленіе всей этой области водою изъ Средиземнаго моря вовсе не представило бы большихъ затрудненій. Правда, на всѣхъ лучшихъ картахъ область шоттовъ отдѣляется отъ Средиземнаго моря горною цѣпью; но существуютъ-ли горы въ дѣйствительности, это весьма сомнительно. Посланная зимою 1874—1875 г. ученая экспедиція, для точнаго изслѣдованія вопроса, нашла, что проектъ Рудера возможно осуществить, и что необходимый для этого каналъ изъ Средиземнаго моря въ пустыню будетъ имѣть не болѣе 16 кил. длины. Безконечныя выгоды, которыя возникли бы для всѣхъ окружающихъ странъ отъ осуществленія этого проекта, — очевидны. Во всякомъ случаѣ, опасеніе, высказывавшееся не разъ въ Германіи и Швейцаріи, будто затопленіе области шоттовъ можетъ повлечь за собою ухудшеніе климата въ Европѣ, — совершенно не основательно. Водою должно быть затоплено лишь небольшое, въ сравненіи съ Великою Сахарою, пространство, которое и теперь зимою отчасти покрывается водою. Поэтому, говоритъ Гергардъ Рольфсъ, мѣстное измѣненіе климата можетъ произойти только на югѣ провинціи Константины и Туниса и, пожалуй, въ сѣверной части прилегающей къ нимъ песчаной области. Но залитіе водою области шоттовъ никоимъ образомъ не можетъ повести къ ухудшенію климата Европѣ. Хотя мы и согласились съ вышеупомянутымъ мнѣніемъ Дезора, т. е. что Сахара — великій регуляторъ нашего европейскаго климата, тѣмъ не менѣе достаточно взглянуть на карту, чтобы

убѣдиться въ нелѣпости того предположенія, что вслѣдствіе образованія внутренняго моря къ югу отъ Константины и Туниса климатъ Европы сдѣлается холоднѣе. Совсѣмъ другое дѣло, если бы былъ приведенъ въ исполненіе другой проектъ, измышленный англичанами, продолжившими прорыть каналъ отъ западнаго берега Африки, чрезъ который въ Сахару потекли бы воды Атлантическаго океана и превратили бы ее во внутреннее море. Къ счастью, проектъ этотъ ни что иное, какъ порожденіе разгоряченнаго воображенія.

ГЛАВА VII.

Государства и народы Сахары.

Разсмотрѣнныя до сихъ поръ государства сѣверной Африки, особенно Марокко, Алжирія и Тунисъ, переходятъ на югъ въ полосу земли, которую справедливо можно называть переходною областью къ Великой пустынѣ. Для Марокко подъ этою областью слѣдуетъ разумѣть пространство отъ Атлантическаго океана до границы Алжиріи—съ одной стороны и отъ южнаго склона Атласа до широтъ, проходящихъ чрезъ южныя части большихъ оазисовъ,—съ другой. Въ Алжиріи къ этой переходной области принадлежитъ пространство, образуемое третьимъ и самымъ южнымъ изъ трехъ поясовъ, на которые раздѣляется страна, т. е. то пространство, сѣвѣрною границею котораго служатъ Присахарскія горы. Это—прерываемая кое-гдѣ плодородными оазисами песчаная пустыня «Алжирской Сахары» (Sahara algérien или petit désert), называемая туземцами въ южныхъ ея частяхъ Эль-Эргъ, т. е. область песчаныхъ дюнь. Иногда она называется также поясомъ пальмъ (région des palmiers), потому что пальма дѣйствительно начинается здѣсь, какъ характеристическая черта растительности. Въ этой Сахарѣ находятся оазисы: Эль-Агуать, Эль-Герара и Гардаія въ землѣ арабовъ бени-мзабъ, оазисы Туггуртъ, Эль-Вадъ, наконецъ Варгла (у французовъ Ouargla), называемый «царицей оазисовъ», и Эль-Голеа. Въ Тунисѣ этотъ переходъ къ пустынѣ составляетъ «Финиковая Земля»—Биледъ-уль-Джеридъ, между тѣмъ какъ въ Триполи перехода этого собственно нѣтъ, ибо Великая Сахара продолжается здѣсь, такъ сказать, до самаго моря.

Рельефъ этой, въ высшей степени замѣчательной, переходной области въ Алжиріи весьма своеобразенъ. Съ сѣвера и запада мѣстность значительно понижается къ востоку, а затѣмъ къ тунисской границѣ, хотя и незамѣтно, снова повышается. Къ югу также повышаются песчанія дюны, такъ что образуетъ

ся нѣчто въ родѣ воронки, въ которой помѣщается оазисъ Туггуртъ и, какъ самое низкое мѣсто, болото Мель-Риръ. Затѣмъ тамъ возвышается Биледъ-уль-Джеридъ, главное мѣсто произрастанія финиковой пальмы, которая безспорно является здѣсь царицею растительности. Она доставляетъ различные сорта плодовъ, какъ-то: дегла, хора, гамма и наконецъ финикъ табесскій, изъ которыхъ наилучшій—первый, между тѣмъ какъ два послѣдніе, гораздо худшаго качества, употребляются бедуинами для приготовленія посредственнаго тѣста; они идутъ также на корнѣ лошадей, верблюдамъ и муламъ, какъ примѣсъ къ ячменю или травѣ. Житель Джерида заботливо ухаживаетъ за своею финиковою плантаціею и внимательно наблюдаетъ за всѣми фазами развитія пальмы—съ того самаго дня, когда она посажена, и до ея смерти.

Западная часть Великой Сахары, простирающаяся между Марокко на сѣверѣ и могучею рѣкою Сенегаломъ на югѣ и омываемая съ запада волнами Атлантическаго океана, представляетъ пока еще далеко недостаточно изслѣдованную область. Большею частью свѣдѣній объ этой полосѣ мы обязаны двумъ французамъ — Панэ (1850) и Винценту (1860), а затѣмъ арабу Бу-эль-Мохдаду. Далѣе къ востоку идетъ путь Рене Калъе, которой въ 1828 году изъ Сьерра-Леоне (на югозападномъ берегу Африки) прошелъ Сахару поперекъ чрезъ Тимбукту и достигъ Тангера въ Марокко. Южную границу Сахары провести трудно, но бассейны Сенегала и Нигера вообще должно считать лежащими внѣ ея. Далѣе къ востоку, по южному краю Сахары, слѣдуютъ такъ называемыя Феллатскія государства съ бассейномъ озера Цада, затѣмъ Вадаи и Дарфуръ, которые вмѣстѣ съ Кордофаномъ примыкаютъ къ южному Египту. Но на сѣверѣ этого Египетскаго Судана, почти до береговъ Нила, снова тянется настоящая, истинная пустыня; сѣверная часть этого крайняго востока Сахары извѣстна подъ именемъ «Ливійской пустыни» и изслѣдована впервые лишь въ 1873 — 1874 г. экспедиціею Рольфа. Попытаемся, на сколько это возможно, при руководствѣ благонадежныхъ путеводителей, представить картину весьма разнообразныхъ особенностей Сахары, начавъ съ запада и подвигаясь постепенно къ востоку.

Что касается запада, то мы ввѣряемъ себя руководству Винцента, который проходилъ по красной, раскаленной почвѣ Сахары въ 1860 году. Около области Сенегала встрѣчаются многочисленные лагеря берберскихъ пастуховъ, такъ какъ здѣсь вездѣ есть вода въ мелкихъ колодцахъ и около нихъ превосходныя пастбища. У мужчинъ верхняя часть тѣла ничѣмъ не покрыта; цвѣтъ кожи у нихъ красный, глаза умные, носъ изогнутый, волосы скорѣе курчавые, чѣмъ волнистые. Женщины ходятъ съ непокрытымъ лицомъ, но носятъ длинное платье, ниспадающее отъ плечъ до пятъ. Эти берберскія племена отличаются весьма кроткимъ нравомъ, почему и причисляются къ марабутамъ, подъ которыми тамъ разумѣютъ магометанъ, не носящихъ никакого оружія и отличающихся особенною набожностью. Среди всѣхъ племенъ западной Сахары, Винцентъ не встрѣтилъ ни одного бербера, у котораго было бы нѣсколько женъ. Послѣднія

не терпятъ раздѣленія брачнаго ложа и явно держать подъ башмакомъ своихъ мужей, которые старательно ухаживаютъ за ними. Впрочемъ, какъ бы въ вознагражденіе за отсутствіе многоженства, разводъ необыкновенно легокъ. Свободныя женщины ничего не дѣлаютъ и никогда не ходятъ пѣшкомъ. Мужчины отъ солнца дѣлаются темно-коричневыми, а женщины, напротивъ, оказались бы совершенно бѣлыми, если бы только кожу ихъ освободить отъ покрывающей ее грязи; но онѣ остерегаются всякой воды, и одна женщина, которую разспрашивалъ Винцентъ, была до такой степени осторожна, что не мылась ни разу втеченіи семи лѣтъ. Пропитаніе этимъ людямъ доставляютъ стада. Верблюжье молоко необыкновенно питательно, а овцы необычайно плодовиты. Животныя эти, впрочемъ, вовсе не доставляютъ шерсти, а нѣчто въ родѣ козьяго волоса. Винцентъ говоритъ затѣмъ о гостепріимствѣ тїйабовъ, которые прежде были воинственнымъ племенемъ, а впослѣдствіи сдѣлались духовнымъ (марабутами). Когда французы начинали пить вино, то берберы съ отвращеніемъ выходили изъ палатки; когда Винцентъ спросилъ у хозяина, не противно-ли ему его винопитіе, то гостепріимный сынъ пустыни отвѣчалъ слѣдующими прекрасными словами: «Съ той минуты, какъ ты вошелъ въ мою палатку, я охотно принимаю тебя, хотя бы ты пришелъ ко мнѣ со змѣею». Когда путешественники приближались къ Аргвимской банкѣ (мели), они встрѣтили берберскія рыбачьи племена, которыя при помощи сѣтей занимались весьма опаснымъ промысломъ, такъ какъ Аргвимская банка кишитъ акулами. Она навѣрное представляетъ собою одинъ изъ богатѣйшихъ (если не самый богатый) рыбою уголковъ земли, и такъ какъ очень недалеко отъ нея есть природныя залежи соли, то сосѣдній Бѣлый мысъ (Капъ-Бланко) могъ бы служить превосходною рыболовною стоянкою. Здѣсь же устраивается оригинальная охота на страусовъ. Между 21° и 23° сѣв. шир. находятся земли кочеваго внутренняго племени уледъ-делимъ, которое славится красотою своихъ женъ и дѣвушекъ. Дѣйствительно, онѣ возбуждаютъ удивленіе своими гладкими волосами, большими глазами съ длинными рѣсницами, греческимъ носомъ, ослѣпительно бѣлыми зубами, стройными формами и необыкновенно изящными ногами и руками, причемъ ногти послѣднихъ красятся геною въ розовый цвѣтъ. Но семейныя связи у этихъ берберовъ чрезвычайно непрочны, ибо браки заключаются у нихъ на самое короткое время. При своихъ странствованіяхъ Винцентъ часто посѣщалъ берберскіе города, населеніе которыхъ простиралось до 7000 человекъ; пищу имъ доставляютъ финиковые сады, равно какъ поля проса, ячменя, маиса и пшеницы, орошаемыя изъ мелкихъ, но весьма обильныхъ водою колодезевъ. Главнѣйшій изъ нихъ—Шингети, или Шингитъ, гдѣ находится складъ каменной соли, добываемой изъ нестоимыхъ залежей ея, находящихся въ 5 дняхъ пути къ ССВ., и вывозимой отсюда въ Суданъ и страны между верхнимъ Сенегаломъ и Нигеромъ. (Bulletin de la Société de géographie de Paris. 1861. Стр. 5—37.)

Адереръ, въ которомъ находится Шингети и три другіе города, представляетъ замѣчательнѣйшую страну западной Сахары,—гористую мѣстность съ финиковыми садами, населенную берберами, на сѣверѣ которой тянется страшная полоса высокихъ песчаныхъ дюнъ, называемыхъ Махтеръ, или Мертиръ. Отсюда къ сѣверу идетъ караванный путь чрезъ поясъ громадныхъ песчаныхъ холмовъ (шириною въ 3—5

дней пути), называемых Тирисъ, на Тафилетъ, или Тафилельтъ, самый значительный изъ южномароккскихъ оазисовъ, изъ которыхъ мы упомянемъ еще Ктауа, Эртибъ и Боананъ.

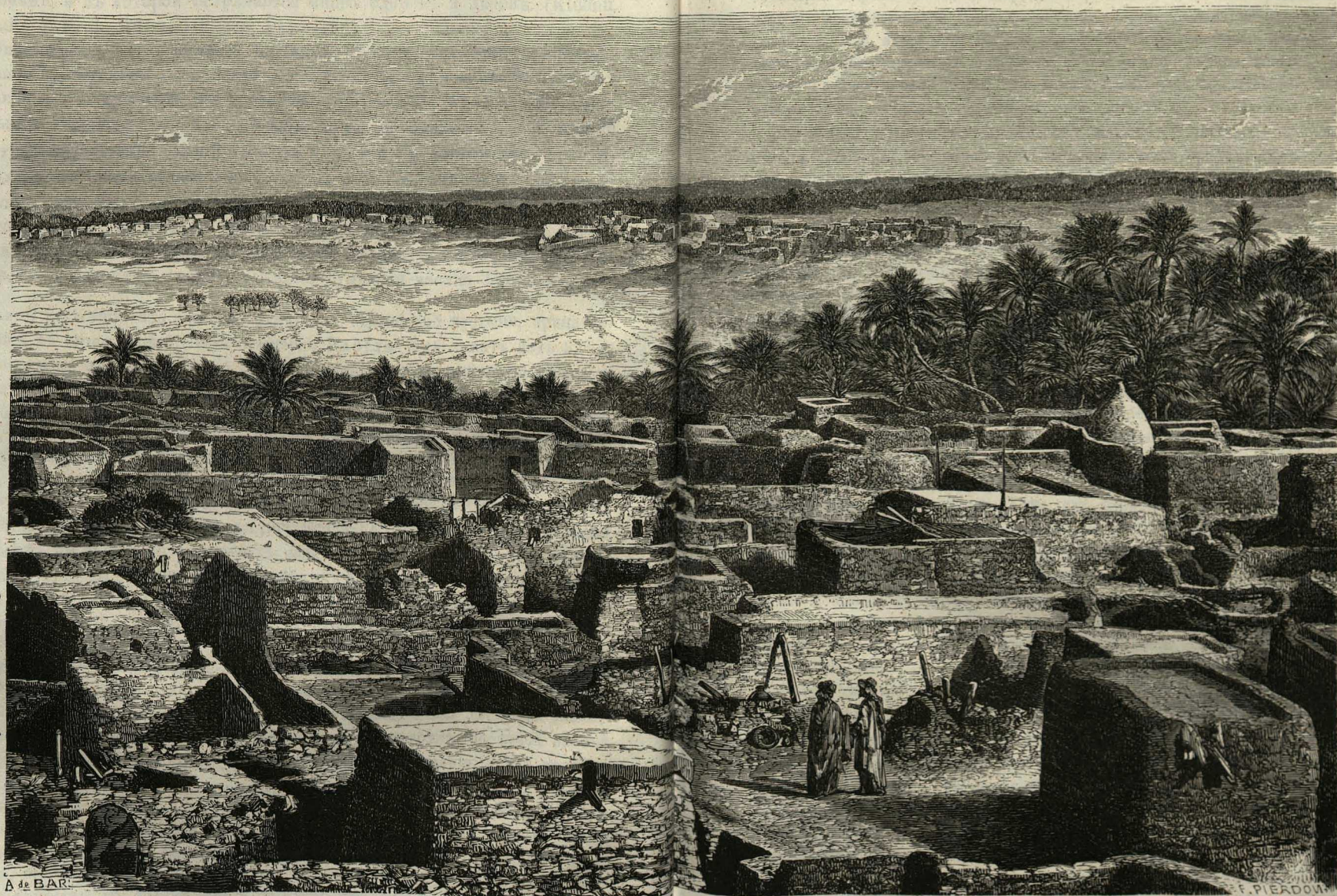
Въ Тафилетъ, раздѣляющемся на нѣсколько провинцій, считается около 300 укрѣпленныхъ селеній. Главное мѣстечко—Абуамъ, въ которомъ оригинальное зрѣлище представляетъ рыночная площадь, расположенная передъ воротами. Издали можно подумать, что она покрыта большими кротовыми кучами, но, подойдя ближе, вы видите передъ собою множество каменныхъ, выведенныхъ вверху сводомъ, лавокъ. Три раза въ недѣлю бываетъ значительный рынокъ—самый большой къ югу отъ Большаго Атласа. Здѣсь вы найдете все, что продается въ Фецъ изъ европейскихъ произведеній и, кромѣ того, всѣ произведения юга. Мѣстечко Сутту, расположенное въ часъ пути къ югу отъ Абуама, посылаетъ ежегодно по два каравана въ Тимбукту. Населеніе Тафилета весьма разнородно, но въ немъ преобладаютъ шерифы (шюрфа) и арабы, къ числу которыхъ надо причислить и бени-мгамедовъ, хотя имъ и шеллахскій языкъ знакомъ такъ же хорошо, какъ и арабскій. Бени-мгамеды, живущіе осѣдло какъ на Драа, такъ и въ Сузъ, служатъ главными посредниками караванной торговли. (Г. Рольфсъ. *Reise durch Marokko*. Bremen, 1869, 8° S. 87.)

Къ востоку отъ упомянутыхъ мѣстъ идетъ караванный путь изъ Тафилета въ Тимбукту, проходящій чрезъ страну Гиди, или Игиди, хотя покрытую высокими песчаными холмами, но богатую пальмами. Къ югу отсюда простирается страшная и пользующаяся худою извѣстностью мѣстность,—Танесруфтъ, состоящая изъ твердой солончаковой глины; отсюда дорога идетъ къ югу, къ Афелеле, или маленькой пустыни, въ которой есть красивыя долины и холмы, множество колодцевъ и даже нѣсколько ручьевъ. Между нею и Тимбукту простирается бесплодная мѣстность Азауадъ; въ ней есть четыре мѣстечка, и южная часть ея называется Таганетъ. Къ юговостоку отсюда находится Адераръ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Адереромъ на западѣ и который представляетъ прекрасную холмистую страну ауелимидовъ, удобную для разведенія верблюдовъ и скотоводства. Съ другой стороны, на сѣверозападѣ отъ Азауада, находится обширное пространство Эль-Джуфъ, — большая впадина, наполненная каменною солью, безъ всякой травы и называемая «животомъ или желудкомъ пустыни». Къ югозападу же, на пространствѣ 10 дней пути, тянется безводная, но богатая верблюжьимъ кормомъ и арбузами пустыня Акела. Немного къ югозападу отсюда слѣдуетъ Багена, самая лучшая по природѣ часть мѣстности Эль-Годхъ (Hôdh), т. е. котловины, такъ какъ она окружена цѣнью скалистыхъ высотъ, или «кодъа». Самые обыкновенныя деревья здѣсь исполинскій боабабъ, или хлѣбное дерево (*Adansonia digitata*), и финиковыя пальмы; здѣсь воздѣлываютъ духнъ, или гейнъ, и дурру, или саба, а также дикій рисъ на образующихся въ дождливое время болотахъ. Рисъ воздѣлывается также во

всемъ Годхѣ. Къ сѣверозападу отсюда, т. е. къ Адереру, мы встрѣчаемъ значительный и тщательно построенный, но негигіенически расположенный городъ Валату, а далѣе—мѣстность Таганетъ, которая въ южной своей части состоитъ изъ плодородныхъ долинъ, поросшихъ пальмами, и въ которой встрѣчается много слоновъ и львовъ. (Klöden. Handb. d. Erdk. Bd. 7, III, стр. 434—436).

Описываемая здѣсь область западной Сахары населена преимущественно берберскими племенами. Къ востоку отъ караваннаго пути изъ Тафилета въ Тимбукту мы вступаемъ въ область туареговъ (правильнѣе «туареджей»), или имошаговъ, населяющихъ собственно Центральную Сахару. 12-ый градусъ в. д. отъ Гр. составляетъ приблизительно восточную границу туареговъ, а равно и границу ихъ отъ тиббусовъ, живущихъ въ восточномъ отрѣзкѣ Великой пустыни. Самая восточная часть ея, именно прилегающая къ Египту, повидимому, совершенно необитаема. Теперь мы обратимся къ центральному отрѣзку Сахары, примыкающему къ югу Алжира, Туниса и частью Триполи.

Самый извѣстный изъ оазисовъ алжирской переходной пустыни, принадлежащихъ къ этому отрѣзку, есть безспорно Варгла. Онъ лежитъ подъ 32° с. ш., окруженъ пескомъ, подобно зеленому острову среди огненного океана, и принадлежитъ теперь къ французской Алжиріи; въ 1862 году здѣсь былъ Коломбе; путешествіе его въ Варглу изъ южно-алжирскаго городка Жеривилля, въ департаментѣ Оранѣ, на столько интересно, что заслуживаетъ здѣсь краткаго упоминанія. Въ Малую Сахару онъ вступилъ чрезъ Кенегъ-эль-Мель, т. е. одинъ изъ немногихъ и потому особенно торныхъ проходовъ въ Соляныхъ горахъ; эти проходы ведутъ изъ департамента Орана въ Великую пустыню. Послѣ шестичасоваго пути онъ достигъ Ксора-Таджеруны—оазиса, который не имѣетъ ни зелени, ни финиковыхъ пальмъ и расположенъ въ раковиннообразномъ углубленіи равнины. Затѣмъ далѣе онъ направился въ отстоящій отсюда на 237 кил. Метлили; на всемъ этомъ протяженіи нигдѣ нѣтъ воды, за исключеніемъ Аинъ-Массина, находящагося только въ 12 часахъ отъ Метлили и гдѣ есть колодезь, вода котораго, однако, содержитъ много сѣры и производитъ тошноту. Долина Аинъ-Массинъ представляетъ гигантское ущелье въ громадной каменной площади себки, и вы видите ее, только ступивъ на край крутой стѣны, съ которой въ нее спускается громаднѣйшая лѣстница. Метлили имѣетъ оригинальный видъ: мѣстечко тѣснится на холмѣ, на самой высотѣ котораго стоитъ мечеть, находящаяся въ дурномъ состояніи; стѣны въ Метлили нѣтъ, потому что онѣ не нужны, такъ какъ онѣ защищаются вѣрными союзниками—шаамба-беразгами. Эти арабы, составляющіе господствующее племя, раздѣляются на двѣ группы, изъ которыхъ каждая имѣетъ своего канда, и надъ обоими главами стоитъ третій, высшій кандъ, который пользуется, впрочемъ, только номинальною властью, живутъ же всѣ трое въ добромъ согласіи. Въ долинѣ около Метлили уже встрѣчается гигантскій ласточникъ (*Asclepias gigantea*), который въ Кукѣ и на озерѣ Падъ является характеристичнымъ растеніемъ. Она достигаетъ здѣсь 2 метровъ и походить на капусту, выбросившую цвѣточную стрѣлку. Сама Варгла лежитъ въ богатой пальмами низменности. Улицы такъ узки, что въ нѣкоторыхъ мѣ-

ТУРПТЪ.

стахъ не могъ бы повернуться всадникъ. Дома строятся изъ сушеного кирпича въ одинъ этажъ и надъ дверями обыкновенно бываетъ надпись изъ корана. Рынокъ служить въ то же время и мѣстомъ бойни, гдѣ пахнетъ кровью, на солнцѣ валяется мясо верблюдовъ и собакъ, надъ которыми кишатъ тучи мухъ. Варгла—очень нездоровое мѣсто и посѣщается лихорадками. Въ ней живутъ, перемѣшиваясь другъ съ другомъ, четыре различныхъ племени: арабы, мозабиты, т. е. люди изъ области Мзабъ, аратины, коренные жители, составляющіе особое племя, и негры; послѣдніе очень хорошо знаютъ, что они сдѣлались свободными благодаря французскому законодательству, но никто изъ нихъ не домогался свободы.

Важнѣйшія путешествія въ области Алжирской Сахары и далѣе внутрь страны туареговъ совершилъ, безъ сомнѣнія, великій французскій путешественникъ Анри Дюверье. Онъ посѣтилъ главный городъ Вадъ-Рира—Туггуртъ, находящійся къ югу отъ Бискры и пользующійся въ Сахарѣ большою извѣстностью. Городъ окруженъ круглою стѣною и имѣетъ около 3000 жителей. Въ іюнѣ 1859 года Дюверье отправился изъ Бискры въ оазисъ Гардайю, причемъ доходилъ до Эль-Герары. Это мѣстечко расположено на холмѣ, обнесено стѣнами и имѣетъ дома съ арками. Въ окрестностяхъ Дюверье нашелъ деревья ююбы (Zizyphus Jujuba) и теребинты большого роста и видѣлъ стадо страусовъ; здѣсь также часто встрѣчается рогатая гадюка. Гардайя расположена въ Вадъ-Мзабѣ, въ трещинѣ обширнаго плоскогорья, которое начинается приблизительно на день пути къ сѣверу отъ Гардайи и продолжается далеко къ югу отъ Метлили. Жители этой страны, составляющіе нынѣ союзъ Бени-Мзабъ, имѣютъ болѣе строгіе принципы, чѣмъ другіе магометане, у которыхъ они считаются чѣмъ-то въ родѣ раскольниковъ. Между отдѣльными общинами часто бывали раздоры, пока въ долину не явились французы, которымъ теперь платятъ дань семь городовъ. Ложь для бени-мзабина противна; кромѣ того, онъ любитъ чистоту; улицы и террасы домовъ въ Гардайѣ содержатся опрятно. Женщины должны жить въ строгой замкнутости. Ученые и духовные, называемые толбами, составляютъ особый маленькій мірокъ, живутъ на общій счетъ и владѣютъ пальмовыми садами. Изъ Гардайи Дюверье отправился въ юго-западномъ направленіи къ оазису Эль-Голеа, котораго онъ достигъ первый изъ европейцевъ, черезъ шесть дней пути. Эль-Голеа, или Эль-Менія, имѣетъ отъ 1200 до 1300 жителей и состоитъ изъ двухъ городовъ: верхній построенъ на верху скалы и окруженъ довольно высокою стѣною, нижній же расположенъ между названнымъ холмомъ и другою, небольшою вершиною. Вокругъ города разбросано въ беспорядкѣ нѣсколько плантацій финиковыхъ деревьевъ. Дома въ Эль-Голеа состоятъ изъ четырехъ глиняныхъ стѣнъ, прикрытыхъ пальмовыми вѣтвями, и дѣлятся на двѣ или на три комнаты; къ дому примыкаетъ небольшой дворъ. Террасъ у домовъ здѣсь не бываетъ.

Къ югозападу отъ Эль-Голеа и уже въ настоящей Великой Сахарѣ находится архипелагъ оазисовъ Туатъ (берберское названіе оазиса), состоящій изъ пяти группъ оазисовъ, изъ которыхъ самая южная Тидикельтъ съ главнымъ мѣстомъ Инъ-Салахъ (т. е. городъ Салахъ); это—важнѣйшій центръ торговли названнаго архипелага съ центральной Африкою, Алжирією, Тунисомъ и Триполи; онъ находится приблизительно въ одинаковыхъ разстояніяхъ отъ Тимбукту, Могадора, Тангера, Алжира и Триполи. Туатъ составляетъ независимую конфедерацію изъ 300 или 400 небольшихъ мѣстечекъ и занимаетъ простран-

ство съ С. на Ю. около 300 кил., а съ З. на В. — около 160 кил. Онъ не можетъ обойтись безъ сношеній съ Алжиріею такъ какъ получаетъ оттуда хлѣбъ, мясо и шерсть, которыя правильно доставляются ему алжирскими племенами. Туатская конфедерація республикъ, если можно такъ выразиться, вовсе не имѣетъ какого-либо одного общаго высшаго учрежденія, а равно и общей центральной власти; въ ней все раздѣльно, и каждый маленькій центръ имѣетъ свое собственное и своеобразное управленіе. Въ селеніяхъ, населенныхъ берберами, существуютъ мѣстныя демократическія учрежденія, въ арабскихъ деревняхъ власть наследственна въ благородныхъ или марабутскихъ фамиліяхъ; тамъ же, гдѣ преобладаетъ негритянская кровь, высшая власть — аристократическая и находится въ рукахъ немногихъ чернокожихъ. Группы оазисовъ населены такъ густо, что многіе жители выселяются изъ нихъ, и туатцевъ можно встрѣтить вездѣ — въ Тимбукту, въ Агадесѣ, Ратѣ, Гадамесѣ, Триполи, Тунисѣ, Тлемзентѣ, въ западной Сахарѣ и во всѣхъ большихъ городахъ Марокко.

Всѣ упомянутые до сихъ поръ оазисы приходятся приблизительно на одной линіи, идущей отъ Бискры въ направленіи къ ЮЗ. Въ юговосточномъ направленіи отъ этого мѣста мы также встрѣчаемъ оазисы, изъ которыхъ важнѣйшій — Гадамесъ, или Радамесъ — расположенъ въ самомъ юговосточномъ углу французско-алжирской области, но находится подъ властью Триполи. Въ Гадамесѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ ѣздивъ изъ Туггурта французскій путешественникъ Викторъ Ларжо, который направился прежде всего вдоль высохшаго ложа бывшей рѣки Игаргара и нанесъ на карту ея извилистое теченіе по равнинѣ, покрытой острыми камнями и потому весьма затруднявшей передвиженіе; при этомъ онъ убѣдился, что нѣкоторыми частями этого большого бассейна овладѣли уже дюны, достигающія высоты 150 м. Ларжо оставилъ затѣмъ бассейнъ Игаргара и, повернувъ къ юговостоку, направился къ солонному колдцу Гасси-Ботинт. Двигаясь все къ ЮВ., онъ шелъ десять дней по странѣ, въ которую едва отваживаются пускаться зимою даже шаамбійцы; она покрыта высокими горами красноватаго песку, происшедшаго отъ вывѣтриванія содержащаго желѣза песчаника, образующаго восточныя равнины. Среди этихъ дюнъ волятся антилопы и газели, питающіяся скуднымъ кустарникомъ.

Гадамесцы, или радамесцы, составляютъ часть племени берберовъ; арабскіе географы называютъ ихъ «молятеминами», т. е. закутанными, потому что они носятъ на лицѣ повязку, какъ и туареги. Но хотя они закрываются и принадлежать къ берберамъ, тѣмъ не менѣе они — вовсе не туареги, ибо отличаются отъ нихъ происхожденіемъ, нарѣчіемъ, одеждою, городскими обычаями и особою склонностью къ промышленности и крупной торговлѣ. Физіономія города Гадамеса, по описанію Дюверье, вполне соответствуетъ степени промышленнаго и торговаго развитія его жителей, ихъ богатству, ихъ смѣлости и нравственности. Большіе, бѣлые, оштукатуренные дома хорошо провѣтриваются и имѣютъ часто по нѣсколько этажей; улицы почти всѣ прикрыты, чтобы сдѣлать ихъ по возможности прохладными. Для удовлетворенія ежедневныхъ потребностей горожанъ, на главныхъ улицахъ устроены мелочныя лавочки — конечно лавочки въ берберскомъ родѣ, состоящія изъ прилавка и мѣста для торговца.

Къ югу отъ описанной области живутъ собственно туареги, или моршары, берберскіе кочевники, распространенные къ сѣверовостоку

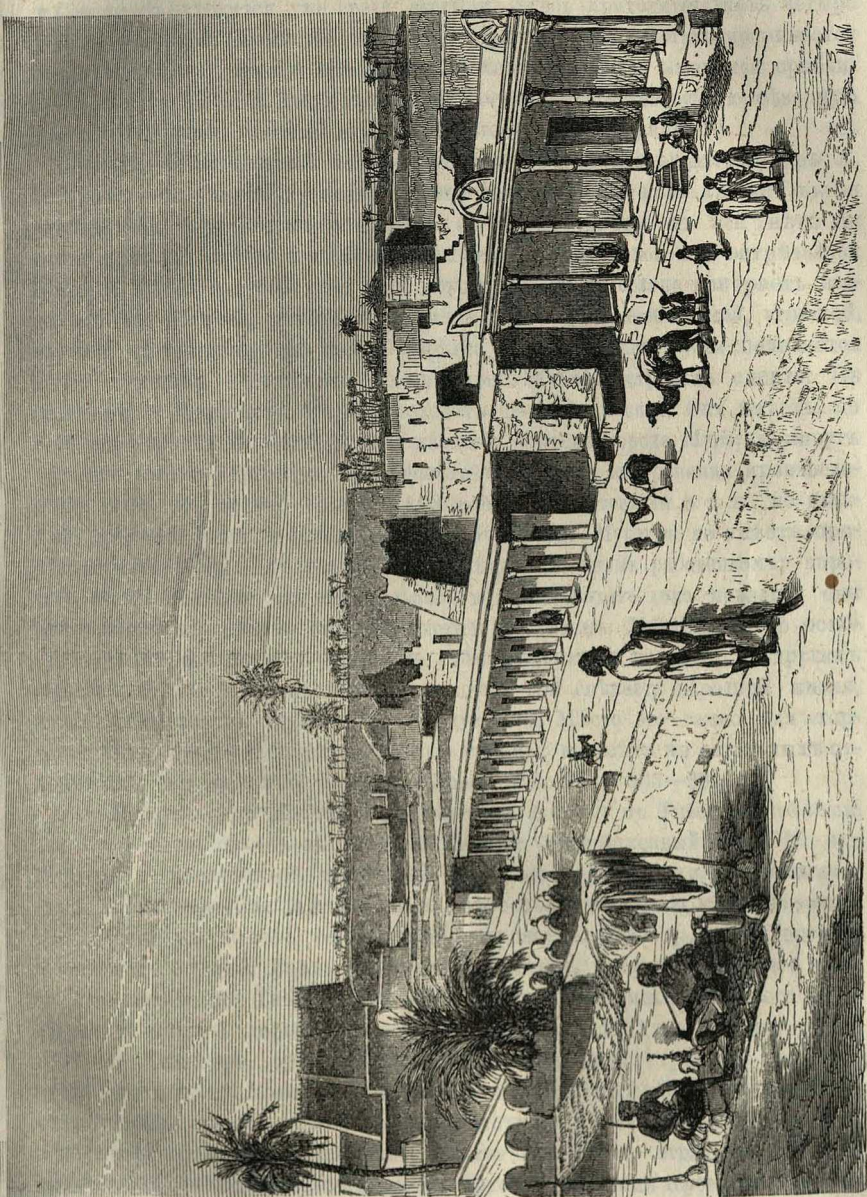
отъ Туата до Тимбукту. На сѣверѣ они перекочевываютъ до южно-алжирскихъ оазисовъ, откуда граница ихъ идетъ къ Гадамесу; они часто встрѣчаются около Мурзука, въ лежащемъ еще болѣе къ востоку Феццанѣ. Нѣкоторыя изъ ихъ племенъ очень распространены и сильны, но между собою они живутъ въ постоянной враждѣ, и одно племя говоритъ о другомъ съ презрѣніемъ. Туареги велики ростомъ и хорошо сложены; они представляютъ самое красивое племя въ Африкѣ. Одѣваются они чрезвычайно разнообразно: западныя племена носятъ узкую, облегающую тѣло рубашку (тобу, другія же, напротивъ, предпочитаютъ широкое платье; штаны у западныхъ туареговъ коротки и узки, между тѣмъ какъ у восточныхъ они широки и длинны. Изъ матерій ими употребляется большею частію хлопчатобумажная, темносиняя, почти черная ткань. Характеристичную часть наряда составляетъ у нихъ личное покрывало, «литамъ», или «тесильгемистъ», которое обвертывается вокругъ лица двараза, такъ что глаза, ротъ и подбородокъ закрыты, а свободна только средняя часть лица съ кончикомъ носа; сзади оно завязывается узломъ. Коротко стриженные или заплетенные въ косу волосы остаются сверху непокрытыми, а снизу иногда виднѣется борода. Покрывала эти защищаютъ ротъ и глаза отъ песка. Сандалинъ они носятъ только на границахъ пустыни. Полный кожаный костюмъ, кажется, также націоналенъ. Восточныя племена носятъ у кожаного пояса кожаный кошелекъ, западныя же — маленький нарядный кошелекъ на шеѣ и кладутъ въ него, кромѣ нитокъ и иглы, трубку и табакъ. Свободные носятъ прямой длинный мечъ, кинжалъ на сгибѣ лѣвой руки, копье длиною въ два метра и часто ружье. Говорятъ они на берберскомъ нарѣчій, которое, вѣроятно, почти всюду одно и то же; исповѣдуютъ исламъ, впрочемъ мало понимая его. Вездѣ между ними царствуетъ суевѣріе: шея, даже руки, ноги, грудь и поясъ увѣшаны амулетами и кошельками, въ которыхъ хранятся, какъ предохранительное средство, изреченія изъ корана. Господствующая страсть у нихъ — любовь къ нарядамъ и женщинамъ. Болѣе чистыя племена отличаются воинственнымъ характеромъ, почему и находятся въ постоянной войнѣ другъ съ другомъ и всюду возбуждаютъ страхъ и ненависть; однако они не свирѣпы и обращаются съ рабами хорошо. Женщины ходятъ безъ покрывалъ и вмѣшиваются въ дѣла мужчинъ. У нѣкоторыхъ племенъ, впрочемъ, распространилось многоженство. (Klöden. Handb. der Erdk. Bd. III, S. 438—439).

Сѣверную часть обширной страны туареговъ объѣздилъ уже упомянутый выше Дюверье, а южную — главнымъ образомъ Генрихъ Гартъ, который, повернувъ отъ Мурзука къ западу на оазисъ Ратъ, или Гатъ, прошелъ отъ послѣдняго всю страну съ сѣвера на югъ и достигъ суданскаго государства Борну. Къ югу отъ Гата, находящагося по ту сторону Гаммады (плоскотерья), которая, повидимому, окружаетъ пустыню съ югозападной и мѣстами съ сѣверной стороны, находится большая возвышенность Асгаръ въ 1300—1600 м. средней высоты, переходящая далѣе къ сѣверу въ альпійскую страну

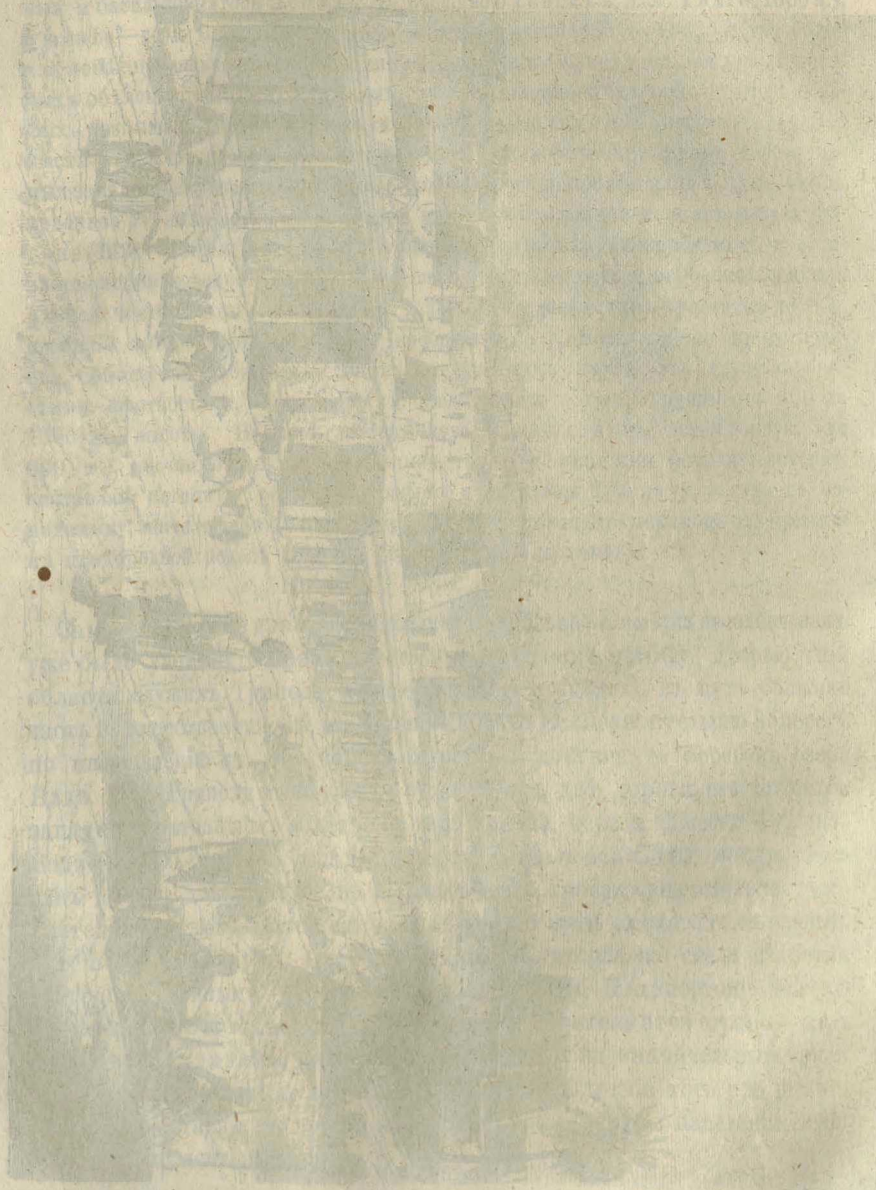
Джебелъ-Ахаггаръ. И тамъ преобладають плоскогорья, хотя громоздятся и весьма высокія горы краснаго цвѣта, съ крутыми скалистыми стѣнами. Къ югу отъ плоскогорья Астаръ мы постепенно поднимаемся на новую плоскую возвышенность, именно Аиръ, или Асбенъ, на которой возвышаются гранитныя и базальтовыя горы Асбенъ съ вершиною Тенгикъ, или Тимге (1800 м.), а южнѣе—горы Бахсенъ. Это—пересѣченная, скалистая страна, богатая болѣе или менѣе правильными углубленіями въ Разстояніи 480 метровъ, плодородіе которыхъ объясняется не только дождями, но и положеніемъ ихъ относительно большихъ возвышенныхъ массъ, собирающихъ и отдающихъ имъ дождевую воду. Вся мѣстность Аиръ, или Асбенъ, имѣетъ склонъ отъ востока къ западу, почему самыя западныя, глубже расположенныя долины суть наиболѣе плодородныя. Самая красивая изъ нихъ—Вадъ-Тиггеда, къ сѣверу отъ величественнаго конуса Дотене (1400—1600 м.); эта долина кормитъ рогатый скотъ и верблюдовъ и отличается необыкновенно пышною древесною растительностью, особенно акаціями. Южная часть долины Тинтеллустъ также обладаетъ такою растительностью, изобиліе которой трудно даже и вообразить себѣ. Весь Асбенъ представляетъ собственно лабиринтъ долинъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга каменистыми мѣстностями, на которыхъ возвышаются горныя группы отъ 600 до 1000 м. высоты. На югѣ почва снова переходитъ въ возвышенную (до 600 м.), песчаную, покрытую бѣдною травою и акаціями равнину, которая, составляя истинную родину жирафовъ и антилопы *Leucogux*, занимаетъ, по видимому, значительную часть Африки и представляетъ переходъ отъ пустыни къ плодородной полосѣ Судана. (Klöden. Ibid., стр. 434).

Самый восточный изъ трехъ большихъ отрѣзковъ Сахары населенъ какъ уже было упомянуто, преимущественно племенемъ тиббу. Дверью этой области служить Триполи, и отсюда именно пускалась въ путь большая часть путешественниковъ, желавшихъ пройти Великую пустыню поперекъ по направленію къ югу черезъ Мурзукъ, и достигнуть береговъ озера Чада. Изъ Триполи въ Мурзукъ существуютъ двѣ дороги, изъ которыхъ западная, кратчайшая, ведетъ на югъ прямѣе, черезъ Джебелъ-Гуріанъ, Вади-Умъ-эль-Хейль и западную часть Джебелъ-эсъ-Соды, между тѣмъ какъ другая, длиннѣйшая, на первыхъ двухъ третяхъ значительно уклоняется къ востоку. Большею частью перваго пути слѣдовали въ своихъ путешествіяхъ Бартъ, Овервегъ и Рольфсъ, вторая же стала извѣстна благодаря главнымъ образомъ Лайону, Денгаму, Клаппертону, Фогелю и Дюверье. Ею же слѣдовалъ и послѣдній посѣтитель этой страны—д-ръ Густавъ Нахтигаль, такъ какъ она, несмотря на значительный кругъ, составляетъ настоящую караванную дорогу, вслѣдствіе того, что имѣетъ правильныя станціи съ водою и проходитъ чрезъ центры населенія Бени-Улидъ, Бунджемъ и Сокну.

18 февраля 1869 года д-ръ Нахтигаль, свѣдѣніями котораго мы отчасти пользуемся въ данномъ случаѣ, отправился изъ Триполи и послѣ 36-дневнаго путешествія прибылъ въ Мурзукъ. Характеръ пустынной мѣстности, простирающейся за большими прибрежными горами, достаточно извѣстенъ. Послѣднія образу-

Мурзукъ, столица Фецана.

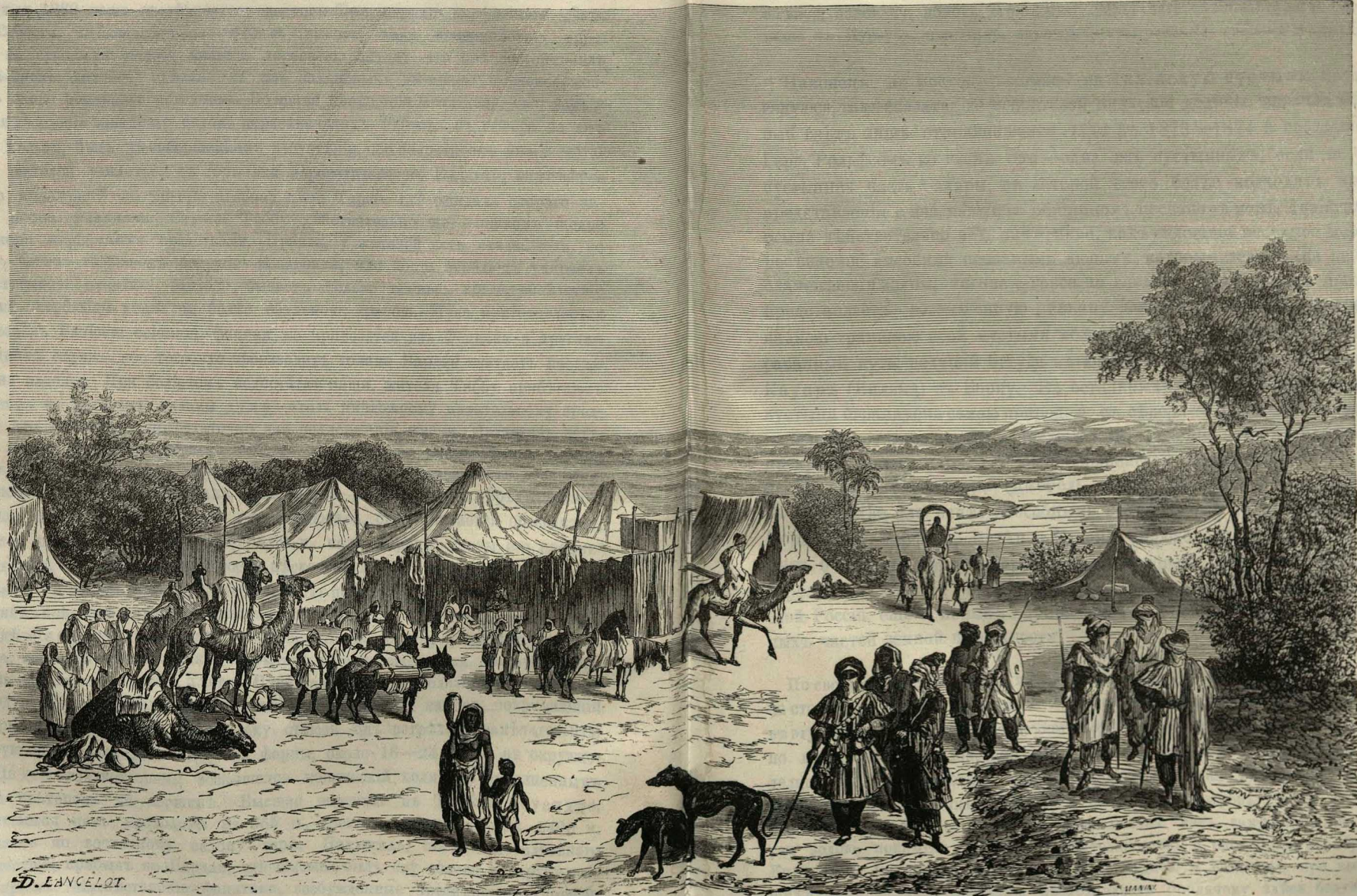
18. У цьому році на території України було введено в дію новий закон про освіту, який передбачав значні зміни в організації навчання. Зокрема, було введено обов'язкову шкільну освіту для всіх дітей шестирічного віку. Ці зміни мали на меті підвищення рівня освіти в країні.

ють кругую террасу къ возвышенной равнинѣ, украшенной горными краями и отдѣльными горными группами и перерѣзанной многочисленными долинами. При Бени-Улидѣ взглядъ путешественника въ послѣдній разъ отдыхаетъ на прекрасномъ масляномъ лѣсу, такъ какъ между Бунджемомъ и Сокною онъ находится уже среди пустыни. Здѣсь приходится ѣхать четыре дня по безводной, волнистой равнинѣ, которая все еще мѣстами прерывается многочисленными, хотя и голыми рядами холмовъ. Сокна находится приблизительно подъ 29° с. ш. Джебель-эст-Сода составляетъ естественную сѣверную границу Феццана, главный городъ котораго и есть Мурзукъ.

Широкій, безжизненный поясъ,—говорить другой изслѣдователь, д-ръ А. Э. Брэмъ,—окружаетъ пустынную страну Феццанъ,—это сама пустыня въ ея ужаснѣйшемъ видѣ; ее характеризуетъ страшная нагота: въ ней нѣтъ ни капли воды, ни одного зеленѣющаго растенія и только кое-гдѣ встрѣчается колодезь. Вѣчно голубое небо, на которомъ палящее солнце пожираетъ всякое влажное облачко, тяжело разстилается здѣсь надъ необитаемой, угрюмой, мертвой мѣстностью, гдѣ только изрѣдка и на короткое время появляется живое существо — человѣкъ, словно преслѣдуемый страхомъ смерти. Въ сравненіи съ Гаммадою, Феццанъ походить на свѣжій садъ. Онъ имѣетъ, по всей вѣроятности, не болѣе 60,000 жителей. Жители города Мурзука живутъ большею частію торговлею невольниками и другими внутренними произведениями, какъ то, солью, содою, лекарственными растеніями и т. п.; но главный предметъ всей торговли составляютъ рабы. Мурзукъ не имѣетъ промышленности,—сама природа служить купцамъ лучшимъ работникомъ; впрочемъ, весьма немногіе изъ значительныхъ купцовъ сидятъ дома подолгу: они разѣзжаются въ разныя стороны, смотря по дѣламъ. Дѣйствительную основу населенія составляетъ такая же смѣсь, какую мы видѣли и въ другихъ оазисахъ; но въ Мурзукѣ, повидимому, нѣтъ той свѣжести народной жизни, какая замѣчается въ другихъ мѣстахъ пустыни. Мѣсто это важно для торговли между берегомъ и внутренностью страны, во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ оно неважно и уныло. (Globus, Bd. VI. S 305—306).

Изъ Мурзука д-ръ Нахтигаль предпринялъ поѣздку въ Тибести. Тибести, или Ту — также оазисъ въ восточной Сахарѣ, расположенный къ ЮВ. отъ Мурзука и населенный тиббускимъ племенемъ—решадами, славящимися между всѣми народами Африки своею алчностью, лживостью и свирѣпостью. Въ Тибести не бывалъ еще ни одинъ европеецъ; Лайонъ, Ритчи, Денгамъ, Кланпертонъ, Оудней, Бартъ, Бейрманъ, Дюверье, Рольфъ—никто изъ нихъ не могъ попасть въ Тибести; это удалось только Нахтигалю. Путь его шелъ сперва по торной дорогѣ къ югу, но при колодцѣ Тиммо, въ пяти дняхъ пути отъ Теджерри, онъ повернулъ къ ЮВ. и, послѣ труднаго перехода чрезъ безводную пустыню, достигъ гористой мѣстности Афафи. Въ геологическомъ отношеніи эта область состоитъ изъ известняка и темноцвѣтнаго песчаника, а по поверхности земли разбросаны базальтовые глыбы; страна перерѣзана множествомъ рѣчныхъ руселъ и оживлена ярко окрашенными деревьями «талга» (камеденосная акація—*Acacia gummifera* Willd.), причѣмъ фономъ для затѣйливыхъ формъ ихъ служатъ горы. Затѣмъ Нахтигаль шелъ пустынною, песчаною или каменистою равниною, на которой мѣстами возвышаются отдѣльныя группы темныхъ песчаныхъ холмовъ, имѣющихъ видъ замковъ. Скудный кормъ для верблюдовъ нашелся только въ рѣчныхъ ложахъ; жителей же Нах-

тигаль нигдѣ не видѣлъ и слѣда. Но видъ мѣстности рѣзко измѣнялся съ приближеніемъ Нахтигала къ руслу рѣки Эннери-Толлобу. Вмѣсто песку или известняковыхъ скалъ, является свѣтлый пористый камень непостояннаго цвѣта и образуетъ волнистую поверхность, лишенную всякой растительности. 13 іюля 1869 нашъ изслѣдователь достигъ Тао, перваго населеннаго мѣста въ Тибести, имѣющаго около 640 м. высоты надъ поверхностью моря. Тао въ сущности нельзя назвать деревнею, потому что онъ состоитъ изъ двухъ-трехъ хижинъ, сдѣланныхъ изъ пальмовыхъ цыновокъ и расположенныхъ около обильнаго источника. Во время посѣщенія Нахтигала, Тао, какъ и другія поселенія западнаго склона пересѣкающихъ Тибести съ сѣвера на югъ горъ Тарсо, былъ въ совершенномъ запусѣннѣи, ибо недостатокъ пищи заставилъ жителей удалиться въ горы или переселиться въ Бардаи, важнѣйшее мѣсто въ странѣ по другую сторону цѣпи Тарсо, гдѣ ожидали скорого начала сбора финиковъ. Страна Тиббу дѣйствительно не слишкомъ щедро надѣлена жизненными средствами. Правда, у жителей есть стада козъ, но мясо ѣдятъ только въ большіе праздники, или когда верблюдъ умираетъ естественною смертію. Молоко бываетъ только осенью, когда, вслѣдствіе дождей, верблюды кормятся болѣе обильною травою. Мука готовится изъ зеренъ *Rapicum colopum*, финики же привозятся изъ Феццана и другихъ сосѣднихъ странъ, ибо того, что производитъ долина Бардаи, хватаетъ населенію не надолго. При большомъ недостаткѣ пищи, жители Тиббу прибѣгаютъ наконецъ къ листьямъ пальмы думъ—столь ничтожному питательному средству, что одного его недостаточно для поддержанія жизни. Нахтигаль вступилъ затѣмъ въ горную область Тибести, и именно въ великолѣпную долину Зуаръ, гдѣ изъ источниковъ струится обильная вода, растительность роскошна, мѣстность живописна и пейзажъ оживляется въ нѣкоторой мѣрѣ животною жизнью, хотя она, на сколько онъ наблюдалъ, ограничивается обезьянами, газелями и птицами. Въ Зуарѣ (704,69 м. надъ моремъ) планы его проникнуть дальше на югъ были разстроены нѣсколькими предводителями, которые съ неудовольствіемъ взирали уже на его переходъ по долинѣ. Поэтому нашъ путешественникъ поневолѣ повернулъ назадъ въ Тао, чтобы затѣмъ отправиться въ Бардаи, гдѣ его сильно интересовали теплые источники. Холмы, чрезъ которые шла дорога, состояли изъ песчаника, покрытаго слоемъ известняка. Вокругъ снова лежали базальтовые глыбы; а когда Нахтигаль сталъ приближаться къ горному проходу, опять показался упомянутый выше пористый камень, покрывающій обширныя пространства. Неподалеку отсюда онъ встрѣтилъ замѣчательную содовую яму котловидной и круглой формы, около 16—24 килом. въ окружности. Надѣ этой котловины возвышался коническій холмъ съ наполненнымъ содою кратеромъ на вершинѣ. Высшая вершина въ Тибести, Тусидде, возвышается надъ проходомъ на 365 м., достигая общей высоты 2400 м. Спускаясь по восточному склону горъ, Нахтигаль, послѣ шестидневнаго путешествія, прибылъ въ Бардаи, гдѣ оказанъ былъ ему далеко не дружелюбный пріемъ. Магометанскіе фанатики, возбужденные чрезмѣрнымъ употребленіемъ пальмоваго вина, натравливали толпу убить собаку-христіанина, который, только благодаря личному заступничеству самаго вліятельнаго предводителя—Арами, могъ безопасно достигнуть дома своего защитника. Но и здѣсь онъ содержался подъ строгимъ карауломъ, и такъ какъ султанъ не хотѣлъ принять его, то ему удалось видѣть только мелькомъ красивый городъ

D. LANCELOT.

Туарегский лагерь.

Бардаи съ его хижинами изъ пальмовыхъ листьевъ, окруженный садами и финиковыми рощами. Такъ какъ у него было весьма мало надежды на возможность дальнѣйшаго изслѣдованія, то ему оставалось только поскорѣе возвратиться въ Феццанъ, и покровитель его, послѣ долгихъ увѣщеваній, согласился, наконецъ, помочь его бѣгству, послѣ чего онъ благополучно возвратился въ Мурзукъ, испытавъ, впрочемъ, невыразимыя лишенія и трудности.

Наконецъ, на Востокъ востока—на Ливійскую пустыню, простирающуюся, такъ сказать, до египетской нильской долины, пролила нѣкоторый свѣтъ лишь отправившаяся туда въ 1873—1874 г. экспедиція съ Герг. Рольфсомъ во главѣ. Это—одна изъ пустынныхъ, если не самая пустынная часть Сахары, къ которой всего болѣе подходятъ прежнія представленія о ней, какъ объ обширномъ песчаномъ морѣ. Ливійская пустыня дѣйствительно есть ничто иное, какъ сплошное песчаное море, пересѣкаемое высокими песчаными дюнами, которыя лежатъ на ней какъ окаменѣвшія волны; но она—вовсе не впадина, какъ думали прежде, и представляетъ возвышенную равнину, какъ и остальная Сахара. Западною границею этой пустыни можно считать Феццанъ и большой караванный путь, ведущій отсюда въ южномъ направленіи, черезъ оазисъ Кауаръ (Бильма) въ Борну. Въ остальныхъ направленіяхъ Ливійская пустыня ограничена самою природою: съ сѣвера—Средиземнымъ моремъ, на берегу котораго пустынь предшествуетъ, словно островъ, блистающая прекраснѣйшимъ нарядомъ южноевропейской растительности—Киренаика (Барка), «Зеленая гора» (Джебелъ-ахдаръ), на востокъ—долиною Нила, на югъ болѣе или менѣе способными къ обработкѣ суданскими землями Кордофана, Дарфура, Вадаи и Канема, переходомъ къ которымъ служить болѣе или менѣе широкій степной поясъ. Ограниченная такимъ образомъ громадная область, почти равняющаяся по величинѣ Европейской Россіи, еще и понинѣ принадлежитъ къ числу самыхъ неизвѣстныхъ частей земной поверхности.

По своимъ орографическимъ и геологическимъ свойствамъ Ливійская пустыня на столько же проста, на сколько неудобна для органической жизни. Вступивъ въ эту область отъ берега Средиземнаго моря, мы прежде всего должны восходить по возвышающемуся довольно круто и доходящему отъ Большаго Сирта до дельты Нила известковому плоскогорью, наибольшая высота котораго въ сѣверо-западномъ концѣ достигаетъ болѣе 700 метровъ; здѣсь то, между городами Бенгази и Дерна, и расположена, какъ замѣчено выше, богатая водою, покрытая пышною растительностью и способная къ обработкѣ Киренаика. Береговая полоса между послѣднею и Египтомъ, при выпадающихъ тамъ зимнихъ дождяхъ, представляетъ бродячему здѣсь бедуинскому племени Уледъ-Али благоприятныя мѣста для временной обработки земли; вообще же можно сказать, что и въ этой мѣстности до самаго моря сохраняется характеръ пустынного плоскогорья, а при берегахъ Большаго Сирта онъ не представляетъ никакихъ исключеній: безлюдная песчаная пустыня продолжается здѣсь до самаго морскаго берега. Внутрь страны

известковая почва плоскогорья Ливійской пустыни тянется только до 30° сѣв. шир., гдѣ она круто обрывается и переходитъ въ длинную низменность, простирающуюся приблизительно отъ Сирта почти до устьевъ Нила, дно которой, какъ полагаютъ, приходится большею частью ниже поверхности моря. Въ этой низменности расположены двѣ знаменитыя еще въ древности группы оазисовъ—Аудшила и на двѣнадцать дней пути далѣе къ востоку — оазисъ Сивахъ, или Юпитера-Аммона. Жители ихъ принадлежатъ большею частью къ берберскому племени, но, какъ и характеръ мѣстности обоихъ оазисовъ, составляютъ замѣчательную противоположность. Сивахъ — это маленькій рай: между темно-голубыми поверхностями обширныхъ озеръ стоятъ роскошныя лѣса пальмъ и фруктовые сады апельсиновъ, фигъ и маслинъ; но населеніе его лѣнливо и никогда не покидаетъ родины; напротивъ, жители Аудшилы, какъ и ихъ единоплеменники въ Радамесѣ, славятся своими смѣлыми торговыми разбѣздами по всей сѣверной Африкѣ. Къ югу отъ низменности пустыня поднимается такъ постепенно, что даже подъ 25° сѣв. шир. едва достигаетъ 500 м. высоты надъ моремъ. На востокъ она образуетъ обрывающееся крутою стѣною къ долинѣ Нила известковое плоскогорье, во впадинахъ котораго, въ нѣсколько сотъ метровъ глубины, расположены оазисы: Бахаріа, Фарафра, Дахель, Харге. За нѣсколько дней пути къ западу отъ этихъ оазисовъ, гдѣ начинается нубійская полоса, образующая, вѣроятно, большую часть почвы пустыни, къ югу отъ низменности, простирается уже, повидимому, сплошное песчаное море, южныя и западныя границы котораго совершенно неизвѣстны. На СЗ. этой неизвѣстной страны находится группа оазисовъ Куфара, добраться до которой до сихъ поръ не удавалось ни одному европейскому путешественнику. Совѣтъ не таковъ характеръ юго-западной части Ливійской пустыни. Здѣсь возвышаются длинныя известковыя и песчаниковыя горы, начинающіяся въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ юго-восточной границы Феццана и идущія въ юго-восточномъ направленіи къ сѣверной границѣ Дарфура, съ горами котораго онѣ по всей вѣроятности соединяются. Долины, образуемыя этими горами и теряющіяся въ пустынѣ на протяженіи нѣсколькихъ дней пути, и представляютъ обитаемыя полосы оазисовъ: Тибести, Борку, Ваньянга и Эннеди, слѣдующихъ другъ за другомъ въ сказанномъ порядкѣ — съ СЗ. на ЮВ. (Ascherson въ Ausland 1875, № 51, S. 1006—1007).

ГЛАВА VIII.

С у д а н ъ.

Къ Великой пустынѣ естественно примыкаетъ та часть Африки, которая обозначается, правда нѣсколько неопредѣленнымъ, названіемъ Судана. Мы разумѣемъ подъ этимъ словомъ пространство къ югу отъ Сахары, ограниченное съ запада и съ юга Атлантическимъ океаномъ,

на сколько онъ съ нимъ соприкасается. Хотя отъ Гвинейскаго залива внутрь страны не существуетъ никакой опредѣленной границы, но можно считать границею 5° с. ш.—не потому, чтобы эта линія ограничивала страну въ дѣйствительности, а потому, что о странахъ и народахъ къ югу отъ нея мы ровно ничего не знаемъ, за исключеніемъ востока, гдѣ новѣйшія изслѣдованія въ области Нила проникли къ югу гораздо дальше. Это-то области Нила и составляютъ вообще восточный предѣлъ Судана, хотя въ сущности онъ простирается до подошвы Абиссинской возвышенности; поэтому тѣмъ восточнымъ странамъ, которыя примыкаютъ между прочимъ къ Сенаару, Кордофану и Дарфуру, на новѣйшихъ картахъ весьма основательно придано названіе «Египетскаго Судана». Строго говоря, Суданъ есть широкая полоса земли, идущая поперекъ всей Африки, отъ западныхъ береговъ Атлантическаго океана почти до восточныхъ береговъ Африки, омываемыхъ Краснымъ моремъ, и составляющая истинную родину негритянскихъ народовъ. Если бы наши свѣдѣнія о внутренней Африкѣ основывались на вѣрныхъ данныхъ и если бы мы могли съ точностью опредѣлить географическое распредѣленіе негровъ, то названіе Судана слѣдовало бы распространить на всѣ земли, населенныя неграми.

Понятно, что рельефъ почвы, равно какъ и другія физическія свойства этой обширной страны такъ же разнообразны, какъ и населяющіе ее народы. Для насъ, впрочемъ, достаточно ограничиться только описаніемъ общихъ чертъ этихъ странъ и народовъ, стоящихъ внѣ всякихъ міровыхъ сношеній, и выяснить, что они представляютъ во всѣхъ отношеніяхъ полную противоположность съ сосѣднею пустынею, которую мы только-что покинули. Переходъ отъ послѣдней къ Судану, конечно, не замѣтенъ и выражается плоскимъ степнымъ поясомъ, за которымъ отъ 12° или 11° с. ш. начинаются уже холмистыя и гористыя мѣстности; послѣднія мѣстами прерываются плоскими возвышенностями и пересѣкаются могучими рѣками. Важнѣйшія изъ этихъ рѣкъ суть: Сенегалъ и Гамбія—на западѣ, Ассинія, Вольта и главнымъ образомъ Нигеръ—на югѣ. Теченіе послѣдняго составляетъ съ южнымъ африканскимъ берегомъ почти треугольникъ и прекрасно можетъ служить для разграниченія различныхъ областей на обширномъ пространствѣ Судана. Все, что лежитъ къ западу отъ верхняго теченія Нигера, мы разумѣемъ подъ общимъ именемъ Сенегамбіи. Пространство между боками треугольника Нигера принадлежитъ, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ, фулахамъ, или фульбамъ, но оно еще извѣстно чрезвычайно мало, и большую часть его никогда еще не посѣщали ни одинъ европеецъ. Болѣе точныя свѣдѣнія мы имѣемъ только о прибрежной полосѣ (составляющей третью сторону упомянутаго треугольника), такъ какъ здѣсь имѣются поселенія европейскихъ націй,—главнымъ образомъ англичанъ. Берегъ этотъ называется Верхне-Гвинейскимъ и распадается въ свою очередь на различныя части, обозначаемыя осо-

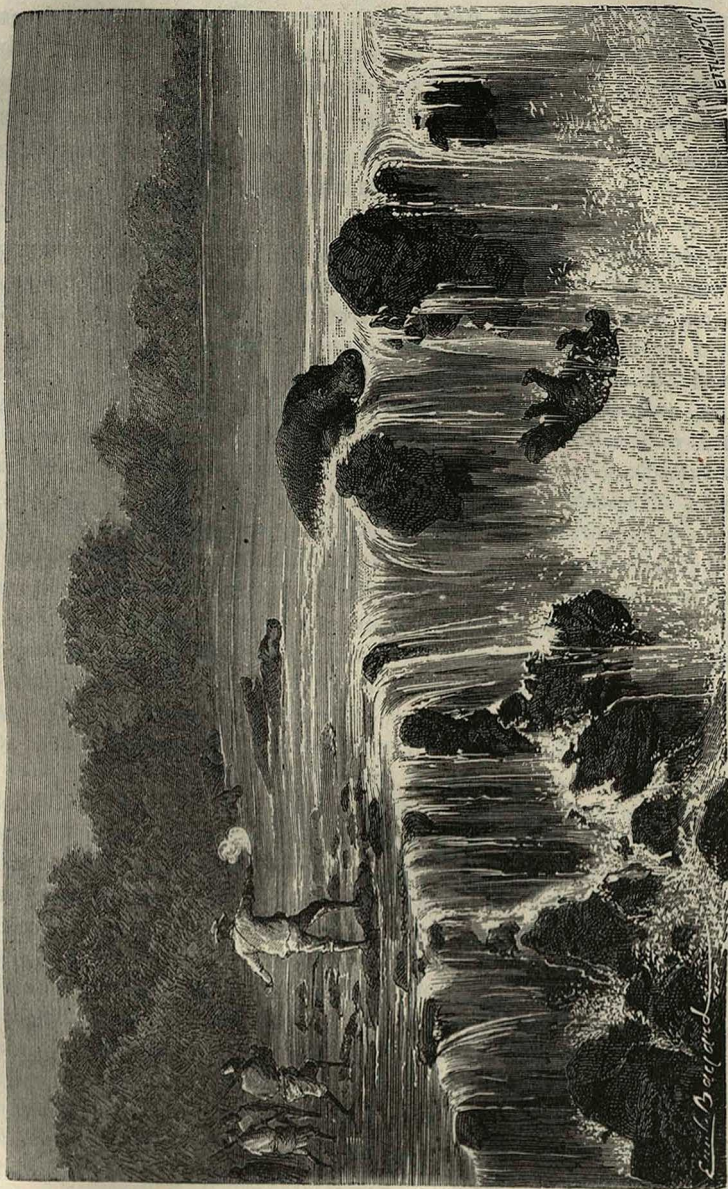
бенными именами. Такъ, отъ запада къ востоку слѣдуютъ: Сьерра-Леоне, Подвѣтряный или Перцовый берегъ, на которомъ находится забавная негритянская республика Либерія, берегъ Слоновой Кости и Золотой берегъ, на которомъ негры составляютъ конфедерацію Фанти, состоящую подъ британскимъ покровительствомъ, а дальше внутрь страны находится негритянское государство Ашанти. Восточнымъ сосѣдомъ его является извѣстное кровавою свирѣпостью королевство Дагоме на такъ называемомъ Невольничьемъ берегу. Къ нему примыкаетъ выступъ земли, образованный многочисленными устьями изливающегося здѣсь въ океанъ Нигера. Къ востоку отъ рѣки и образуемаго ею треугольника мы вступаемъ уже въ область Феллатскихъ государствъ, съ которыми граничатъ цивилизованныя негритянскія государства Борну и Вагирми въ области большой низменности Чада. Это огромное и богатое островами озеро лежитъ хотя не въ самомъ низкомъ, но въ одномъ изъ низкихъ мѣстъ суданской впадины и принимаетъ въ себя много рѣкъ,—между прочими текущую съ ЮВ. могучую рѣку Шари, верхнее теченіе которой еще вовсе не извѣстно. Здѣсь мы въ настоящемъ центрѣ Африки, на порогъ недавно еще совершенно замкнутаго государства Вадаи, къ которому примыкаютъ перечисленныя выше мѣстности Египетскаго Судана.

Такимъ образомъ, вмѣсто безводной пустыни съ ея высохшими рѣчными руслами, съ ея тощей, бѣдной видами растительностью, съ обширными, безлюдными пространствами и рѣдкимъ населеніемъ грубыхъ кочевниковъ, Суданъ представляетъ картину обильно орошенной, разнообразной, плодородной и богато воздѣланной земли, съ сильно развитою животною жизнью и пышною тропическою растительностью, — страны, въ которой живетъ густыми массами осѣдлое населеніе, частію достигшее даже нѣкоторой степени своеобразной цивилизаціи.

ГЛАВА IX.

Западный Суданъ, или Сенегамбія.

Страна къ югу отъ рѣки Сенегала до берега Сьерра-Леоне называется Сенегамбіею, хотя этому названію не соотвѣтствуетъ какой-либо опредѣленной границы на востокъ, т. е. со стороны внутренности страны. Прибрежье, за исключеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ британскихъ поселеній при устьѣ Гамбиі съ главнымъ мѣстечкомъ Батурстъ, находится исключительно въ рукахъ французовъ, которые пользуются нѣ

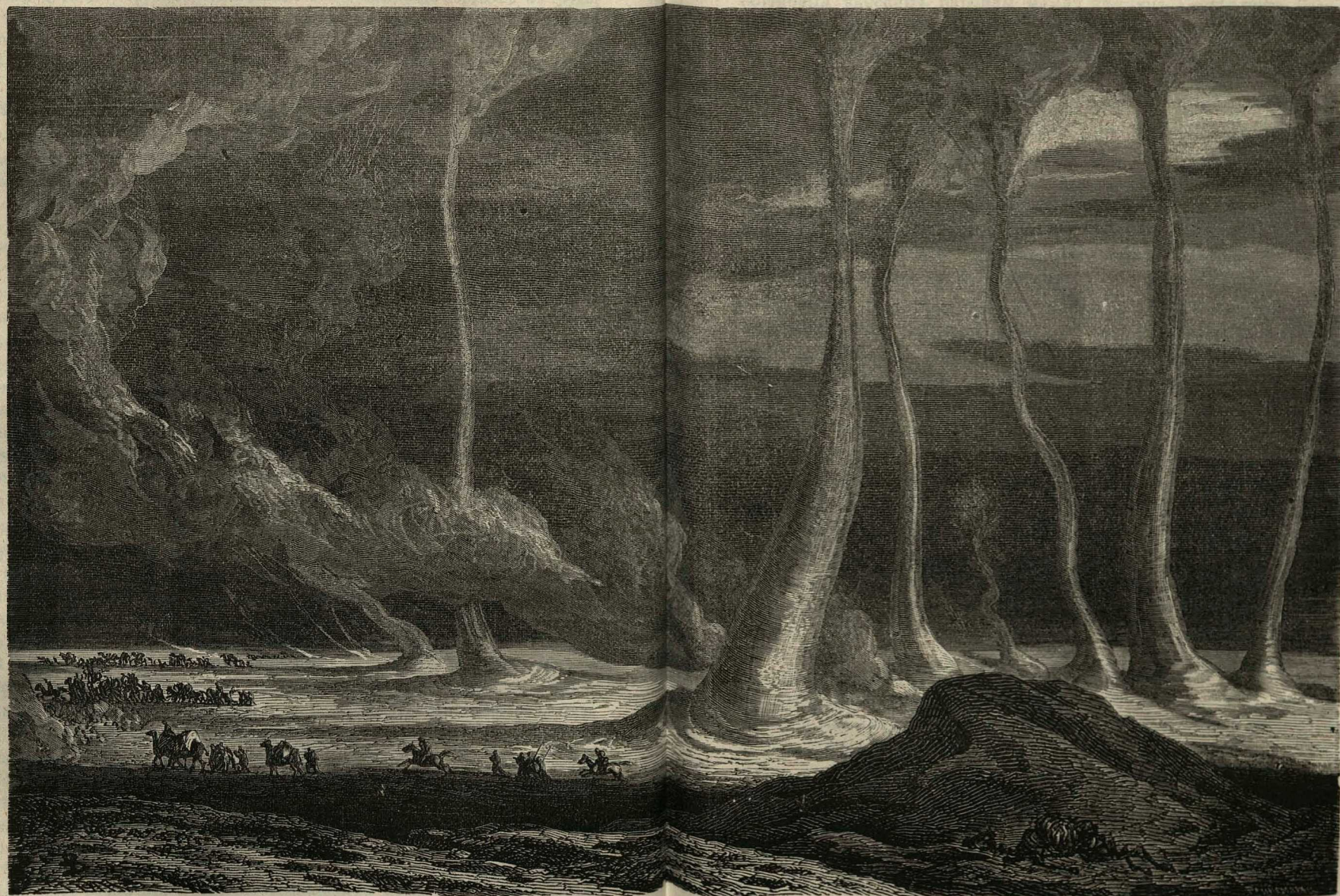

Сенегальскіе водопады.

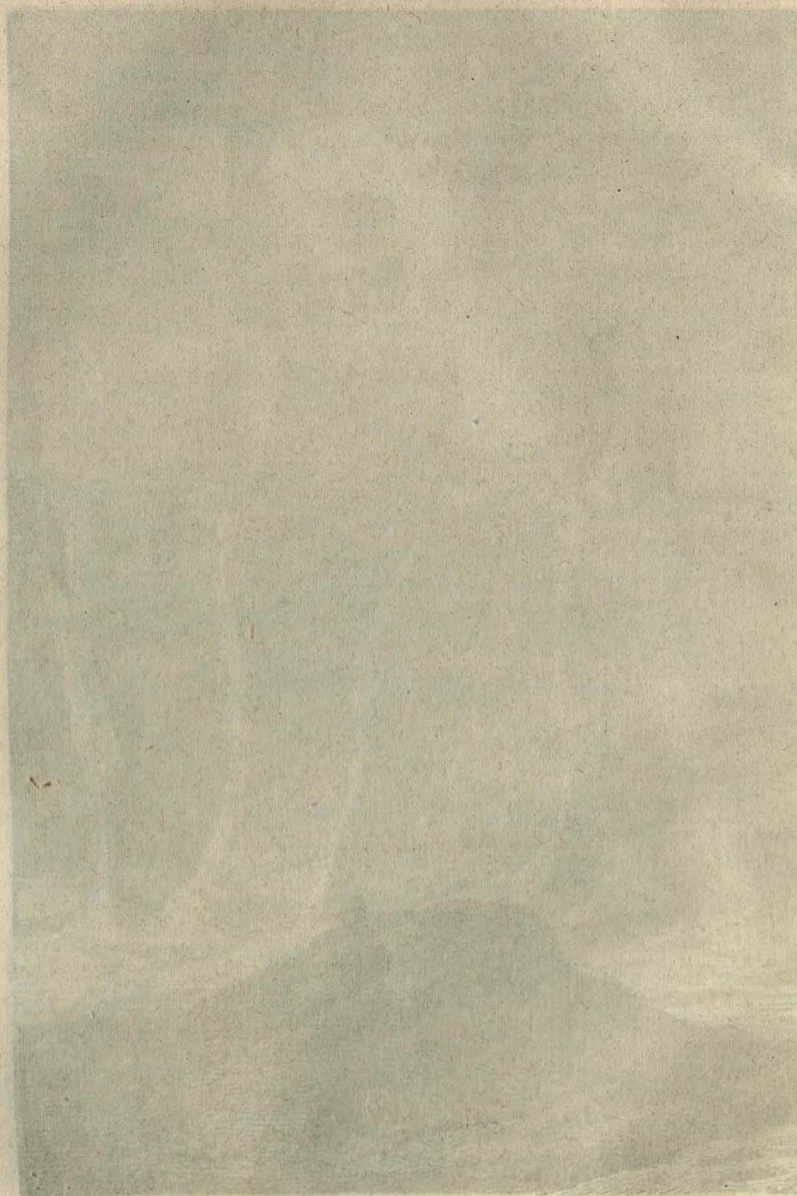
которымъ господствомъ также внутри страны и дѣлають похвальные попытки, съ одной стороны привлечь торговлю внутренняго Судана въ свои поселенія на сенегалскомъ берегу, а съ другой—установить чрезъ пустыню сношенія со своими алжирскими владѣніями. Административнымъ центромъ служитъ городъ Санъ-Люи при устьѣ Сенегала, съ 12,000 населенія, пестраго по цвѣту и одѣянію, въ которомъ много страстныхъ синьярокъ (полунегритянокъ) и небольшое количество европейцевъ. Въ главномъ же торговомъ городѣ Дакарѣ, на Зеленомъ мысѣ, живетъ около 2000 негровъ и 200—300 бѣлыхъ (французовъ). Это—самая цвѣтушая французская колонія.

Въ одномъ километрѣ отъ Дакара, при входѣ въ глубокую бухту собственно Дакарской гавани, расположено укрѣпленіе ея—Горее, представляющее скалистый базальтовый островъ незначительной величины. Но Горее, при своихъ 3042 жителяхъ, имѣетъ больше архитектурныхъ произведеній и признаковъ цивилизаціи, чѣмъ главный городъ Сенегамбіи—Дакаръ. Въ Дакарѣ, тамъ, гдѣ нѣтъ домовъ и хижинъ, совершенно голая земля покрыта всякаго рода нечистотами. Хижины туземцевъ, живущихъ въ совершенно отдѣльной части города, расположены довольно тѣсно другъ около другу и образуютъ въ свою очередь особенные участки, домовъ въ 50 каждый, обнесенные общимъ плетнемъ изъ бамбуковаго тростника. Самыя хижины имѣютъ около 4—5 метровъ высоты и 3 метровъ длины и ширины, дѣлаются изъ ситника или тростника, на подобіе стога. Въ такой хижинѣ, неимѣющей никакихъ перегородокъ, живутъ по четыре или по пяти человѣкъ. Около хижины днемъ совершается всякая хозяйственная работа; здѣсь-то собственно и находится «домашній очагъ» туземца. Настоящимъ украшеніемъ садовъ и дворовъ служатъ олеандры, съ ихъ пурпуровыми цвѣтами, и роскошно произрастающее «трубное дерево». Около дорогъ часто растутъ такъ усердно разводимые у насъ мясистые кактусы, но не слѣдуетъ трогать ихъ или рвать ихъ красивые желтые цвѣты, вслѣдствіе того, что они усажены часто микроскопически-мелкими шипиками, или покрыты множествомъ мелкихъ насѣкомыхъ. Въ числѣ приблизительно 20 каменныхъ строеній есть 3 или 4 такъ-называемые отеля, носящіе громкія названія: Hôtel de France, Hôtel des Messageries nationales и т. д. При гостинницѣ, состоящей изъ комнаты съ бильярдомъ, или столовъ и стульевъ на открытомъ воздухѣ передъ домомъ или позади его, бываетъ непремѣнно лавка, въ которой можно найти все, чего только душѣ угодно, и кушитъ какъ соломенную шляпу или шелковое платье, такъ и кусокъ сыру. Хозяева гостинницъ—все французы, прислуга же для гостей и покупателей состоитъ исключительно изъ негровъ, которыхъ здѣсь можно наблюдать очень хорошо. Вечеромъ они сидятъ на корточкахъ передъ дверьми дома, вокругъ горящихъ угольевъ, и ѣдятъ изъ большого горшка или тыквенной чашки свой ужинъ, состоящій большею частью изъ маиса, приготовленнаго впрочемъ различнымъ образомъ. Дѣти совершенно голы и, кромѣ амулетовъ, обвѣшаны еще множествомъ ожерельевъ изъ стеклянныхъ бусъ, агата и т. п. Къ сожалѣнію, какъ дѣти, такъ и взрослые покрыты такою грязью, что слѣдуетъ очень остерегаться, какъ бы отъ прикосновенія къ нимъ не приобрести себѣ ту или другую разновидность насѣкомыхъ изъ се-

мейства Pediculus (вшей). Матери всегда носят своихъ дѣтей на себѣ, держа ихъ за спиною такъ, что ребенокъ обхватываетъ мать ножками за бедра, причемъ видна только голова ребенка, между тѣмъ какъ тѣло его совершенно закрыто полотномъ, концы котораго завязываются спереди. Самыя маленькія дѣти, т. е. грудныя, подвязываются подобнымъ же образомъ къ груди, такъ что ребенокъ можетъ со сать *ad libitum*. Съ этими подвѣсками матери исполняютъ всякія работы, не обращая никакого вниманія на бѣдныхъ крошекъ; несмотря на это, дѣти кричатъ очень рѣдко и чувствуютъ себя хорошо и весело въ такомъ, повидимому, неудобномъ положеніи. Рѣдко замѣтите вы сколько-нибудь хорошенькое лицо; но тѣлосложеніе туземцевъ вовсе недурно, хотя встрѣчается много мускулистыхъ фигуръ, съ весьма длинными ногами и непропорціональными формами икръ, что кажется безобразнымъ. Замѣтимъ между прочимъ, что у нихъ весьма часто пупъ имѣетъ уродливый видъ—онъ слишкомъ выпячивается впередъ; это происходитъ, конечно, вслѣдствіе крайне небрежнаго отношенія къ дѣтямъ при рожденіи. За нѣсколько копѣекъ женщины охотно танцуютъ свой національный танецъ. Одна изъ нихъ барабанитъ по большой опрокинутой тыквенной чашкѣ, а другія пляшутъ и прыгаютъ съ самыми странными кривляніями, бормоча при этомъ что-то въ родѣ пѣсни, состоящей изъ монотоннаго повторенія двухъ или трехъ словъ и тоновъ. Самый танецъ называется «тамъ-тамъ» и выражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ радость при полученіи, напр., какого-нибудь подарка. Любовь къ дѣтямъ у негровъ, говоритъ Оскаръ Канштаттъ, у котораго мы заимствуемъ это описаніе,—не особенно велика, такъ какъ мать продала одному изъ моихъ проводниковъ своего маленькаго негритѣнка—и весьма дешево, всего за 2 франка. «Мы отправились затѣмъ на бывающій здѣсь ежедневно базаръ, который помѣщается по срединѣ Дакара, на песчаномъ островѣ—иначе я не могу назвать этого мѣста. Отъ двѣнадцати до двадцати женщинъ и мальчиковъ сидѣли на землѣ на корточкахъ и продавали мѣстные плоды и фрукты, лежавшіе передъ ними въ тыквенныхъ чашкахъ. Выборъ товаровъ былъ не великъ и состоялъ только изъ одного сорта черныхъ бобовъ, мелкихъ апельсиновъ, янцъ и различныхъ незнакомыхъ мнѣ фруктовъ, которые намъ расхваливали какъ весьма вкусные, но всѣ они имѣли болѣе или менѣе горькій вкусъ. Продавалось также кокосовое молоко и одинъ сортъ хлѣба совершенно плоской, круглой формы, величиною вполонину меньше тарелки. Рынокъ посѣщается только неграми, которые, повидимому, единственные любители его произведеній. Да и не слишкомъ-то аппетитно ѣсть этотъ хлѣбъ и пить кокосовое молоко весьма сомнительнаго вида». Типъ дакарской расы негровъ вообще не красивъ, а именно: у нихъ необыкновенно сильно выдаются нижняя челюсть и нижняя губа, а шерстистые волосы на головѣ чрезвычайно рѣдки, притомъ же цвѣтъ кожи ихъ не коричневый, не чернѣй, а скорѣе темно-сѣрый съ нѣкоторымъ бронзовымъ отливомъ. На шеѣ, равно какъ на рукахъ и на ногахъ, они носятъ съ особеннымъ достоинствомъ амулеты, кольца, монеты и всевозможныя вещи. Но всего чаще они привѣшиваютъ одинъ или нѣсколько полотняныхъ мѣшечковъ, величиною въ четверть карты; въ нихъ хранится какое-то твердое, плотное вещество, которое зашито въ сѣрый холстъ и никогда не показывается. Иные носятъ эти талисманы на срединѣ головъ, прикрѣпивъ къ пучку волосъ. У нѣкоторыхъ

Песчаные смирны въ пустынь.

головы совершенно выстрижены, за исключеніемъ пряди, спускающейся на лобъ, или вѣйка изъ волосъ, въ родѣ того, какъ носятъ наши монахи.

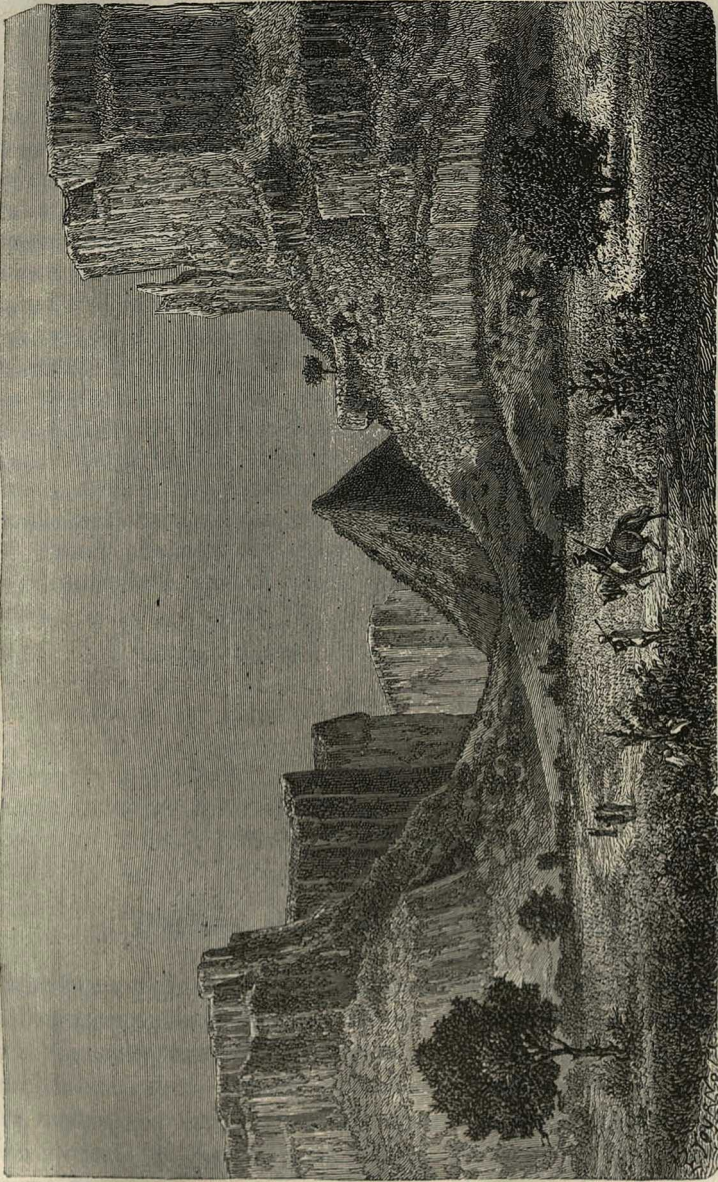
Описанные здѣсь негры суть члены той семьи, которая населяетъ обширныя наносныя равнины между нижнимъ Сенегаломъ, Гамбією и рѣкою Фалемою и называется серере-волофъ (джолофъ, золофъ). Далѣе, въ гористой внутренности страны живутъ мандинго, или малинке, и сонинке, справедливо считаемые африканскими евреями, такъ какъ у нихъ на первомъ планѣ торговля и барышничество. Эти народы живутъ на западномъ склонѣ горъ, съ котораго берутъ начало Сенегаль, Гамбія, а также и текущій къ востоку Нигеръ. Эта горная система называлась прежде Конгскими горами, но названіе это на картахъ, повидимому, постепенно исчезаетъ. Одинъ отрогъ ея тянется параллельно Гвинейскому заливу, къ востоку, въ Сенегамбіи же горы переходятъ въ неизслѣдованную еще, уступообразную страну, на западномъ и сѣверномъ окраинахъ которой живутъ названные сонинке и мандинго, распространяясь до Нигера и даже за Нигеръ. Самую могучую вѣтвь ихъ составляютъ бамбарры, которые считаютъ себя гораздо многочисленнѣе и выше всѣхъ другихъ, даже въ отношеніи языка. Они живутъ между 11° и 15° с. ш., и страна ихъ мѣстами населена очень густо. Совершенно отлично отъ названныхъ большое, пришедшее изъ восточной Африки, племя пеулы или пулы, а также фульбы, фулы, фулахи, или феллаты. Это—не настоящіе негры, потому что у нихъ красная кожа; они высоки ростомъ и стройны, черты лица гораздо красивѣе, волосы не такъ курчавы и притомъ они воспріимчивѣе къ цивилизаціи. Они живутъ преимущественно въ высшихъ частяхъ Сенегамбіи, но распространены и за Нигеромъ до Феллатскихъ государствъ, получившихъ отъ нихъ свое названіе. вмѣстѣ съ племенемъ малинке они населяютъ въ Сенегамбіи мѣстность Фута-Джіаллонъ, съ которою ближе познакомили насъ изслѣдованія французскаго путешественника Ламбера.

Фута-Джіаллонъ—густо населенная горная страна, на центральномъ плоскогорьи которой находятся истоки Нигера, Сенегала, Фалемы, Гамбіи, Ріо-Гранде и еще двадцати другихъ рѣкъ. Ламберъ началъ свое путешествіе туда изъ факторіи Бель-Эръ, при устьѣ Ріо-Нунецъ, представляющемъ морской заливъ, въ который изливается, нѣсколько выше Каканди, небольшая рѣка Таквилента, или Танкилита; вся прибрежная мѣстность красива и плодородна; до мѣстечка Каканди встрѣчаются въ торговлѣ пальмовое масло и земляные орѣхи; кофе растетъ въ горахъ далѣе внутрь страны въ дикомъ состояніи. Путь шель черезъ лѣсъ, оживленный пестрыми птицами и перерѣзанный ручьями; въ немъ пахло медомъ и роились пчелы. Многія деревья достигаютъ колоссальной высоты, въ особенности *Вомбахъ* съ могучими вѣтвями и нетте (одно изъ самыхъ красивыхъ растений семейства бобовыхъ), которое распространено по всему Судану; плодъ его походитъ на бобъ, а зерна содержатъ сладкую киселистую массу; послѣдняя съ апрѣля по май мѣсяцъ составляютъ существенную часть пищи для людей, идущихъ съ караванами.

Хищныхъ звѣрей въ этихъ лѣсахъ Ламберъ не видалъ, но замѣтилъ много собако-головыхъ обезьянъ. Въ особенности дерзко вели себя мандрилы (*Simposcephalus mormon*). Долина Рио-Нуецъ оканчивается къ В. на лѣсистомъ плоскогорьи, а за пригоркомъ высотой въ 150 м. начинается долина Когона, бассейнъ которой обходитъ долину Таквиленты съ юга на сѣверъ и затѣмъ до самаго моря идетъ въ прямомъ направленіи къ западу. Въ живописной деревнѣ Гуэме отверстія хижинъ такъ малы, что въ нихъ нужно вползать; между отдѣльными жилищами идутъ земляныя стѣны или живыя изгороди изъ *Euphorbiaceae* (молочайныхъ). Къ востоку отъ слѣдующаго мѣстечка Компеты начинается водораздѣлъ, отдѣляющій бассейнъ Когона отъ бассейна рѣки Томине, причѣмъ послѣдняя составляетъ главный притокъ Рио-Гранде и образуетъ великолѣпный водопадъ, превращающій въ дождливое время всю долину бассейна въ одно безпокойное озеро. Поэтому и мѣстность называется Донголь, т. е. страна воды. Люди живутъ на плоской возвышенности, гдѣ расположены фулаго, т. е. деревни фулахскихъ пастуховъ, и румбды—шалашы невольниковъ, которые должны обрабатывать землю для своихъ господъ и повелителей, занимающихся только скотоводствомъ. Крутой горный склонъ ведетъ въ роскошный лѣсъ въ бассейнъ рѣки Какриманъ, а потомъ къ рѣкѣ Дигъ, куда впадаютъ съ высотъ безчисленные ручьи, большая часть которыхъ образуетъ прелестныя каскады. Горная масса, пересекаемая Какриманомъ и его притоками, переходитъ къ востоку въ обширную, безлѣсную плоскую возвышенность. Фулахи расчищаютъ кусты и рубятъ деревья въ тѣхъ именно мѣстахъ, которыя удобны для пастбищъ. Они не знаютъ никакого земледѣльческаго орудія, кромѣ грубой мотыги, а вмѣсто навоза употребляютъ дерновую золу и пожниве. За Ассанкверою Ламберъ прошелъ рядъ плоскогорій и долинъ, спускающихся частію на ЮЗ, частію на СВ., и прибылъ въ Фокумбу, священный городъ Футы-Джіаллона и кодыбель магометанства въ этой странѣ, откуда отправился въ Тимбо—маленькое мѣстечко, расположенное при подношвіи горы въ 300 м. высотой и имѣющее такую же величину и такое число жителей, какъ и Фокумба, т. е. не болѣе 3000 человекъ. (Globus. II Bd., S. 1—11).

Сѣверная часть внутренней Сенегамбіи все еще принадлежитъ къ числу наименѣе извѣстныхъ странъ Африки. Одиному путешественнику даже очень трудно проникнуть съ Сенегала въ Тимбукту; вся страна находится во владѣніи мелкихъ негритянскихъ царьковъ, изъ которыхъ немногіе находятся въ хорошихъ отношеніяхъ къ французамъ, но большая часть ихъ живетъ въ постоянной враждѣ между собою. Проникновеніе ревностныхъ послѣдователей ислама въ среду древняго, первобытнаго язычества чернокожихъ зажгло пламя войны и совершенно закрыло эти страны для всякаго чужеземца. Однако въ 1863—1866 гг. двумъ французскимъ офицерамъ Э. Мажу и д-ру Кентену удалось пробраться съ Сенегала до Сегу на Нигерѣ.

Такъ какъ по самому Сенегалу нельзя ѣхать даже въ челнѣ, то экспедиція должна была двигаться сухимъ путемъ вдоль его береговъ до форта Бакеля, а затѣмъ приходилось переходить многіе притоки Сенегала. Такъ они достигли Медины—самаго дальняго французскаго поста на Сенегалѣ, неподалеку отъ

Долина Нагиа въ Сенегамби.

котораго рѣка образуетъ водопады Фелу. Съ высотъ около Натіаги Мажъ любовался великолѣпнымъ видомъ. Онъ видѣлъ повороты рѣки до Дингиры; водопады и пороги блестѣли серебрянымъ блескомъ, а горы Натіаги имѣли величественный видъ. Направо тянулись великолѣпныя горы Мака-Гейянъ. Земля необыкновенно плодородна, воды—изобиліе, а рѣки кишатъ рыбою. Нѣтъ также недостатка ни въ золотѣ, ни въ желѣзѣ; быстрины даютъ какую угодно водяную силу. Но люди не умѣютъ ничего сдѣлать съ этими сокровищами; они не имѣютъ даже приличнаго одѣянія, женщины ходятъ полунагія; жилища, хозяйственные принадлежности и земледѣльческія орудія жалки. Среди ужасныхъ затрудненій подвигался Мажъ со своею экспедиціею по рѣкѣ и вдоль береговъ ея; наконецъ, достигъ Кундіана, представляющаго собою настоящую крѣпость, выстроенную изъ камня среди богатыхъ золотомъ и хлѣбомъ окрестностей. Затѣмъ три дня пришлось идти по пустынной странѣ Бафингъ. Здѣсь экспедиція покинула долину Сенегала и слѣдовала чрезъ земли Малинке до Морены, гдѣ въ первый разъ Мажъ встрѣтилъ у женщинъ другой головной уборъ, красивѣе и оригинальнѣе, чѣмъ у малинке. Провинція Діангунтъ съ главнымъ городомъ Діангиртъ, окруженнымъ высокими стѣнами, принадлежитъ уже государству Сегу, граница котораго вскорѣ была перейдена экспедиціею. Страна становится все холмистѣе, за равнинами слѣдуетъ лѣсистая мѣстность, однообразіе прерывается ущельями долинъ, отъ времени до времени показываются скалы, а около селеній все чаще и чаще попадаются поля табаку. Такимъ образомъ они дошли наконецъ до Ямины, втораго главнаго города королевства Сегу, а вскорѣ затѣмъ и до самой столицы Сегу на Нигерѣ.

ГЛАВА X.

Страны сѣвернаго берега Гвинеи.

Важнѣйшіе пункты сѣвернаго гвинейскаго берега находятся въ рукахъ англичанъ, основавшихъ здѣсь торговыя поселенія. Развитію торговли препятствуютъ тамъ различныя обстоятельства, большею частью нездоровый климатъ, лѣнность и недобросовѣстность жителей и т. п. Но хотя европейская предпріимчивость и подвергается многимъ неудачамъ, тѣмъ не менѣе на берегъ доставляются для продажи или обмѣна громадныя количества пальмоваго масла, орѣховъ, нибиря, перцу и т. д. Въ Батурстѣ, на рѣкѣ Гамби, существуетъ большая англійская колонія, мѣстное населеніе которой состоитъ изъ высокорослыхъ, атлетическихкихъ и плутоватыхъ въ торговлѣ негровъ. Въ Фритоунѣ, на Сьерра-Леоне, негры лѣнны и легкомысленны, и потому торговыя дома тамъ при- ходятъ въ упадокъ. Монровія, главный городъ Либеріи, хорошо распо-

ложена, но имѣть незначительную торговлю, и всѣхъ доходовъ республики не хватало даже на уплату процентовъ по займу, сдѣланному нѣсколько времени тому назадъ на англійскомъ рынкѣ. Затѣмъ по порядку слѣдуетъ Пальмовый мысъ, куда для работъ привозятъ въ большомъ количествѣ кули. Живущіе тамъ кру хотя сильны и сравнительно умны, но съ очень воровскими наклонностями. На Слоновомъ берегу туземцы доставляютъ англійскимъ купцамъ для промѣна много слоновой кости. Въ Лагосѣ, Бенинѣ и на Нигерѣ производится большая торговля пальмовымъ масломъ, которая была бы громадна, если бы водяное сообщеніе съ внутренностью страны было лучше. Бонни можетъ считаться главнымъ торговымъ мѣстомъ на всемъ берегу. Главные предметы торговли представляютъ масло и слоновая кость; но тамошняя система кредита и трудность отправки закупленныхъ предметовъ составляли до сихъ поръ непреодолимое препятствіе къ развитію торговли. Островъ Фернандо-По и Камерунскій округъ производятъ также значительную торговлю. Торговля невольниками была тамъ большею частію подавлена, но совсѣмъ уничтожена она можетъ быть только упорною блокадою.

Предполагаемый обмѣнъ англійскихъ владѣній по Гамбіи на нѣкоторыя французскія мѣстности на Сьерра-Леонскомъ берегу, до сихъ поръ не осуществился, да врядъ ли и можетъ осуществиться, хотя чрезъ это англійскія владѣнія на западномъ берегу Африки сдвинулись бы ближе другъ къ другу и нѣсколько облегчилось бы управленіе. Хотя владѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь, имѣютъ только около 15,000 жителей — почти все негровъ, но они господствуютъ надъ торговлею по судоходной далеко внутрь страны Гамбіи; ихъ главный городъ — Батуретъ находится въ десяти дняхъ пути отъ Ливерпуля и только въ 46 дняхъ пути отъ Тимбукту, — все это благоприятныя условія, которыя общающъ имъ въ будущемъ широкое развитіе. Впрочемъ, и теперь уже торговля по Гамбіи довольно значительна (ввозъ и вывозъ въ 1873 г. составляли 4½ милліона марокъ), причемъ эта колонія въ состояніи сама покрывать расходы на свое управленіе, чего нельзя сказать про всѣ подобныя мелкія владѣнія.

Къ югу отъ Сенегамбіи, гдѣ нѣкоторыми пунктами, рядомъ съ англичанами, владѣютъ и португальцы, напримѣръ маленькимъ Биссеготскимъ архипелагомъ, мы находимъ англійскую колонію Сьерра-Леоне, съ главнымъ городомъ Фритаунъ, съ посредственно плодородною почвою и въ высшей степени опаснымъ климатомъ. Соціальныя порядки въ этой колоніи тоже не особенно отрадны. Миссіонеры, по крайней мѣрѣ католическіе, работаютъ здѣсь, какъ вообще въ Сенегамбіи и во многихъ другихъ мѣстахъ Африки, — довольно безуспѣшно и лишь съ большимъ трудомъ могли приобрѣсти немногихъ послѣдователей. Протестантскіе же апостолы, большею частію изъ негровъ, составляютъ настоящую язву Сьерра-Леоне; принадлежа ко всевозможнымъ сектамъ, строя всюду церкви и проповѣдая, они довели

дѣло до того, что незаконныя рожденія въ городѣ составляютъ 90 процентовъ. Британское правительство, вѣроятно, чтобы привлечь къ себѣ чернокожихъ, дало имъ полную свободу говорить и дѣлать, что имъ угодно. Поэтому-то они и отличаются невѣроятнымъ безстыдствомъ и считаютъ себя далеко выше бѣлыхъ. Изъ принципа равенства неграмъ предоставлено было даже право быть присяжными. Они составляли большинство, причемъ случилось то, что вездѣ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ (какъ напримѣръ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Сициліи), т. е. они всегда обвиняли бѣлыхъ при тяжбахъ съ ихъ черными братьями, почему право это пришлось у нихъ отнять. Однимъ словомъ, положеніе дѣлъ на Сіерра-Леоне никоимъ образомъ не можетъ дать высокаго понятія о колонизаторскихъ способностяхъ англичанъ.

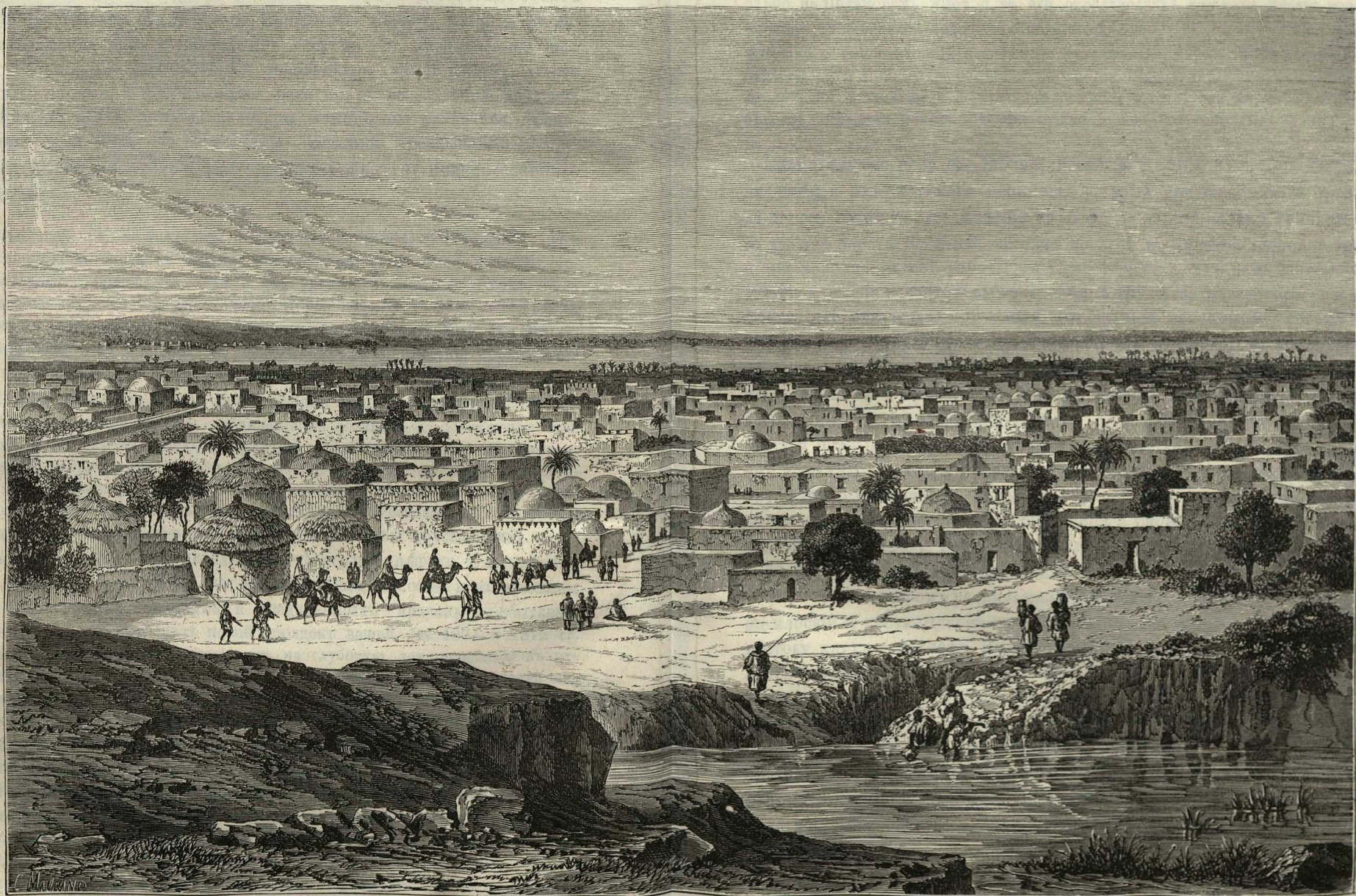
Негры на Сіерра-Леоне принадлежатъ къ такъ называемымъ галлинамъ, которые сохранили многіе нравы и обычаи своихъ предковъ, бывшихъ вѣроятно чистыми мандингами; они все еще употребляютъ лукъ и стрѣлы, довольно изобрѣтательны въ устройствѣ окоповъ, умѣютъ рѣзать изъ дерева, пальмовыхъ орѣховъ и т. п. разныя вещи, дѣлаютъ деревянные ложки и чашки, а также и различныя желѣзныя вещи. Почва страны галлиновъ, въ которой водятся огромныя змѣи-питоны (*Python hieroglyphicus*), песчана, бесплодна и неудобна для земледѣлія; поэтому ошибочно думать, что эта страна можетъ производить какой-нибудь предметъ вывоза. Галлинскіе негры большею частью страшные трусы и отчаянные игроки; всѣ они болѣе или менѣе придерживаются ислама, что имъ не мѣшаетъ, однако, быть необыкновенно суевѣрными.

У всѣхъ африканскихъ негровъ рабство находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, оно введено туда не извнѣ, а составляетъ старинный, совершенно національный институтъ, такъ что можно смѣло сказать, что въ Африкѣ одна половина населенія состоитъ въ невольничествѣ у другой. Рабство является результатомъ различныхъ причинъ—и прежде всего войны, такъ какъ всѣ военнопленные обращаются въ рабство; къ тому же часто и голодъ заставляетъ свободныхъ людей отказываться отъ своей независимости. Третью причину рабства составляетъ несостоятельность; четвертою считаются нѣкоторыя преступленія, какъ напр. убійство, нарушеніе супружеской вѣрности и колдовство, которыя по африканскимъ правовымъ обычаямъ наказываются лишеніемъ свободы. А тамъ, гдѣ существуетъ рабство, мы непременно встрѣчаемъ и торговлю рабами, ибо она становится потребностью; гдѣ же существуетъ потребность, тамъ скоро является и ея удовлетвореніе. Поэтому-то всѣ старанія уничтожить торговлю невольниками и оставались такъ долго вообще безплодными. Конечно, при строгомъ надзорѣ за морскимъ берегомъ, можно было сдерживать лишь трансатлантическую торговлю невольниками, производившуюся долго съ западнаго берега Африки, но не внутреннюю, совершающуюся въ срединѣ самаго материка. Закрываютъ ей одну дорогу, она ищетъ и легко находитъ другую—вотъ и все, и цѣль ея все таки достигается. Это показываютъ новѣйшія изслѣдованія, которымъ мы обязаны еще и знаніемъ того, что то благотворное дѣйствіе на чернокожихъ, какого ожидали мечтательные друзья человѣчества отъ уничтоженія торговли невольника-

ми посредствомъ военныхъ кораблей,—вовсе не оправдалось въ дѣйствительности.

Въ прямой связи съ торговлею невольниками и рабствомъ стоитъ основаніе республики Либеріи на Перцовомъ берегу, которая заслуживаетъ вниманія, какъ единственное государство африканскихъ негровъ, устроенное на европейскихъ основаніяхъ: здѣсь живутъ только свободные черные, и негритянская раса могла всего лучше доказать въ Либеріи, до какой степени культуры можетъ она развиваться, представленная сама себѣ. Но результаты оказались чрезвычайно жалкіе, ибо они сдѣлали изъ Либеріи настоящую карикатуру цивилизованнаго государства.

Въ 1816 году въ Вашингтонѣ составилъ комитетъ, поставившій себѣ задачею переселить снова въ Африку освобожденныхъ отъ рабства черныхъ и цвѣтныхъ людей. Въ 1822 г. ему удалось приобрести кусокъ земли на Перцовомъ берегу Верхней Гвинеи. Новая колонія названа Либеріею, такъ какъ въ ней должны были селиться только люди свободные. Въ 1847 г. колонія объявила себя независимой республикою, и конституція новаго государства была копіею съ государственнаго устройства Соединенныхъ Штатовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ юное, разцвѣтавшее государство получило значительное приращеніе чрезъ соединеніе съ возникшею совершенно при такихъ же условіяхъ колоніею Мэрилендъ. Обѣ страны вмѣстѣ, Либерія и Мэрилендъ, имѣютъ около 1160 кв. кил., а населеніе въ 1867 г. состояло изъ 18,000 цивилизованныхъ негровъ и 700,000 туземцевъ. При основаніи колоніи Либеріи американцы думали чрезъ освобожденныхъ негровъ, освоившихся съ гражданскою и промышленною жизнью христіанскихъ народовъ, распространить блага цивилизаціи въ сердца Африки. Съ теченіемъ времени оказалось, что далеко не всѣ африканцы способны и расположены отказаться отъ своихъ туземныхъ и традиціонныхъ нравовъ и обычаевъ, какъ того необходимо требовалъ новый порядокъ вещей. Въ 1871 и 1872 гг. произошли событія, которыя указываютъ на глубокую деморализацію въ руководящихъ кружкахъ Либеріи: американскіе негры не только не оказали цивилизующаго вліянія на африканскихъ, но произошло совершенно обратное: американскіе негры сами возвращаются къ варварству. Школы находятся въ самомъ жалкомъ состояніи, разводы учащаются, народъ, подавляемый тяжелыми налогами, ходитъ въ лохмотьяхъ и въ рубищѣ. Но всего хуже дѣло идетъ въ нравственномъ отношеніи: мужа за нѣсколько листовъ табаку продаютъ своихъ женъ, родители—своихъ дочерей, часто въ самомъ нѣжномъ возрастѣ; а о распространенномъ и отвратительномъ обрядѣ въ такъ называемомъ Чортовомъ лѣсу, при которомъ суетворіе соперничаетъ съ безнравственностью, нечего и упоминать. Главный городъ, Монровія, немногимъ лучше какой нибудь нѣмецкой деревни: дороги для пѣшеходовъ состоятъ изъ протоптанныхъ тропинокъ—это и есть настоящіе тротуары. Ходитъ среди улицъ, на которыхъ, кромѣ травы, пышно произрастаетъ еще и разная другая растительность, конечно еще гораздо хуже и труднѣе, не говоря уже о свободно разгуливающихъ по нимъ свиньяхъ, козлахъ, овцахъ, баранамъ и ручныхъ обезьянахъ. Справедливо можно сказать, что «въ Африкѣ есть само-

Кано, торговый пункт центрального Судана.

стоятельныя негритянскія государства, какъ напр. Борну, которыя стоятъ несравненно выше этой «цивилизованной», такъ раздутой «филантропами» республики, составляющей въ дѣйствительности лишь жалкую каррикатуру». Недавно на Пальмовомъ мысѣ и въ его окрестностяхъ возстали многія племена противъ либерійскаго правительства, которое вовсе не въ состояніи оказать успѣшнаго сопротивленія подобнымъ бунтамъ. Въ битвѣ, происходившей 10 октября 1875 г. при Гарперѣ, въ провинціи Мэрилендъ, правительственныя либерійскія войска были совершенно разбиты и, отступая въ безпорядочномъ бѣгствѣ, оставили непріятелю три пушки и военные снаряды.

Значительную роль въ Либеріи играютъ негры кру, народъ трудолюбивый и атлетическаго сложенія, который приходитъ сюда съ находящагося недалеко отъ Либеріи къ востоку и номинально причисляемаго къ ней берега Кру; ихъ ввозятъ по всей въ экваторіальной Африкѣ, и они исполняютъ всѣ работы въ тѣхъ странахъ, гдѣ сами жители считаютъ для себя унижительнымъ малѣйшій трудъ. Весьма интересенъ тотъ фактъ, что эти негры кру вдали отъ родины, повидимому, совершенно осваиваются съ культурою, но, возвращаясь на родину, снова впадаютъ въ свое старое варварство. Выучиваясь легко на чужбинѣ иностраннымъ языкамъ и представляя бѣлымъ иногда даже примѣры истинной привязанности и самопожертвованія, они, возвратясь на родину, стараются позабыть выученное какъ можно скорѣе, — и горе бѣлому, если онъ отважится явиться въ ихъ страну! Страннѣе всего то, что каждый кру, какъ бы хорошо съ нимъ ни обращались, черезъ нѣсколько лѣтъ все-таки оставляетъ службу у европейца и снова возвращается на свою варварскую родину. Вотъ какъ мало привлекательности имѣетъ для сына природы наша хваленая цивилизациа!

Берегъ, на которомъ расположены Либерія и родина негровъ кру, вообще плоскій и песчаный; онъ возвышается только вблизи мысовъ, а къ юго-востоку крутъ и скалистъ. Километровъ за 40—50 внутрь страны мѣстность переходитъ въ лѣсистые холмы, а еще дальше — въ горы, въ которыхъ расположены плодородныя долины. Климатъ, какъ на берегу, такъ и внутри страны, для бѣлыхъ смертеленъ; онъ опасенъ также для чернокожихъ, родившихся въ умѣренномъ климатѣ; для туземцевъ же, напротивъ, не вреденъ. Земля содержитъ металлы, именно желѣзо и мѣдь, и производитъ прекрасныя и многочисленныя деревья, много подѣлочнаго и красильнаго лѣса, черное дерево, камеденосную акацію и копаловое дерево. Самая важная пзъ различныхъ и полезныхъ пальмъ — масличная пальма. Рядомъ съ нѣкоторыми лекарственными растеніями, произрастаютъ рисъ и маисъ, а внутреннія плоскія возвышенности доставляютъ пшеницу, ячмень и овесъ, также хлопокъ, сахарный тростникъ и превосходный кофе. Изъ животнаго міра изрѣдка встрѣчаются слоны, бегемоты, леопарды, крокодилы и красный звѣрь, а лѣса богаты обезьянами, гуанами, хамелеонами, ящерицами и муравьями, нѣкоторыя породы которыхъ очищаютъ дома отъ насѣкомыхъ и червей.

За Перцовымъ берегомъ, названнымъ такъ вслѣдствіе зеренъ перца малагетта (*Amonum granum paradisii*), слѣдуетъ къ востоку плоскій, однообразный, покрытый лишь кокосовыми рощами берегъ Слоновой, или Слоновой Кости, который почти во всю длину свою сопровождается лагуною, куда изливаются береговые рѣки. Французамъ принадлежать на этомъ берегу форты Ассини и Гранъ-Бассамъ — одинъ изъ важнѣйшихъ золотыхъ рынковъ; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ это послѣднее поселеніе покинуто.

Участь невольниковъ на этомъ берегу весьма своеобразна. Этими несчастными часто овладѣваетъ какое-то пресыщеніе жизнью; они объявляютъ объ этомъ своему господину, который затѣмъ даетъ имъ бутылку рому, вслѣдствіе чего они пьянѣютъ. Въ такомъ состояніи палачъ раскраиваетъ имъ дубиною черепъ, и трупъ убитаго оставляется безъ погребенія, на съѣденіе птицамъ небеснымъ и звѣрямъ лѣснымъ. Но въ Большой Бубѣ дѣло совершается не такъ просто. Прежде всего господинъ ведетъ своего, тяготящегося жизнью раба къ деревенскому старѣйшинѣ, который дѣлаетъ ему всевозможныя увѣщеванія, и когда они окажутся бесполезными, то назначаетъ день для собранія всѣхъ старѣйшинъ, которые и выслушиваютъ больного; но весьма рѣдко случается, чтобы онъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Его привязываютъ затѣмъ къ дереву, все общество бросается на него какъ стадо хищныхъ звѣрей, и онъ въ минуту разрывается на куски; но каждый участникъ этого праздника платитъ владѣльцу раба дань, которою послѣдній совершенно вознаграждается и можетъ купить себѣ другаго слугу, уже не столь меланхоличнаго. Человѣческія жертвы приносятся во время праздника по случаю сбора ямса, бывающаго обыкновенно въ октябрѣ, причемъ часто умерщвляютъ рабовъ, совершавшихъ погребеніе предводителя, какъ дѣлали галлы и другіе народы древности. Равенства у дикарей нѣтъ ни при жизни, ни по смерти, которая сопровождается суевѣрными обрядами. Въ Большой Бассамѣ мужъ имѣетъ право на жизнь и смерть своей жены, и одинъ предводитель разсказывалъ адмиралу Флеріо совершенно спокойно, въ видѣ обыкновеннаго разговора, о томъ, что онъ носитъ трауръ по своей, убитой имъ же самимъ, женѣ. На возраженія француза, онъ, ни сколько не смущаясь, ограничился такимъ отвѣтомъ: «Ну чтожъ изъ этого? Она была уже стара и не могла производить дѣтей». Злодѣйство вовсе не тревожило его совѣсти, — а у насъ проповѣдуютъ, что нравственный законъ для всѣхъ людей одинъ и тотъ-же!

Золотой берегъ нынѣ находится совершенно во владѣніи англичанъ. Голландцы продали Англіи свои владѣнія на Золотомъ берегу въ 1872 году. Они состояли изъ значительнаго поселенія Эльмины, съ резиденціею губернатора и фортомъ, и изъ факторій Аксимъ, Бутри, Хама, Апамъ, Виннебахъ и Аккра. Ввозъ простирался въ послѣдніе годы среднимъ числомъ до 1.400,000, а вывозъ — до 1.300,000 марокъ. Доходы правительства были ничтожны, расходы же, напротивъ, такъ велики, что Голландія должна была приплачивать и удерживала за собою это бесполезное владѣніе только потому, что вербовала здѣсь между неграми солдатъ для своихъ колоній въ Задней Индіи. Но голландскія факторіи

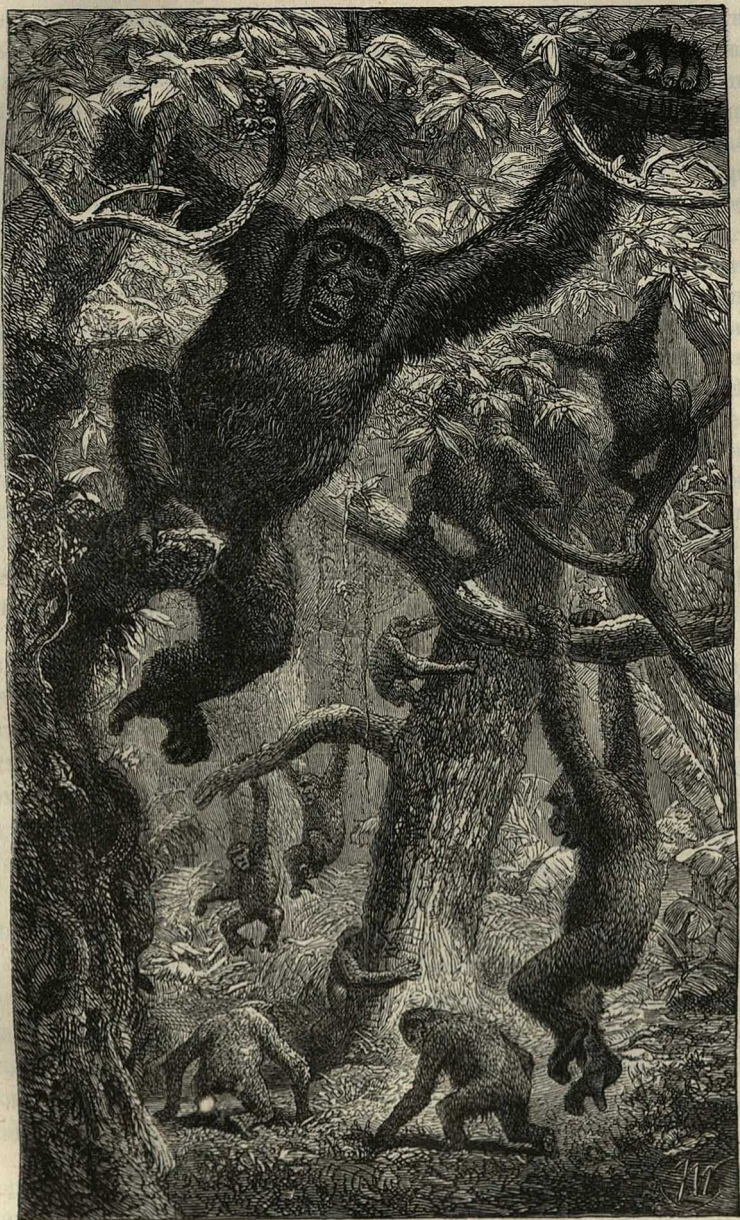
были расположены между британскими, изъ конхъ главная на Золотомъ берегу—Капъ-Кость-Кестль; Англія купила нидерландскія факторіи только для округленія своихъ владѣній, точно такъ-же, какъ она приобрѣла въ 1850 году и находившіяся тамъ датскія колоніи. Матеріальной выгоды Англія изъ этого не получила никакой, напротивъ только навязала себѣ снова своего старого врага — ашантиевъ. Негритянское государство Ашанти, расположенное внутри страны, за англійскими владѣніями, между двумя рѣками, Ассиніей и Вольтой, совершенно отрѣзано отъ берега, и торговля его не имѣетъ въ этомъ направленіи никакого выхода, или должна прокладывать себѣ далекій и невѣрный окольный путь чрезъ французское поселеніе Ассинію, при устьѣ рѣки того же имени. Но ему угрожаетъ также безпрестанно и прибрежное племя фанти, признавшее господство британцевъ и находящееся въ наслѣдственной враждѣ съ ашантиями. Поэтому-то въ 1873 — 1874 г. вспыхнула кровавая война между англичанами и ашантиями, въ которой былъ сожженъ главный городъ ихъ государства, Кумасси, и все государство Ашанти было разорено. Эта ашантийская война была благопріятна для Золотого берега и заставила англичанъ превратить ихъ бывшій протекторатъ съ неограниченными полномочіями въ дѣйствительное господство и построить дороги въ стратегическихъ видахъ. Наконецъ, въ декабрѣ 1874 г. было отмѣнено рабство и тѣмъ произведенъ полный переворотъ въ соціальныхъ отношеніяхъ Золотого берега.

Золотой берегъ, извѣстный съ 1366 г. и на которомъ по-очередно водворялись французы, португальцы, голландцы, датчане и по временамъ бранденбургцы, состоитъ изъ равнины, шириною въ $4\frac{1}{2}$ часа пути, ограниченной со стороны суши горами и дѣственными лѣсами. Главныя произведенія его, кромѣ золота, промысела неграми самымъ грубымъ способомъ изъ наносной земли, составляютъ: масличная пальма (*Elais Guineensis*), продуктъ которой вывозится все болѣе и болѣе, что служитъ причиною необыкновенно оживленнаго движенія кораблей. Несмотря на такое огромное его количество, до отмѣны рабства, оно переносилось на берегъ туземцами въ кувшинахъ на головахъ. Другіе продукты суть: масло земляного орѣха, ямсъ (бататъ) и манихъ; попытки ввести рогатый скотъ и лошадей до сихъ поръ не удавались вслѣдствіе укушеній ядовитой мухи цеце (*Glossina morsitans*). Съ 1827 г. миссія Васлера получила возможность собирать свѣдѣнія о климатѣ Золотого берега. Первые миссіонеры до 1841 г. умерли всѣ до одного, но впоследствии люди постепенно научились противостоять климату; господствующія болѣзни здѣсь — перемежающаяся лихорадка, поносъ, страданія печени; наконецъ, болѣзнь, причиняемая гвинейскимъ червемъ (*Filaria medinensis*). Жители Золотого берега — негры различнаго тива и племенъ, и на пространствѣ 5 дней пути говорятъ по крайней мѣрѣ на четырехъ языкахъ. Миссіонеры (при помощи профессора Лепсіуса, въ Берлинѣ) должны были составить азбуку употребляемыхъ на Золотомъ берегу языковъ, и теперь тамъ существуетъ богатая педагогическая литература, 27 христіанскихъ общинъ и хорошо организованныя школы съ 1200 учениками. Цивилизація страны встрѣчаетъ большое препятствіе въ пьянствѣ туземцевъ,

такъ какъ прежде водка, оружіе и табакъ составляли единственные предметы мѣны на невольниковъ. Суды постановляютъ свои рѣшенія за бутылкою водки; виновный присуждается, кромѣ денежнаго штрафа, еще къ штрафу въ видѣ водки; въ свадебныхъ подаркахъ главную роль играетъ водка и т. д. Промышленность обязана своимъ зарожденіемъ также миссіонерамъ. Пиленый еловый лѣсъ для постройки домовъ нужно было получать прежде изъ С. Америки, хотя это мягкое дерево дѣлалось добычею термитовъ, между тѣмъ какъ теперь твердое, недоступное для термитовъ дерево сосѣднихъ первобытныхъ лѣсовъ обдѣлывается туземными столярами. Они занимаются и необходимою слесарною работою; это тѣмъ желательнѣе, что ни одинъ европеецъ не можетъ вынести въ этомъ климатѣ работы у огня.

Впрочемъ, мы не должны считать успѣхи миссіонеровъ особенно грандіозными, такъ какъ еще очень большое число негровъ остается вѣрнымъ своему языческому образу мыслей. Африканцы находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ другимъ міромъ; принимаясь за тыквенную бутылку пальмоваго вина, фанти никогда не преминетъ пролить нѣкоторое количество его на землю и всегда пригласить къ выпивкѣ своего бога-хранителя. Невѣріе у дикарей неизвѣстно: человѣкъ можетъ пренебрегать богами, отказывать имъ въ жертвахъ, даже презирать ихъ силу, но онъ никогда не сомнѣвается въ ихъ существованіи, — и если онъ подвергается болѣзни или несчастію, то приписываетъ это тотчасъ же оскорбленному богу, дѣлаетъ имъ приношенія и молить о прощеніи. Онъ придаетъ имъ человѣческій характеръ; онъ смотритъ на нихъ, какъ на тираническихъ предводителей или царей. Онъ говоритъ, что нѣкоторые изъ нихъ добры, но не безконечно, потому что могутъ обижаться, а нѣкоторые злы, но не совсѣмъ, потому что могутъ быть умиловлены. Хотя африканцы чтутъ злое начало не совсѣмъ такъ, какъ въ вавилонскихъ равнинахъ, но, подобно имъ, молятся и приносятъ жертвъ больше злымъ, чѣмъ добрымъ богамъ, точно такъ-же какъ они тиранамъ платятъ больше дани, чѣмъ добрымъ царямъ. Африканецъ не знаетъ законности — онъ платитъ налоги просто изъ страха и такъ-же относится и къ своей религіи. Главная добродѣтель дикихъ состоитъ въ семейной привязанности, которая простирается за предѣлы жизни и видимаго міра. Члены одной и той же семьи или даже одного племени связаны между собою замѣчательною вѣрностью. Съ другими они могутъ поступать измѣнительно, безчестно, варварски, но между собою дружны и вѣрны. Покойникъ погребается часто въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ онъ жилъ. Родственники представляютъ его себѣ не тѣломъ, пожираемымъ червями, а въ видѣ эфирной души, которая витаетъ около нихъ и находится въ ихъ обществѣ. Часто ставятъ для него какую-нибудь фду или чашу пальмоваго вина, потому что африканцы вѣрятъ, что и у пищи есть душа, которую и вкушаетъ духъ; матерія же ея, какъ и матерія человѣческаго тѣла, подлежитъ тлѣнію. Когда говорятъ африканцу, что души обитаютъ далеко, то онъ начинаетъ смѣяться съ видомъ глубокомысленнаго превосходства и рассказываетъ, что ночью онъ видѣлъ духовъ и слышалъ ихъ звуки. И развѣ онъ не знаетъ, что любимыя существа съ нимъ? Развѣ онъ не чувствуетъ, что они тутъ? Онъ никогда не бываетъ одинъ: если съ нимъ нѣтъ людей, то при немъ всегда присутствуютъ души умершихъ, и онъ поетъ имъ о своихъ родостяхъ и горѣ.

Менѣе извѣстны, вѣроятно, слѣдующіе нравы и обычаи западно-африкан-

Гориллы.

скихъ народовъ, въ особенности фанти. Для всего мужскаго и женскаго населенія существуютъ только семь мужскихъ и женскихъ именъ, составляющихъ въ то же время названіямъ дней недѣли, и такъ какъ выборъ этотъ, конечно, весьма ограниченъ, то прибѣгаютъ къ прозвищамъ. Очень оригиналенъ на Золотомъ берегу обычай закладывать людей: отцы и матери закладываютъ своихъ сыновей и дочерей, мужа—жену, а жены—мужей, и притомъ такъ равнодушно, какъ, напримѣръ, нѣмецкій студентъ закладываетъ свои часы. Хуже всего то, что заложная женщина предоставляется въ полное распоряженіе залогопринимателя. Если заложный человѣкъ умираетъ, то трупъ его прикрѣпляется высоко къ вѣтвямъ дерева, гдѣ его не могли бы достать звѣри,—и такъ какъ тамошніе народцы, какъ мы только что говорили, вѣрятъ въ безсмертіе души и убѣждены, что покойникъ не можетъ переселиться въ вѣчную обитель прежде, чѣмъ похороненъ его трупъ, то родственники употребляютъ всевозможныя старанія, чтобы освободить заложнаго покойника. У фанти существуютъ два дьявола—одинъ, Абонсамъ, властвуетъ надъ душами нечестивыхъ на небѣ, а другой, Сасабонсамъ, большое, человѣкоподобное чудовище краснаго цвѣта, съ длинными волосами, расположенное къ колдунамъ и вѣдмамъ, царствуетъ на землѣ. Господинъ Сасабонсамъ живетъ въ самыхъ глубокихъ ущельяхъ темнаго лѣса и непремѣнно около огромнаго шелковаго дерева. Обычай праздновать смерть человѣка хорошею попойкою и т. д. господствуетъ и тамъ и сопровождается извѣстными и часто небезнаказанными послѣдствіями. Смертность между дѣтьми на Золотомъ берегу несоразмѣрно велика.

Послѣдняя ашантійская война ознакомила насъ болѣе прежняго съ оригинальнымъ негритянскимъ государствомъ Ашанти. По сообщеніямъ Винвуда — Риды, ашанти принадлежатъ къ той же семьѣ негритянскихъ племенъ, какъ и находящіеся подъ британскимъ покровительствомъ фанти, и ихъ нарѣчія отличаются другъ отъ друга лишь въ ничтожной степени. По сказанію, они раздѣлились нѣкогда во время постигшаго ихъ въ военномъ походѣ голода, причемъ одно племя питалось травою «фанъ», отчего и стало фанти (ѣдящіе «фанъ»), а другое кормилось растеніемъ «шанъ», отчего и называется шанти, т. е. ѣдящіе «шанъ». Буква *a* передъ словомъ «шанти» самими ашантиями едва-ли когда-нибудь произносится. Геній двухъ или трехъ вождей создалъ націю ашантиевъ, основалъ ихъ главный городъ Кумасси, разработалъ золотые рудники страны и, наконецъ, распространилъ царство на западъ до морскаго берега, а на востокъ до Бунтуку — полумусульманскаго города, въ которомъ не бывалъ ни одинъ европеецъ.

Король ашантиевъ — конституціонный (?) монархъ, но съ большою неограниченною властью. При вступленіи на престолъ, высшіе сановники предостерегаютъ его, что онъ будетъ свергнутъ съ престола, если не будетъ слѣдовать извѣстнымъ основнымъ законамъ, но, съ другой стороны, онъ можетъ угнетать отдѣльныхъ лицъ. Судъ онъ творить лично, только съ помощью судебныхъ засѣдателей или, какъ ихъ называютъ въ странѣ, языковѣдовъ, которые слушаютъ и разбираютъ показанія сторонъ и свидѣтелей, а король,

послѣ нѣкотораго совѣщанія, постановляетъ окончательный приговоръ. Онъ и его народъ — язычники, хотя въ городѣ есть мусульманскій кварталъ; мусульмане здѣсь — купцы изъ странъ, орошаемыхъ Нигеромъ. Королева-мать въ Ашанти пользуется высшимъ положеніемъ, нежели всѣ жены короля: она — единственная женщина, которая имѣетъ право вмѣшиваться въ государственныя дѣла и ходить безъ покрывала. Король можетъ держать 3333 жены, но не болѣе, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ число ихъ неопредѣленно. Иныя изъ этихъ дамъ — простыя невольницы, которыя работаютъ на королевскихъ плантаціяхъ и снабжаютъ дворъ маниокомъ и фигами, другія же живутъ въ роскошно (?) убранныхъ комнатахъ, ревностно охраняемыхъ 150 евнухами, курятъ совершенно по-восточному табакъ и пьютъ пальмовое вино. Интрига, заведенная съ женою короля, наказывается смертію; палачи мучатъ преступника отъ восхода солнца до заката, причемъ водятъ его по городу и, останавливаясь передъ домами предводителей и знатныхъ чужеземцевъ, продѣлываютъ ножами на его тѣлѣ разныя штуки. Наконецъ, онъ приводится къ королю и буквально изрубается на куски передъ его трономъ. Эта ужасная казнь примѣняется только къ упомянутымъ преступникамъ и къ убійцамъ. Охраняются заботливо только жены короля, всѣ же другія женщины могутъ ходить безпрепятственно куда угодно. Замѣчательнъ въ Ашанти тотъ обычай, что если приговоренный произнесетъ какое-то извѣстное слово или фразу, то онъ не можетъ быть убитъ, а получаетъ право защиты; поэтому палачи кидаются на свою жертву сзади и начинаютъ свое дѣло, пронзая его кинжаломъ сквозь обѣ щеки и такимъ образомъ затыкая ему ротъ. Когда умираетъ король, то нѣсколько камергеровъ убиваютъ сами себя, чтобы служить ему свитою при путешествіи въ царство тѣней. Эти лица называются «окрами», т. е. душами, и носятъ особенный золотой орденъ, обозначающій ихъ должность. Въ это время совершается кровавая сатурналія, сотни людей приносятся въ жертву, а молодые люди королевскаго дома бѣгаютъ по улицамъ и стрѣляютъ въ кого имъ угодно, даже въ самыхъ высшихъ лицъ страны. Ашантии вѣрятъ въ загробную жизнь. Ихъ адъ, или «шеоль», находится подъ землею, — тамъ жизнь начинается снова и продолжается вѣчно. Король снова становится королемъ, а рабъ остается рабомъ. Поэтому смерть у нихъ есть только переселеніе, и они умираютъ равнодушно. У прибрежнаго населенія существуетъ о жестокостяхъ ашантиевъ поговорка: «Похлебка у ашантиевъ черезчуръ солона». Разъ въ годъ король торжественно отправляется на охоту, но это дѣлается только для проформы, ибо охота обыкновенно бываетъ безуспѣшна. Король никогда не ходитъ босикомъ, а всегда носитъ усаженные драгоцѣнными камнями сандалии; въ путешествіяхъ же его носятъ на висячей цыновкѣ, причемъ онъ выказываетъ народу великолѣпіе и блескъ своего наряда. Въ военное время онъ и предводители носятъ широкіе турецкіе шаровары изъ разноцвѣтныхъ матерій, обыкновенные же люди носятъ одну тунику безъ шароваръ. Кумасси очень богаты золотыми вещами. Въ торжественные дни предводители являются на рынокъ съ такимъ грузомъ золота на рукахъ, что принуждены класть ихъ на шею невольникамъ. Армія въ Ашанти — весь народъ. Съ объявленіемъ похода всѣ годные мужчины сходятся вмѣстѣ и оставляютъ городъ, захвативъ съ собою провизію. Затѣмъ на улицахъ собираются женщины, и если онѣ замѣтятъ отсталыхъ, то бьютъ ихъ безжалостно палками. Въ бою генералы помѣщаются позади и

РЫНОКЪ ВЪ СОКОТУ.

убиваютъ всѣхъ отступающихъ. Когда битва проиграна, они убиваютъ самихъ себя.

Кумасси составляетъ хотя и не самый многочисленный, но главный городъ Ашанти. До сожженія въ послѣднюю войну онъ былъ красиво построенъ и имѣлъ широкія улицы. Царскій дворецъ представлялъ большое зданіе изъ тесанаго камня. Населеніе города простиралось до 70—100,000 человѣкъ. Самымъ многочисленнымъ городомъ въ Ашанти считается главный городъ княжества Ябонъ—Сатага, расположенный приблизительно въ 280 кил. отъ Кумасси, на верхнемъ теченіи Вольты; онъ славится лошадьми. Въ Кумасси фабрикуется много сукна, отличающагося своею тонкостью и прочностью.

Къ востоку отъ Ашанти лежитъ Невольничій берегъ, въ области Эве, простирающейся къ сѣверу отъ моря до страны Вирма-Донто и граничащей съ запада Вольтою. Береговая полоса заключаетъ въ себѣ много лагунъ; на разстояніи дня пути, отсюда тянется внутрь плоская пустынная степь, въ которой есть прелестная кокосовая роща, города и селенія. Плодородіе почвы постепенно увеличивается, вслѣдствіе того, что равнину пересекаютъ рѣчки, сильно разливающіяся въ дождливое время. Въ 20 часахъ пути отъ берега внутрь страны, въ туманной доли возвышается на равнинѣ своимъ гробовиднымъ хребтомъ Атакта, обращенная весьма крутою стороною къ востоку и имѣющая высоты около 500 м. За нею страна переходитъ красивыми волнами въ высокую горную мѣстность, имѣющую около 530 м. высоты. Негры этой страны называются эвеаво, т. е. эвейцы.

На востокъ съ страной Эве граничитъ королевство Дагомэ, которое пользуется нехорошею славою, вслѣдствіе совершающихся тамъ кровавыхъ сценъ. Размѣры этого западно-африканскаго государства долго преувеличивались, но теперь извѣстно, что Дагомэ—лишь незначительная провинція большой Юрубы или Яррибы и окружено враждебными племенами. Нѣкоторые мѣста на восточной части берега, какъ-то: Фортъ-Вильямъ, Порто-Ново и Бадагри, находятся уже въ рукахъ европейцевъ. Главный дагомейскій прибрежный городъ — Вайда, который, подобно другимъ негритянскимъ городамъ, занимаетъ весьма обширное пространство, потому что хижины его окружены садами и имѣется много площадей. Главный же городъ внутренности государства и столица его—Абомэ, въ которомъ вѣроятно не болѣе 30,000 жителей.

Улицы Абомэ, который имѣетъ въ окружности 20 — 24 кил., окруженъ весьма широкими и глубокими рвами и высокою стѣною изъ битой глины около 7 м. высокою, отличаются шириною и не лишены чистоты, но мало оживлены; всѣ дома окружены большими дворами, а на большихъ площадяхъ стоятъ великолѣпныя высокія деревья. Посреди одной самой просторной площади находится маленький, неказистый домикъ, круглая крыша котораго поддерживается деревянными столбами: это—храмъ для приношенія человѣческихъ жертвъ, въ которомъ убиваются особенно военнопленные. На этой же площади стоитъ и королевскій дворецъ, если такъ можно назвать безпоря-

дочную кучу хижинъ, между которыми расположены дворы и сады. Тамъ живутъ жены, воительницы и рабы, прислуживающіе королю; здѣсь же хранятся и его сокровища. Особого помѣщенія у короля нѣтъ: онъ живетъ то въ той, то въ другой глиняной лачугѣ у одной изъ своихъ женъ. Всѣ принадлежащія ко дворцу постройки окружены глиняною стѣною въ 5—6 м. вышины, а на стѣнѣ укрѣплены желѣзные крючья, на которыхъ натканы человѣческія головы; нѣкоторыя изъ нихъ уже побѣлѣли, на другихъ висятъ еще клочки сгнившаго мяса, а иные, недавно отрубленные, еще совершенно свѣжи. (Richard Oberländer. West Africa vom Senegal bis Benguela. Leipzig. 1874, 8°, S. 229). Это—видимые остатки ежегодно повторяющихся жертвоприношеній. Впрочемъ, эти ужасныя жертвоприношенія совершаются не столько для отвратительной потѣхи, сколько изъ суевѣреннаго страха и благочестивой традиціи; но европейское вліяніе начинаетъ уже наводить и туземцевъ на нѣкоторыя размышленія объ этихъ празднествахъ, считавшихся до сихъ поръ положительно необходимыми. Дагомейскіе негры всѣ преданы фетишизму, который, какъ и другія религіи, имѣетъ своихъ служителей, не менѣе могущественныхъ и вліятельныхъ въ Африкѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Черезъ освященіе жреца, бормочущаго какія-то магическія слова, всякій предметъ можетъ быть обращенъ въ фетишь. На берегу фетишизмъ этотъ принимаетъ форму поклоненія змѣямъ (офіолатрія), а въ Вайдѣ есть особенный змѣиный храмъ, въ которомъ держатся больше сотни этихъ священныхъ животныхъ.

Дагомейскіе негры, называемые ффонами, хотя вообще не рослы, но весьма крѣпко сложены; они взбираются, какъ обезьяны, на высокія маслячныя пальмы, пьютъ пальмовое вино весьма умѣренно, но зато очень падки на водку. Права они веселаго, съ ними удобно можно имѣть торговыя сношенія, но они имѣютъ непреодолимое влеченіе къ воровству. Жизнь и имущество всѣхъ жителей,—однимъ словомъ все, что есть въ странѣ, принадлежитъ собственно королю. Престолъ наследуетъ старшій сынъ короля. Важнѣйшіи сановники, первый министръ въ странѣ, называется мегу, и въ каждой провинціи есть вице-король, авоханъ, который поставляетъ королю необходимое число солдатъ. Впрочемъ, кромѣ того, у короля есть еще женская лейб-гвардія, т. е. настоящій корпусъ амазонокъ, которыя очень славятся своею храбростію. Всѣ женщины этого войска считаются женами короля, но въ дѣйствительности онѣ живутъ въ безбрачій.

Частью Невольничьяго берега овладѣли англичане, у которыхъ находится здѣсь самый многочисленный на западномъ берегу городъ—Лагосъ, имѣющій правильное пароходное сообщеніе съ Ливерпулемъ и пріобрѣвшій большое значеніе для европейской торговли. Онъ расположенъ на островѣ, въ 24 километрахъ отъ твердой земли, отъ которой отдѣляется лагуною; за лагуною же начинается непроходимый, первобытный лѣсъ. Климатъ около лагуны очень нездоровый, и какъ между туземцами, такъ и между иностранцами производитъ большую смертность; но онъ, повидимому, улучшается вслѣдствіе санитарно-полицейскихъ мѣръ. Позади Лагоса расположена уже названная страна Горуба, въ которой находится довольно извѣстный городъ Аббеокута,

имѣющій приблизительно 80,000 жителей, принадлежащихъ къ племени эба. Это—одинъ изъ немногихъ пунктовъ въ Африкѣ, гдѣ христіанство утвердилось не безъ успѣха. Страны Иорубы, ограничennыя съ сѣвера и съ востока нижнимъ теченіемъ Нигера, стали сколько-нибудь извѣстны въ особенности послѣ замѣчательныхъ путешествій Гергарда Рольфа.

Обзоръ верхне-гвинейскаго берега мы заключаемъ разсмотрѣніемъ дельты Нигера и острововъ, лежащихъ въ Гвинейскомъ заливѣ.

Страна почти совершенно ровна до самаго внутренняго угла большаго африканскаго залива, гдѣ, какъ бы противъ острова Фернандо-По, возвышаются высокія вулканическія Камерунскія горы въ 4620 метр. высоты. Большая рѣка Нигеръ, книзу отъ Або, начинаетъ раздѣляться на многочисленные рукава, переплетающіеся между собою различнымъ образомъ или оставляющіе позади себя скопленія воды, и вслѣдствіе этого значительно уменьшается въ ширинѣ и глубинѣ. Нигеръ имѣетъ 22 устья. Хижины жителей на островахъ дельты принадлежатъ къ числу самыхъ грубыхъ построекъ, а сами туземцы, отличающіеся темно-мѣдинокраснымъ цвѣтомъ кожи, представляютъ дикій, грубый народъ, большею частью непріятнаго вида; онъ славится самыми отвратительными суевѣріями, обычаемъ приносить людей въ жертву, людоедствомъ и противится всякому европейскому вліянію. Самый извѣстный городъ у нихъ—Бонни, въ которомъ существуетъ варварскій обычай хоронить близнецовъ живыми тотчасъ же послѣ рожденія. Въ Новомъ Калабарѣ, Старомъ Калабарѣ и въ Або убиваются и приносятся въ жертву не только близнецы, но и всѣ дѣти, у которыхъ первыми начинаютъ прорѣзываться верхніе зубы. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Бенина существуетъ обычай приносить въ жертву двухъ человѣкъ каждое новолуніе. Духовный глава этихъ негровъ есть царь-фетишь, который на всѣхъ празднествахъ пользуется не только равною, но даже вышею почестью, чѣмъ настоящій монархъ. Всюду возвышаются джуджу (храмы фетишей). Джуджу значитъ собственно фетишь, но имѣетъ разнообразный смыслъ и весьма напоминаетъ табу островитянъ Южнаго моря. Въ 1859 г. въ Дюктоунѣ, на берегу рѣки Старога Калабара, на рынкѣ выставлялось на продажу человѣческое мясо, какъ бычачье. Въ Брас-сѣ и въ Бонни пожираютъ всѣхъ военнопленныхъ и вѣрятъ, что чрезъ это люди дѣлаются храбрѣе, — повѣрье, распространенное также въ Австраліи. Оба пола уродуютъ себя надрѣзами кожи на лицѣ, на груди и на рукахъ. Одежда очень проста, и даже самые знатные и богатѣйшіе торговцы масломъ носятъ только узенькій лоскутъ матеріи вокругъ бедеръ, причѣмъ женщины одѣваются такъ же, какъ мужчины. Въ видѣ исключенія туземцы носятъ европейскія ткани и даже — какъ это вездѣ охотно дѣлаютъ негры — лакированные шляпы и фракы, но они выглядятъ въ нихъ, какъ наряженные обезьяны. Главный предметъ торговли на Нигерѣ составляетъ пальмовое масло, получаемое изъ плодовъ масличной пальмы.

Въ Гвинейскомъ заливѣ, въ направленіи съ СВ. къ ЮЗ., расположены пять острововъ вулканическаго происхожденія: Фернандо-По (испанскій)—самый большой, Исла-до-Принципе, или островъ Принца, Сао-Тома, (Св. Фомы) съ маленькимъ Исла-де-Ролосъ (всѣ три португальскіе) и, на-

конецъ, самый меньшій Аннобонъ (испанскій). Важнѣйшій изъ этихъ острововъ — Фернандо-По со своимъ пикомъ въ 3500 м. высоты, представляющимъ совершенный конусъ. До самой вершины онъ покрытъ прекрасными деревьями и дѣлаетъ бухту Кларенсъ самымъ красивымъ мѣстомъ западно-африканскаго берега. Этотъ островъ населенъ весьма оригинальнымъ племенемъ аниѳо которое англичане называютъ *bubis*. Это—очень кроткій народъ, но онъ имѣетъ особенное нерасположеніе къ цивилизаціи и ходитъ совершенно нагишомъ. Островъ Принца описывается какъ «вулканическій цвѣточный садъ», а бухта, при которой расположенъ городокъ Санъ-Антоніо, представляетъ подножье прекраснѣйшаго амфитеатра, какой только можно себѣ представить. Сао-Томэ имѣетъ такой же уходящій въ небо пикъ, какъ и Фернандо-По, и очень чистенькій городокъ — Санта-Анна-де-Кавесъ, но онъ извѣстенъ своимъ нездоровымъ климатомъ. За то, напротивъ того, гигиениченъ живописный Аннобонъ, пересѣкаемый базальтовыми скалами чудныхъ формъ и смѣлыхъ очертаній. Въ лѣсистой же внутренности острова, въ потухшемъ, явственномъ кратерѣ, расположено прекрасное, романтическое горное озеро.

ГЛАВА XI.

Страны по Нигеру.

Нигеръ — одна изъ величайшихъ рѣкъ африканскаго материка и, безъ сомнѣнія, самая большая, во всей западной Африкѣ. Начало свое она беретъ въ такъ называемыхъ Конгскихъ горахъ, течетъ сперва къ западу, затѣмъ поворачиваетъ къ сѣверу и сѣверовостоку, достигая при этомъ пустыни Сахары и страны туареговъ, а потомъ вдругъ, пройдя нѣкоторое разстояніе почти въ направленіи съ запада къ востоку, поворачиваетъ къ югозападу и наконецъ вышеописанною дельтою изливается въ океанъ. Часть нижняго теченія Нигера въ точности еще неизвѣстна, да и верхнее теченіе также не изслѣдовано. Въ верхнемъ теченіи Нигеръ носитъ названіе Джолибы, а въ среднемъ и нижнемъ теченіи — Кворры или Куары; впрочемъ, для различныхъ частей рѣки существуютъ еще и другія названія, но европейская географія основательно будетъ продолжать называть ее Нигеромъ, такъ какъ общаго названія ея въ самой Африкѣ не существуетъ. Подъ именемъ Джолибы она обозначаетъ для насъ восточную границу Сенегамбіи и протекаетъ чрезъ страну мандинговъ и бамбарровъ, главный городъ которыхъ, Сегу, расположенъ на ея берегу, обнесенъ земляными стѣнами и состоитъ изъ четырехугольныхъ, иногда двухъ-этажныхъ, выбѣленныхъ глиняныхъ

Видъ Гомборійскихъ горъ.

домовъ съ плоскими крышами Нижено рѣкѣ расположенъ Сансандингъ, вовсе не деревня, какъ представляютъ себѣ обыкновенно негритянскія деревни, а городъ съ 30 — 40,000 жителей, гдѣ, вопреки обыкновенію, всякій работаетъ и пользуется большимъ богатствомъ.

Здѣсь можно считать золото милліонами и встрѣтить сотни людей, имѣющихъ богатія европейскія ткани, оружія, драгоценные камни, чай, сахаръ, равно какъ и тысячи вещей, составляющихъ предметъ вывоза изъ Марокко и Туата чрезъ пустыню посредствомъ каравановъ. Здѣсь иной предводитель легче можетъ достать изъ своей кладовой на милліонъ золота, чѣмъ многіе европейскіе банкиры; здѣсь же изобиліе и рабовъ, составляющихъ важный источникъ африканскаго богатства. Деньгами въ этой странѣ служить маленькая одностворчатая раковина Индѣйскаго моря—каури (*Surgua moneta*); всѣ грузы на судахъ направляются отсюда къ берегу, въ особенности въ Дагомэ, откуда деньги эти идутъ въ Сегу, Тимбукту, Гауссу, но дальше Сегу не распространяются ни къ западу, ни къ сѣверу; впрочемъ, онѣ служатъ только для текущихъ платежей и употребляются какъ счетная монета. Настоящею же ходячей монетою въ Сегу служить нѣчто другое, а именно живое существо—невольникъ, представляющій собою здѣсь фиктивную цѣнность. Высшею монетою въ странѣ считается самый красивый пятнадцатилѣтній военно-плѣнный юноша, могущій дать хорошую софу: онъ одинъ стоитъ иногда двухъ плѣнниковъ, и конкурировать съ нимъ въ цѣнѣ можетъ развѣ хорошенькая дѣвушка, пригодная для тары и обладающая всѣми физическими преимуществами. Но настоящимъ ходячимъ платежнымъ товаромъ служить 18 — 30 лѣтняя женщина, если она не отличается большою красотою и если у ней ничто не обнаруживаетъ знатности происхожденія. Въ Сегу сконцентрировались всѣ типы западнаго Судана: тамъ вы встрѣтите чистаго пула или фулаха и всѣ помѣси съ различными мавританскими племенами—сонинке, махукѣ, іолофъ и бамбарра. Подъ названіемъ всецвѣтныхъ (*Touscouleurs*) разумѣютъ жителей мѣстности Фута, въ жилахъ которыхъ есть примѣсь фулахской крови. Самый красивый типъ происходитъ безспорно отъ смѣшенія фулахскаго племени съ берберскимъ. Онъ, пожалуй, превосходитъ красотою даже чистокровнаго пула.

Страна, лежащая къ востоку и простирающаяся почти до средняго теченія Нигера, вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько государствъ и націй, но населена, повидимому, однимъ племенемъ. Важнѣйшими негритянскими государствами являются государства гауссовъ, принадлежащихъ къ самому умному изъ всѣхъ африканскихъ племенъ, именно къ племени фульбовъ, фулаховъ или феллатовъ. Весьма немногія изъ этихъ государствъ заслуживаютъ особаго разсмотрѣнія, почему мы, оставляя въ сторонѣ всякія излишнія подробности, укажемъ лишь на главнѣйшіе пункты. Къ числу ихъ принадлежитъ Дженне, расположенный на большомъ островѣ Нигера, Массинѣ, съ 8000 жителей; это — главный пунктъ суданской торговли, возвысившійся благодаря торговлѣ солью и золотомъ; но на первомъ планѣ стоитъ городъ Тимбукту, расположенный на западномъ сгибѣ Нигера, въ разстояніи отъ Дженне почти на 14 миль, и имѣ-

ющій 13,000 жителей; Тимбукту—чрезвычайно важный пунктъ по торговлѣ между сѣверомъ и нигерскими государствами. Хотя онъ находится въ странѣ тадемековъ, но собственно не имѣетъ властителей и под-

Ахмаду, король Сегу.

вергается постояннымъ раздорамъ. Къ востоку, главнымъ образомъ въ долинѣ самага Нигера, живетъ негрптянскій народъ сонраи, числомъ до 2 миллионовъ человѣкъ, съ бѣднымъ, первобытно односложнымъ языкомъ

Къ югу отъ Тимбукту и къ востоку отъ Массины простирается государство Гандо, состоящее изъ слабо связанныхъ частей, расположенныхъ въ области Нигера и его притоковъ и принадлежавшихъ отчасти къ бывшимъ государствамъ племени гауссовъ. Гауссы имѣютъ большую важность для всей сѣверной Африки; это — народъ живой, умный, добрый, общительный и промышленный; языкъ ихъ самый лучший, самый звучный и богатый, самый живучій во всей странѣ негровъ. Къ востоку отъ Гандо находится родственное предъидущему феллатское государство Сокото съ главнымъ городомъ того же имени, которое по величинѣ равняется Великобританіи съ Ирландією и къ востоку граничитъ съ негритянскимъ государствомъ Борну. Къ Сокото принадлежитъ провинція Адамауа, орошаемая важнѣйшимъ притокомъ Нигера съ лѣвой стороны — Чаддою, или Бенуэ. Главное племя жителей ея составляютъ батты, которые точно также очень умны, промышленны и отличаются желтовато-краснымъ цвѣтомъ кожи и красивымъ тѣлосложеніемъ. Всѣ эти феллатскія государства занимаютъ въ совокупности такое же пространство, какъ Австрія, Баварія, Виртембергъ, Бадень и Швейцарія, взятыя вмѣстѣ.

Съ общимъ характеромъ этихъ феллатскихъ государствъ мы знакомимся всего лучше изъ путешествій Генриха Барта и Гергарда Рольфса, изъ которыхъ первый прошелъ изъ главнаго города Борну, Куки, на озерѣ Чадъ, въ сѣверозападномъ направленіи въ Тимбукту, а послѣдній къ юго-западу изъ того же самаго города — въ Лагосъ. Вотъ въ главныхъ чертахъ путь, которому слѣдовалъ Бартъ. Въ началѣ 1853 г. Бартъ перешелъ границу Борну и Сокото, т. е. дикую полосу, пустующую между границами африканскихъ государствъ и находящуюся въ распоряженіи разбойниковъ. Затѣмъ имъ пройдена земля, населенная племенемъ бузауэ — нечистокровными туарегами. Тамъ Бартъ замѣтилъ у большаго дерева молодаго быка, употреблявшагося для подъема воды посредствомъ большой кожаной бадьи. Это примѣненіе животной силы вмѣсто человѣческихъ рукъ было первымъ доказательствомъ стремленія къ промышленному развитію. Пройдя городъ Куррефи съ 8000—9000 жителей, онъ прибылъ въ городъ Бунку, окруженный стѣнами и засѣкою, имѣющій около 5000 жителей и находящійся только въ 10 кил. отъ Зюрми, весьма важнаго сѣвернаго пограничнаго пункта государства Сокото. Затѣмъ ближайшимъ большимъ населеннымъ пунктомъ была окруженная валомъ Бадарауа, гдѣ существуетъ весьма оживленный рынокъ, привлекающій къ себѣ до 10,000 человѣкъ. Къ З. отъ этого пункта, въ одной маленькой деревнѣ, Бартъ увидѣлъ впервые руду, т. е. постройку, состоящую изъ конусообразной соломенной крыши, поддерживаемой четырьмя столбами или жердями; подъ крышу всходить по лѣстницѣ и влѣзаютъ чрезъ четырехугольное отверстіе, закрывающееся цинковою, наподобіе опускающей двери. Въ этомъ помѣщеніи жители спятъ по ночамъ для предохраненія себя отъ комаровъ. Настоящимъ мѣстопробываніемъ властей служить Вурно, но столицей остается Сокото. Бартъ нашелъ, что населеніе Сокото, расположеннаго на краю возвышенности, не велико, и жители живутъ въ бѣдности, даже въ нищетѣ.

Слѣдующее затѣмъ мѣсто, составлявшее ближайшую цѣль путешествія, было главный городъ сосѣдняго государства — Гандо; это — очень безжизненное мѣсто; оно привлекательно только своею растительностью и плодородіемъ городскихъ окрестностей, которыя производятъ множество превосходныхъ банановъ. Слѣдующими станціями были: новый городъ Кебби, затѣмъ Кола, расположенная на скалистой возвышенности и окруженная валомъ, и, наконецъ, Согирма съ 7000—8000 жителей. За обработанною и населенною полосою начинается довольно густой лѣсъ, съ рѣдкими поселками, который выходѣмъ къ прелестной и озаренной солнцемъ долиной Фога. Тамъ Бартъ достигъ границы сонраевъ, которые были подвластны фульбамъ, но далеко не покорно несли его своихъ завоевателей. Негостепріимный характеръ этого народа отталкивалъ его и произвелъ на него грустное и мрачнѣе впечатлѣніе своимъ подавленнымъ и униженнымъ положеніемъ. Затѣмъ Бартъ приближался къ могучему Нигеру; въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ видѣлъ его въ первый разъ, именно напротивъ Сея, т. е. рѣчнаго города, онъ имѣетъ 1000 шаговъ ширины и протекаетъ 20 кил. въ часъ между скалистыми берегами, отъ 7 до 10 метр. высокою надъ уровнемъ рѣки. Самый городъ Сей построенъ четырехугольникомъ, каждая сторона котораго имѣетъ около 2000 шаговъ. На этомъ, окруженномъ землянымъ валомъ, пространствѣ дома стоятъ въ разбросъ и женскія помѣщенія занимаютъ въ нихъ столько мѣста, что кажется, будто дома назначены больше для женскаго, чѣмъ для мужскаго пола. Жара была здѣсь такъ тягостна, что казалось, будто «европейца кто-нибудь душилъ за горло». Отъ Тимбукту до Сея Нигеръ описываетъ отлогую дугу; поэтому Бартъ избралъ прямой путь, т. е. хорду дуги. Вскорѣ онъ прибылъ въ Чампаторъ, мѣстопробываніе одного сильнаго фульбскаго вождя. Государство Гандо захватываетъ уголокъ и на правомъ берегу Нигера, предводители котораго считаютъ себя ленниками западнаго государства, но, пововидиму, совершенно независимы; они враждуютъ между собою. Жители носятъ не бѣлыя національныя фулахскія тобы (рубашки), а свѣтлосинія. Оригинальный видъ имѣютъ ихъ хлѣбные амбары, которые представляютъ постройки, въ родѣ нашей мебели, на четырехъ ножкахъ, для предотвращенія нападѣній муравьевъ. Двигаясь все къ СЗ., путешественникъ прошелъ хорошо обработанную мѣстность, гдѣ, впрочемъ, только одни фулахи занимаются скотоводствомъ. Затѣмъ онъ перешелъ довольно значительный притокъ Нигера, Сирбу, и прибылъ въ сонрайское селеніе Боссебанго. Мужчины, страстные курильщики, носятъ здѣсь короткую синюю рубаху и длинныя широкіе панталоны; женщины небольшого роста, съ несимметричными формами, обвиваютъ себѣ шею и уши бусами, но не носятъ носовыхъ колецъ. Мѣстность, пройденная въ слѣдующіе дни, была лѣсиста, земля была покрыта ковромъ цвѣтовъ (лилейныхъ), которые, при бѣдности красокъ африканской растительности, производили весьма пріятное впечатлѣніе. Главный городъ фульбской провинціи, Себба, представляетъ жалкое селеніе, состоящее изъ 200 мазанокъ. Въ слѣдующей затѣмъ провинціи Либтако, послѣдней, признающей верховную власть Гандо, неудобство путешествія ежедневно увеличивалось назойливостию мухами и пиявками, которыя, какъ и родственницы ихъ въ Тераи на Гималаѣ, всползали изъ травы на ноги лошадямъ и такъ ранили ихъ, что «кровь текла ручьями». Арибинда и Тинге представляютъ независимыя сонрайскія мѣстечки. Жители ихъ строятъ весьма просторныя жилища, одѣ-

ваются въ индиго-синія рубашки, носятъ съ собою, какъ единственное оружіе, копья, рѣдко мечи и обезображиваютъ себѣ лицо (по крайней мѣрѣ простой народъ) нарѣзками на щекахъ. Пройдя эти вольныя земли, путешественникъ прибылъ въ страну массинскихъ фульбовъ. Оригиналенъ здѣсь способъ постройки городовъ и селеній. Башни, служащія для склада хлѣба, покрыты остроконечными соломенными крышами, и такъ какъ высокія стѣны дворовъ соединяются съ этими башнями, то мѣстечко получаетъ совершенно видъ среднѣвѣковой стѣны со сторожевыми башнями,—нѣтъ только рововъ и подъемныхъ мостовъ. Во время отъѣзда Барта изъ Куки, видъ плодородной земли внутренней Африки былъ довольно однообразенъ. Обработанныя поля смѣнялись лѣсомъ или даже безплодными пространствами, а на равнинѣ возвышались лишь небольшіе ряды высотъ. Теперь же Бартъ снова вступилъ въ горную страну, полную живописной прелести. То была цѣпь Гомбори, скалы которой издали казались высунутыми изъ плоской земли руками и пальцами, и чѣмъ ближе онъ подходилъ, тѣмъ живописнѣе казались формы горъ. Скалы состояли изъ четырехгранныхъ столбовъ, съ вертикальными стѣнками и красивыми разсѣлинами, между тѣмъ какъ обломки при основаніи торчащаго твердаго камня составляли конусъ, такъ что каждая гора походила на развалины замка на конусообразной возвышенности. Впрочемъ, горы возвышались надъ равниною только на 240 метр., а сама равнина, по опредѣленію Барта, имѣетъ 460 метр. абсолютной высоты. При выходѣ изъ этихъ живописныхъ горъ, онъ снова очутился на независимой землѣ, населенной туарегами. Впрочемъ, вскорѣ онъ опять вступилъ на фульбскую землю Массины и прибылъ въ Бамбарра, въ сосѣдствѣ котораго есть значительный водный бассейнъ, указывающій близость распространяющагося съѣзью верхняго теченія Нигера. Изъ Сарайямо, главнаго селенія фульбской провинціи Киссо, Бартъ направился внизъ по Нигеру въ Тимбукту. Въ водѣ показывались крокодилы и кайманы, а затѣмъ и бегемоты, поднимавшіе надъ водою свои неуклюжія, ящикообразныя головы. Рѣка, съ приближеніемъ къ стоящей на ней пристани Тимбукту—Кабарѣ, принимала все болѣе и болѣе величественный характеръ. Кабара состоитъ изъ 150—200 глиняныхъ домовъ, многихъ тростниковыхъ хижинъ и населена 2000 жителей, большею частью сонраевъ. Небольшое пространство между Нигеромъ и Тимбукту совершенно пустынно, и узкая полоса береговой растительности оканчивается уже черезъ нѣсколько шаговъ, по крайней мѣрѣ въ сухое время года, такъ какъ рѣка течетъ здѣсь чрезъ пустыню. Это пространство носитъ непріятное названіе Уръ-иммандесъ, «онъ не слышитъ», т. е. здѣсь не слышно крика человѣка, на котораго нападаютъ разбойники. Самый Тимбукту производитъ грандіозное впечатлѣніе своими правильными, прямыми улицами въ главной части города и хорошенькими домами богатыхъ гадамесскихъ купцовъ. Городъ занимаетъ треугольное пространство, имѣющее незначительную высоту надъ среднимъ уровнемъ Нигера. Коренные жители составляютъ только 13,000 человѣкъ, но въ «сезонъ» отъ ноября по январь число ярмарочныхъ иноземныхъ посѣтителей доходитъ до 5000—10,000. Такъ какъ самъ Тимбукту ничего не производитъ, то обязанъ своимъ существованіемъ только ярмарочной торговлѣ, сами же жители производить; лишь очень немного полевыхъ продуктовъ; остальные жизненные средства доставляются сюда по Нигеру. Единственные предметы промышленности въ городѣ, именно очень красивыя и отличающіяся вкусомъ

кожаняя вещи и вышивныя работы по кожѣ, выдѣлываются туарегскими женщинами. Въ Тимбукту перекрещиваются три большіе пути всемірной торговли, именно: самое верхнее теченіе рѣки, по которой привозятся продукты съ ЮЗ., потому что внизъ по теченію рѣки прекращается всякая торговля, и два караванные пути чрезъ пустыню, изъ коихъ одинъ идетъ изъ Марокко, другой изъ Гадамеса. Два послѣдніе пути связываютъ С. Африку съ большимъ рынкомъ Судана. Главный предметъ торговли составляетъ золото, затѣмъ соль, которой нѣтъ во всей плодородной полосѣ Судана. Третій предметъ ввоза — орѣхи, «гуро» или «кола», плоды *Sterculia acuminata* и *St. macrocarpa*. Пользуясь этимъ орѣхомъ, туземцы не чувствуютъ недостатка въ кофе, который, повидимому, представляетъ туземное растеніе во многихъ странахъ Судана. Европейскою торговлею доставляются сюда только хлопчатобумажныя матеріи, красное сукно и чай, охотно употребляемый арабами.

ГЛАВА XII.

Средній Суданъ.

Въ среднемъ или центральномъ Суданѣ, между феллатскими государствами на западѣ и такъ называемымъ «Египетскимъ Суданомъ» на востокъ, лежатъ негритянскія государства: Борну, Багирми и Вадаи. Первое изъ нихъ, находящееся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Сокото, представляетъ собственно страну низменности озера Чадъ, т. е. того большаго озера центральной Африки, съ которымъ мы познакомились точнѣе только изъ описаній недавнихъ путешественниковъ, Рольфа и Нахтигала. Это — прекрасная, плодородная страна, одаренная всѣми прелестями тропическаго міра, но и посѣщаемая бѣдствіями его, населена народомъ канури, говорящимъ на особенномъ языкѣ, но теперь уже конечно смѣшаннымъ въ значительной степени съ рабами и чуждыми племенами. Борну, какъ и остальные государства средняго и Египетскаго Судана, — страна магометанская, но къ югу отъ него простираются обширныя языческія страны, о которыхъ мы почти ничего не знаемъ. Багирми, къ востоку отъ Борну, прилегающей частію къ берегу озера Чадъ, можетъ быть названъ страной Шари, которая его орошаетъ; это, конечно — самая значительная рѣка внутренней Африки. Она изливается въ Чадъ, течетъ съ юга или вѣрнѣе съ юговостока, но начало ея неизвѣстно: составляетъ-ли Уэлле, съ которымъ мы еще встрѣтимся на сѣверозападѣ области большихъ озеръ, верхнее теченіе Шари, какъ предполагаетъ д-ръ Нахтигаль, — навѣрное рѣшить еще нельзя. Народъ багирми отличается красивымъ тѣлосложеніемъ и воинствен-

Видъ Нигера у Сея.

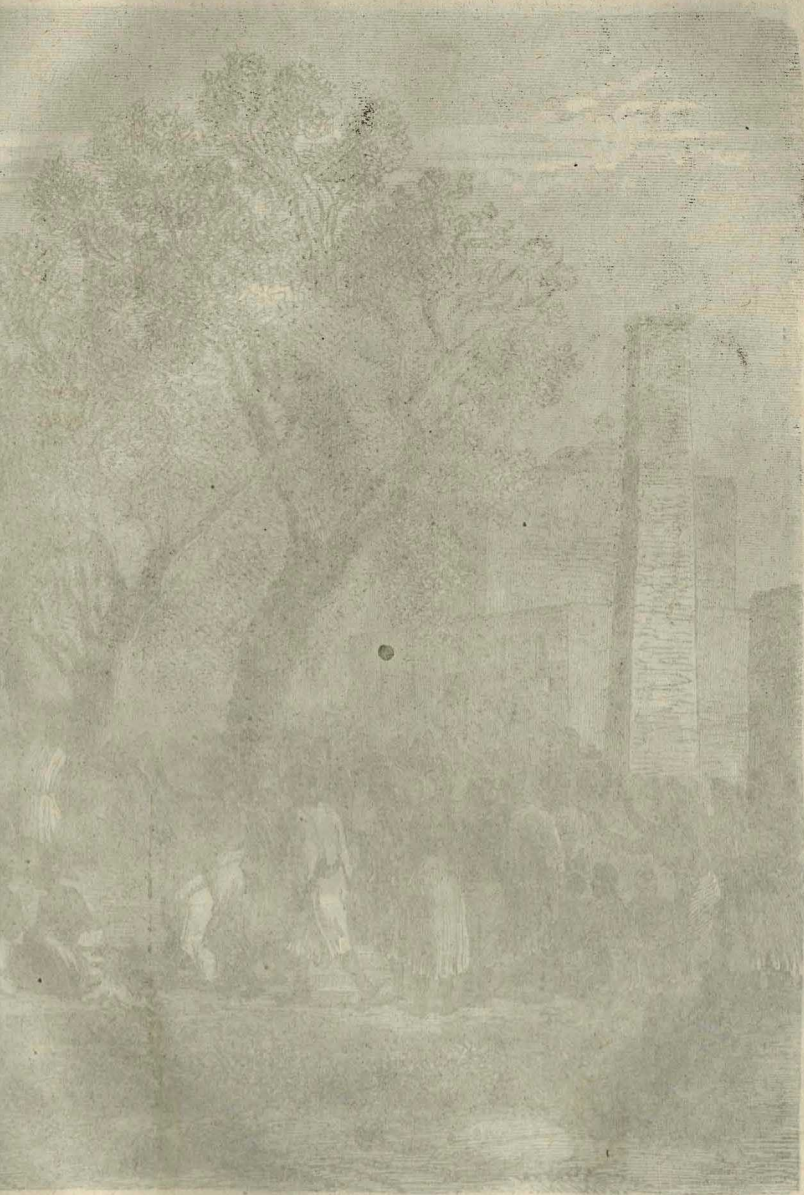
нымъ характеромъ; у багирмійцевъ есть кое-какая промышленность, но они кровожадны и свирѣпы. Къ сѣверовостоку отъ Багирми расположено, орошаемое въ сѣверныхъ своихъ частяхъ Батокъ, султанство Вадаи, или Уадаи, которое до самаго недавняго времени оставалось совершенно закрытою для европейцевъ странкою. Смѣлый Эдуардъ Фогель долженъ былъ заплатить жизнью за свою рѣшимость проникнуть въ Вадаи, и только превосходному путешественнику Нахтигалю, оказавшему землевѣдѣнію большую услугу изученіемъ центральной Африки, удалось пройти чрезъ Вадаи поперекъ къ сосѣдному съ востока Дарфуру и въ первый разъ собрать достовѣрныя свѣдѣнія объ этой странѣ. Мы полагаемъ, что будетъ всего лучше, если, при послѣдующемъ описаніи этихъ замѣчательныхъ странъ средняго и Египетскаго Судана, мы будемъ держаться столь надежныхъ руководителей, какъ Рольфсъ и Нахтигаль. Предварительно мы скажемъ только, что какъ Борну, такъ и Багирми, поражаютъ насъ самобытною негритянскою цивилизаціею. Цивилизація эта, во многихъ отношеніяхъ, даже въ большей части ихъ, кажется намъ странною, варварскою, но нельзя отрицать, что она представляетъ плодъ совершенно самостоятельныхъ попытокъ къ оригинальному государственному устройству. Мы видимъ здѣсь вполнѣ организованное управленіе, придворный штатъ со всѣми его чиновниками и сановниками, организованное — конечно, для центральной Африки — войско, а также племена которыя работаютъ, обрабатываютъ землю и знаютъ нѣкоторыя искусства; этихъ народовъ никакъ нельзя считать «дикими», хотя они и не отказались еще отъ многихъ такихъ обычаевъ, которые у насъ считаются варварскими. Такъ напримѣръ, весь государственный бытъ построенъ еще на принципѣ рабовладѣнія, а торговля невольниками, въ особенности къ сѣверу чрезъ пустыню съ Феццаномъ и Триполи, еще процвѣтаетъ во всемъ маметанскомъ Суданѣ.

Путешествіе Рольфса въ Борну знакомитъ насъ съ большею частью этого государства, властитель котораго «Май» Омаръ, какъ гласитъ оффиціальныи титулъ султана, принималъ европейскихъ посѣтителей съ рѣдкимъ радушіемъ и своею сильною поддержкою много способствовалъ къ достиженію ихъ стремленій. Рольфсъ вступилъ въ его государство съ сѣвера, послѣ путешествія своего чрезъ Сахару. Пустыня оканчивается около колодца Белькашифары, и мѣстность быстро мѣняется свои характерныя черты. Прежде всего появляются травы, изъ которыхъ нныя имѣютъ сѣдобныя зерна; затѣмъ слѣдуетъ лѣсъ мимозъ, занимающій, повидимому, полосу въ 4 — 5 дней пути шириною, проходящую чрезъ африканскій материкъ отъ западнаго берега до Краснаго моря. Конечно, это — не непроходимый первобытныи лѣсъ, свойственный вообще тропическимъ странамъ, а скорѣе родъ рѣдкаго, свѣтлаго парка, съ обширными полянами между группами деревьевъ. Мѣстность все болѣе и болѣе оживляется животными, именно появляются пѣллы

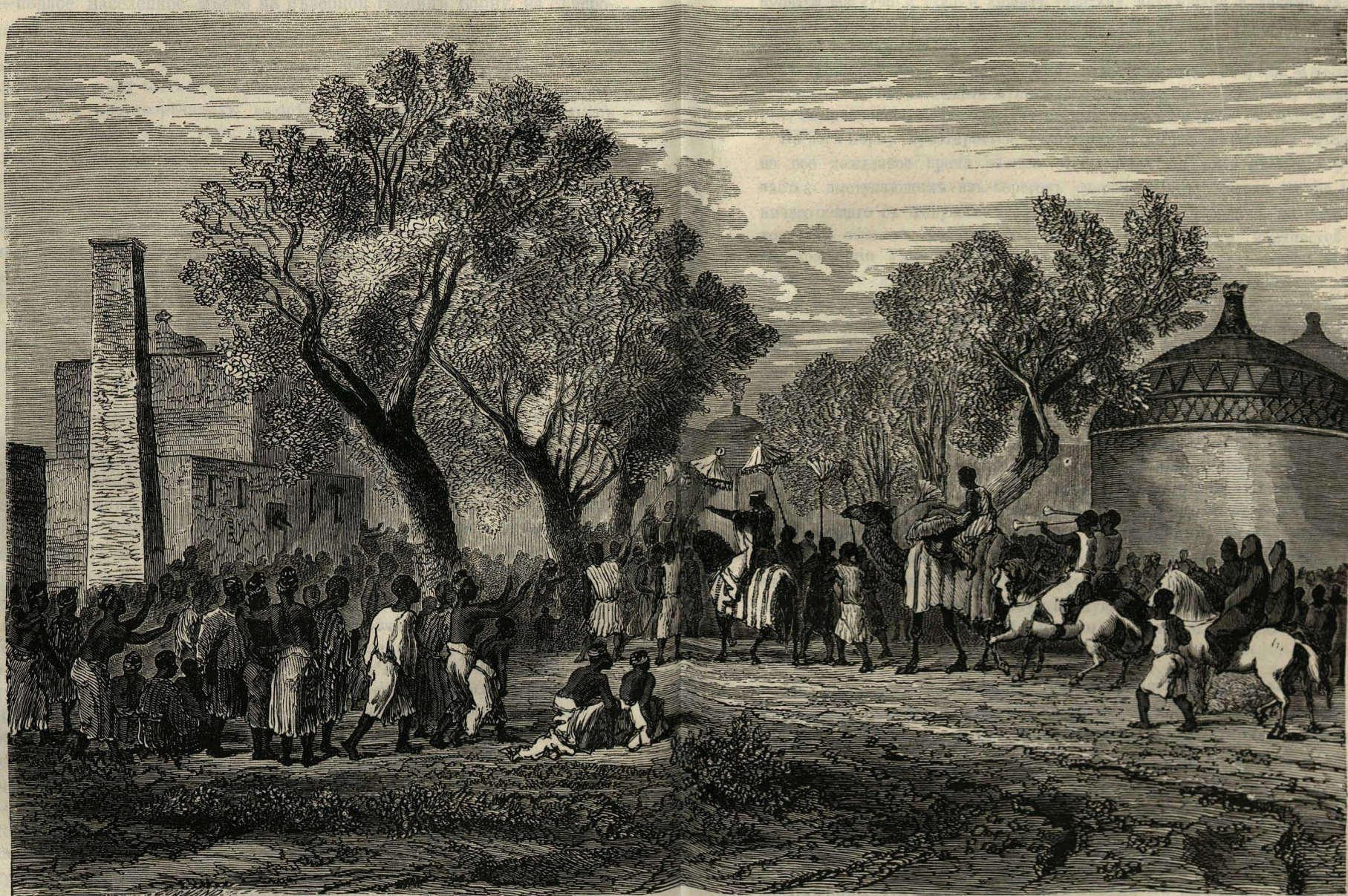
стада антилопъ съ красными и бѣлыми пятнами, встрѣчаются жирафы, а изрѣдка и львы. Наконецъ, мы достигаемъ открытаго мѣстечка Нгиги, состоящаго изъ остроконечныхъ тростниковыхъ хижинъ; это—первое населенное мѣсто на сѣверной границѣ Борну, на сѣверо-восточномъ концѣ озера Чада.

Озеро Цадъ или Чадъ (оба названія вѣрны), этотъ большой центрально-африканскій бассейнъ прѣсной воды, долгіе годы составляло предметъ самыхъ противорѣчивыхъ воззрѣній европейскихъ ученыхъ. Рольфсъ описываетъ озеро Чадъ такъ: Величина озера въ сухое время года составляетъ 71,000 кв. кил., въ дождливое же время оно становится по крайней мѣрѣ въптеро больше. Собственно озеромъ, въ полномъ значеніи этого слова, Чадъ можетъ быть названъ только во время половодья; наполняться начинаетъ оно въ августѣ мѣсяцѣ, и затѣмъ уровень его повышается на 6 — 10 м. Въ сухое же время года озеро имѣетъ скорѣе видъ огромнаго болота. На цѣлыя мили отъ берега тянутся пространства, поросшія камышемъ и папирусомъ и представляющія приволье для бегемотовъ, которыхъ можно встрѣтить здѣсь стадами во сто штукъ и болѣе. Рѣже встрѣчаются слоны и носороги; само собою разумѣется, что въ этихъ болотахъ нѣтъ недостатка въ кайманахъ. Водяной птицы всякаго рода здѣсь такъ много, какъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ въ мірѣ, а на необыкновенное богатство рыбы указываютъ всѣ путешественники, посѣщавшіе Чадъ. Посреди озера находится архипелагъ многочисленныхъ острововъ, которые лѣтомъ соединяются другъ съ другомъ, а отчасти и съ берегами. Острова эти населены языческимъ, независимымъ отъ Борну, негритянскимъ племенемъ іедина, или буддума, извѣстными пиратами, которые плаваютъ по Чаду на плоскодонныхъ судахъ. Высота уровня Чада надъ поверхностью моря составляетъ, по Рольфсу, около 350 м. Чадъ, какъ намъ извѣстно теперь съ точностью изъ изслѣдованій Нахтигала, не есть самый глубокий бассейнъ на сѣверѣ центральной части африканскаго материка, но во всякомъ случаѣ онъ принимаетъ въ себя наибольшее количество рѣчныхъ водъ. Съ запада, гдѣ бассейнъ его простирается до 8° с. ш., онъ принимаетъ рѣки, берущія начало на сѣверномъ краю Горо, между которыми Комадугу-Ваубе не уступаетъ по длинѣ нѣмецкому Рейну. Съ юга течетъ весьма значительная рѣка Шари, усиливаемая еще почти такою же по величинѣ Логеме; само же озеро, какъ это нынѣ несомнѣнно доказано Нахтигалемъ, имѣетъ стокъ посредствомъ Бахрѣ-эль-Газала, воды котораго распространяются къ СВ. по обширной низменности Бодэале. (Rohlf's. Quer durch Africa. 1 Bd., стр. 326—335.).

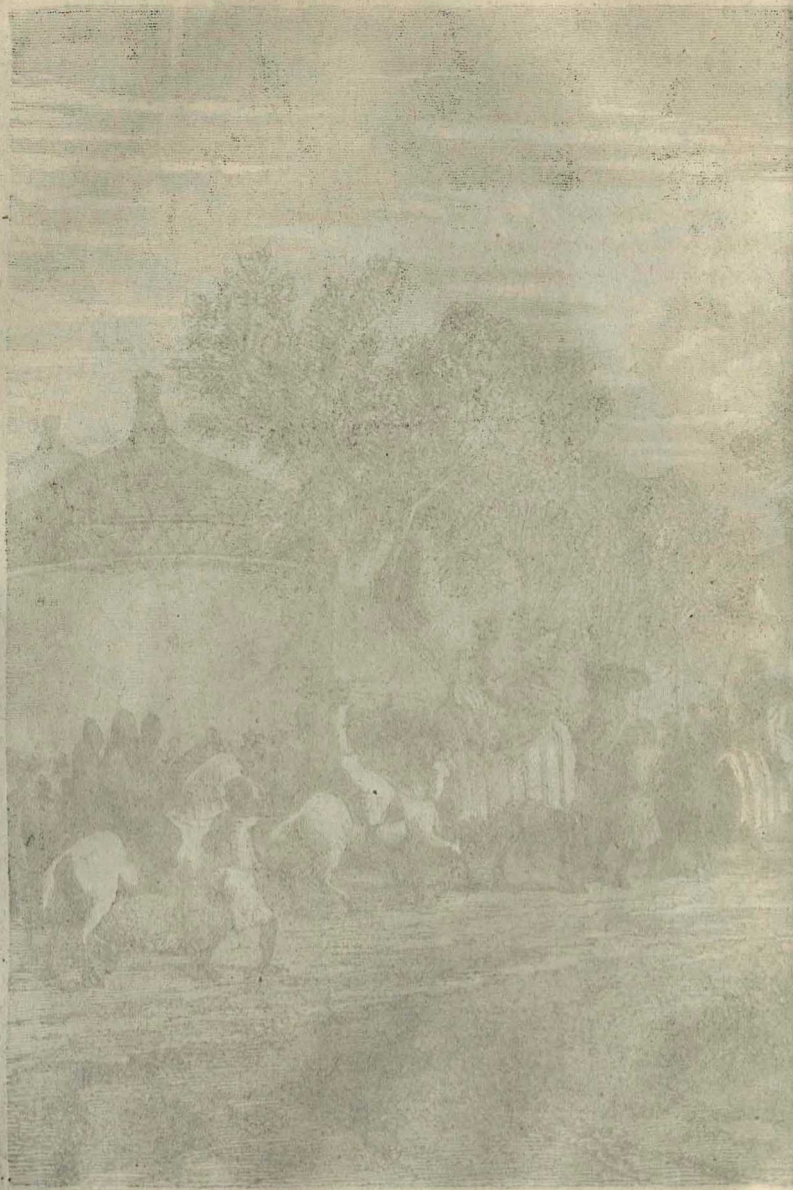
Перейдя только что упомянутую Комадугу-Ваубе, окаймленную широкими болотами и заливными водами, Рольфсъ прибылъ (22 іюля 1866 г.) въ недавно построенный въ Борну главный городъ Кука или Кукъауа, расположенный близъ западнаго берега Чада въ унылой мѣстности. Онъ состоитъ изъ двухъ отдѣленныхъ другъ отъ друга площадью городовъ, изъ которыхъ каждый обнесенъ стѣною и окруженъ небольшими деревнями и группами хижинъ. Городъ вообще не шуменъ, за исключеніемъ «Дендала», т. е. большой и всегда оживленной главной торговой улицы. На рынокъ, посѣщаемомъ жителями почти всѣхъ провинцій, собирается иногда 15,000—20,000 человѣкъ. Плата произво-

Reptile gylhinnocsa

Въездъ багирмійскаго султана въ свою резиденцію.

дится тобами (рубашками). Мѣстность къ юго-западу отъ Куки представляетъ нѣчто въ родѣ пустыни, хотя она густо поросла лѣсомъ; воду изъ песчаной почвы доставляютъ лишь разбросанные по пустынѣ колодцы. Далѣе лѣсъ становится все гуще и гуще и кишитъ газелями, антилопами и дикими свиньями. Весь юго-западный Борну представляетъ плоскую, мѣстами нѣсколько волнистую страну, которая весьма постепенно, но довольно значительно возвышается надъ уровнемъ озера Чадъ. Въ этой области находятся города: Магоммери, Нассарамъ, значительный пунктъ Могодомъ, близъ котораго, среди лѣса, лежитъ прекрасное озеро, и значительный городъ Гуджба съ 20,000 жителей.

На югѣ Борну простирается болотистая и сырая мѣстность, затопляемая во все дождливое время частью стекающими съ горъ рѣками и ручьями, частью выступающимъ изъ береговъ озеромъ Чадъ; жители ея не имѣютъ ничего общаго съ живущими далѣе къ югу горными народами, но состоятъ въ довольно тѣсномъ родствѣ съ жителями приозерныхъ мѣстностей Чада. Въ провинціи Удже Рольфеу пришлось проходить чрезъ лѣсъ Будумас-сели съ его исполинскими тамариндами и деревьями «анимъ» и «комауа»; такіе же великолѣпные дѣвственные лѣса встрѣчались не разъ въ болѣе южныхъ мѣстахъ. Близъ города Ман-дугъ-эри начинается поясъ кукскаго баобаба, и здѣсь же появляется въ первый разъ киргалибу — огромная хищная птица, превосходящая величиною королевскаго орла. Городъ Ман-дугъ-эри имѣетъ около 15,000 жителей племени гамергу, которые существенно отличаются отъ канури сѣвернаго Борну и напротивъ близко родственны племени уандау. Цвѣтъ кожи у нихъ чернобурый, а физіономія ихъ представляетъ совершенный, но вовсе не противный, типъ негра. Окрестности довольно значительнаго рынка Куинтага мѣстами покрыты полями растений аргумъ, маттія, кольче и хлопчатника, далѣе же снова начинается почти непроницаемый дѣвственный лѣсъ. Резиденція влстителя Уандалы расположена на маленькой рѣкѣ, отдѣляющей большую, западную половину города отъ восточной, прилегающей къ горамъ. Султанъ Уандалы состоитъ въ полной зависимости отъ султана Борну. Южную границу этой страны составляетъ полукругъ горъ, съ гранитной вершины которыхъ Сремарда (620 м. надъ моремъ), около Долоо, открывается обширный видъ.

На сѣверовосточныя части Борну пролѣтъ давно желанный свѣтъ поѣздками, предпринятыми неутомимымъ д-ромъ Нахтигалемъ изъ Куки въ 1871 году. Вотъ какъ формулируетъ д-ръ Петерманъ результаты этой экспедиціи: Хотя и было извѣстно, что Бахрѣ-эль-Газаль представляетъ обширную плодородную долину и рѣчное ложе, находящіяся въ соединеніи съ озеромъ Чадъ, но всѣ бывшія до сихъ поръ свѣдѣнія и изслѣдованія не опредѣляли съ точностью, течетъ ли онъ въ озеро, или наоборотъ. Теперь же, благодаря д-ру Нахтигалю, стало несомнѣнно, что воды озера Чада текутъ въ Бахрѣ-эль-Газаль, и что, по его мнѣнію, даже Борку, лежащій далеко къ сѣверовостоку, представляетъ большую глубокую впадину, лежащую ниже уровня Чада. Самый Бахрѣ-эль-Газаль идетъ не къ сѣверу отъ озера Чада, какъ принимали до сихъ поръ, а къ сѣверовостоку, и, пройдя по крайней мѣрѣ 250 килом., оканчивается приблизительно подъ 16° с. ш. и 19° в. д. отъ

Гр., переходя далѣе къ сѣверу, по направленію къ Борку, въ обширную, котлообразную, плодородную низменность со многими источниками, называемую страню Бодэле. За Бодэле слѣдуетъ Борну; сѣверныя части послѣдняго переходятъ въ обширныя и значительныя горы, которыя Нахтигаль, посѣтившій западныя части ихъ, нашелъ очень высокими; между прочимъ, онъ опредѣлилъ высоту одного прохода не менѣе, какъ въ 2401,17 м., слѣдовательно, судя по высотамъ, открылъ альпійскія горы. По наблюденіямъ и свѣдѣніямъ этого путешественника, горы эти, повидимому, тянутся исполинскою дугою, на протяженіи около 1500 километровъ, отъ Тибести, на западѣ, къ Дарфуру—на востокѣ и находятся въ связи съ центральными горами этой страны, называемыми Маррахскими.

Къ юговостоку отъ Борну находится страна Багирми, которая долго составляла особое, самостоятельное государство и граничитъ на востокѣ съ Вадаи, по приказанію султана котораго былъ обезглавленъ Эдуардъ Фогель. Состояніе этихъ странъ, во время посѣщенія Нахтигалья, было весьма запутано, какъ и по сейчасъ. Именно въ Вадаи, въ лицѣ молодого султана Али, явился завоеватель, который въ 1871 году пошелъ на Багирми войною, окончившеюся завоеваніемъ обнесеннаго валомъ главнаго города Багирми — Массенны. Съ тѣхъ поръ Багирми стоитъ къ Вадаи, повидимому, въ вассальныхъ отношеніяхъ.

Д-ръ Нахтигаль хотѣлъ посѣтить низвергнутого съ престола владѣтеля, жившаго въ южныхъ предѣлахъ Багирми, и съ этою цѣлью отправился изъ Куки 27 февраля 1872 года. 14 марта онъ прибылъ въ Логонъ-Бирни, или Карнакъ-Логонъ, большой городъ, въ которомъ около 12,000 жителей, расположенный на Балогонѣ, имѣющемъ здѣсь около 270 м. ширины. Шари перешелъ онъ при Мискинѣ, гдѣ рѣка имѣетъ значительную глубину и 384 метровъ ширины; затѣмъ караванъ двинулся вдоль берега до Мафалины, откуда повернулъ къ югу и, послѣ путешествія чрезъ многія покинутыя селенія, прибылъ въ лагерь короля Мухаммеда въ округѣ Габири. Король, временная резиденція котораго состояла приблизительно изъ тысячи лачугъ, окружавшихъ большой четырехугольникъ, принявъ доктора Нахтигалья предупредительнѣйшимъ образомъ и позволилъ ему явиться предъ свои королевскія очи въ носкахъ, между тѣмъ какъ багирмійскій придворный этикетъ предписываетъ обыкновенно являться босикомъ и съ совершенно обнаженною верхнею частью тѣла. На этотъ благосклонный пріемъ, вѣроятно, имѣли вліяніе запасы и лошади, бывшіе въ караванѣ Нахтигалья. Нахтигалья нисколько не стѣсняли въ его передвиженіяхъ; онъ даже присутствовалъ при многихъ грабительскихъ набѣгахъ, предпринимаемыхъ на сосѣднія деревни для добычи хлѣба и невольниковъ. Но очень часто языческіе туземцы показывали своимъ преслѣдователямъ носъ. Они покидали свои обычныя жилища и прятались со своими пожитками и скотомъ въ вѣтвяхъ исполинскихъ деревьевъ (Bombox), гдѣ они укрѣплялись, причемъ иногда по нѣскольку семей укрывались въ одномъ деревѣ. Такія деревья могли быть взяты штурмомъ только при большихъ потеряхъ людей, и такъ какъ багирмійцы не имѣли необходимыхъ орудій, чтобы срубить исполинскія

деревья, то должны были ограничиваться одними выстрѣлами изъ ружей въ какого-либо туземца, свалившееся тѣло котораго они терзали самымъ варварскимъ образомъ.

Путешествіе Нахтигала по Багирми расширило наши познанія и о Шарисѣ ея многоразличными развѣтвленіями, обращающимися въ жаркое лѣто въ простыя лужи, а также и о южныхъ языческихъ странахъ. Типомъ жителей этихъ большихъ странъ должно считать сонрайскихъ негровъ: они средняго роста, имѣютъ пріятныя черты лица, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ можно назвать отвратительно безобразными. Мужчины превосходятъ женщинъ красотою лица, но уступаютъ имъ въ формахъ тѣла. Одежда ихъ состоитъ изъ куска шкуры козы, газели или дикой кошки, обвязываемаго вокругъ бедръ. Они очень занимаются своими волосами, убирая ихъ самымъ страннымъ образомъ, именно заплетаютъ волосы въ маленькія косички, которыя располагаютъ гребешкомъ, либо рожками, или, наконецъ, ставятъ въ видѣ конуса надъ лбомъ. Оружіемъ служатъ имъ копья и ножи, пѣхота носитъ также узкіе щиты длиною въ два метра изъ буйволовои кожи или плетенки. Сонраи — хорошіе наѣзники и прекрасно сидятъ, безъ сѣдла и стремянъ, на своихъ бойкихъ пони, спины которыхъ искусственно выгибаются. Одежда у женщинъ еще проще чѣмъ у мужчинъ: она ограничивается тонкою веревочкою или ниткою бусъ, которая обходитъ вокругъ бедръ, пропускается между ногами и прикрѣпляется спереди. Къ этому присоединяются еще кожаныя подвязки, украшенныя раковинами каури, бусы на шеѣ и кусочки стекла или дерева, проткнутыя сквозъ одну или обѣ губы. Волосы они стригутъ или на всей головѣ, или только около лба. Оба пола выбиваютъ себѣ по одному переднему зубу (рѣзцу).

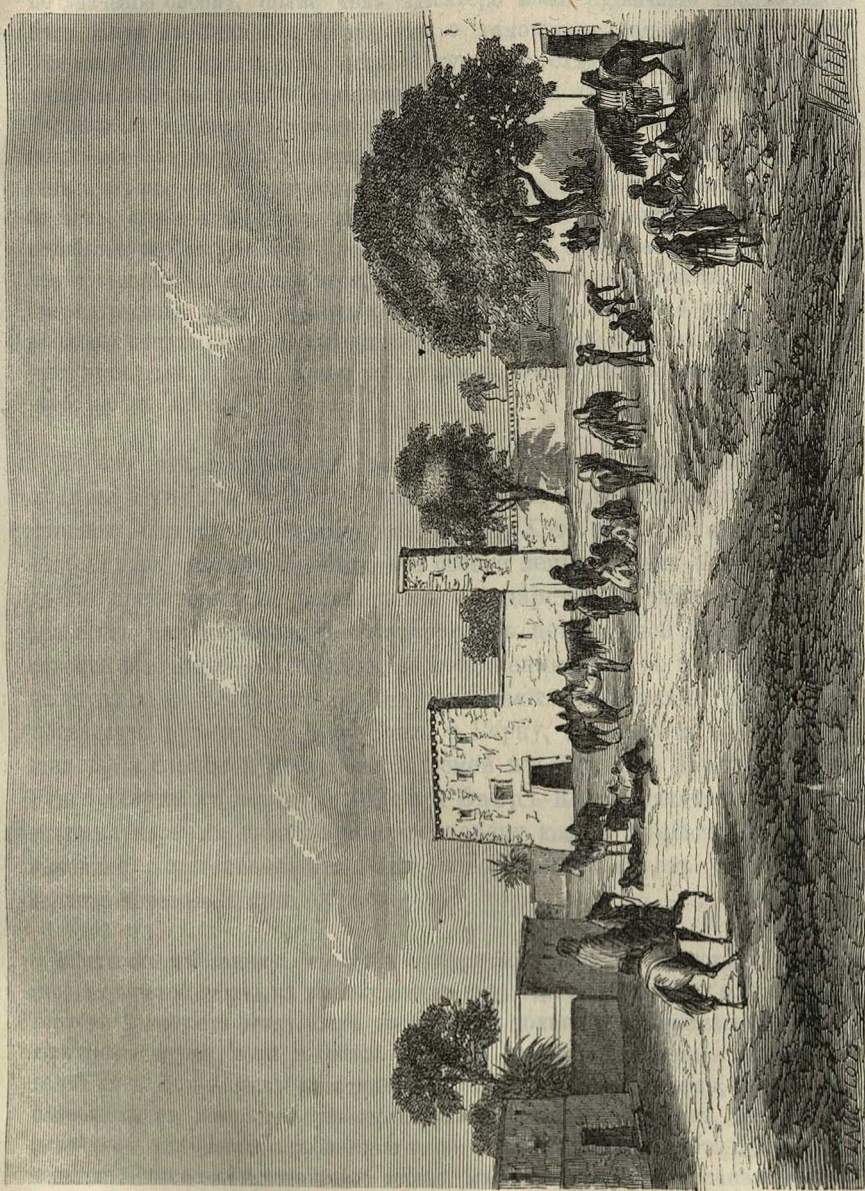
Сонраи вѣрятъ въ высшее существо, сообщающее съ ними посредствомъ грома. Символомъ этого божества служитъ древесный пенъ, очищенный кругомъ отъ коры и поставленный въ маленькой хижинѣ близъ жилыхъ домовъ. Женщины и дѣти не имѣютъ доступа въ это святилище, гдѣ приносятся самыя различныя жертвы. Они твердо и упорно вѣрятъ въ колдовство, и смерть какого-нибудь важнаго лица или даже любимой лошади приписывается непременно дѣйствию колдуна, для открытія котораго различныя племена прибѣгаютъ къ разнымъ средствамъ. У сонраевъ покойникъ кладется на головы двухъ человѣкъ, причемъ ноги обращаются къ тому дому, гдѣ живетъ виновный; подходя къ нему, носильщики дѣлаютъ видъ, будто не могутъ идти дальше, — колдунъ вытаскивается изъ дому и умерщвляется, а семья его продается въ рабство. Люди, подверженные эпилептическимъ припадкамъ, считаются одержимыми нечистымъ и потому также предаются смерти. Покойниковъ хоронятъ въ круглыхъ ямахъ и кладутъ съ ними козу, нѣсколько кувшиновъ съ медомъ, мелиссой (брагой изъ проса) и чашку съ раковинами каури. У нійеллемовъ и многихъ другихъ племенъ существуетъ обычай хоронить вмѣстѣ съ покойникомъ живаго мальчика или дѣвочку, будто бы для того, чтобы отгонять отъ умершаго мухъ, но обычай этотъ все болѣе и болѣе исчезаетъ.

Многоженство, какъ и слѣдуетъ ожидать, вообще распространено, и число женъ у каждаго отдѣльнаго лица зависитъ исключительно отъ числа лошадей и собакъ, которыя онъ можетъ уплатить за невѣсту. Бездѣтная жена можетъ быть продана въ рабство, но если она родила трехъ дѣтей, то можетъ

возвратиться въ родительскій домъ; въ такомъ случаѣ считается, что мужъ достаточно вознагражденъ за расходы по покупке себѣ жены. Сограи, подобно другимъ языческимъ племенамъ южнаго Багирми, ревностно занимаются земледѣліемъ, и главное произведеніе ихъ почвы составляетъ дурра, негритянское просо, которое они промѣниваютъ на табакъ, бусы и раковины каури. Селенія бываютъ обыкновенно окружены жирафовыми деревьями (карагъ), пальмами делебъ и думъ, каучуковыми и фиговыми деревьями. Дома строятся изъ соломы, хлѣбныя же магазины изъ глины и имѣютъ коническую форму, съ однимъ только отверстіемъ вверху. Кромѣ лошадей, они держатъ еще козъ, овецъ и собакъ, изъ которыхъ послѣднія дѣются особенно высоко, какъ предметъ пищи. Напротивъ, рогатый скотъ рѣдокъ, а наша домашняя кошка этимъ племенамъ, кажется, совсѣмъ неизвѣстна. (*Geographical Magazine*. 1874, стр. 277—281.)

О государствѣ Вадаи, достигшемъ столь высокаго значенія при энергическомъ управленіи своего нынѣшняго властителя, шейха Али, драгоцѣнныя свѣдѣнія также доставлены д-ромъ Нахтигалемъ. Нѣмецкій ученый оставилъ Куку въ началѣ марта 1873 года и направился къ югу отъ озера Чадъ, чрезъ Фиттри въ Абешръ (Беше), сдѣлавшійся главнымъ городомъ Вадаи послѣ разрушенія Вары. Абешръ расположенъ нѣсколькими минутами сѣвернѣе 14 параллели и нѣсколькими минутами восточнѣе 21° в. д. отъ Гр. Путешествіе до Абешра длилось мѣсяцъ. Шейхъ Али принялъ Нахтигала съ неожиданнымъ радушіемъ и не дѣлалъ ни малѣйшихъ препятствій его дальнѣйшимъ передвиженіямъ.

Что въ особенности поражаетъ иностранца въ Вадаи, пишетъ Нахтигалъ, — такъ это грубость жителей, бѣдность страны и превосходное управленіе султана Али. Относительно развитія, житель Вадаи дѣйствительно уступаетъ жителю Борну, какъ по грубости характера, такъ и по отсутствію всякаго искусства и промышленности; простѣйшая домашняя утварь изъ тыквенныхъ корокъ и т. п. свидѣлствуютъ объ отсутствіи искусства и пониманія красоты, что ставитъ жителей сравнительно на низшую ступень. Ихъ соломенные лачуги жалки и далеки отъ практической и художественной законченности, такъ что язычники южнаго Багирми значительно превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи. Къ тому-же настоящій вадаецъ способенъ къ насилию, сварливъ, жестокъ, въ особенности подъ вліяніемъ мелиссы (перебродившаго пива изъ духна или дурры), злоупотребленіе которой составляетъ здѣсь ежедневное явленіе. Эти качества, въ соединеніи съ гордостью и ненавистью къ иноземцу, скоро прекратили бы всякую торговлю съ берегомъ, если бы не могущественное правленіе нынѣшняго властителя. Но еще и теперь, благодаря мелиссѣ и пристрастію къ любовнымъ интригамъ, совершаются почти ежедневно убійства. Ткани («токаки») у нихъ необыкновенно грубы, и только нѣкоторые племена отличаются искусствомъ дѣлать ихъ болѣе тонко. А отъ этого недостатка въ искусствѣ и промышленности зависитъ бѣдность страны. Многія части государства страдаютъ еще отъ недостатка воды; если и производится вездѣ достаточно проса, то во всякомъ случаѣ страна далеко не въ состояніи давать столь

Булваръ Куки, столицы Борну.

разнообразныхъ произведеній, какъ Борну. Лошади рѣдки и являются здѣсь жалкими представителями своей породы. Рогатаго скота, овецъ и козъ много, но въ Абешрѣ никому не удавалось купить хоть каплю молока. Верблюды акклиматизировались здѣсь лучше, чѣмъ въ Борну Рынокъ въ столицѣ Абешрѣ, по значенію своему, болѣе чѣмъ въдесятеро ниже будничнаго послѣобѣденнаго базара въ Куфѣ, не говоря уже о тамошнихъ большихъ недѣльных базарахъ. Изъ предметовъ вѣшной торговли слѣдуетъ упомянуть невольниковъ, слоновую кость и страусовыя перья, да и тѣ въ небольшомъ числѣ. Торговля съ вѣшнимъ міромъ находится въ рукахъ модьябровъ и джеллабу (айяль-эль-бахарь), изъ которыхъ послѣдніе ведутъ ее чрезъ Джало съ Египтомъ, а первыя—съ Дарфуромъ. Благодаря теперешнему государю, въ Вадаи не бываетъ, чтобы кто-нибудь не платилъ долга или кого-либо обманулъ. Али неумолимо строгъ: большая часть преступленій наказывается смертю, ибо менѣе строгаго наказанія народъ не сталъ бы бояться. Воровство, нарушение брака, трусость предъ врагомъ и пр., если султанъ узнаетъ о нихъ, влекутъ за собою смерть, или же виновнаго оскотпляютъ, или обрѣзываютъ ему носъ, уши, руки, ноги и т. п. Арабы только два года тому назадъ стали появляться свободно въ Абешрѣ.

Къ югу отъ Бахрѣ-эль-Саламата, настоящей границы Вадаи, находится Рунга, или Даръ-Рунга, которую нынѣ должно считать составною частью вадайскаго государства. Хотя въ Рунгѣ существуетъ особый царь, но онъ зависитъ отъ своего леннаго главы больше, чѣмъ другіе представители вассальныхъ государствъ, подчиненные значительнымъ магометанскимъ государствамъ центральной Африки. Собственно рунгійцы—магометане, но родственные имъ по племени кути въ югозападныхъ частяхъ страны еще остаются язычниками. Среди нихъ поселились купцы изъ Даръ-Банды и Борну, и отсюда-то идетъ большая часть слоновой кости, отправляемой изъ Вадаи въ Дарфуръ. Воды Рунги текутъ къ западу, къ Шари, и Бахрѣ-Кута, значительная рѣка, текущая въ семи дняхъ пути по ту сторону южной рунгійской границы, вѣроятно, тождественна съ Уэлле, которую Швейнфуртъ считаетъ за верхнее теченіе Шари.

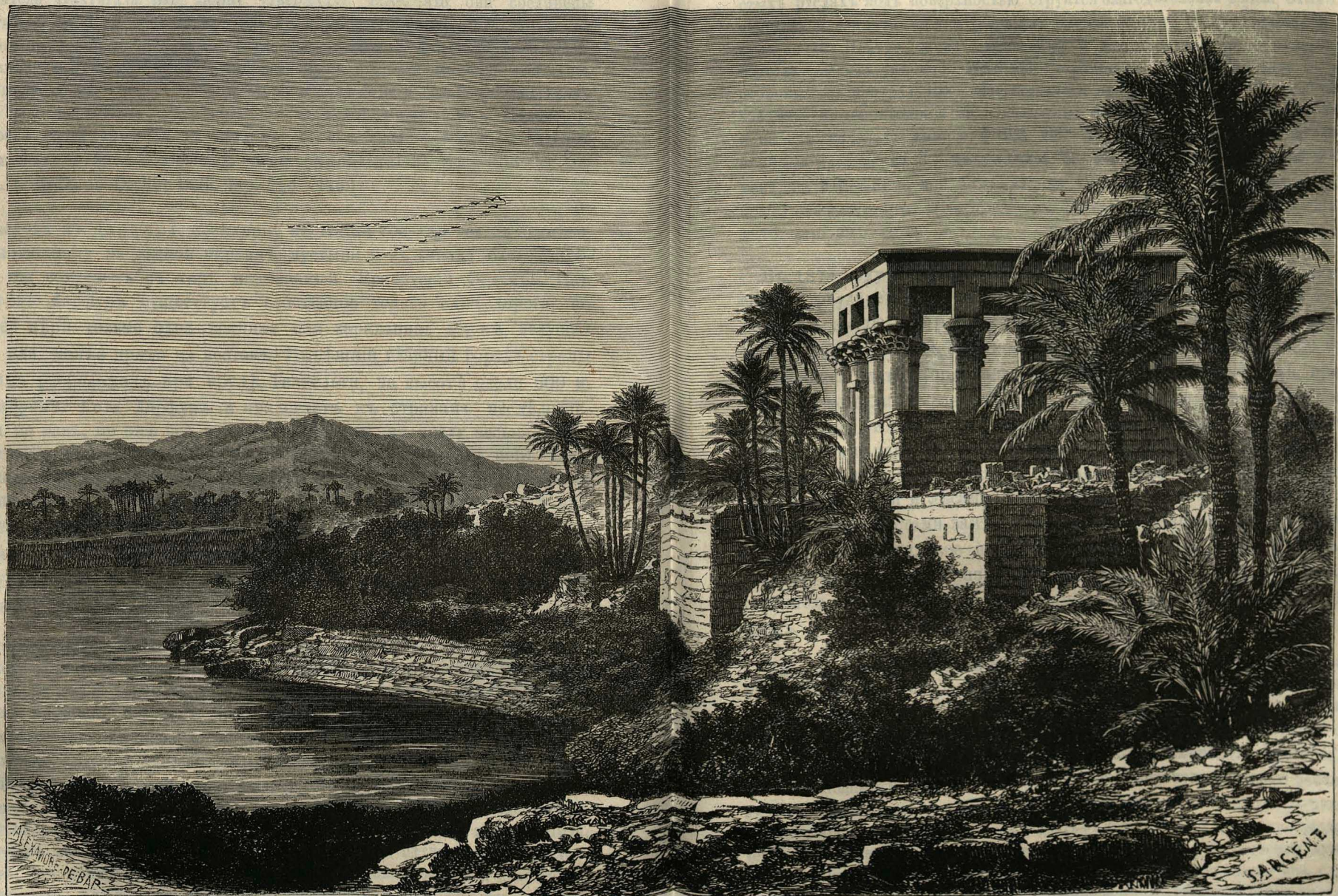
Мѣстность къ западу отъ Рунги и Кути представляетъ настоящій «ребутъ» (пруть дождевой воды), къ востоку же и къ югу страна повышается и становится гориста. Къ югу отъ этихъ мѣстъ, въ качествѣ домашнихъ животныхъ, существуютъ только куры, козы и собаки, лошадей же, рогатаго скота и ословъ совсѣмъ нѣтъ. Изъ дикихъ животныхъ встрѣчаются: львы, леопарды, гіены, дикія свиньи, слоны, носороги, буйволы, антилопы различныхъ видовъ, медвѣдь-муравейникъ, дикобразъ; жирафы-же почти не попадаются. Къ югу отъ Кути встрѣчаются: шелково-хлопчатниковое дерево, масляное дерево, масличная пальма, пальма делебъ, много породъ фигового дерева, *Parkia biglobosa* («руно» у кануровъ), бананъ, перецъ «кумба», различные съѣдобные клубни и виргинскій табакъ. Племена, живущія къ югу отъ Кути, по Бахрѣ-эль-Абиаду, Бахрѣ-эль-Апреку, Бахрѣ-эль-Арде, а также по сѣверному берегу Бахрѣ-Кути, у жителей Рунги и Кути и поселившихся тамъ иноземцевъ называ-

ются общимъ именемъ «банда», а такъ какъ они большею частью людоеды, то еще называются «ніаманіанъ», что собственно представляетъ множественное число отъ «ніамъ-ніамъ», но употребляется здѣсь какъ единственное. Поручитель Нахтигаль изъ Борну утверждалъ даже, что они соединены единствомъ языка, и представилъ ему примѣры этого «бандійскаго языка», на которомъ онъ говорилъ съ большою бѣгlostью. Почва въ Даръ-Бандѣ—вообще, повидимому, каменистая и песчано-перегонная, но, судя по тому, что здѣсь воздѣлываются главнымъ образомъ дурра и въ весьма небольшихъ размѣрахъ духнѣ, надо заключить, что, вѣроятно, есть и глинистыя мѣста. Нѣкоторыя мѣстности очень гористы, въ другихъ же встрѣчаются только отдѣльныя группы скалъ, а инныя совершенно ровны. (Nachtigal въ Zeitschrift der Gesellschaft. f. Erdk. in Berlin. 1875, стр. 115—116.)

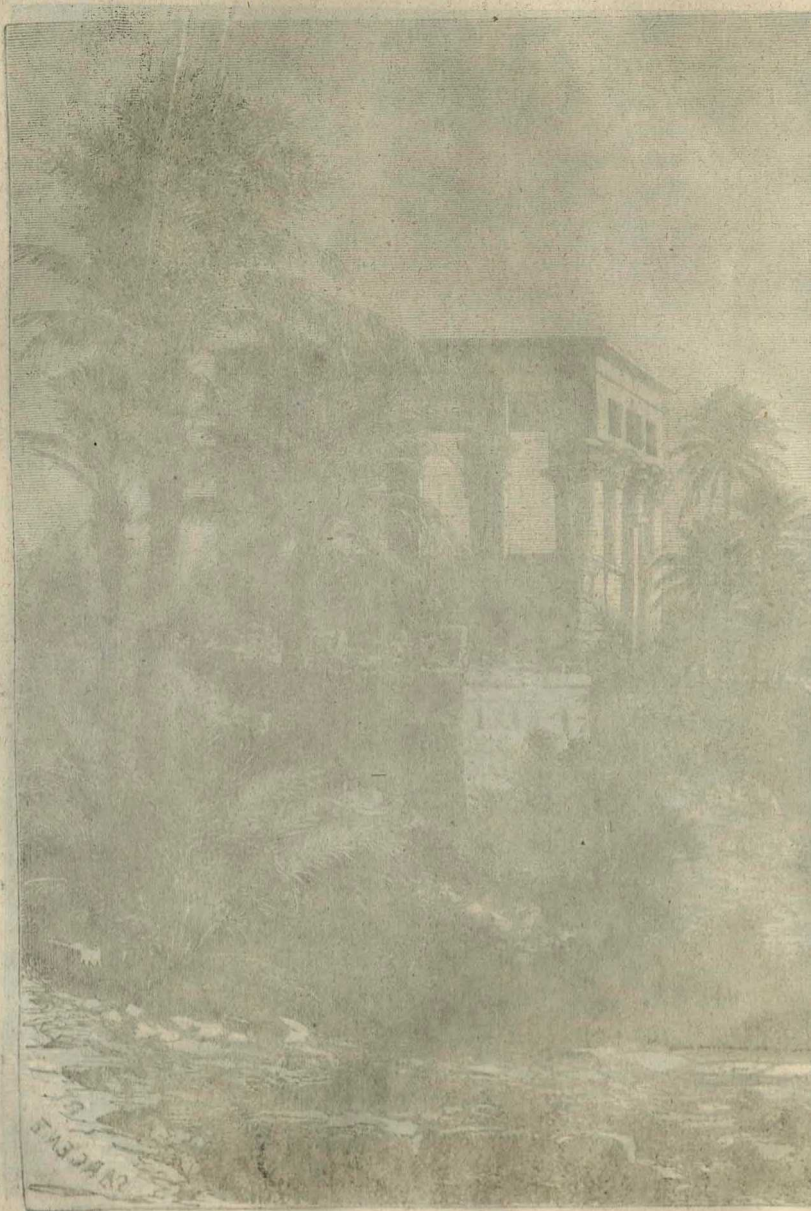
Переходя къ Дарфуру, сосѣднему къ Вадаи государству съ востока, расположенному на южной окраинѣ пустыни и къ западу отъ Кордофана, мы вступаемъ въ такъ называемый «Египетскій Суданъ». Изъ Вадаи въ Дарфуръ существуетъ собственно только одна дорога, по крайней мѣрѣ только одна военная или караванная дорога, ведущая болѣе или менѣе прямо на востокъ. Нынѣшній главный городъ страны Фашеръ расположенъ при прудѣ Тендельти, на высотѣ около 600 м. надъ моремъ. Хотя Дарфуръ и прилегаетъ къ странамъ, изслѣдовавшимъ не разъ, но онъ все еще принадлежитъ къ числу весьма мало-извѣстныхъ областей, потому что повелители его, съ тѣхъ поръ какъ Мегемедъ-Али началъ свои предпріятія и походы въ Суданъ,—изъ страха къ нападеніямъ со стороны Египта, закрывали свою страну для всѣхъ европейскихъ путешественниковъ, считая ихъ египетскими шпионами. Но нынѣ д-ръ Нахтигаль, возвращаясь изъ Вадаи въ Египетъ черезъ Дарфуръ и Кордофанъ, приподнялъ покровъ неизвѣстности и съ этой страны.

Уже много десятилѣтій въ Египетъ ходилъ отсюда ежегодно караванъ со слоновію костью, камедью, страусовыми перьями и невольниками, продавалъ ихъ тамъ за весьма хорошую цѣну и возвращался домой съ мануфактурными товарами, оружіемъ, порохомъ, зрительными стеклами, бусами и тому подобными предметами. Но главнымъ предметомъ вывоза изъ Дарфура были рабы, составлявшіе большею частью собственность эмира, который вообще былъ знатнѣйшимъ купцомъ своей страны. Фауна и флора Дарфура не представляютъ, повидимому, ничего замѣчательнаго. Почва бесплодна и бѣдна водою. Въмѣсто роскошной растительности, которой мы удивляемся въ садахъ долины Нила, въ Дарфурѣ хотя и есть величественныя деревья, но путнику нельзя отдохнуть въ ихъ тѣни, потому что земля, на которой они посажены, сплошь поросла тѣрномъ. Къ тому-же отъ этихъ насажденій нельзя ожидать никакой пользы. Лишь мѣстами встрѣчается нѣсколько акацій, доставляющихъ небольшое количество камеди, но во время дождей, продолжающихся три мѣсяца—отъ середины іюня до середины сентября, земля покрывается великолѣпною растительностью. Центръ Дарфура занимаютъ Маррахскія горы, а самое характеристическое явленіе составляютъ здѣсь многочисленныя рѣчныя русла,

Храмъ Изиды на островѣ Филэ.

ALBANY, N. Y.

прорѣзывающія страну на З., ЮЗ. и Ю. Хотя они представляютъ лишь русла дождевой воды, т. е. содержатъ воду только во время дождей, но они весьма важны, какъ распредѣлители воды, потому что въ ихъ песчаныхъ льдистыхъ руслахъ подъ поверхностью струится благодѣтельная влага. Этимъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ соотвѣтствуютъ также население и культура почвы. Центръ, западъ, югозападъ и югъ населены густо, сѣверъ же и востокъ—весьма умѣренно. Жителей—магометанъ—можно раздѣлить съ одной стороны—на центральныхъ африканцевъ и арабовъ, съ другой—на собственно владѣльцевъ территорій и на подвластные племена. Кромѣ даджо, въ горахъ и на ихъ склонахъ живутъ форы или фуры, на С.—зогавы и различные арабскія племена, на З.—массалаты, на Ю. также нѣкоторые арабскія племена, на ЮВ.—бего или биргиды, на СВ.—берти, а въ центрѣ настоящіе арабы—тунджурь. (Nachtigal въ Petermann's Geographischen Mittheil. 1875. стр. 281—284.)

Въ 1874 году Дарфуръ присоединенъ египетскимъ вице-королемъ къ своему государству, но еще раньше такая же участь постигла гораздо меньшую землю—Кордофанъ, лежащій между Дарфуромъ и долиною Нила. Главный городъ его, Эль-Обендъ, стоитъ на 520 м. ниже Фоме-ра Большая часть Кордофана, по крайней мѣрѣ на востокъ, принадлежитъ уже великой равнинѣ Нила, который почти составляетъ восточную границу страны или, по крайней мѣрѣ, подходитъ къ ней весьма близко. Къ западу отъ него мѣстность однообразна до самаго Обенда и состоитъ изъ волнообразныхъ равнинъ, покрытыхъ высокою бурою травой, группами и лѣсами мимозъ безъ листьевъ, въ которыхъ прячутся газели. Мѣстами замѣчаются голыя, песчаные пространства, на которыхъ въ дождливое время разводится духнь. Тамъ встрѣчаются «токели» (коническія хижины), группирующіяся въ селенія, съ колодцами глубиною отъ 30 до 50 м., окруженные стадами рогатаго скота козъ и овецъ.

Земледѣліе въ этой странѣ стоитъ на самой низкой ступени. Во время керифа (дождливое время года) землю очищаютъ отъ засохшихъ травъ, кладутъ въ углубленія сѣмена и прикрываютъ ихъ ногами, предоставляя все остальное природѣ. Единственно хорошую жатву даетъ духнь. Мѣстами встрѣчаются слѣды воздѣлыванія хлопчатника, а иногда промышленный шейхъ садитъ нѣкоторое количество «малопіэ» или «баміэ» (*Hibiscus esculentus*); впрочемъ, развитію земледѣлія въ этой странѣ мѣшаетъ недостатокъ воды, ибо здѣсь исключаются изъ культуры всѣ растенія, которые не могутъ вызрѣвать въ теченіе трехмѣсячнаго періода дождей, а ежегодные дожди тутъ вовсе не такъ надежны, какъ обыкновенно думаютъ. Недостатокъ воды необходимо ограничиваетъ пользованіе землею—она служитъ лишь для пастбы, такъ какъ стада постоянно должны держаться близъ колодцевъ. Красный цвѣтъ почвы указываетъ на присутствіе желѣза, и дѣйствительно въ 40 кил. къ востоку отъ Гурзи добывается изъ песка желѣзная руда, которая встрѣчается неправильными кусками на глубинѣ отъ двухъ до трехъ метровъ.

ГЛАВА XIII.

Бассейнъ Нила.

Начавъ съ западныхъ береговъ Африки, мы достигли постепенно береговъ Нила, знаменитой рѣки, съ которою неразрывно связана цивилизація, быть можетъ, древнѣйшей культурной страны на землѣ. Кто при имени Нила не вспоминаетъ о Египтѣ и пирамидахъ, возвышающихся среди безмолвной пустыни, этихъ гигантскихъ свидѣтеляхъ давно исчезнувшаго великаго прошедшаго, завѣсу котораго удалось поднять только новѣйшимъ изслѣдователямъ? Но страна Фараоновъ составляетъ лишь малую часть той области, которую орошаетъ и оплодотворяетъ Нилъ и которая простирается отъ экватора до Средиземнаго моря. Начало этой благословенной рѣки, Нила, оставалось тайною столь же долго, какъ и прошлое Египта, даже еще дольше. Только въ послѣднее время проблема объ источникахъ Нила разрѣшена, если не вполне, то по крайней мѣрѣ на столько, чтобы бросить свѣтъ на географическія условія внутренней Африки. Ниже мы изложимъ вкратцѣ результаты произведенныхъ до сихъ поръ изслѣдованій; теперь же пока достаточно знать, что Нилъ, эта величайшая изъ всѣхъ африканскихъ рѣкъ, вытекаетъ изъ большаго озера Укереве, которое въ сѣверныхъ частяхъ своихъ пересѣкается экваторомъ, какъ и западный сосѣдь его—озеро Мвутанъ, или Лута-Нциге. Поэтому подъ бассейномъ Нила мы разумѣемъ всю страну по обоимъ берегамъ рѣки, между экваторомъ и Средиземнымъ моремъ, т. е. пространство болѣе 30 градусовъ широты. Сюда причисляется почти вся сѣверо-восточная Африка, посылающая Нилу дань своихъ водъ.

Желая набросить картину этой обширной области крупными штрихами, мы начнемъ, вопреки обычному порядку, не отъ источниковъ къ устью, а наоборотъ—съ самаго устья, и будемъ восходить по его берегамъ все выше и выше въ тропическую Африку. Таковъ былъ и историческій ходъ разрѣшенія загадки о Нилѣ, причемъ сама рѣка была путеводительницею въ далекія неизвѣстныя страны своего верхняго теченія, такъ какъ она, несмотря на множество извилинъ и поворотовъ, вообще довольно строго выдерживаетъ направленіе съ юга на сѣверъ. Тамъ, гдѣ утомленная рѣка раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, а въ нынѣшнее время катитъ свои волны въ Средиземное море главнымъ образомъ только черезъ два рукава, Розетту и Даміетту, образуя знаменитую, плодородную нильскую дельту, мы находимъ, какъ это и должно быть по природѣ вещей, плоскую, нынѣ понижающуюся прибрежную страну, береговая полоса которой почти незамѣтно переходитъ въ синее море. Хотя Нилъ постоянно выдвигаетъ въ море свои

наносы, но вмѣстѣ съ тѣмъ затопляемая земля понижается, вслѣдствіе чего появились лагуны, которыя и придаютъ сѣверному краю дельты средній типъ—не то суши, не то воды. Многія изъ нихъ, впрочемъ, начали высыхать, за исключеніемъ Мензалехскаго озера, которое увеличилось въ послѣднее время затопило нѣкогда густонаселенную береговую низменность. (Peschel. Neue Probleme, стр. 108 и 135). Это—Нижній Египетъ, составляющій ядро государства, которое, расширяя въ настоящее время свои границы по всѣмъ направленіямъ, иногда и вооруженною рукою, сдѣлалось если не могущественнѣйшимъ, то во всякомъ случаѣ величайшимъ государствомъ во всей Африкѣ. Почти все, что принадлежитъ къ бассейну Нила,—египетское достояніе, и египетскіе форпосты стоятъ даже на берегахъ Мвутана. Но въ сущности Египетъ ограничивается узкою долиною Нила, всего въ нѣсколько часовъ пути шириною, и только въ Нижнемъ Египтѣ культурная полоса шире, благодаря дельтообразному расхожденію рукавовъ этой рѣки. Здѣсь же расположены и важнѣйшіе города страны: Александрія — великолѣпная гавань на Средиземномъ морѣ, Каиръ, повыше развѣтвленія Нила — столица государства и резиденція; здѣсь, на достопамятной землѣ Фараоновъ и пирамидъ, цвѣтетъ двушолое произведеніе полуевропейской, полувосточной культуры, здѣсь же прекрасная желѣзнодорожная сѣть обезпечиваетъ сношенія между значительнѣйшими мѣстами и, подобно рогу изобилія, простираетъ одну изъ своихъ вѣтвей вверхъ по долинѣ Нила до самаго верхнеегипетскаго Сіута; здѣсь гордо возвышается магометанская мечеть рядомъ съ европейскимъ опернымъ театромъ; здѣсь бурнусъ упрямаго араба встрѣчается рядомъ съ фраккомъ податливаго франка; здѣсь, наконецъ, неопытный иностранецъ испытываетъ такое впечатлѣніе, какъ будто перенеслась сюда на югъ какая-нибудь столица Европы, пока болѣе долгое пребываніе здѣсь не покажетъ ему, что все это только внѣшній блескъ, только одна мишура, подъ которою кроется прежнее восточное варварство. Стоитъ только отойти ему отъ этихъ мѣстъ ложной цивилизаціи, какъ онъ очутится въ пустынѣ которая тянется направо и налѣво отъ береговъ рѣки. На западѣ—страшная Ливійская пустыня, сопровождающая весь лѣвый берегъ Нила, черезъ Средній и Верхній Египетъ, влать до Египетскаго Судана, доходя иногда до самой рѣки. Файумъ, лежащій у сѣверной границѣ Средняго Египта, можно считать почти такимъ же оазисомъ, какъ Фарафры или Дахель въ дѣйствительной пустынѣ. На правомъ берегу къ востоку, сейчасъ же за дельтою, начинается равнина, а на Суэцкомъ перешейкѣ, перерѣзанномъ соединяющимъ моря каналомъ, въ песчаной пустынѣ сливаются Африка и Азія. Но южнѣе, вдоль Суэцкаго залива и вдоль всего берега Краснаго моря, возвышается гористая мѣстность, занимающая болѣе или менѣе все пространство между Ниломъ и восточно-африканскимъ берегомъ. На сѣверѣ она называется Восточною или Аравійскою пустынею, а на югѣ, тамъ, гдѣ теченіе Нила дѣлаетъ изгибъ въ

видѣ перевернутаго S, переходитъ въ Нубійскую пустыню; продолжаясь лишь вдоль морскаго берега рядомъ высотъ, эта гористая страна между 15° и 10° с. ш. расширяется въ обширное Абиссинское плоскогорье. Одно это плоскогорье и даетъ къ сѣверозападу могучія рѣки, которыя, пройдя Фазоль и Сеннааръ, соединяются съ Ниломъ; послѣдній до впаденія Атбары не принимаетъ въ себя ни одного притока ни съ правой, ни съ лѣвой стороны. Но важнѣе Атбары—Бахръ-эль-Ацрекъ, или Голубой Ниль, изливающійся южнѣе ея и берущій начало изъ альпійскаго озера Цана на Абиссинскомъ плоскогорьи Амгара. Въ углу соединенія этихъ двухъ рѣкъ стоятъ Хартумъ, — самое значительное торговое мѣсто Египетскаго Судана. Ниль, который мы, въ отличіе отъ Голубаго, называемъ Бѣлымъ Ниломъ, или Бахръ-эль-Абиадомъ, течетъ здѣсь почти совершенно прямо, начиная съ того мѣста, гдѣ онъ принимаетъ съ востока Собать, устье котораго, если можно такъ выразиться, обозначаетъ поворотный пунктъ въ исторіи Нила. Собать беретъ начало, вѣроятно, на томъ малоизвѣстномъ еще скопленіи горъ, которое составляетъ южное продолженіе Абиссинскаго плоскогорья и на которомъ расположены Шоа и Каффа. Къ востоку горы эти спускаются въ земли Галла, которыя, вмѣстѣ съ прилежащимъ къ морскому берегу Сомали, занимаютъ восточный выступъ Африки; къ западу же оно даетъ нѣсколько неизслѣдованныхъ еще рѣкъ, принадлежащихъ къ бассейну Нила. Но не на правомъ, не на восточномъ, а на лѣвомъ, на западномъ берегу всего сильнѣе мѣняется физіономія Нила,—именно тамъ, гдѣ къ югу отъ Дарфура и Кордофана рѣки Бахръ-эль-Газаль, или рѣка Газелей, и Бахръ-эль-Арабъ приносятъ, какъ-бы внезапно, настоящую сѣть рѣкъ, представляющихъ съ лѣвой его стороны цѣлый рядъ параллельныхъ артерій, направленныхъ съ юга на сѣверъ и берущихъ начало съ сѣверозападной стороны озера Мвутана. Здѣсь расположена страна, населенная, многими въ высшей степени интересными негритянскими племенами, какъ напримѣръ нуэры, динка и бонго, людюдскія племена ніамъ-ніамъ и монбутту, жизнь и занятія которыхъ впервые удалось наблюдать нѣсколько лѣтъ тому назадъ путешественнику д-ру Георгу Швейнфурту. Къ югу отъ нихъ обитаетъ малорослый народъ акка, съ которыми насъ познакомилъ итальянецъ Міани; съ Синнихъ горъ, окаймляющихъ западный край Мвутана, спускаются рѣки, текущія на западъ, еще неизслѣдованный; болѣе значительная изъ нихъ—Уэлле, въ странѣ Монбутту, представляетъ, по догадкамъ, какъ мы уже знаемъ, верхнее теченіе Шари. Самъ Бѣлый Ниль вытекаетъ изъ сѣвернаго конца Мвутана и, извиваясь по горной странѣ, окружающей это озеро съ сѣвера, достигаетъ низменныхъ равнинъ. Однако, Бѣлымъ Ниломъ или Ниломъ-Викторією считается вообще тотъ могучій потокъ воды, который соединяетъ Мвутанъ съ озеромъ Укереве, такъ что началомъ «отца рѣкъ» нужно считать озеро Укереве. Вопросъ о томъ, не составляетъ-ли какой

либо изъ южныхъ или юговосточныхъ притоковъ Укереве продолженія Нила, намъ кажется вопросомъ довольно празднымъ, разъясненіями котораго, по крайней мѣрѣ здѣсь, не стоитъ затруднять благосклоннаго читателя.

ГЛАВА XIV.

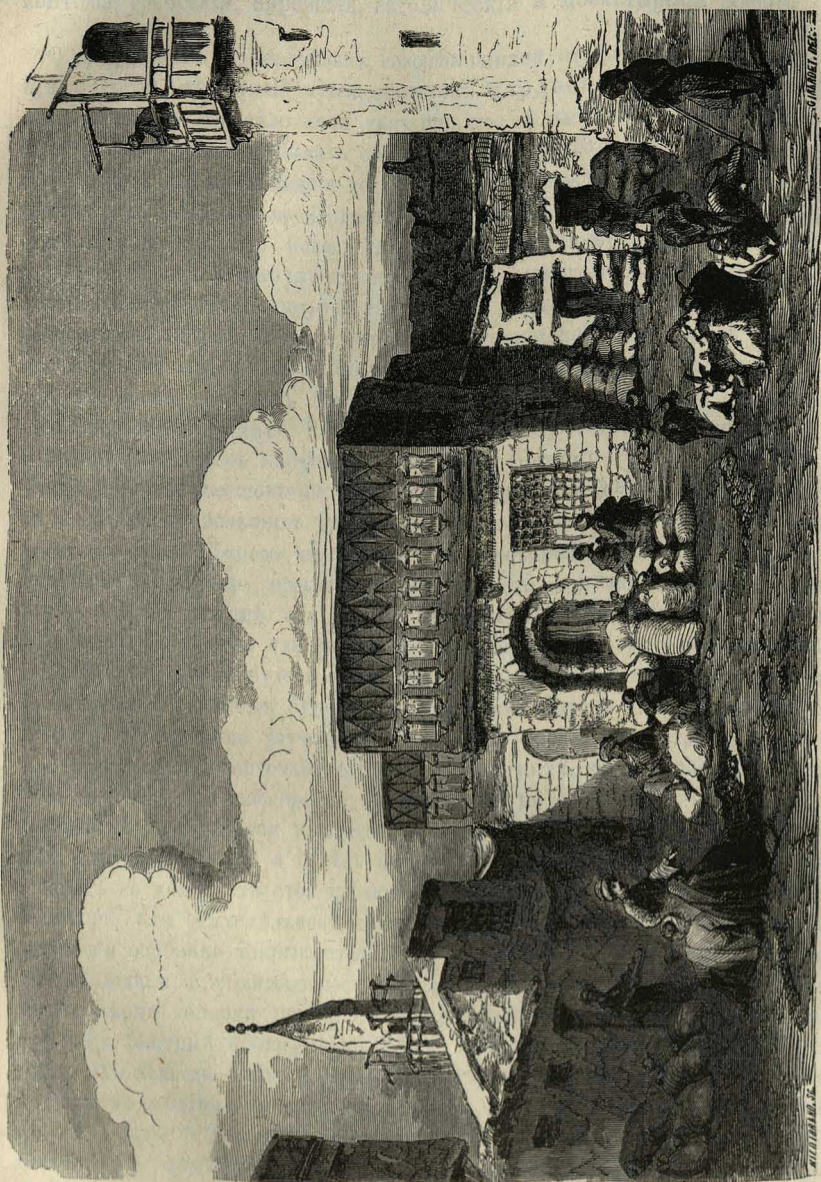
Египетъ.

Египетъ — вассальное государство Турціи, т. е. стоитъ въ нѣ-которой зависимости къ Европейской Турціи именно: Египетъ платитъ ей ежегодную дань въ размѣрѣ 15.900,900 марокъ и посылаетъ вспомо-гательныя войска на случай войны. Нынѣшній властитель Египта, носившій прежде титулъ вице-короля, сѣумѣлъ, однако, постепенно ограничить верховныя права Высокой Порты, добился для себя и своихъ наслѣдниковъ титула хедива, или хидива, и расширилъ постепенно границы своего государства къ югу, такъ что нынѣ онъ оказывается рѣ-шительно самымъ могущественнымъ властелиномъ во всей Африкѣ. Египетъ, благодаря ему, сдѣлался обширнымъ самостоятельнымъ госу-дарствомъ, которое все болѣе и болѣе приближается къ полному осво-божденію отъ вассальной зависимости, и безъ того существующей уже только номинально. Трудно сказать теперь, какъ велико пространство этого, созданнаго на нашихъ глазахъ государства, и если бы населеніе его мы опредѣлили миллионовъ въ десять душъ, съ Дар-Фуромъ и Кор-дофаномъ включительно, то это опредѣленіе было-бы весьма нѣвѣрно. На Египетъ собственно, т. е. на чрезвычайно плодородную долину Нила до Вади-Халь-фа, приходится по крайней мѣрѣ половина этого числа; изъ этихъ 5 миллионовъ, 3.800,000 осѣдлыхъ арабовъ, 200,000 турокъ и ихъ соплеменниковъ, 400,000 бедуиновъ или кочующихъ арабовъ, т. е. мусульманское населеніе составляетъ 4.400,000. Число христіанъ простирается до 600,000, именно: 350,000 коптовъ и 250,000 «фран-ковъ» и левантскихъ христіанъ.

Арабы или живутъ осѣло, или кочуютъ; кочующіе арабы, или бедуины, суть чистѣйшіе потомки настоящихъ арабовъ, со всѣми національными особенностями, достоинствами и слабостями характера кочующихъ сыновъ пустыни. Но многіе изъ арабскихъ пришельцевъ и завоевателей смѣшались съ жителями египетской земли, съ весьма выродившимися уже тогда потомками древнихъ египтянъ: такъ произошла большая часть нынѣшнихъ жителей — феллахи, т. е. пахари, и арабы, занимающіеся въ городахъ торговлею и ремеслами. Но, съ другой стороны, сохранилась въ чистотѣ, какъ часть мѣстныхъ урожен-

цевъ, такъ и часть арабовъ. Первые суть нынѣшніе копты, прямые потомки древнихъ египтянъ, христіане—монофизиты (якобиты), признающіе христіанство только вышнимъ образомъ, но слѣдующіе нѣкоторымъ магометанскимъ обычаямъ, напр. обрѣзанію; они служатъ писцами, нотариусами, бухгалтерами въ частной и низшей государственной службѣ и тѣмъ снискиваютъ себѣ пропитаніе; впрочемъ, есть и богатые коптскіе землевладѣльцы и купцы, но всѣ они считаются пройдохами. Кромѣ коптскихъ христіанъ, распадающихся, какъ и греки, на уніатовъ и не-уніатовъ, и кромѣ католиковъ и нѣкотораго числа протестантовъ, въ Египтѣ есть также армянскіе и маронитскіе христіане. Чистокровные арабы и есть въ сущности нынѣшніе кочующіе бедуины пустыни и бедуины дуаровъ. Они частью сдѣлались осѣдлыми, какъ напр. въ Файумѣ и особенно въ провинціи Кеннехѣ, гдѣ за кочевою палаткою слѣдовали лачуги изъ пальмовыхъ вѣтвей и соломы дурры, а наконецъ и кирпичные дома. Кромѣ скотоводства, именно разведенія овецъ и верблюдовъ, они живутъ извозомъ или проводомъ каравановъ, поставкою и продажей древеснаго угля (большею частью изъ тамарисковъ), приготовленіемъ плетеныхъ пальмовыхъ издѣлій, а до временъ Мегемед-Али занимались также и разбойничьимъ ремесломъ. Европейцы и левантійцы, т. е. греки, сирійцы, итальянцы, французы, англичане, нѣмцы, число которыхъ соотвѣтствуетъ порядку ихъ перечисленія, большею частью сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ крупную торговлю и мореплаваніе, банковыя и промышленныя предпріятія, держатъ гостиницы и аптеки въ большихъ городахъ Нижняго Египта, занимаются книжною и другою лавочною торговлею, или состоятъ врачами, учителями иностранныхъ языковъ, преподавателями и весьма рѣдко художниками. Кромѣ того, небольшое число европейцевъ, именно итальянцевъ и французовъ, находится на государственной службѣ. Евреи пользуются у мусульманъ такимъ безграничнымъ презрѣніемъ, что далеко не могутъ возвыситься въ Египтѣ такъ высоко, какъ въ другихъ странахъ. Цыгане уменьшились въ числѣ и встрѣчаются только на базарахъ и ярмаркахъ въ качествѣ карманныхъ ворюшекъ, укротителей змѣй, акробатовъ, а ихъ жены и дочери—въ качествѣ гадалщицъ и публичныхъ танцовщицъ, такъ называемыхъ гавади. (Heinrich Stephan. Das heutige Aegypten. Leipzig. 1872. 8°, стр. 60—64.)

При управленіи нынѣшняго хедива, Египетъ и его населеніе безспорно достигли нѣкотораго развитія. Съ каждымъ годомъ хедивъ все болѣе и болѣе вводитъ европейскіе права и обычаи. Такъ, полицію онъ устроилъ по образцу бывшей австрійской; но ни въ одной области культуры прогрессъ такъ не великъ, какъ въ области народнаго образованія. Египетскія школы раздѣляются на военныя и спеціальныя, содержимыя исключительно на счетъ правительства, на школы для сиротъ и бѣдныхъ, содержимыя на счетъ вакуфнаго управленія, на центральныя школы (въ главныхъ городахъ провинцій), въ содержаніи коихъ принимаютъ участіе частныя лица; кромѣ того, имѣются пансіоны въ Каирѣ и Александріи, существующія на счетъ вакуфа и добровольныхъ приношеній, и, наконецъ, національныя коллегіи—на счетъ родителей и учащихся. Сюда не относятся каирскія школы различныхъ вѣроисповѣданій (этимъ школамъ правительство также оказываетъ большую

Хлебный рынокъ въ Суэцѣ.

помощь), а также и остальные иностранные школы, пособія которымъ не показывается въ бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія. Это—большую частію миссіонерскія заведенія, сиротскія школы, пансіоны, коптскія, греческія, еврейскія, католическія и монастырскія школы.

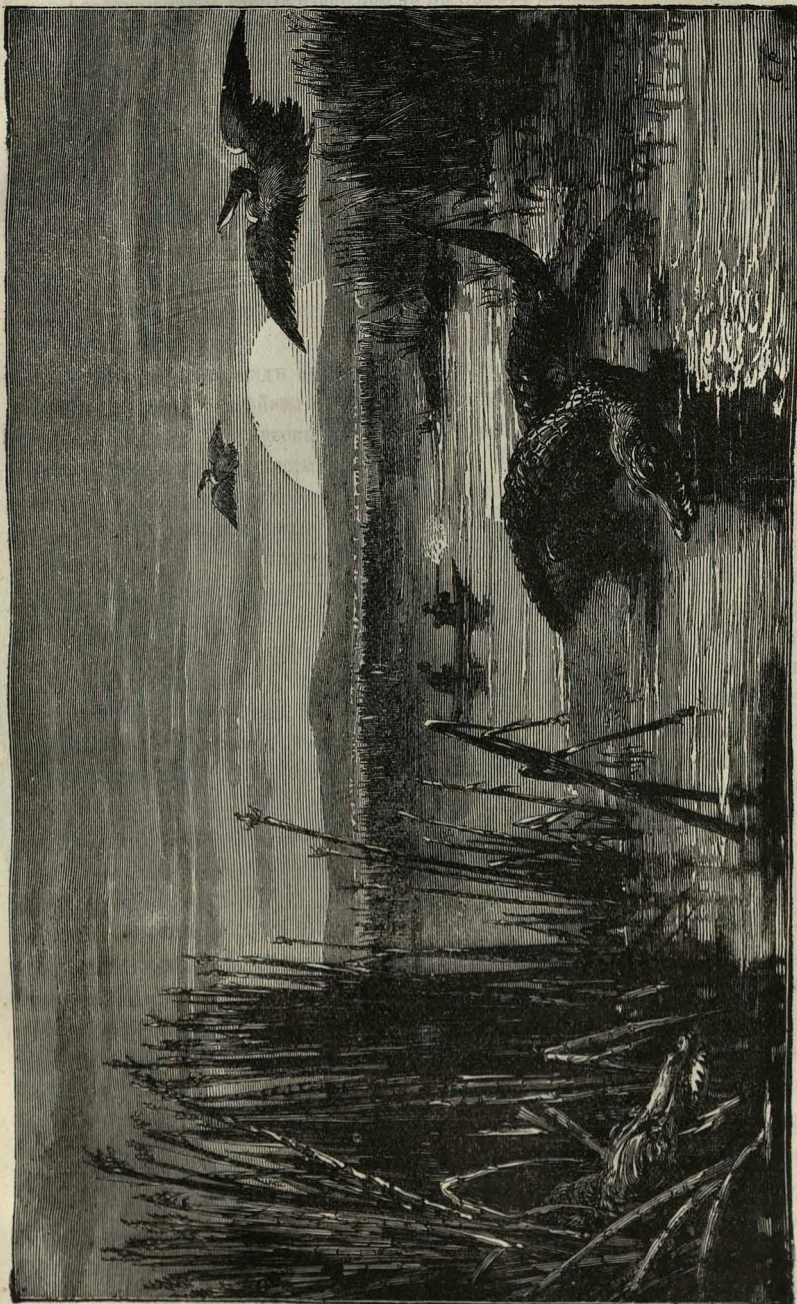
О прогрессивныхъ переменѣхъ, совершившихся въ Египтѣ при нынѣшнемъ правительствѣ, извѣстный путешественникъ Чарльсъ Бекъ говоритъ слѣдующее: «Ничто не поразило меня такъ при моемъ нынѣшнемъ путешествіи по Египту, въ которомъ я бывалъ съ 1840 г. нѣсколько разъ, — въ особенно-сти въ районѣ отъ Александріи до Каира, какъ множество полезныхъ переменъ, замѣченныхъ мною во всей странѣ. Какъ только вы миновали озеро Маретисъ или пустынную полосу къ западу отъ Розеттскаго рукава Нила, страна начинаетъ обнаруживать несомнѣнные признаки высшей и болѣе развитой культуры. Мы говорили, что въ этой мѣстности Египта въ 1850 г. обрабатывалось только 250,000 моргеновъ плодородной земли, нынѣ же воздѣлывается ея вдвое больше. Сборъ хлопчатника теперь оканчивается, и поля перепахиваются, причемъ однажды я видѣлъ то, чего не видалъ прежде никогда: верблюды тащили плугъ. Роскошно волнуются зеленныя нивы, а на богатыхъ пастбищахъ пасутся большія стада рогатаго скота, ослы, козы и овцы. Деревья посажены не только вдоль большихъ дорогъ, но и въ сторонѣ отъ нихъ на большихъ пространствахъ, и притомъ такъ густо, что почти образуютъ лѣса. Дорога черезъ дельту, по которой я проходилъ въ жаркій, солнечный день, была восхитительна, и я часто спрашивалъ себя, дѣйствительно-ли я въ Египтѣ, ибо картина совершенно измѣнилась и, кромѣ того, изъ-за вершинъ деревьевъ или надъ деревьями поднимались высокія трубы фабрикъ. Египетъ скоро будетъ причисляться къ Африкѣ только географически, во всемъ же остальномъ будетъ относиться къ Европѣ. Положеніе низшихъ классовъ существенно улучшилось. Офальмія (воспаленіе глазъ), составляющая можетъ быть жесточайшее бѣдствіе въ Египтѣ, не такъ распространена и не такъ сильна, какъ прежде,—и люди хотя не сдѣлались лучше, за то, по крайней мѣрѣ, питаются удовлетворительно. А въ городахъ они и одѣты видимо лучше: въ Каирѣ я видѣлъ несравненно меньше босыхъ, чѣмъ прежде, и народъ не довольствуется туфлями, а носитъ европейскіе сапоги. Хозяйство феллаховъ, или земледѣльцевъ, также существенно улучшилось: ихъ мазанки строятся и особенно покрываются лучше прежняго,—даже тамъ и сямъ попадаются домики, приближающіеся къ европейскому типу. Съ другой стороны, жалкія старыя деревни покидаются и приходятъ въ упадокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ быстрый прогрессъ въ Египтѣ имѣетъ и свои темныя стороны. Народъ, какъ нѣкогда сыны Израиля, работаетъ не для себя самого, а находится въ тяжеломъ рабствѣ и трудится почти черезъ силу. Но неоспоримо, что развитіе подъ высокимъ давленіемъ необыкновенно благотворно для страны. Величайшею и важнѣйшею, а потому и самую дѣйствительною переменю является, конечно, измѣненіе климата вслѣдствіе обработки почвы и особенно вслѣдствіе разсадки множества деревьевъ. Египетъ на пути къ тому, чтобы избавиться отъ своего, вошедшаго въ поговорку, бездождія. Въ Александріи дожди стали теперь такъ часты, что надоедаютъ, и въ Каирѣ, о которомъ пророкъ всѣхъ путешественниковъ, Муррей, говоритъ еще въ своей «Handbook», что онъ пользуется легкими дождями не болѣе пяти или шести разъ въ годъ, въ прош-

ломъ году было не менѣе двадцати одного. Я самъ провелъ здѣсь одинъ такой дождливый день, какихъ не много и въ Англіи. Послѣдствіемъ этого было то, что немощныя улицы покрылись грязью по колѣно, и совершенно прекратилось всякое движеніе, такъ что пробираться, конечно, можно было только въэкипажѣ; даже въ оперѣ, за недостаткомъ публики, было «*tiposo*». Невѣжественные арабы эту перемену климата относятъ, разумѣется, къ сверхъестественнымъ вліяніямъ, а такъ какъ она совпадаетъ со вступленіемъ на престолъ Мухаммеда-Али, то ему и его династіи приписываютъ волшебную силу.

Какъ ни очевидны сдѣланные успѣхи, но нельзя умолчать, что многое въ нихъ бьетъ только на блестящую внѣшность. Прислуга у вице-короля одѣвается въ ливрей и даже носитъ шляпы—предметъ отвращенія для магометанъ. Въ театрѣ есть ложи для одалисокъ; одно европейское общество, подъ предлогомъ привлеченія иностранцевъ, получило на откупъ игорный банкъ и обязалось за то вносить извѣстную сумму на украшеніе Каира. Дамы изъ гарема его величества зашли уже такъ далеко по пути эмансипаціи, что одѣваются по-европейски, за исключеніемъ только совершенно прозрачнаго вуаля, и разѣзжаются по городу въ открытыхъ коляскахъ, съ англійскими кучерами и лакеями въ красныхъ, шитыхъ золотомъ, ливреяхъ. Въ правительственныхъ бюро также начинаетъ вѣять другимъ духомъ: диваны въ различныхъ правительственныхъ зданіяхъ замѣнены европейскими софами и стульями, а чиновникамъ приказано во время занятій курить табакъ и пить кофе, какъ это дѣлаютъ и ихъ европейскіе сотоварищи, дабы все имѣло болѣе дѣловой видъ.

Всѣ эти нововведенія не мѣшаютъ, однако, тому, что право въ Египтѣ все еще остается необезпеченнымъ; это сдѣлало необходимую судебную реформу, которая наконецъ введена 1 января 1876 и устранила обычную прежде консульскую подсудность. Впрочемъ, краски, которыми изображаютъ европейцевъ въ Египтѣ безпристрастные наблюдатели, какъ напр. Морицъ Литтке, далеко не могутъ быть для нихъ лестны. Огромное большинство преступленій совершается итальянцами и греками, въ особенности послѣдними. Нужно побывать въ Александріи, чтобы избавиться отъ послѣднихъ, еще кажется существующихъ, слѣдовъ идеальныхъ воззрѣній на нынѣшнихъ грековъ. Они дѣйствительно ужасны: извѣстно, что грекъ не отступитъ ни передъ какимъ убійствомъ. Рѣчь идетъ здѣсь разумѣется только о низшемъ классѣ народа. Къ этому надо замѣтить, что многое, что мы называемъ обыкновенно зломъ, что вызываетъ у насъ крики негодованія, что намъ часто совершенно не понятно, не вообразимо, имѣетъ глубокую и неразрывную связь съ исламомъ. Сюда относится рабство и многоженство, вліяніе котораго изображается необыкновенно мрачнымъ.

Всѣ стремленія къ цивилизаціи ограничиваются пока, конечно, только Нижнимъ Египтомъ, гдѣ находятся важнѣйшіе города государства—блестящая Александрія и столица Каиръ.

Охота на крокодиловъ.

Замітимо, що на карті Кавказу 1860 р. в селі проживає один
татарин, який, мабуть, єдиний на цій території. Після цього

Останній на карті

Висновок: в селі проживає один татарин, який єдиний на цій території. Після цього
до Нижньої Експедиції, яка відвідала найбільше городище держави —
Степанівська Алієвська в селі Кавказ.

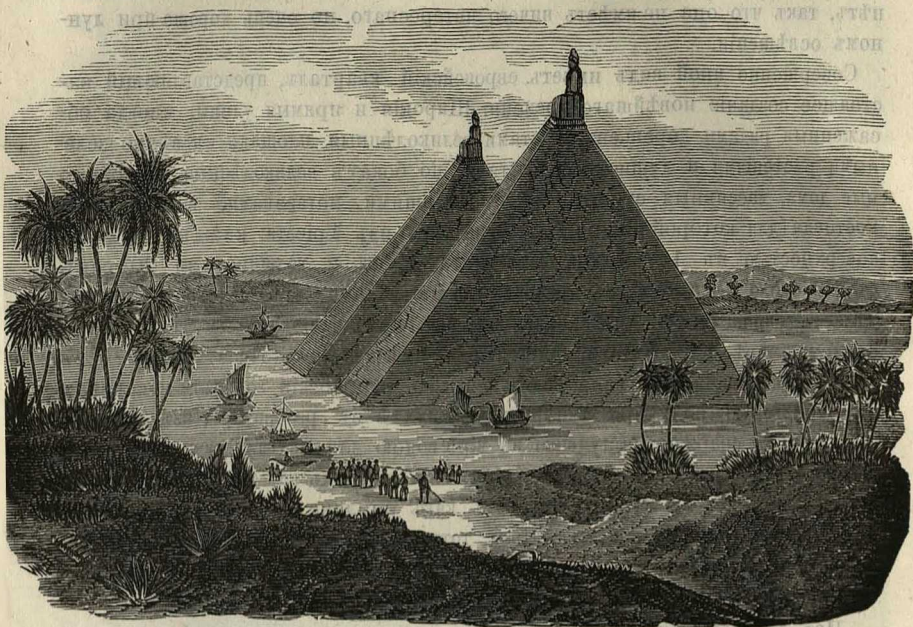
Городъ Александрія, имѣющій около 200,000 жителей, распадается на двѣ части, изъ которыхъ одна населена европейцами, а другая — мѣстными жителями. Арабская часть города расположена на сѣверо-западѣ и на западѣ; улицы ея узки, неправильны и лѣтомъ пыльны, а зимою наполнены непроходимую грязью, дома большею частью одноэтажные и построены весьма причудливо. Здѣсь домъ выходитъ на улицу угломъ, тамъ своимъ верхнимъ этажемъ нависаетъ надъ улицей, тамъ становится совсѣмъ поперекъ улицы, а тамъ выходитъ на улицу обширнымъ дворомъ. Окно мало, особенно въ нижнихъ этажахъ, а если есть бель-этажъ, то окно въ немъ часто бываетъ очень много, и они закрыты тонкими деревянными рѣшетками. Очень практична постройка верхняго этажа зигзагами, такъ что сбразуются правильно выступающіе углы съ окнами. Старинныхъ арабскихъ построекъ въ этой части Александріи почти совсѣмъ нѣтъ, такъ что она не имѣетъ ничего интереснаго, но очень хороша при лунномъ освѣщеніи.

Совершенно иной видъ имѣетъ европейскій кварталъ, представляющій настоящее созданіе новѣйшаго времени. Широкія и прямыя улицы, иногда обсаженные рядами деревьевъ, мѣстами великолѣпныя площади съ вѣчно зелеными растеніями и душистыми цвѣтами, по бокамъ великолѣпныя многоэтажные дома, массивныя строенія съ изящнѣйшими магазинами, великолѣпная мостовая (для которой камни были привезены изъ Триеста; каждый камень, поверхностью въ 15 квадратныхъ сантиметровъ и толщиной въ 20 сант., стоилъ около 4 марокъ) съ прекрасными тротуарами для пѣшеходовъ—все это дѣлаетъ европейскую Александрію красивѣйшимъ городомъ на всемъ Средиземномъ морѣ. Кромѣ того, Александрія имѣетъ достаточное газовое освѣщеніе и водокачальню (снабжающую водою и арабскій городъ), накачивающую нильскую воду при Могарремской бухтѣ въ резервуаръ, изъ котораго весь городъ снабжается лучшею въ мірѣ водою для питья. Туземные, а также и иноземные арабы и берберы увѣряютъ, что нильская вода—самая лучшая и самая прѣсная въ мірѣ, и говорятъ, какъ римляне о своемъ Fontana Trevi, что кто разъ испилъ воды изъ Нила, тотъ захочетъ снова испытать это удовольствие. (Rohlf's въ Ausland 1874, № 40, стр. 789.)

Изъ Александріи въ Каиръ идетъ государственная желѣзная дорога, линіи которой, соединяя почти всѣ крупныя города нильской дельты, имѣютъ въ сложности около 1200 километровъ длины; вверхъ по Нилу желѣзная дорога идетъ до Сіута и должна дойти до Ассуана. Ъзда до Каира на поѣздѣ большой скорости продолжается 1½ часа. Чрезвычайно большой перепадъ климата и вообще страны соотвѣтствуютъ также и перепады, происшедшія въ самой столицѣ. Хедивъ хочетъ, кажется, сдѣлать изъ Каира восточный Парижъ. Западная часть передѣлана почти вся заново, а со стороны Нила значительно расширена. Въ другихъ частяхъ города проводятся большія улицы. Слѣдуетъ пожелать только, чтобы при томъ усердіи, съ какимъ городъ передѣлывается на европейскій манеръ, не вполнѣ исчезъ-бы его восточный характеръ, что лишило бы его значительной доли прелести.

Первое, что долженъ сдѣлать иностранецъ, прибывши въ Каиръ,—это от-

правиться на цитадель. Цитадель построена на вздутии почвы—правда незначительномъ, но сравнительно важномъ на этой обширной плоскости, и вмѣщаетъ въ себѣ, кромѣ нѣкоторыхъ правительственныхъ зданій, еще новую великолѣпную мечеть съ гробницею Мегемед-Али. Видъ, открывающійся съ вала цитадели, дѣйствительно восхитителенъ и, послѣ неописуемой панорамы Босфора, представляетъ самое великолѣпное зрѣлище на всемъ Востокѣ. У валихъ ногъ раскинутъ громадный городъ, который по своимъ размѣрамъ, пожалуй, сходенъ съ Вѣною; арабъ гордо называетъ этого царя нильской долины—Масръ-эль-Кагира—царствомъ побѣды. Надъ моремъ домовъ пестрѣтъ цѣлый лѣсъ стройныхъ минаретовъ; число мечетей въ Каирѣ доходитъ до 400; впрочемъ съ точностью, кажется, еще никто ихъ не сосчиталъ. Гордые куполы рисуются на желтова-

Египетскія пирамиды.

томъ фонѣ горъ пустыни, надъ которыми нависло ясное, голубое небо. За громаднымъ городомъ стелется зеленая равнина, орошаемая расширившимся въ цѣлое озеро Ниломъ; это—поле брани подъ пирамидами, изъ коихъ особенно замѣчательны двѣ; одна изъ нихъ, Хеопсова, стоитъ уже 6000 лѣтъ; пирамиды эти составляютъ неразрѣшимую загадку туманнаго прошлаго; на югѣ же вдали виднѣются Сакарагскія пирамиды, а на востокѣ—Мокаттамскія бѣлыя горы, гробницъ калифовъ и обширная безотрадная пустыня. Такова въ немногихъ чертахъ та грандіозная картина, которая развертывается предъ упоенными взорами наблюдателя. Весь городъ окруженъ довольно хорошо содержимою стѣною. Дома, имѣющіе иногда по три этажа—безъ фронтоновъ, безъ трубъ, безъ оконныхъ рамъ; вмѣсто крышъ—террасы, окна закрыты плотными деревянными рѣшетками. У балконовъ кругомъ также рѣшетки, а крыши—большею частію въ родѣ балдахиновъ, украшенныхъ рѣзбою. Бель-этажъ, или по крайней мѣрѣ

часть его, у всѣхъ домовъ выступаетъ впередъ надъ нижнимъ этажемъ. Двери домовъ запираются деревянными задвижками, съ кольцами для стуканья. На большей части ихъ виднѣется какое нибудь изреченіе корана для отвода дурнаго глаза. Въ щеляхъ нѣкоторыхъ дверей воткнуты зубы для предохраненія зотъ зубной боли. Въ большей части домовъ на большихъ улицахъ существуютъ кофейни, харчевни, мастерскія, лавки и т. д.; всего больше сапожныхъ, портныхъ, сѣдельныхъ и чубучныхъ мастерскихъ, ибо это — страна, гдѣ всѣ еурятъ и ѣздятъ верхомъ. Въ лавкахъ виднѣются большею частью москотельные товары, пряности, душистыя воды, красивые ковры, такъ какъ каждый мусульманинъ совершаетъ молитву, стоя на коѣннхъ на ков-

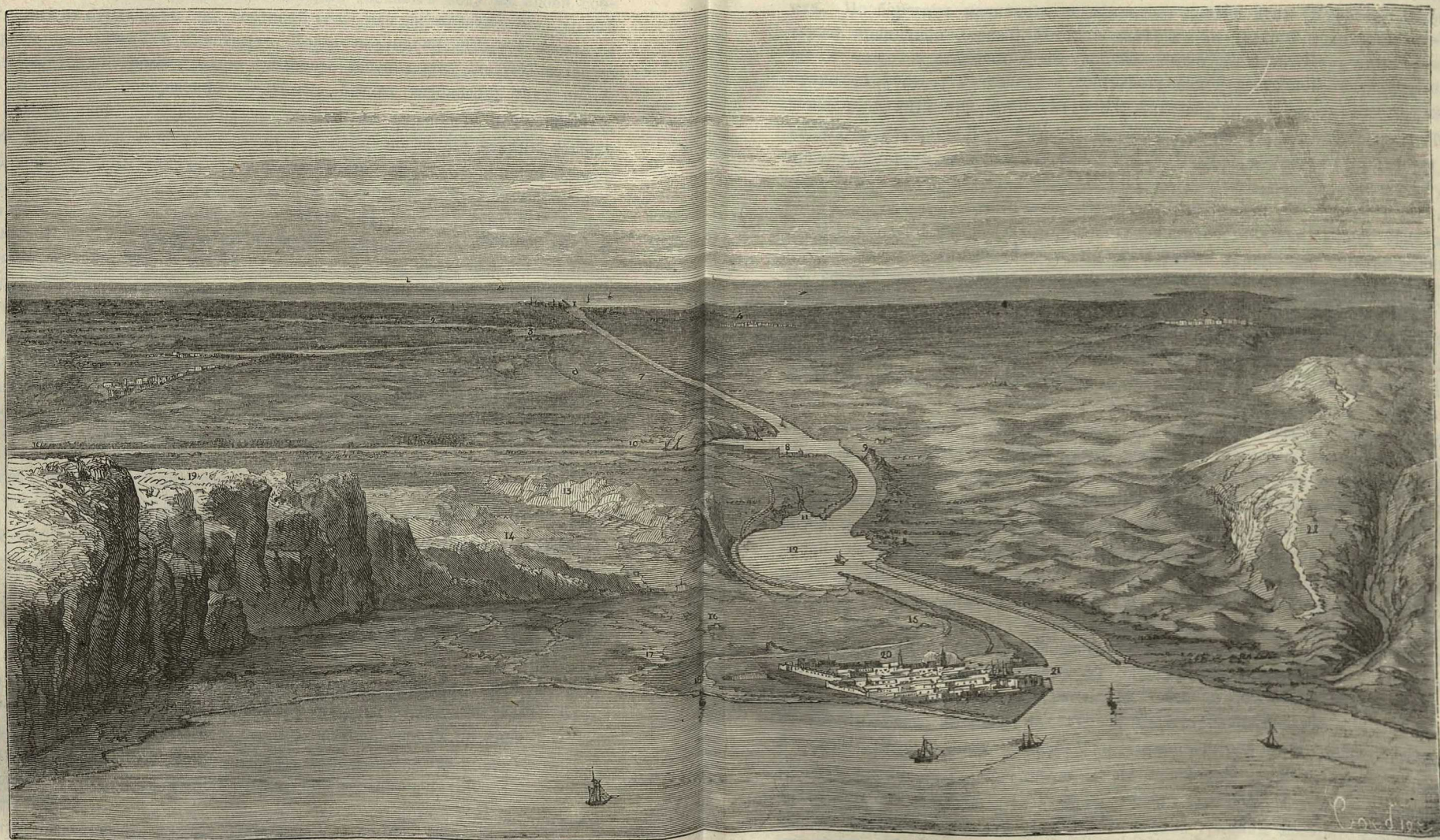
Сфинксъ.

рикѣ; большія, бѣлыя шерстяныя одѣяла, бурнусы, фески, шали, шелковыя матеріи, сукна и т. д. Интересны также большія фруктовыя лавки, въ которыхъ наложены цѣлыя пирамиды и горы банановъ, фигъ, финиковъ, апельсиновъ. Въ харчевняхъ варится большею частью пилавъ (рисъ съ мясомъ), а иногда жарятся мясо и рыба, которыя истребляются не только въ самомъ мѣстѣ приготовленія, обыкновенно при помощи пальцевъ, но и разносятся по домамъ, такъ какъ во многихъ семействахъ вовсе не готовятъ пищи. Въ открытыхъ цирюльняхъ можно видѣть, какъ выбриваются нагладо головы правовѣрныхъ, за исключеніемъ маленькаго хохолка на макушкѣ, или какъ дѣлаются лысыя головы при помощи истребленія волосъ извѣстными средствами. Въ восточныхъ магазинахъ платья продаются большею частью только два сорта костюмовъ — длинные кафтаны и шаровары. Сапожныя лавки наполнены большими запасами готовой обуви изъ неvyдѣланной или красной и желтой кожи. Очень интересны для иностранца лавки драгоцѣн-

ныхъ вещей, въ которыхъ выставленъ богатѣйшій выборъ ручныхъ, ушныхъ и носовыхъ колецъ страннаго восточнаго вкуса. Точно также стоитъ посмотреть и оружейныя лавки, въ которыхъ, между великолѣпными турецкими саблями и ятаганами, встрѣчаются богато украшенные ружья и пистолеты. На большихъ улицахъ толпы народа еще пестрѣе и гуще, чѣмъ въ Александри, и шумъ по-истинѣ оглушительнъ. Попадаетъ также множество водоносовъ, большею частью бѣдняковъ, которые таскаютъ воду на своей собственной снѣжкѣ въ бурдюкахъ изъ козлиной кожи, или доставляютъ воду во всѣ части города на вьючныхъ животныхъ. Когда подумаешь, что все населеніе Каира снабжается нильскою водою (колодцы доставляютъ плодую, соленую воду), то становится совершенно понятнымъ, отчего водоносовъ такъ много. Феллахи носятъ свои произведенія на рынокъ въ корзинахъ или ящикахъ, на головѣ. Иногда для этой цѣли служатъ и ослы; послѣдніе должны тащить не только товары, но и самихъ хозяевъ, которые, впрочемъ, иногда бѣгутъ рядомъ и для скорости держатся за вьючное сѣдло или за хвостъ животнаго, заставляя такимъ образомъ тащить себя. Часто встрѣчаются всадники на великолѣпныхъ лошадяхъ, которые производятъ удивительный эффектъ своимъ живописнымъ восточнымъ одѣяніемъ. Турки, арабы, армяне, «франки», евреи, копты, чернокожіе нищіе, между которыми несчетное число слѣпыхъ,—все это шумитъ и тѣснится, производя страшный хаосъ. Туземныя женщины всѣ закрыты покрывалами, а топырящіеся платья скрадываютъ ихъ формы. Кофейни малы, но имѣютъ большія полукруглыя окна въ деревянныхъ стѣнахъ. Онѣ бывають большею частью полнехоньки, ибо восточные жители живутъ преимущественно въ кофейняхъ: здѣсь они курятъ трубки, гашишъ и опиумъ, здѣсь же слушаютъ сказочниковъ и музыку.

Кто хочетъ видѣть и познакомиться съ Египтомъ (въ тѣсномъ смыслѣ), тому всего лучше ѣхать по Нилу на нильскомъ суднѣ—дахабіе. Путешествіе до Вторыхъ нильскихъ пороговъ при Вади-Хальфѣ составляетъ уже теперь просто прогулку, которая требуетъ развѣ только туго набитаго кошелька.

Первое, что привлекаетъ вниманіе въ Нильской долинѣ,—это знаменитыя пирамиды Гизеа, развалины Мемфиса, пирамиды и поля гробницъ Сакары и Дашуры. Проѣхавъ 249 кил., дахабіе привозитъ васъ въ Миніехъ, довольно значительный фабричный городъ (18,000 жителей) подъ 28° с. шир. На пути до этого мѣста, какъ и вообще вверху по долинѣ Нила, къ ней подходятъ Аравійскія горы между Ниломъ и Краснымъ моремъ—съ восточной стороны, а высокіе края плато Ливійской пустыни—со стороны западной, и украшаютъ берега живописными группами скалъ, которыя въ свою очередь часто служатъ пьедесталами или рамками для памятниковъ древней архитектуры. Бени-Гассанъ, немного южнѣ Миніеха, первый пунктъ, съ котораго путешественникъ по Нилу можетъ увидѣть всѣмъ извѣстное чудовище африканскихъ водъ — крокодила—на свободѣ. У крутой же стѣны Джебель-Абу-Фоды, представляющей весьма живописное, но и весьма опасное для нильскаго судоходства мѣсто, они встрѣчаются уже чаще въ ямахъ и разбѣлинахъ скалъ, гдѣ они грѣются на солнцѣ; далѣе же къ югу они становятся обыкновеннымъ явленіемъ около береговъ и на песча-

Видъ Суэцкаго канала.

1. Портъ-Саидъ: бассейнъ и вѣходъ изъ канала въ Красное море.	6. Древній каналъ Некось.	12. Старый заливъ Краснаго моря.	18. Резервуаръ Нильской воды.
2. Мензалехъ.	7. Эль-Гезиръ.	13. Каменоломня Джебель-Генефе.	19. Гора Атака.
3. Кантара-эль-Кросне.	8. Озеро и городъ Тимзахъ.	14. Дорога изъ Суэца въ Каиръ.	20. Суэцъ.
4. Развалины Пелузіума.	9. Могила шейха Энедека.	15. Первое жилище Леесепса.	21. Суэцкій портъ и вѣходъ изъ канала въ Красное море.
5. Эль-Катихъ.	10. Каналъ прѣсной воды.	16. Суэцкіе колодцы.	22. Гора Тохъ.
	11. Устье стараго канала	17. Цистерна для дождевой воды.	

ныхъ отмеляхъ рѣки. Сіутъ, построенный на развалинахъ древняго Ликополиса, есть главный городъ провинціи того же имени и самый значительный пунктъ (25,000 жит.) въ Верхнемъ Египтѣ; выходящая сюда большая дарфурская караванная дорога придаетъ ему жизнь и разнообразіе. На пространствахъ отъ Сіута до Беліени, гдѣ по древней географіи значился рядъ цвѣтущихъ городовъ, нынѣшній наблюдатель встрѣчаетъ лишь весьма ничтожные остатки ихъ. По берегамъ начинаетъ показываться пальма думъ (*Nurphaene thebaica*, также причинное дерево), которая далѣе къ югу вскорѣ появляется все чаще и чаще и становится все рослѣе. Выше Беліени Нилъ течетъ почти прямо отъ востоку къ западу и достигаетъ самой восточной точки своего теченія въ Египтѣ при Кеннехѣ (15,000 жителей), откуда идетъ дорога, длиною въ 4 дня пути, къ Коссейру на Красномъ морѣ. На лѣвомъ берегу Нила, противъ Кеннеха, находится большой храмъ Дендера, а южнѣе открывается долина Хамаматъ, ведущая къ Красному морю и заключающая въ себѣ много древнихъ камнеломень и памятниковъ. Съ запада къ самому Нилу подходитъ выступъ Ливійскихъ горъ съ могучими очертаніями, между тѣмъ какъ переднимъ планомъ Аравійскимъ горамъ служить прекрасная богатая равнина. Но вскорѣ затѣмъ расширяется въ этомъ самомъ мѣстѣ и долина Нила, окаймленная амфитеатромъ крутыхъ вершинъ края Ливійской пустыни, выше 300 метровъ, и показываются храмъ Курна, Рамассеумъ, колоссъ Мемнона, развалины Карнака и Луксор и гордые остатки «стовратныхъ» Өивъ. Южнѣе этого чудеснаго мертваго города путь лежитъ чрезъ проходъ, образуемый Аравійскими горами и круто обрывающеюся скалою отрога Ливійскихъ горъ, который, вѣроятно, представляетъ остатокъ стѣны бывшаго нѣкогда водопада, уничтожившагося вслѣдствіе постоянного размыва мягкаго известняка. Неподалеку отсюда, на лѣвомъ берегу Нила, между пальмовыми рощами возвышается красивый Өснѣ. Небольшое пространство между Өснѣ и расположеннымъ въ широкой долинѣ Өдфу представляетъ мало интереса, но за то тѣмъ интереснѣе самый Өдфу. Километрахъ въ 28 кверху отъ Өдфу у самаго Нила показывается богатый ущельями Джебель-Серакъ. Мѣстность принимаетъ болѣе дикій и суровый характеръ, горы съ обѣихъ сторонъ придвигаются ближе, обработанная земля сокращается въ узкую полосу, селенія становятся рѣже и бѣднѣе. Нилъ, суживаясь до 300 шаговъ ширины, извивается въ тѣснину Джебель-Сильсилѣ, длиною въ четверть часа пути, а по выходѣ изъ тѣсины открывается новая страна, причисляемая по своему характеру уже къ Нубіи. Горы, вышиною не болѣе 60 м., отступаютъ назадъ по обѣ стороны и даютъ мѣсто пустынѣ, волнообразныя линіи которой на аравійской сторонѣ имѣютъ преимущественно сѣрую, а на ливійской—желтую окраску. Нивы почти совсѣмъ исчезаютъ. Въ чертѣ, рѣзко раздѣляющей двѣ сосѣднихъ области, быть можетъ, и слѣдуетъ искать южной границы древняго Египта. Минувъ островъ Өлефантинъ, окаймленный пальмами, вы достигаете якорной стоянки Ассуана (6000 жителей). Нилъ имѣетъ здѣсь видъ озера, южнымъ берегомъ котораго кажутся темныя массы гранитныхъ пороговъ. Немного выше Ассуана начинаются пороги, представляющіе при низкомъ стояніи воды трудности, при половодьи же ихъ проходить легко не только дахаби, но даже пароходы. Настоящихъ водопадовъ здѣсь, конечно, нѣтъ, и даже въ самомъ опасномъ мѣстѣ, въ такъ называемомъ Бабъ-э-Шелалѣ (Пороговые ворота), паденіе воды составляетъ не болѣе 10 на 150. Черныя каменные массы выступаютъ

изъ пѣнистой рѣки, въ живописныхъ формахъ, а оторвавшіеся отъ нихъ каменные глыбы образуютъ мѣстами острова отъ 40 до 60 м. высоты. Подъемъ чрезъ пороги совершается иногда больше сутокъ, между тѣмъ какъ внизъ судно спускается гораздо скорѣе, немного болѣе часа.

Первые нильскіе пороги составляютъ границу Египта и Нубіи. Кверху отъ нихъ нильская долина расширяется въ прелестную котловину Филэ, окаймленную дикими, разорванными скалами. Скалистые ворота Келабжъ снова сжимаютъ рѣку своими черными стѣнами до ширины 150 шаговъ. Нѣскольکو часовъ пути южнѣе, пройдя храмъ Дандура, вы переходите поворотный кругъ Рака, границу тропического пояса. 114 километровъ отдѣляютъ каменные ворота Келабжъ отъ Короско, начальнаго пункта караванной дороги въ Абу-Гаммедъ, обнимающей огромную извилину средняго теченія Нила. Отъ Короско до Дерра (18 кил.) Ниль течетъ обратно съ сѣвера на югъ и представляетъ большое препятствіе для парусныхъ судовъ при упорномъ сѣверномъ вѣтрѣ. Характеръ мѣстности вообще остается пустыннымъ, берега сопровождаются то отступающими, то приближающимися живописными скалами, между которыми тамъ и сямъ видѣются остатки древнихъ сооружений. Отъ Дерра рѣка опять поворачиваетъ къ ЮЗ.; Ниль на этомъ пространствѣ очень широкъ, и большіе, хорошо обработанные острова смѣняются длинными песчаными мелями — любимыя мѣста крокодиловъ. Абу-Симблѣ со своимъ громаднымъ храмомъ въ скалахъ оставляетъ по себѣ такое же неизгладимое воспоминаніе, какъ Хеопсова пирамида и исполинская пещера Карнака. Пройдя далѣе 62 кил., вы достигаете Вади-Хальфы, при выходѣ пустынной долины того же имени, на восточномъ берегу Нила. Немного выше отъ этого мѣста начинаются Вторые или Большіе нильскіе пороги, которые вовсе непроходимы для большихъ судовъ, а для челновъ проходимы только въ половодье. Видъ этихъ Вторыхъ пороговъ напоминаетъ морскія волны, съ пѣною разбивающіяся о береговые утесы; они не имѣютъ формъ могучихъ скалъ, такъ какъ прорываемый здѣсь Ниломъ крупно-зернистый, содержащій желѣзо песчаникъ представляетъ дѣйствию воды меньше сопротивленія, чѣмъ гранитные хребты между Филэ и Ассуаномъ. Пороги Вади-Хальфы, хотя и не такъ величественны, какъ эти послѣдніе, тѣмъ не менѣе, со своими многочисленными островами и подводными камнями, состоящими изъ грудъ желтаго и красноватаго камня и покрытыми блестяще-черною корою, среди пустыни представляютъ картину своеобразной и суровой красоты. (Ausland, 1875, № 23. S. 462—463, nach A. Graf von Prokesch-Osten. Nilfahrt bis zu den zweiten Katarakten. Ein Führer durch Aegypten und Nubien. Leipzig. 1874. 8°).

Путь по Нилу отъ Каира до Вади-Хальфы, хотя приблизительно и равняется, считая по прямому направленію, водяному пути по Дунаю отъ Ульма до Нейзаца въ австрійской Военной Границѣ, но не составляетъ и половины теченія Нила отъ Хартума до Каира, и только двѣ-пятыхъ Нила собственно, считая отъ соединенія Собата съ Бахрѣ-эль-Абиадомъ, и лишь одну-четверть всей длины водянаго пути отъ сѣвернаго конца озера Мвутана до Средиземнаго моря. Выше Вади-Хальфы, вмѣсто пріятнаго плаванія по рѣкѣ, начинается мучительная караванная дорога, и корабль пустыни смѣняется дахабізъ.

ГЛАВА XV.

Страны Верхняго Нила.

Нубіею, или Донголою, называли прежде, а равно называютъ еще и нынѣ, страну къ югу отъ Ассуана, географическія границы которой опредѣлить трудно; но названіе это, по крайней мѣрѣ въ южныхъ частяхъ разсматриваемой области, все болѣе и болѣе нынѣ вытѣсняется названіемъ «Египетскаго Судана». Кто желаетъ пробраться изъ Вади-Хальфы, при которомъ оканчивается судоходство по Нилу, описывающему здѣсь большую дугу, въ главный городъ Египетскаго Судана—Хартумъ, тотъ продолжаетъ свое путешествіе на верблюдахъ чрезъ безлюдныя скалистыя пустыни нубійской провинціи Батнъ-эль-Гаджеръ, чрезъ финиковую страну Суккотъ и Магасъ и, послѣ тринадцати-дневнаго пути, достигаетъ города Новой Донголы на Нилѣ, откуда снова можно воспользоваться нильскимъ судномъ до города Эль-Даббэ. Дорога въ Хартумъ идетъ снова сухопутьемъ чрезъ не совсѣмъ безплодную степь Баюду, въ которой тамъ и сямъ попадаются хорошіе колодцы.

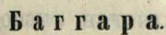
Хартумъ (451 м. надъ уровнемъ моря) представляетъ самый большой городъ съ 40,000 жителей и главный торговый центръ страны, куда сходятся всѣ караванные пути; но онъ имѣетъ видъ однообразной грязно-сѣрой массы, съ однимъ только минаретомъ, и расположенъ среди безплодной песчаной равнины, лишенной деревьевъ и кустарника. Въ Хартумѣ только одна главная улица и имѣются большіе сады, въ которыхъ воздѣлывается даже пшеница, но есть также группы пальмъ и лимонныя рощи. Дома построены изъ сушеного на воздухѣ кирпича, и крыши ихъ приходится починять послѣ каждой бури. Всякое темное мѣсто наполнено разными гадами, скорпіонами, тарантулами, ящерицами, гадюками и шершнями. Жители состоятъ изъ турокъ, европейцевъ, грековъ, евреевъ, египтянъ, нубійцевъ, абиссинцевъ, галласовъ и негровъ.

При Хартумѣ происходитъ сліяніе Бахръ-эль-Апрека (Голубая рѣка) съ бѣлымъ Ниломъ (Бахръ-эль-Абіадъ). Прежде всего мы обратимся къ странамъ по Голубому Нилу, изслѣдованнымъ недавно молодымъ, оказавшимъ большія услуги наукѣ, австрійцемъ Эрнстомъ Марно, а затѣмъ перейдемъ къ замѣчательной области на лѣвомъ берегу Бахръ-эль-Абіада, гдѣ мы будемъ слѣдовать главнымъ образомъ за Г. Швейнфуртомъ.

Обширная страна на лѣвомъ берегу Бахръ-эль-Апрека, ограниченная имъ и Бахръ-эль-Абіадомъ, носитъ названіе Д жезире-Сеннаара и составляетъ, вѣроятно, одно и то же съ древнимъ островомъ Мерозъ Страбона. Сѣверная часть его, вѣзвѣваемая мысомъ между Голубымъ и Бѣлымъ Ниломъ, при сліяніи коихъ стоитъ Хартумъ, равно какъ и берегъ Бахръ-эль-Апрека, носятъ печать нѣкоторой высшей культуры, проявляющейся въ

довольно многочисленныхъ городахъ и селеніяхъ, равно какъ и въ обработкѣ полей, и имѣютъ чрезвычайно смѣшанное населеніе. Во внутренности страны, покрытой обширными степями и кустарникомъ, бродятъ кочевыя арабскія племена, а въ южной части, которую по ея границамъ, обусловленнымъ свойствами почвы, характеромъ растительности и политическими отношеніями, можно назвать Южнымъ или Гористымъ Сеннааромъ, живетъ множество негритянскихъ племенъ, составляющихъ въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ переходъ къ неграмъ центральной и западной Африки.

Страна вверхъ отъ Хартума по Голубому Нилу вначалѣ не представляетъ большаго интереса, да и значительныхъ поселеній на берегахъ не встрѣчается. Первою достойною упоминанія стоянкою является Вoadъ-Медине, но и это мѣсто теперь находится въ упадкѣ и запустѣніи. Къ СЗ. отъ лѣваго берега Голубаго Нила простирается необозримая равнина, лишенная деревьевъ, представляющая одно большое, бурое поле; это — обширная воздѣланная равнина страны, житница хлѣба или правильнѣе — дурры Судана, ибо отсюда снабжается дуррою Хартумъ и вся нильская страна до Бербера. На этой плодородной равнинѣ разбросаны деревни галауиновъ, съ домами изъ навозныхъ кирпичей (кизяка), а мѣстами встрѣчаются выбѣленные гробницы шейховъ и факировъ. Второй и самый большой городъ на Бахръ-эль-Акрекѣ — Сеннааръ, сообщившій свое названіе цѣлой странѣ. Въ прежнія времена Сеннааръ былъ большимъ и многолюднымъ городомъ, но нынѣ онъ также въ упадкѣ. Окрестности его представляютъ громадную степь, на поверхности которой, впрочемъ, уже возвышаются первыя предгорія лежащей даѣе къ югу горной страны Джебель-Сакади и Мойэ. Въ 85 кил. вверхъ отъ Сеннаара, на правомъ берегу рѣки, стоитъ послѣднее торговое мѣстечко, Каркодъжъ, имѣющее еще нѣкоторое значеніе для торговли. Поэтому судоходства по Голубому Нилу вверхъ отъ этого пункта уже не существуетъ. Окрестности его довольно голы, и только на значительномъ отдаленіи по берегамъ рѣки виднѣются кустарниковые лѣса мимозъ и всюду обыкновенныхъ баугиній; мѣстами появляются отдѣльныя группы деревьевъ «томра» (*Adansonia digitata*) и пальмъ «делебъ» (*Borassus aethiopicus*), а еще дальше начинается степной лѣсъ, состоящій главнымъ образомъ изъ красноствольныхъ «фальсъ» (*Acacia gummi-fera*) и «суффаръ» (*A. fistulosa*). Выше Каркодъжа господствуетъ такая же однообразная смѣна кустарника и высокоствольнаго лѣса, деревьевъ и травяной степи, и только мѣстами какая-либо вершина одиноко возвышающихся на равнинѣ кряжей придаетъ ландшафту нѣсколько болѣе оживленности. Многочисленные селенія оживляютъ берегъ, равно какъ и прилегающую къ рѣкѣ мѣстность. Около Серы, нѣсколько южнѣе Каркодъжи, на правомъ берегу рѣки къ суданскому населенію, и безъ того уже пестрому, начинаетъ примѣшиваться новый этнографическій элементъ — гаммеджи, отрасль большой эфіопской негритянской семьи, которую можно было-бы назвать вѣтвью народовъ Гористаго Сеннаара и которая занимаетъ посредствующее мѣсто между арабами и центрально-африканскими, подъ-экваторіальными неграми. На правомъ берегу рѣки эти гаммеджи укрѣпились только гораздо выше; внутри же страны, къ востоку отъ Голубаго Нила, живутъ арабы-акаины — красивое племя съ чрезвы-

наши дикари называют (протинговъ) (Ассонитовъ) (Андреевичъ). Вско-
нъ восточнѣе по общему типу **Баггара**. Ютенъ безогородный, традиция
стены, уходящая въ горы, въ разбросанныхъ одиночныхъ деревни-
цах, группами куларишскихъ и кулаки термитовъ. Мѣстами видѣются
цѣлыми деловъ. Съ нихъ вытекаютъ по срединѣ стрѣлки, составляющіе
даже къ югу обширнѣе лѣса. Подобный лѣсъ находится къ югу отъ

чайно свѣтлою кожею и пропорціональными формами тѣла, что указываетъ почти на совершенное отсутствіе примѣси негритянской крови.

Теперь мы снова возвратимся къ Хартуму и направимся отсюда по Бахрѣ-эль-Абіаду, или Бѣлому Нилу, въ малоизслѣдованныя внутреннія страны верхняго Нила. Съ берегомъ Бахрѣ-эль-Абіада, поросшимъ мѣстами густыми саннотовыми лѣсами, граничить съ востока только что описанный Джезирэ-Сеннааръ, а съ запада страна арабскаго племени баггара-селимъ, за которою къ югу живутъ дикіе шиллуки,

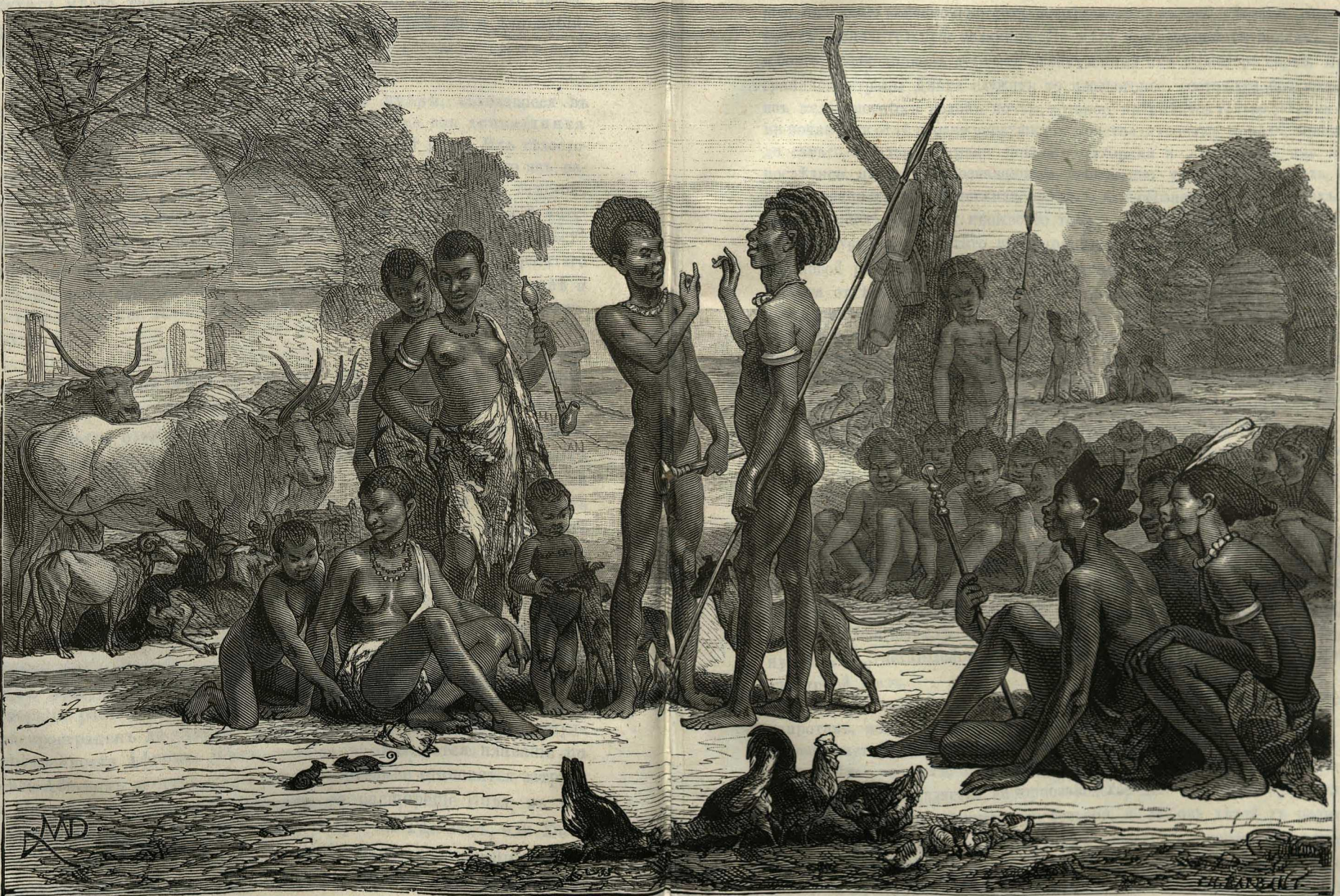
Островомъ Альбой на Бахрѣ-эль-Абіадѣ, находящимся южнѣ тринадцатаго градуса сѣверной широты, начинается самая красивая часть прибрежья рѣки, съ великолѣпными саннотовыми лѣсами, населенными множествомъ обезьянъ (*Cercopithecus griseoviridis*) и поросшими кустами мимозъ, ивами, амбагами, *Cissus* и вьюнками, сплетенія которыхъ образуютъ часто естественныя бесѣдки. Здѣсь расположено мѣстечко Фа шода, которое претендуетъ на нѣкоторое значеніе, какъ главный сторожевой постъ противъ враждебныхъ шиллуковъ, а въ послѣднее время, хотя съ сомнительнымъ успѣхомъ, и противъ торговли невольниками на Бѣломъ Нилѣ. Кверху отъ этого пункта западная береговая полоса усеяна многочисленными шиллукскими деревнями и пользуется довольно дурною славою влѣдствіе нападеній этихъ дикихъ негровъ. Съ В. затѣмъ изливается Собатъ, который несетъ въ Нилъ свою молочно-бѣлую воду съ южно-абиссинскихъ горъ и при соединеніи съ нимъ имѣетъ около половины его ширины; берега его къ востоку, на сколько хватаетъ глазъ, сопровождаются однообразною степью. Еще выше въ Нилѣ изливается Бахрѣ - эль - Серафъ (Жирафовая рѣка), которая отдѣляется отъ Бахрѣ - эль - Джебеля, рѣки Гандокоро или главной вѣтви Нила, подъ $7\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., и послѣ весьма извилистаго теченія на протяженіи приблизительно двухъ градусовъ, считая по прямой линіи, снова соединяется съ нимъ. Вся страна между Бахрѣ-эль-Джебелемъ и Бахрѣ-Серафомъ, равно какъ и къ востоку отъ послѣдняго до неизвѣстнаго еще предѣла, прорѣзана множествомъ рѣчныхъ руселъ и въ дождливое время образуетъ одно большое болото, которое населяютъ кучи москитовъ и въ которомъ плавающіе травяные острова и валы густаго тростника ставятъ судоходству трудно-преодолимую преграду. При впаденіи своемъ въ Бахрѣ - эль - Абіадъ, Бахрѣ-Серафъ еще довольно глубокъ, и его высшіе, крутые берега окаймлены дикимъ сахарнымъ тростникомъ (*Saccharum Ischaemum*). Вскорѣ впрочемъ по обѣимъ сторонамъ начинаются безконечныя травяныя степи, уходящая за горизонтъ, съ разбросанными одиночными деревьями, группами кустарниковъ и кучами термитовъ. Мѣстами виднѣются пальмы делебъ съ ихъ вздутыми по срединѣ стволами, составляющія далѣе къ югу обширныя лѣса. Подобный лѣсъ находится къ югу отъ

серибы Кауэръ, перваго поселенія на Бахръ-Сарафъ. Климатическія условія этихъ болотистыхъ, нездоровыхъ мѣстностей, гдѣ недостатокъ сухихъ мѣстъ такъ великъ, что онѣ получили даже особія названія, оказываются вредными не только для европейца, но и для нубійца и берберинца.

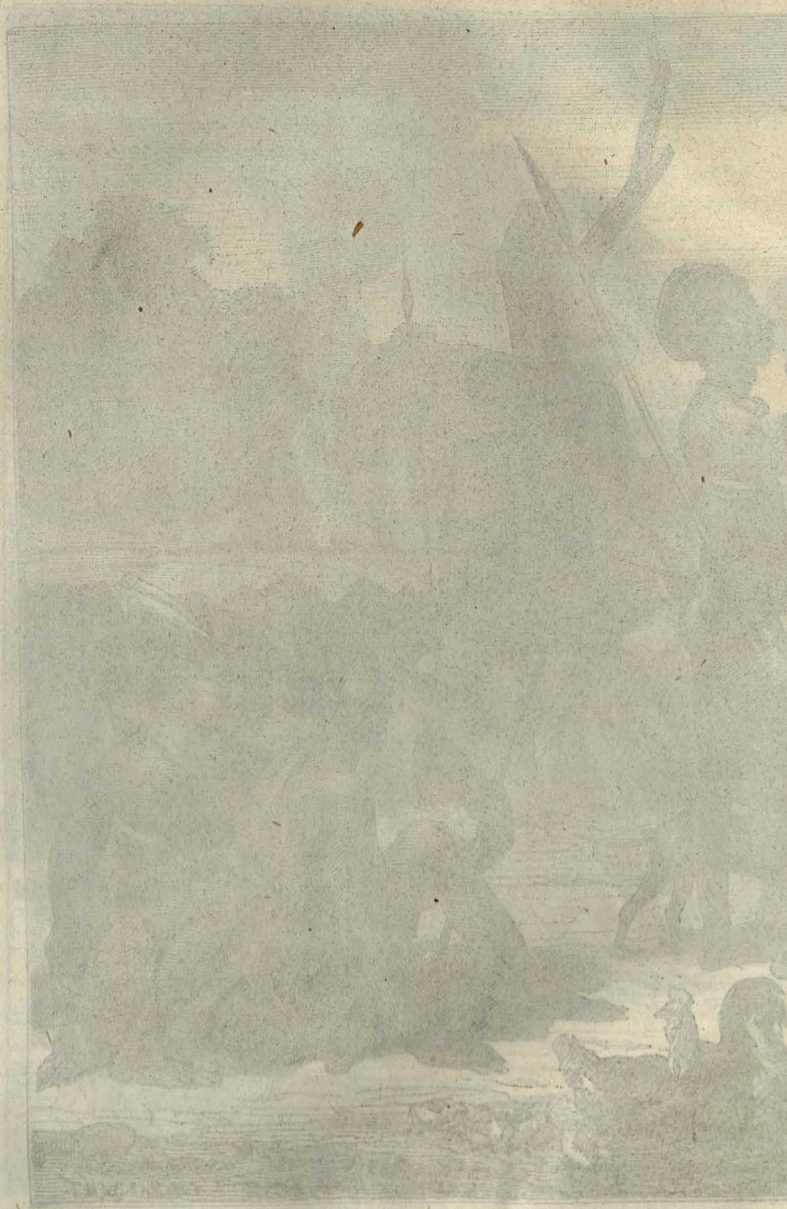
Населеніе этихъ унылыхъ мѣстъ составляютъ нуэры, находящіеся въ близкомъ родствѣ съ живущимъ южнѣ племенемъ дьянке или денка (динка найденныхъ Швейнфуртомъ на правомъ берегу Газелевой рѣки). Ихъ тѣлосложеніе представляетъ новое доказательство вѣрности того выведеннаго изъ наблюденій положенія, что у жителей болотистыхъ низменностей, съ тяжелою, влажною и теплою атмосферою, грудная клѣтка развита менѣе, чѣмъ у жителей гористыхъ мѣстностей съ рѣдкимъ и легкимъ воздухомъ. Лучшее и вѣстѣ съ тѣмъ почти единственное богатство нуэровъ составляютъ стада рогатаго скота, къ которому они относятся съ большою вѣжностью, чѣмъ къ женѣ и дѣтямъ. (Ernst Marno. Reisen im Gebiete des blauen und weissen Nil, стр. 315—361).

Выше серибы Кауэръ рѣка становится все мельче и мельче, а прибрежный тростникъ гуще; между тѣмъ какъ берега ея раздаются, такъ что часто едва можно опредѣлить границу ея съ твердою землею. Самыми обыкновенными изъ пернатыхъ обитателей этихъ зарослей камыша и травы являются *Centropus Monachus Rüpp.* и красивыя *Ortygometra erythropus*, которыя водятся и въ болотистыхъ мѣстностяхъ западной Африки. Черноголовый грифъ, паразитный коршунъ и морской орелъ принадлежать также къ числу самыхъ обыкновенныхъ птицъ. Открытыя илистыя мѣста берега, непоросшія травой, населяютъ бѣлый и черный ибисы, клювачъ, великолѣпный, довольно рѣдкій въ другихъ мѣстахъ аистъ, *Balaeniceps Rex* и марабу, равно какъ небольшія стаи чибисовъ, толстоноговъ и песочниковъ, а въ воздухѣ кружатся цѣлыя тучи пеликановъ. Подъ 9°30' с. ш. въ первый разъ появляется кустарникъ папирусъ, который когда-то былъ распространенъ до самаго Нижняго Египта, теперь же отодвинулся во внутренность Африки. Чѣмъ дальше продолжается плаваніе по Бахръ-эль-Абіаду къ востоку, тѣмъ чаще и серьезнѣе становятся затрудненія. На озерѣ Но, представляющемъ то расширение Нила, въ которомъ рѣка Гондокоро соединяется съ Бахръ-эль-Газалемъ, или Газелевою рѣкою, лежитъ громадный травяной баръ, состоящій большею частію изъ водяныхъ папоротниковъ изъ рода *Azolla* и хорошо извѣстною путешественникамъ по африканскимъ рѣкамъ *Pistia stratiotes*. Кверху отъ страны нуэровъ по Газелевой рѣкѣ впервые показывается лѣсъ и появляются древовидные молочай, вѣтви которыхъ, подобно рожкамъ канделябра, направляются вертикально кверху. Съ юга къ нуэрамъ примыкаютъ негры племени динка.

Шиллукские деревня.

Страна динковъ занимаетъ почти всю низменность, расположенную по правому берегу Газелевой рѣки. Это—огромная равнина съ наносною глинистою и суглинистою почвою, однообразіе которой не прерывается ни одною горою, ни одною каменною массою; встрѣчающіеся на ней мѣстами лѣса имѣютъ весьма незначительную величину. По мѣрѣ приближенія къ землямъ дьюровъ и бонго, степи динковъ теряютъ свойственный имъ характеръ парка. Истинною границею страны Динка служитъ то плоскогорье, состоящее большею частью изъ желѣзносныхъ родовъ почвы, которое, прерываясь только легкими складками почвы, или отдѣльными верхушками кристаллическихъ породъ, простирается до самаго экватора. Страна покрыта хуторами и серибами, изъ которыхъ послѣднее названіе, обозначающее собственно терновую изгородь, служить обыкновенно въ негритянскихъ земляхъ для обозначенія купеческихъ поселеній. Въ послѣдніе годы множество такихъ серибъ, принадлежащихъ большею частью купцамъ нубійскаго происхожденія, было основано въ верхней области Газелевой рѣки, которую поэтому справедливо называютъ округомъ серибъ.

Хотя отдѣльныя племена динковъ отличаются рослостью, но средній ростъ этихъ негровъ вообще не превышаетъ 1,7 метра. Цвѣтъ кожи у нихъ самаго густаго чернаго цвѣта. Рѣдкіе волосы свои они стригутъ, за исключеніемъ одного пучка; не стригутся только франты, которые носятъ обыкновенно по возможности длинные волосы. У обоихъ половъ существуетъ обычай выбивать себѣ передніе зубы, вслѣдствіе чего въ говорѣ слышны нечленораздѣльные звуки. Главное богатство динковъ состоитъ въ стадахъ, и рогатый скотъ у нихъ составляетъ одна порода зебу; кромѣ того, у динковъ есть овцы, козы и собаки. Относительно повареннаго искусства динки соперничаютъ съ нубійцами, а ихъ мучныя и молочныя кушанья не уступятъ лучшимъ произведеніямъ того же рода европейской кухни. Въ ихъ оружіи, утвари и украшеніяхъ находятъ весьма широкое примѣненіе желѣзо, которое цѣнится выше мѣди; но такъ какъ въ странѣ динковъ, особенно въ западныхъ ея частяхъ, желѣзной руды не добывается, то жители ея и не обладаютъ такимъ искусствомъ въ его переработкѣ, какъ ихъ сосѣди. Относительно религіозныхъ представленій динки гораздо просвѣщеннѣе своихъ нубійскихъ угнетателей и не признаютъ распространенной на востокъ вѣры въ дурной глазъ.

Дьюры, обитающіе на нижнемъ уступѣ центральнаго плоскогорья, отличаются напротивъ, искусствомъ въ выплавкѣ желѣзной руды и во всѣхъ отрасляхъ кузнечнаго мастерства. Кромѣ того, они—страстные и ловкіе рыбаки, и предъ началомъ посѣва, въ мартѣ, обыкновенно и старый, и малый покидаютъ свое постоянное жилище и отправляется на горнозаводское дѣло или на рыбную ловлю. Семьи у дьюровъ бывають обыкновенно большія, и любовь дѣтей къ родителямъ у нихъ выражается сильнѣе, чѣмъ у какого-либо другаго центрально-африканскаго племени. Нынѣ эти трудолюбивые и способные дьюры кормятся охотою, рыбною ловлею и преимущественно домашними птицами и козами, а также земледѣіемъ, ежегодные продукты котораго, впрочемъ, дѣлается большею частью добычею нубійцевъ.

Третье значительное племя въ округѣ серибъ представляютъ бонго, или доры. Страна Бонго лежитъ между 8° и 6° с. ш. на южномъ краю низменности бассейна Газелевой рѣки. По пространству она равна Бельгіи, но плотность населенія весьма не велика. Народъ, повидимому, начинаетъ выми-

ратъ. Страна Бонго простирается съ СЗ., на ЮВ. отъ береговъ Роа до береговъ Панго, и занимаетъ среднее теченіе многихъ рѣкъ, изливающихся въ Газелевую рѣку. Съ сѣвера бонго граничатъ съ дьюрами (шиллуское племя), съ сѣверовостока — съ динками, съ юговостока — митту, съ юга — съ бабукурами, белландами и ніамъ-ніамами, съ запада — сере и голо.

Живутъ бонго частію скотоводствомъ, рыбною ловлею, охотою, преимущественно же земледѣліемъ. Изъ всѣхъ народовъ бассейна Газелевой рѣки бонго съ наибольшою заботливостію строятъ себѣ дома, которые всѣ безъ исключенія имѣютъ конусообразную форму, но въ то же время отличаются большимъ разнообразіемъ стилиа. На верхушкѣ конусообразной крыши помѣщается красивой формы круглая соломенная подушка, служащая сидѣньемъ, съ котораго, какъ съ возвышеннаго пункта, открывается видъ на равнину вдаль, невидимую безъ этого изъ-за высокихъ хлѣбныхъ полей. При каждой хижинѣ имѣются хлѣбный амбаръ, построенный на высокихъ столбахъ для охраны отъ сырости, крысы и термитовъ. Цвѣтъ кожи у бонго, какъ и у сосѣднихъ митту, ніамъ-ніамовъ и кречей — землисто-красно-бурый, племена же динковъ, нуаровъ и шиллуковъ отличаются отъ бонго густымъ чернымъ цвѣтомъ. Точно также отличаются отъ послѣднихъ бонго, ніамъ-ніамы, митту и кречи и тѣлосложеніемъ, а именно большею частью среднимъ ростомъ, болѣе поджарымъ строеніемъ членовъ, рѣзко обрисовывающейся мускулатурою, въ особенности же большою длиною бедръ, а также болѣе широкимъ черепомъ. Волосы у нихъ короткіе, курчавые, шерстистые, и за ними не существуетъ почти никакого ухода. Мужчины носятъ постоянно кожаный или тканый передникъ, прикрѣпляемый обвязаннымъ вокругъ бедръ шнуромъ; женщины же, напротивъ, обвязываютъ себя вокругъ поясицы листьями и травами; весьма часто онѣ носятъ хвостъ изъ луба сан-севиеры, который походитъ на длинный черный лошадиный хвостъ и болтается сзади. Всѣ остальные части тѣла у обоихъ половъ ничѣмъ не покрываются, и головной уборъ изъ перьевъ употребляется только въ торжественныхъ случаяхъ. Но у обоихъ половъ существуетъ большое пристрастіе къ нарядамъ и украшеніямъ, состоящимъ изъ стеклянныхъ бусъ, которыя они носятъ на шеѣ. Женщины бонго стараются щеголять еще особеннымъ украшеніемъ: какъ только дѣвушка выходитъ замужъ, у ней прокалывается нижняя губа и распяливается чрезъ постепенное введеніе деревянныхъ колочковъ такъ, что въ концѣ концовъ дѣлается впятеро или вшестеро больше своей обыкновенной величины; въ проколотую такимъ же образомъ верхнюю губу вставляется мѣдный гвоздь или кольцо. Не остаются нетронутыми и крылья носа: въ нихъ вдѣвается отъ одной до трехъ соломинокъ, а чрезъ проколотый хрящъ носовой перегородки пропускается мѣдное кольцо, какъ буйволамъ и заводскимъ быкамъ для укрощенія. Верхнія части рукъ, грудь и животъ татуируются зигзагами. Вишній видъ женщины бонго далеко не соответствуетъ нашимъ понятіямъ о женской прелести. Всѣ взрослыя женщины этого народа отличаются такою толщиною, такимъ удивительнымъ количествомъ мяса, что, при сравненіи ихъ съ жилистыми, тощими мужчинами, нельзя достаточно надивиться такой противоположности обоихъ половъ. Лядвен у нихъ достигаютъ часто такого же объема, какъ грудь слабаго мужчины; заднія части выдаются такъ же, какъ у готтентотскихъ женщинъ. Къ этому присоединяется еще мочальный хвостъ, такъ что тяжело и важно выступающая, жирная женщина-бонго поразительно похожа на пляшущаго павіана.

Даже самые состоятельные бонго женятся не болѣе какъ на трехъ женахъ, бѣдныя же довольствуются одною. Женихъ платитъ отцу невѣсты обыкновенно 10 двухъ фунтовыхъ желѣзныхъ плитокъ и 20 наконецниковъ для копій. Меньшая платадается только за старыхъ женщинъ. Бракъ, заключенный такимъ образомъ, легко можетъ быть расторгнутъ, причемъ жена просто отсылается къ отцу; но причиною къ нарушенію брака можетъ служить только бездѣтность; дѣтей же у нихъ обыкновенно бываетъ очень много. Умершихъ у бонго хоронятъ, причемъ мужчинъ кладутъ лицомъ къ сѣверу, а женщинъ—къ югу. О загробной жизни, о переселеніи душъ и т. п. у бонго не существуетъ ни малѣйшихъ понятій, вѣра же въ духовъ, чертей и вѣдьмъ весьма распространена.

Вышеупомянутыми свѣдѣніями объ этихъ, до сихъ поръ почти вовсе неизвѣстныхъ, народахъ мы обязаны неутомимому д-ру Швейнфурту, который посѣтилъ также и страны къ югу и западу отъ округа серибъ. Такъ, отъ него мы узнаемъ о весьма запутанныхъ рѣкахъ этой области. Между ними рѣка Дьюръ, истоки которой вновь найдены Швейнфуртомъ на Маунтъ-Багинцѣ, въ западной части страны ніамъ-ніамовъ, представляетъ одну изъ самыхъ значительныхъ рѣкъ, изливающихся въ Вахрѣ-эль-Газаль. Чѣмъ дальше двигаемся мы въ западномъ направленіи отъ рѣки Дьюра, тѣмъ чувствительнѣе становится общее повышение почвы, указывающее на близость границы бассейна Газелевой рѣки съ центральнымъ плоскогорьемъ Африки. Обширныя пространства между Дьюромъ и текущимъ западнѣе его Тонди служатъ пастбищемъ для слоновъ и антилопъ. Оригинальный видъ представляютъ здѣсь многочисленныя термитовыя или муравьиныя гучи, имѣющія правильную форму гриба, съ утончающеюся кверху ножкою и широкою сверху шляпкою, которыя строятся маленькимъ муравьемъ, *Termes mordax*. Еще дальше къ В. отъ Тонди мы встрѣчаемъ рѣки Роа и Роль; хотя между этими двумя рѣками живетъ нѣсколько отдѣльныхъ народностей, называющихъ себя различными именами, но они такъ сходны другъ съ другомъ по тѣлосложенію, по языку и образу жизни, что д-ръ Швейнфуртъ былъ въ правѣ назвать ихъ, по обычаю хартумскихъ купцовъ, общимъ именемъ митту. Митту стоятъ въ ближайшемъ родствѣ съ бонго, но уступаютъ имъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Населяемая ими земля плодородна; изъ домашнихъ животныхъ они разводятъ только козъ, собакъ и птицъ, почему богатые скотовладѣльцы-динки называютъ ихъ также презрительнымъ именемъ дьюровъ, т. е. дикарями.

Но важнѣйшимъ предпріятіемъ Швейнфурта было путешествіе его на югъ — въ страну ніамъ-ніамовъ.—Долго онъ странствовалъ въ области источниковъ Дьюра. Тамъ течетъ Ундуку, или Линдуку, на встрѣчу Юббо. Затѣмъ дорога шла чрезъ гористую страну, то подымаясь на гору, то опускаясь внизъ, видимо приближаясь къ границѣ высотъ. Когда караванъ миновалъ послѣдній, сопровождавшій его, притокъ Ундуку, и глазамъ представились на югѣ новыя мѣста, барометръ-анерондъ показывалъ высоту 900 м. У ногъ путе-

шественника открывалась новая долина, чрез скалистое ущелье которой, въ 20 м. глубиною, протекает Напоррупорру—рѣка параллельная Уэлле и составляющая вѣроятно притокъ послѣдней. Швейнфуртъ стоятъ на водораздѣлѣ Нила—и это былъ первый европеецъ, проникшій сюда съ сѣвера, т. е. поднявшійся вверхъ по египетской рѣкѣ. Наибольшая часть страны нямъ-ніамовъ, въ которой онъ теперь находился, приходится между 4 и 6° с. ш. совпадая своею срединною линіею, направленною отъ В. къ З., съ этимъ водораздѣломъ Нила и бассейна озера Чала. Ея пространство занимаетъ до 17,000 кв. кил., а число жителей простирается до двухъ миллионѣвъ. Въ фیزیономическомъ и остеологическомъ отношеніяхъ Швейнфуртъ описываетъ нямъ-ніама слѣдующимъ образомъ. Длинныя косы всегда мелкокурчавыхъ волосъ такъ называемаго настоящаго негритянскаго типа, спускаются по плечамъ часто до пупка и покрываютъ собою круглую широкую голову, которая по размѣрамъ своимъ представляетъ низшія формы брахцефалическаго черена. Глаза необыкновенно велики, открыты широко, имѣютъ миндалевидный и нѣсколько косой разрѣзъ, отѣнены густыми и рѣзко очерченными бровями и своимъ широкимъ разгояніемъ другъ отъ друга указываютъ на необыкновенную ширину черепа; они сообщаютъ выраженію лица невыразимую смѣсь животной дикости, воинственной рѣшительности и въ то же время внушающей довѣріе открытости. Носъ одинаковъ какъ въ длину, такъ и въ ширину, ротъ окаймленъ толстыми губами и рѣдко бываетъ шире носа, подбородокъ круглый, щеки полныя. Тѣло коренастое, склонно къ ожирѣнію, безъ рѣзко выдающейся мускулатуры и ростъ рѣдко превосходитъ средній ростъ европейца. Цвѣтъ кожи землисто-красный. Селеній и городовъ въ этой странѣ вовсе нѣтъ. Хижины, сгруппированныя небольшими поселками, разбросаны вдали отъ обработанной земли, и въ каждой изъ нихъ живетъ по одной семьѣ. Царскій дворъ состоитъ только изъ большаго числа хижинъ, въ которыхъ живетъ царь со своими женами. Способъ постройки хижинъ походить на описанный выше у бонго, только коническая крыша выше и остроконечнѣе. Маленькія оригинальныя хижины—«бамоги», съ крышами въ родѣ колокола, служатъ спальнями для подростковъ—сыновей знатныхъ особъ. На женщинахъ лежитъ обязанность обрабатывать поля и заниматься домашнимъ хозяйствомъ. Онѣ живутъ въ болѣе отчужденіи, чѣмъ женщины бонго и митту, въ особенности относительно иностранцевъ онѣ соблюдаютъ строгую замкнутость. Званіе предводителя, переходящее у нямъ-ніамовъ наследственно отъ отца къ старшему сыну, не даетъ никакихъ преимуществъ, кромѣ слѣдующаго: предводитель имѣетъ право на добытую охотою слоновою кость и на половину слоноваго мяса. Власть его состоитъ въ томъ, что онъ имѣетъ право созывать способныхъ носить оружіе на охоту и на войну—и въ этомъ отношеніи власть его безусловна. Кромѣ того, онъ собственноручно казнить приговоренныхъ къ смертной казни. Главѣ нямъ-ніамовъ чуждо всякое отличіе, всякій виѣшний блескъ. Жалкое одѣяніе, которымъ удовлетворяется нямъ-ніамъ, онъ всего охотнѣе изготавляетъ изъ разноцвѣтныхъ шкуръ и довольно красиво драпируетъ его въ видѣ передника. Татуированіе, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ ограничивается нарѣзками немногихъ простыхъ фигуръ. Уродованія тѣла для красоты у нямъ-ніамовъ не дѣлается, кромѣ заостриванія нижнихъ рѣзцовъ, которые подтачиваются для того, чтобы пользоваться ими въ дракахъ, какъ настоящимъ оружіемъ. Несмотря на всю свою естественную дикость, нямъ-ніамы довольно впечатли-

тельны и находятъ большое удовольствіе въ музыкѣ, для которой они изобрѣли нѣсколько самобытныхъ инструментовъ. У нихъ есть и странствующие пѣвцы, хотя не всегда съ хорошимъ голосомъ и дарованіемъ, которые бродятъ въ средѣ ихъ въ фантастическихъ нарядахъ и которыхъ можно слышать иногда на празднествахъ и вечернихъ пирушкахъ. Языкъ ніамъ-ніамовъ, или, правильнѣе, заңдейское нарѣчіе (сами ніамъ-ніамы называютъ себя заңдеями), какъ и всѣ языки верхней части Газелевой рѣки, принадлежить къ обширной семьѣ нубійско-ливійскихъ языковъ. Въ немъ почти вовсе нѣтъ выражений для отвлеченныхъ понятій. Особого опредѣленнаго названія божескаго существа д-ръ Швейнфуртъ въ языкѣ ніамъ-ніамовъ не отыскалъ, но у нихъ есть выраженіе для молитвы и богослуженія. Вѣра въ злыхъ духовъ и привидѣнія у нихъ очень распространена, а ордалии въ уголовныхъ процессахъ и гаданья въ важныхъ предпріятіяхъ, напр. при войнѣ, пользуются большимъ уваженіемъ. Далеко распространенные слухи о людоедствѣ ніамъ-ніамовъ совершенно основательны. Они сами хвалятся своею дикою лютостью и тщеславно носятъ на шеѣ зубы съѣденныхъ ими людей, нанизанные на нитку, а жерди около домовъ украшаютъ черепами своихъ жертвъ. Они пожираютъ не только всѣхъ военнопленныхъ, но и людей скоростижно умершихъ; въ особенности цѣнится у нихъ человѣческій жиръ. Впрочемъ, нѣкоторыя племена ніамъ-ніамовъ, какъ говорятъ, имѣютъ, отвращеніе къ людоедству.

Спустившись съ водораздѣла Нила, Швейнфуртъ вступилъ въ область источниковъ рѣки Мбрволе, текущей въ Уэлле въ западномъ направленіи; мѣстность не быки венно болотиста, такъ что для доставленія товаровъ здѣсь немыслимо никакое иное средство, кромѣ носильщиковъ. Далѣе къ югу слѣдуетъ страна племени а-банга, которое довольно замѣтно отличается отъ ніамъ-ніамовъ и представляетъ собою переходъ отъ послѣднихъ къ монбуттамъ. Мѣстность обнаруживаетъ довольно чувствительное пониженіе, и поверхность, по мѣрѣ приближенія къ Уэлле, становится все болѣе и болѣе неровною. На сѣверной границѣ, образуемой рѣкою Уэлле, страна покрыта густымъ первобытнымъ лѣсомъ, пересѣкаемымъ безчисленными мелкими ручьями. Рѣка Уэлле составляется изъ двухъ могучихъ истоковъ: Гадды и Кибали, берущихъ начало вѣроятно въ Синихъ горахъ, на западномъ берегу Мвутанъ Нѣнге. Отъ Уэлле до резиденціи нынѣ уже умершаго короля монбуттовъ—Мунцы путь идетъ по мѣстности, отличающейся по-истинѣ райскою красотою. По обѣимъ сторонамъ караванной дороги виднѣются почти непрерывные ряды идиалически-простыхъ жилищъ народа монбутту. Красоту мѣстности дополняютъ два высокіе, круглые холма изъ гнейса, около 100 метровъ вышиною.

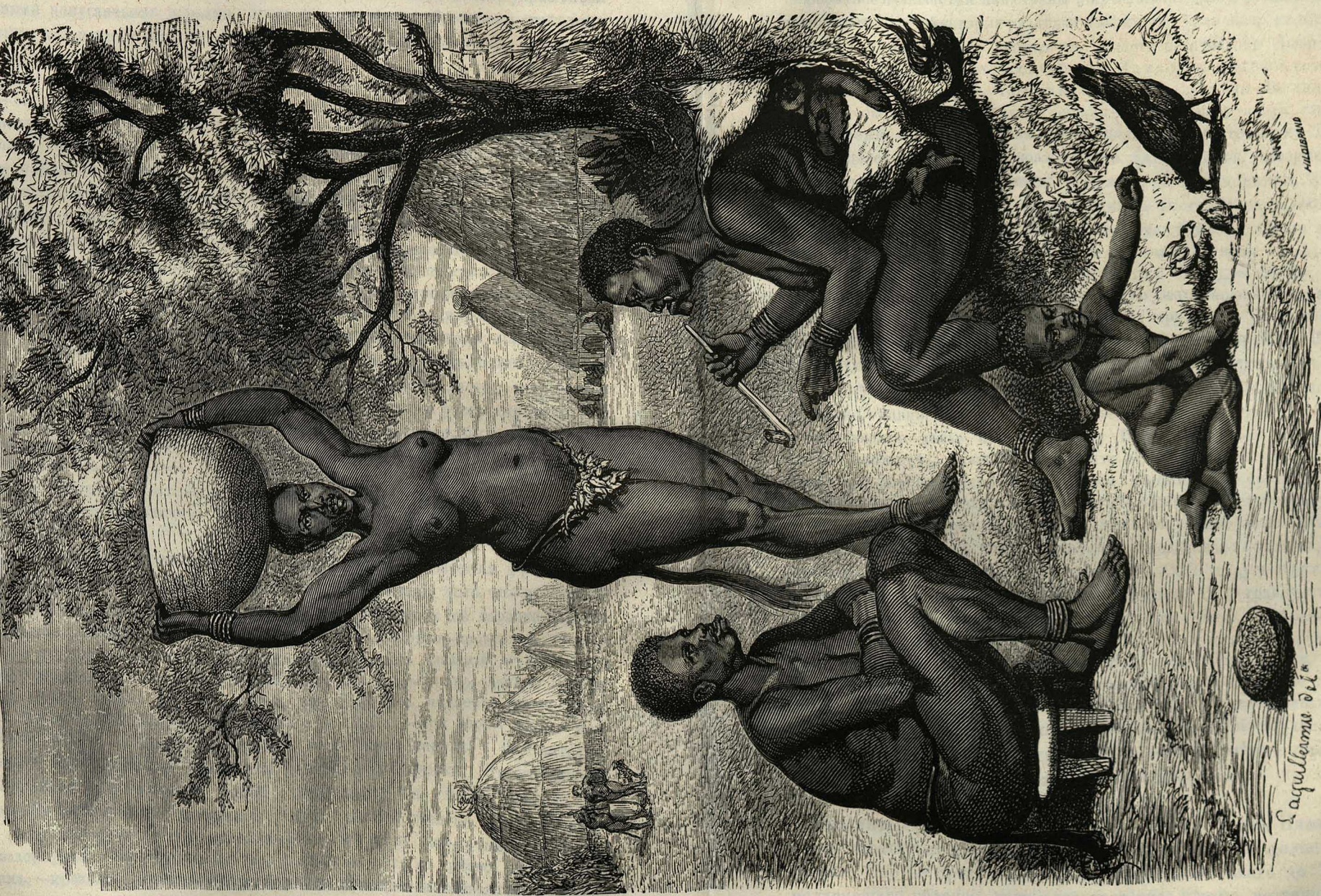
Аудіенція Швейнфурта у короля Мунцы состоялась при всей варварской торжественности въ необыкновенно просторной и высокой залѣ, постройка которой до того элегантна и прочна, что едва вѣрится, что она сооружена африканцами. Сановники Мунцы сидѣли длинными рядами, каждый на особомъ стулѣ, въ полномъ военномъ нарядѣ. Послѣ долгаго ожиданія, при зву-

кахъ рожевъ и литавръ, появился король,—сильный, красивый мужчина съ необыкновенно густою для африканца бородою. Одѣтъ онъ былъ какъ воины монбутту, одежда которыхъ изготовляется изъ коры фигового дерева (*Urostigma Kotschyana*) и покрываетъ часть тѣла сверху и книзу отъ пояса. На головѣ у него была надѣта цилиндрическая шапка изъ тростника, украшенная красными попугайчьи перьями. Руки и ноги были обременены тяжелыми мѣдными кольцами и цѣпами. Властитель размахивалъ при этомъ короткимъ серповиднымъ мечемъ изъ блестящей мѣди.

Цвѣтъ кожи у монбуттовъ замѣтно свѣтлѣе, чѣмъ у сѣверныхъ сосѣдей ихъ—ніамъ-ніамовъ. Замѣчательно, что слѣдующее наблюденіе Швейнфурта, пришедшаго сюда съ сѣвера, совершенно повторяется и у Ливингстона, проникшаго съ юга: въ самой внутренности Африки встрѣчаются племена съ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи. У монбуттовъ д-ръ Швейнфуртъ нашелъ также много людей съ свѣтлыми волосами, которые сверхъ того представляютъ ясные признаки альбинизма. Физіономія монбуттовъ свидѣлствуетъ о нѣкоторой близости къ семитическому типу; въ особенности отличаетъ ихъ отъ негровъ длинный горбатый носъ. Многоженство господствуетъ у нихъ безъ всякаго ограниченія, но жены пользуются при этомъ относительно своихъ мужей весьма самостоятельнымъ положеніемъ и относительно иностранцевъ вовсе не выказываютъ такой отчужденности, какъ благонравныя жены ніамъ-ніамовъ. Вожди и цари монбуттовъ пользуются лучшимъ положеніемъ, нежели у ніамъ-ніамовъ, такъ какъ имъ, кромѣ мѣди и слоновой кости, дается еще особая дань отъ доходовъ земледѣлія. Людоѣдство у монбуттовъ распространено еще больше, чѣмъ у ихъ сѣверныхъ сосѣдей, и они являются, быть можетъ, самыми лютыми людоѣдами во всей Африкѣ. По внѣшности монбутты отличаются отъ ніамъ-ніамовъ преимущественно своимъ одѣяніемъ изъ коры и головнымъ уборомъ, состоящимъ изъ многихъ подушечекъ, наложенныхъ одна на другую и составляющихъ какъ бы продолженіе затылка въ видѣ большого цилиндра.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ результатовъ путешествія д-ра Швейнфурта въ резиденцію Мунцы составляетъ подтвержденіе того, что въ экваторіально-центральной Африкѣ дѣйствительно существуютъ тѣ карлики-народы, о которыхъ повѣствуютъ многія извѣстія какъ древнихъ писателей, такъ и новыхъ путешественниковъ; но справедливость этихъ извѣстій до сихъ поръ не подтверждалась какимъ либо безслорнымъ свидѣтельствомъ. Д-ръ же Швейнфуртъ видѣлъ воочию акковъ, этихъ африканскихъ пигмеевъ, ростъ которыхъ среднимъ числомъ составляетъ не болѣе 1,46 м.,—при дворѣ короля монбуттовъ, вблизи котораго водворилась часть этого народа, и положительно считаетъ ихъ туземнымъ племенемъ центральной Африки. Въ особенности поразительна ихъ большая голова, качающаяся на слабой, тонкой шеѣ. Прогнатія (косозубость) достигаетъ у нихъ высшей степени, такъ что лицевой уголъ доходитъ до 60°, соотвѣтственно которому сильно выдающіяся, но не вздернутыя губы окружаютъ полукрытый ротъ съ рѣзко очерченнымъ краемъ,—признакъ, придающій имъ большое сходство съ обезьянами. Суставы членовъ у нихъ угловаты, съ утолщеніями, колѣни круглы и неуклюжи, ноги при ходьбѣ, въ противоположность остальнымъ африканцамъ, обращены внутрь. По своимъ природнымъ наклонностямъ, акки, называемые также тик-китики, — народъ охотничій, незнающій никакихъ домашнихъ живот-

Женщины племени бонго.

CHURCH OF THE HOLY TRINITY

CHURCH OF THE HOLY TRINITY

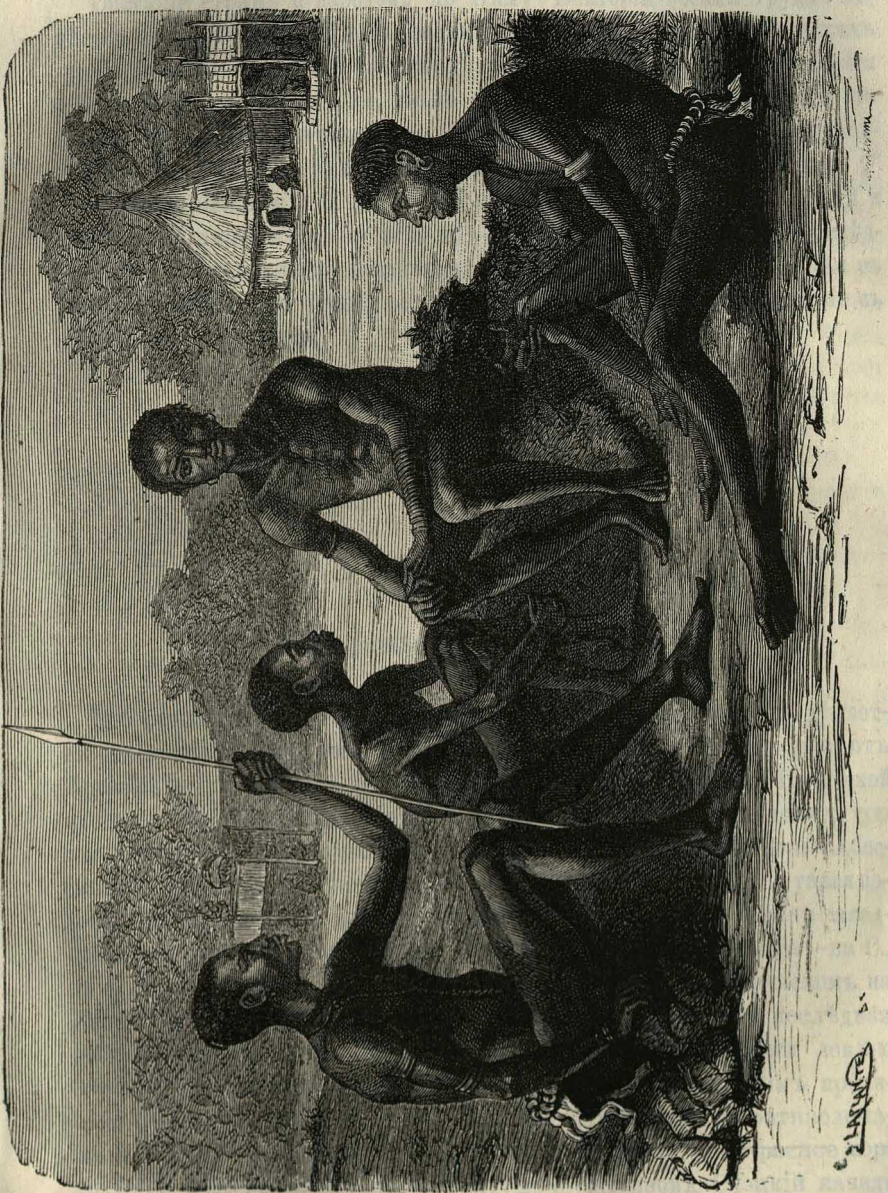

ныхъ, кромѣ птицъ. За страною пакковъ расположены, какъ говорятъ, гористыя земли народовъ немейге, биссанга и домонду, которыя съ нѣкоторою вѣроятностью можно считать западнымъ склономъ Синихъ горъ, на западномъ берегу Мвутаиа.

Обратное путешествіе изъ страны ніамъ-ніамовъ дало д-ру Швейнфурту случай произвести еще нѣкоторыя развѣдки и экскурсіи, какъ напр. въ горы Багинце, расположенныя могучею массою въ области источниковъ Дьюра; нѣсколько сѣвернѣ ихъ возвышается острый пикъ Дамво, съ вершины котораго можно любоваться настоящимъ горнымъ видомъ. Съ вершины Багинце можно насчитать около сотни горныхъ вершинъ, а къ сѣверу предъ глазами далеко разстилается плоская равнина, орошаемая верхнимъ теченіемъ Тонди и простирающаяся чрезъ страну враждебныхъ бабукуровъ, которые раздѣляютъ съ ніамъ-ніамами и монбуттами общую извѣстность своимъ людоедствомъ. Въ особенности живописны отроги Багинце, выступающіе далеко въ эти равнины и оканчивающіеся въ нихъ внезапными обрывами. Самые сѣверные изъ нихъ—Бондуппа и Магонго. Слѣдующую экскурсію нашъ изслѣдователь принялъ въ противоположномъ направленіи, къ западу, въ страну, частію населенную народомъ голо, частію занимаемую безлюдною пустынею Даръ-Фертитъ, гдѣ собираются источники большихъ притоковъ Бахръ-эль-Абіада—Бахръ-Дембо и Бирп. Могучая гнейсовая гора, называемая Ида, тянулась по лѣвую сторону дороги нашего путешественника, шедшаго къ В. по замѣтно повышающейся мѣстности. Эта гора Ида, относительная высота которой, вѣроятно, равняется 150 м., составляетъ сѣверный отрогъ горъ Козанга, окаймляющихъ далѣе къ югу долину Понго. Мѣстность всюду имѣла скалистый характеръ; почва была пократа оторвавшимися кусками гнейса почти правильно шарообразной формы. Лѣса на большихъ пространствахъ состояли исключительно изъ высокихъ гумбольдтій, и растительность представляла мѣстами не меньшую пышность, чѣмъ въ странѣ ніамъ-ніамовъ. Жители этой страны, голо, съ виду во многихъ отношеніяхъ походятъ на бонго, но говорятъ на совершенно особомъ языкѣ. На ССВ. живутъ идугго—кречское племя, страна которыхъ простирается далеко къ С. и граничитъ со страною баггара-эль-хомровъ, населяющихъ берега Бахръ-эль-Араба. Кречи, по убѣжденію Швейнфурта,—самые противные изъ туземцевъ странъ по Бахръ-эль-Газалю. Въ строеніи ихъ тѣла нѣтъ пропорціональности, ротъ и губы служатъ характерными признаками негритянского типа; но, не довольствуясь этими дарами природы, кречи украшаютъ себя еще заостриваніемъ или совершеннымъ выбиваніемъ верхнихъ рѣзцовъ. Страна по верхнему Понго, къ ЮВ., населена, напротивъ, неграми сере, которые имѣютъ гораздо большее сродство съ ніамъ-ніамами, нежели съ сосѣдними бонго.

Отъ интересныхъ странъ и народовъ къ западу отъ Нила мы должны снова обратиться къ нему самому, чтобы прослѣдить далѣе его верхнее теченіе. Оно не представляетъ ничего замѣчательнаго до Гондокоро, получившаго недавно, какъ и вся окрестная страна, названіе «Измаилія». Но имя Гондокоро, по крайней мѣрѣ въ географическихъ изслѣдованіяхъ этой области, употреблялось такъ часто, что врядъ-ли можетъ исчезнуть.

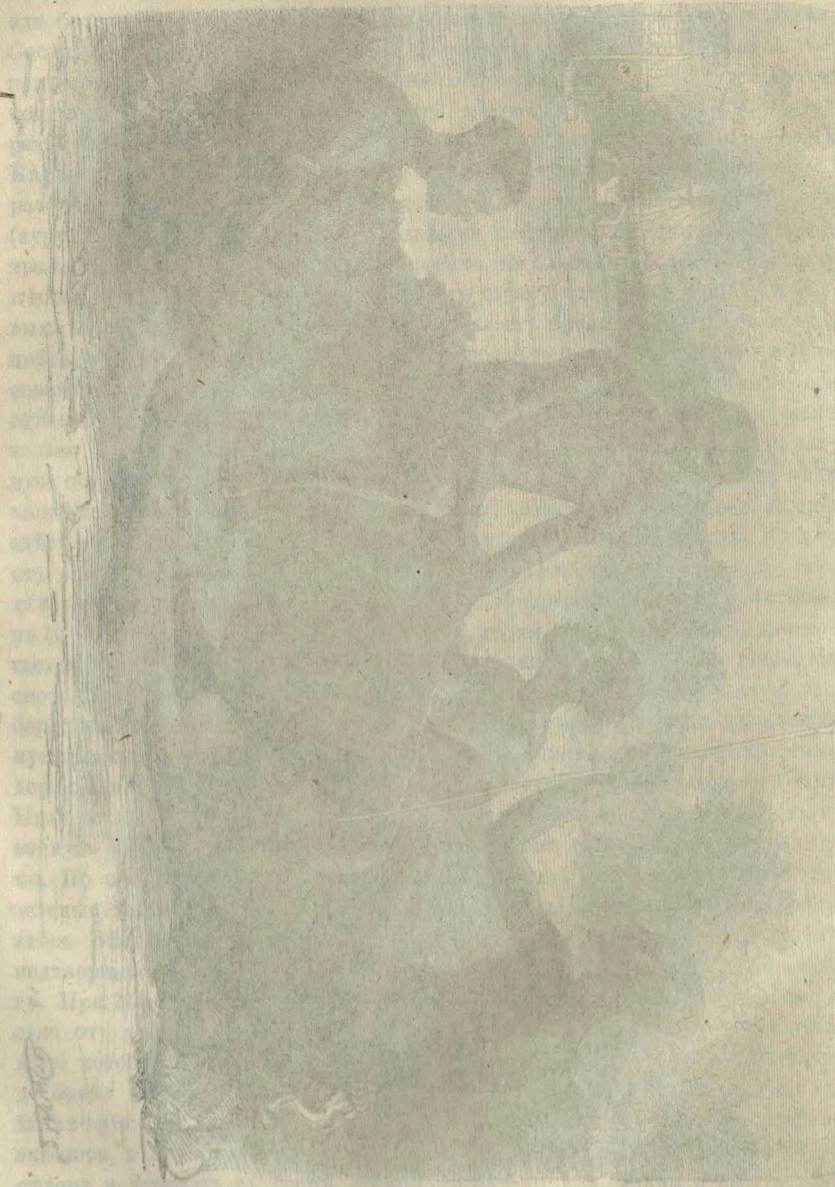
Правда, городъ Гондокорѣ былъ почти совсѣмъ покинутъ, потому что главное теченіе Бархъ-эль-Джебеля въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ отодвигалось постепенно къ западу отъ восточнаго берега, на которомъ онъ лежалъ и который теперь орошается только однимъ «Хоромъ» (дождевое русло) или боковымъ рукавомъ, стоячая вода котораго наполняетъ воздухъ міазмами. Сосѣдняя джебель Регафъ («гора землетрясеній», называемая у Бари Логвекомъ), вѣроятно вслѣдствіе своей рѣзко конической формы, считается причиною землетрясеній, бывающихъ въ этой мѣстности ежегодно по нѣскольку разъ. Гондокоро и расположенный супротивъ его Ладѣ находятся въ странѣ Бари, которая къ западу отъ Нила равна, открыта и походитъ на паркъ; разбросанные шалаши негровъ, большія, зеленые, густо-олиственные деревья (курулы и кигелии), растущія въ одиночку или группами; земля, лишенная травъ и кустарниковъ, прорѣзанная большимъ, извилистымъ Хоръ-Луритомъ, и горы на заднемъ планѣ,—все это дѣлаетъ страну одною изъ самыхъ красивыхъ въ Африкѣ. Уже около Ладѣ почва начинаетъ принимать особый красный цвѣтъ, происходящій отъ богатаго содержанія въ ней желѣза, который распространяется далеко по внутренней Африкѣ; подобно большому однообразію послѣдней и въ геологическомъ отношеніи, въ ней встрѣчаются преимущественно только древнокристаллическія породы, продукты ихъ разрушенія и аллювіальныя образованія. Флора представляетъ тоже большое однообразіе, между тѣмъ какъ животныхъ встрѣчается весьма мало; самое замѣчательное явленіе здѣсь—исполнскія грибообразныя кучи термитовъ (*Termes mordax*). Къ югу отъ Гондокоро Ниль, стѣсненный между горами, образуетъ пороги, которые дѣлаютъ его, къ сожалѣнію, несудоходнымъ. У пороговъ Фота или Мекаде, въ 10—12 мил. вышины ($3^{\circ} 39' \text{с. ш.}$), рѣка, суживаясь до 120 метр., низвергается въ тѣсномъ ущельѣ съ перпендикулярными утесами. Рѣка становится снова судоходною только отъ Дуфиле, гдѣ горы оканчиваются сразу на обоихъ берегахъ. Затѣмъ, на сколько можно видѣть, простирается ровная, повидимому пустынная горная сторона, покрытая пальмами и нѣкоторыми другими крупными деревьями, доходящая до сѣвернаго берега Мвутана, изъ котораго Бѣлый Ниль выливается широко, глубоко и спокойно въ роскошную равнину, называемую «Ибрагимига». Къ югу отсюда расположенъ африканскій рай—Фатико. По сочной, богато орошенной рѣками равнинѣ разбросаны смарадово-зеленые холмы, увѣчанные лѣсами. Что Бахръ-эль-Джебель, какъ называется здѣсь Бѣлый Ниль, дѣйствительно вытекаетъ изъ Мвутана, — это вполне подтверждаетъ Ромоло Гесси, проѣхавшій по Нилу въ озеро до Магунго. При Магунго, находящимся на сѣверо-восточномъ берегу Мвутана, недалеко отъ истока Бахръ-эль-Джебеля, въ озеро вливается другая большая рѣка, воды которой текутъ съ ЮВ. и которую въ свою очередь можно прослѣдить до болѣе южнаго озера Укереве. Ее называютъ Сомерсетъ, или Ниль-Викторія; она выходитъ изъ сѣверной части Укереве, немного сѣвернѣе экватора, и тотчасъ же образуетъ Рионскіе водопады, затѣмъ течетъ къ сѣверу и исчезаетъ въ озерѣ, имѣющемъ 32—40 кил. длины и называемомъ озеромъ Ибрагима-паши, или Лонга, которое составляетъ, повидимому, большой резервуаръ не только водъ Укереве, но и водъ обширнаго, простирающагося къ сѣверу плоскогорья, т. е. истинный источникъ Нила. Едва успѣвши выступить изъ этого воднаго бассейна, Ниль-Викторія образуетъ при Фо-

Типы племени дауровъ.

послѣдствіи его въ Сибиріи, моряхъ, во впадинѣ его сопки, про-
мѣтъ Бабъ-оль-Мангата, въ устьѣ каменъ, для сношеній между Сибирі-
ей, моремъ, и Манчжуріей, оманскі. Въ этомъ-то предѣлѣ ле-
житъ островокъ Мерли, находящійся въ гдѣхъ Сибиріи. Казал-
ось въ островѣ Казанъ, въ предѣлѣхъ острова, и жите-

Правда, правда, Господи, что это...
...Будет-то...
...который...

или извещен и др.

...который...
...который...
...который...

вейръ водопады Карума, а затѣмъ ниже, не доходя еще Мвутана, водопады Мурчисона и водопады при островѣ Аффинѣ.

Описаніе странъ и народовъ по Нилу-Викторіи весьма трудно отдѣлать отъ описанія области великихъ центральныхъ африканскихъ озеръ, въ которомъ они и будутъ сдѣланы; поэтому мы ограничиваемся однимъ упоминаніемъ о томъ, что въ составъ Египта входятъ уже и эти части. Въ странѣ размѣщены египетскіе гарнизоны, и хедивъ господствуетъ безспорно до рѣки Коммерсета, или Нила-Викторіи подь 2° с. ш. Экваторіальное губернаторство начинается на Бахръ-эль-Газалѣ и Собатѣ и обнимаетъ страну по Бахръ-эль-Джебелю до Унійоро. Последняя область отчасти еще независима, между тѣмъ какъ граничащая съ нею со стороны юга Уганда вступила уже въ дружеское соглашеніе съ египетскими властями.

ГЛАВА XVI.

Побережье Краснаго моря.

Побережье столь опаснаго для мореплаванія Краснаго моря отдѣляется отъ области Нила возвышенностями, которыя на сѣверѣ образуютъ Аравійскую пустыню, а къ Ю. отъ тропика Рака — окраину Нубійской пустыни, далѣе же вдоль морскаго берега сплываются въ упомянутую уже горную страну, которая представляется преддверьемъ великаго Абиссинскаго нагорья. По знойному берегу Краснаго моря тянется узкая полоса ровной земли, на которой находятся три важнѣйшія гавани западныхъ береговъ этого средиземнаго моря, а именно: Коссейръ — на С., на одной географической широтѣ съ верхнеегипетскимъ Кеннехомъ на Нилѣ, затѣмъ на Ю. — Суакинъ и Массâуа, изъ которыхъ послѣдняя расположена напротивъ Далакскаго архипелага, славящагося ловлею жемчужныхъ раковинъ. Этотъ берегъ оканчивается знаменитымъ проливомъ Бабъ-эль-Мандебскимъ, гдѣ Африка сходится съ противолежащимъ берегомъ азіатскаго полуострова такъ близко, что Красное море является какъ бы совершенно замкнутымъ бассейномъ. Суэцкій каналъ соединяетъ его съ Средиземнымъ моремъ; но и южный его конецъ, проливъ Бабъ-эль-Мандебъ, не менѣе важенъ для сношеній между Средиземнымъ моремъ и Индѣйскимъ океаномъ. Въ этомъ-то проливѣ лежатъ островокъ Перимъ, находящійся во владѣніи англичанъ. Здѣсь они устроили укрѣпленный маякъ, и проѣздъ между островомъ и мате-

рикомъ такъ узокъ, что пушекъ Перима не можетъ миновать ни одинъ проходящій мимо него корабль. Слѣдовательно, Перимъ есть ключъ Краснаго моря, и владѣтель этого маленькаго острова господствуетъ и надъ Суэцкимъ каналомъ.

Характеръ Аравійской пустыни и ея до сихъ поръ мало извѣстныя, стѣнные горы изслѣдовалъ д-ръ Швейнфуртъ въ сообществѣ съ д-ромъ пу Павломъ Гюсфельдтомъ во время путешествія, предпринятаго ими въ мартѣ 1876 на берегъ Краснаго моря изъ Бени Суефа на Нилѣ. Въ этой пустынѣ расположены многочисленныя системы ваді и возвышаются различныя горы. Лишенные растительности площади «сериръ» и обширныя столовыя возвышенности изъ нуммулитоваго известняка смѣнялись въ этой части сильно развѣтвленными углубленіями долинъ, поросшими мѣстами травой удивительной пышности. Растительность известковой области Аравійской пустыни между 28° и $29^{\circ} 30'$ с. ш. характеризуется преимущественно бѣлоцвѣтнымъ дрокомъ, *Retama Raetam* F., не встрѣчающимся ни къ сѣверу, ни къ югу отъ означенныхъ границъ.

Южныя части этой горной области, въ которыхъ путешествовалъ въ недавнее время (въ концѣ 1874) Эрнстъ Марно, описаны вторично д-ромъ Швейнфуртомъ. Изъ трехъ путей между Суакиномъ и Берберомъ на Нилѣ, Марко проходилъ отчасти самымъ сѣвернымъ, отъ ваді То-Блалъ, куда онъ прибылъ чрезъ ваді Абенъ и до того неизвѣстный проходъ джебеля Абдарака. По его барометрическимъ измѣреніямъ, эта сѣверная дорога далеко не пролегаетъ по столь значительнымъ высотамъ, какъ пройденная Швейнфуртомъ южная. Растительность указываетъ также на болѣе возвышенное положеніе южной полосы. Свойственныя этимъ горамъ драконовыя деревья (омбетъ), *Quol-qual-Euphorbia*, алоэ и стапеліи, которыя въ огромномъ количествѣ находилъ Швейнфуртъ на южномъ пути на Эркауитскихъ горахъ около Сингата, на сѣверной дорогѣ или вовсе не попадались Марно, или были рѣже и бѣднѣе. Драконовыя деревья (драцены) составляютъ тамъ характеристическую черту, между тѣмъ какъ здѣсь они принадлежатъ именно къ числу рѣдкихъ явленій.

На сѣверѣ Абиссинскаго плоскогорья (приблизительно подъ 15° с. ш.), состоящаго почти исключительно изъ вулканическихъ породъ, берутъ начало многія большія, особенно во время лѣтнихъ дождей, рѣки: Маребъ, изливающийся съ сѣверозапада въ Атбару подъ именемъ Хоръ-эль-Кашъ, по часть водъ онъ отдаетъ также Баркѣ; Хоръ-Барка, или Барака, прорывшая себѣ широкое ложе въ болѣе сѣверномъ направленіи, достигаетъ моря неподалеку отъ Тѣ-бара; наконецъ, Анзеба представляетъ значительный притокъ упомянутаго Хора.

Пространство между Краснымъ моремъ съ одной стороны и Баркою—съ другой населено почти исключительно пастушескими племенами бени-амеровъ и хабабовъ; впрочемъ, первое изъ нихъ распространяется на значи-

тельное пространство далѣе въ провинціи Такахъ почти до Атбары. Обѣ народности говорятъ на одномъ изъ нарѣчій эіопскаго (геедскаго) языка, между тѣмъ какъ населеніе Тб-кара и къ сѣверо-западу отъ Барки употребляетъ беджахскій или то-бедауіехскій языкъ. По внѣшнему виду, равно какъ по правамъ и обычаямъ хабабы и бени-амеры походятъ скорѣе на своихъ сѣверныхъ беджахскихъ сосѣдей, тѣмъ на абиссинцевъ, но въ цѣломъ они могутъ считаться смѣсью двухъ упомянутыхъ національностей, хотя въ нихъ есть и чуждые элементы, какъ старыя, такъ и новыя. Бени-амеры давно уже исповѣдуютъ исламъ, между тѣмъ какъ большая часть хабабовъ, равно какъ и сосѣди ихъ: менсы, такуэ и богосы еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ были, хотя лишь по имени, абиссинскими христіанами. Со времени присоединеніи къ египетскому государству провинцій Массѣау и Суакина, другія, впрочемъ невоинственные, племена хабабовъ и бени-амеровъ были подчинены совершенно мирнымъ путемъ. Теодоръ-фонъ-Хейглинъ весною 1875 объѣхалъ до сихъ поръ еще мало извѣстную область бени-амеровъ и хабабовъ, въ особенності мѣстность между Дождевою рѣкою (Хоръ) Фалькатомъ и Аквикомъ-до-Токара (отъ 17° 30' до 19° с. шир.), и ему-то мы обязаны важными о ней свѣдѣніями. (См. Ausland 1875, № 10, стр. 368.)

Городъ Массѣау, равно [какъ и сосѣдняя прибрежная страна до Суакина, была прежде подъ непосредственною властью Порты, которая лѣтъ десять тому назадъ уступила ихъ египетскому хедиву. Въ то же время вице-король подчинилъ себѣ страну богосовъ, съ нѣкоторыми прилежащими округами, всю Данакильскую равнину къ югу до залива Таджуръ, наконецъ Булгаръ и превосходную гавань Берберакъ на берегу Сомали. Въ администраціи вновь приобрѣтенныхъ провинцій были тотчасъ же проведены существенныя и широкія реформы, имѣющія цѣлю поднять благосостояніе страны и усилить торговлю. Телеграфная линія и удобная караванная дорога соединяютъ нынѣ Массѣау съ Такахомъ, богатѣйшей провинціей восточнаго Судана. Въ удобныхъ пунктахъ и гаваняхъ заведены военные посты для охраны общественнаго порядка и безопасности.

ГЛАВА XVII.

Абиссинская горная сторона.

Между восточными притоками Бахръ-эль-Апрека (Голубой рѣки) и восточно-африканскимъ берегомъ Краснаго моря, къ Ю. отъ Нубіи, между 16 и 8° с. ш., среди нездоровыхъ и знойныхъ песчаныхъ пустынь и степей, возвышается, подобно громадной горной крѣпости, Абиссинская

горная страна, или Габешъ, съ ея альпами, многочисленными плоскогорьями и столовыми горами, со всеми чудесами тропического міра, соединенными съ дикою горною природою. Она представляетъ страну, существовавшую по своимъ физическимъ свойствамъ отъ западныхъ странъ Африки, лежащихъ подъ тѣми же широтами. Съ запада она походитъ на возвышающійся постепенно скалистый замокъ, къ востоку же вдругъ обрывается крутою стѣною къ холмистымъ мѣстностямъ береговой полосы въ 3—8 дней пути шириною, населенной хабабами, самхарійцами, и къ безводнымъ равнинамъ и предгорьямъ. Съ югу же она глубоко прорѣзана рѣчными долинами, какъ, впрочемъ, и вездѣ между плоскогорьями. Сѣверную границу ея составляютъ горныя мѣстности и негостепримныя пустыни Барка и Мареба, или Хоръ-эль-Каша. Западные склоны Абессиніи отдѣляются отъ равнинъ восточнаго Сеннаара поясомъ нейтральнаго пространства, большею частию необитаемаго, сырого, покрытаго бамбукомъ и лѣсами. У жителей окружающихъ низкихъ мѣстностей вся эта каменная твердыня называется обыкновенно Эль-Мокъдахъ, Мамадохъ, Мекъядехъ. Все плато, частями которой являются абиссинскія плоскогорья, поднимается по одной линіи, проведенной отъ Массѡу на Красномъ морѣ черезъ Семіенскія горы, Гаджамъ, Энарею, Кафу и т. д. къ югу, такъ что она обращена склономъ къ сѣверу. Вытекающія къ сѣверу изъ этого платорѣки сохраняютъ, повидимому, необыкновенную параллельность. Къ Ю. отъ Массѡу возвышается до умѣренной высоты плоскогорье Серавѣ, орошаемое верхнимъ Маребомъ; нѣсколько южнѣе находится Адова въ 1780, и Аксумъ — въ 2025 м. высоты.

Эти плоскогорья представляютъ большею частью весьма богатая травою, обыкновенно же лишенная лѣсовъ и даже деревьевъ, обширныя возвышенныя равнины, средняя высота которыхъ надъ моремъ составляетъ около 2000 — 2500 метр. Въ альпійскихъ Семіенскихъ горахъ высятся горные колоссы въ 4200 метр. и выше. Далѣе къ югу горныя мѣстности еще почти совершенно неизвѣстны. На одинъ градусъ восточнѣе отъ этой линіи возвышенія идетъ второй гребень, обозначающійся рядомъ озеръ; въ мѣстности озера Цуанъ въ послѣднемъ есть провалъ вулканическаго происхожденія. Плоскогорья имѣютъ 2400—3000 метр., вершины этой краевой цѣпи—3000 до 4000 метр., восточное подножье цѣпи — около 600—1000 метр. высоты. На В. отсюда обширная равнина постепенно спускается къ Красному морю, но еще въ пяти миляхъ отъ него сохраняетъ высоту 2000 метр. надъ моремъ. Непосредственно около моря тянется береговая полоса Самхара, состоящая изъ песчаныхъ равнинъ, въ которыхъ теряются рѣки. Къ ЮЗ. отъ озера Ассаль находится область потухшихъ вулкановъ. Потрескавшаяся глубоко отъ жары почва покрыта травою, высокимъ чертополохомъ и термитовыми кучами до 3 метр. вышиною и населена зебрами и антилопами. По Гавашу (1000 метр. надъ м.), текущему съ Ю. на С. до озера Аозы, растутъ густыя лѣса. Достигнувъ крутаго края, вы черезъ два пути вверхъ увидите роскошную растительность: на 1000 метровъ ниже предъ вами открывается восхитительныя зеленые луга, золотистыя

поля, блестящія рѣки и разбросанныя селенія. Надъ этимъ первымъ плоскогорьемъ возвышается второе, а еще выше третье, и всѣ они разорваны глубокими трещинами. Иногда эти глубокія, узкія трещины, наподобіе ущелій, бываютъ такъ круты и обрывисты, что острова, образуемые этими глубокими разсѣлинами, почти недоступны, какъ напр. въ западно-абиссинской области Гудеру. Невозможно вообразить, не выдавши, до какой степени своеобразно представляется здѣсь извилистая линія горизонта. Столовые горы (амбы), имѣющія видъ разрушенныхъ стѣнъ, круглыя массы въ видѣ куполовъ, прямые, наклонные, опрокинутые конусы, остроконечные, какъ колокольни, базальты въ видѣ громаднхъ органовъ,—всѣ эти формы тѣснятся другъ къ другу, громоздятся одна на другую, такъ что кажутся какъ бы разрушенными постройками титановъ. Вдали онѣ сливаются съ облаками и съ небомъ, а въ темнотѣ представляются разъяреннымъ моремъ. Восточный склонъ по крайней мѣрѣ въ двѣнадцать разъ круче постепенно спускающагося къ Нилу западнаго склона, такъ что изъ Самхары онъ кажется круто поднимающимися горами. На нагорье ведутъ лишь весьма немногочисленные и, притомъ весьма трудные для передвиженія ступенчатые проходы. Горныя цѣпи, возвышающіяся на большомъ наклонномъ абиссинскомъ нагорьѣ, разнообразны; онѣ то бываютъ весьма высоки, то расплываются въ небольшія плоскогорья. Онѣ окружаютъ собою возвышенную равнину въ 2200 м. средней высоты, на которой, на высотѣ 1859 м., расположено великолѣпное альпійское озеро Тана, или Цана, около 66 кил. длины и болѣе 37 кил. ширины, съ многочисленными островами, окруженное великолѣпными ландшафтами, окаймленное зеленѣющими лугами и богатыми воздѣланными полями, по которымъ змѣится множество горныхъ ручьевъ. Возвышающіяся вокругъ отдѣльныя горы всюду состоятъ изъ трахита, базальта или другихъ вулканическихъ массъ, такъ что бассейны озера, расположеннаго неподалеку отъ центра Амгары и въ который собирается большая часть водъ Годжама, Бегемедера и Дембеа, можетъ считаться громаднымъ, осѣвшимъ среди плоскогорья кратеромъ. Черезъ трахитовыя высоты къ сѣверу отъ озера идетъ проходъ въ 2450 метровъ высоты внизъ, въ болотистую Колу, расположенную на высотѣ 1316 метр., которая спускается къ богатымъ водою провинціямъ Валкайтѣ и Вальдуббѣ на Такадцѣ. Къ Ю. отъ озера расположено большое базальтовое плоскогорье Годжамъ въ 2350 метр. высоты, ограниченное съ югу долиною Абаи въ 5 миль шириною, ложе которой имѣетъ здѣсь 755 метр. высоты надъ уровнемъ моря. Слѣдствіемъ значительной разницы въ высотахъ рѣчныхъ долинъ въ разныхъ близлежащихъ мѣстахъ рѣки свергаются многочисленными каскадами и величественными водопадами. Кромѣ того, на плоскогорьяхъ возвышаются многія значительныя, хотя болѣею частью, повидимому, совершенно отдѣльныя горныя хребты, вершины коихъ либо весьма приближаются къ нижней границѣ снѣжной области, либо, быть можетъ, и совершенно входятъ въ нее.

Не менѣе горъ интересна и та совершенно особенная, совершенно отличная по свойствамъ отъ остальной страны береговая полоса Самхары, которая тянется вдоль Краснаго моря отъ Бабъ-эль-Мандебскаго пролива къ С. до Массаяу.

Къ той же категоріи принадлежатъ и равнины, расположенныя вдоль Индійскаго океана и отъ Бабъ-эль-Мандеба до Гаваша, которыя лишь незначительно возвышаются надъ уровнемъ моря, а около своей юговосточной границы, считая отъ поверхности солянаго озера Ассала (Бахръ-эль-Ассаль), понижаются даже на 174 мил. ниже поверхности моря и только по направленію внутрь страны постепенно поднимаются къ южно-абиссинскому нагорью. Всѣ эти низменности представляютъ очень знойную и однообразную, всюду лишенную воды и растительности область, поверхность которой составляетъ частію голый камень, частію слой сыпучаго песка, лежащаго непосредственно на камнѣ. Въ Массѣуа жара доходить въ іюлѣ до 53° , а въ Таджурской бухтѣ — до 60° . Склонъ этихъ поверхностей къ востоку такъ невеликъ, что большая часть рѣкъ, текущихъ съ нагорья, теряется въ пескѣ. Это отсутствіе растительности и воды дѣлаетъ весьма затруднительнымъ, а большую часть года даже и вовсе невозможнымъ, переходъ по Самхѣрѣ, а также и по примыкающей къ ней съ юга странѣ Адалѣ. Береговая полоса собственно Самхѣры до мыса Селжана состоитъ почти сплошь изъ коралловой скалы позднеѣщаго происхожденія, а южнѣе — изъ высокихъ горъ вулканическаго характера. Въ нее врѣзываются весьма немногія бухты, какъ напр.: Аркико при Массѣуа, Аннеслей, Говакиль, Амфила, Эддѣ, Билуръ и Рахіѣта, а затѣмъ богатая островами Асса рядомъ съ Таджурскою бухтою. Важнѣйшій мысъ находится между Аннеслеемъ и Говакилемъ, гдѣ возвышается пикъ Гуртавъ. Хорошихъ гаваней и якорныхъ стоянокъ нѣтъ на всей береговой полосѣ, за исключеніемъ бухты Аркико и расположеннаго въ ней острова Массѣуа.

Самхѣра, несмотря на дожди, все еще не сдѣлалась степью, а должна считаться пустынею, хотя, строго говоря, она составляетъ переходъ между полсѣднею и степью. На большихъ пространствахъ она напоминаетъ еще пустыню и только въ немногихъ долинахъ походить на степь; и лишь тамъ, гдѣ вода вполнѣ вступаетъ въ свои права, видно, что она лежитъ въ поясѣ дождей. Но не положеніе дѣлаетъ Самхѣру тѣмъ, что она есть, а ея собственныя свойства. Она — ни что иное, какъ продолженіе самыхъ горъ, въ формѣ равнины, которая прерывается только низкими холмами, и представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ поле шлаковъ при подошвѣ могучаго вулкана. Множество холмовъ, состоящихъ большею частью изъ лавы, смѣняются здѣсь узкими или широкими долинами и образуютъ лабиринтъ низменностей, которыя какъ сѣтью опутываютъ холмы и горы. Какъ ни низки эти холмы, но они поднимаются такъ круто, что вода теряетъ на нихъ свое значеніе, ибо какъ только она появляется, то тотчасъ же сбѣгаетъ внизъ и увлажняетъ почву только въ срединѣ долины. Правда, съ моря видна окаймляющая берегъ, покрытая свѣжею зеленью, пышная полоса, но было бы ошибочно полагать, что эта зелень указываетъ на пышность тропической растительности. Это — шора (*Avicenia tomentosa*), образующая у самаго моря хотя незначительную по ширинѣ, но почти непроницаемую чащу. Пройдя эти кустарники, вы очутитесь въ пустынѣ; предъ вами равнина, голая земля которой представляетъ болѣе живыя краски, чѣмъ растительный міръ.

Экваторіальное положеніе страны, въ связи съ чрезвычайно абсолютною высотою, плодородный черноземъ, залегающій почти всюду, и богатое орошеніе правильно изливающимися лѣтними дождями — вотъ

причины той дивной растительности, которая идет рука объ руку съ сравнительно столь же богатой и разнообразной фауною. Здѣсь чередуются всѣ климаты—отъ альпійской области до роскошнѣйшаго тропическаго пояса.

На плоскогорьяхъ въ 2000 метровъ средней высоты климатъ умеренный. Абиссинцы отличаютъ вообще три области: 1) Колы на высотѣ 600, 1000, 1460 и 1520 м., съ 20—28° Р. средней температуры, съ великолѣпной растительностью, которая однако характеризуется опаденіемъ ливней съ деревьевъ и кустовъ въ жаркое, сухое время года. Въ этой сравнительно низменной области произрастаютъ: хлопчатникъ, дикое индиго, камедныя деревья, черное дерево, баобабы, тамаринды, меккскій бальзамникъ, шафранъ, кунжутъ, сахарный тростникъ, кофейное дерево, кустовой майсъ, бананы и финиковыя пальмы, равно какъ множество медицинскихъ растений, а также дурра и дагусса, изъ зеренъ котораго готовится любимый напитокъ. Нездоровая болотистая Кола большею частью покрыта густѣйшими первобытными лѣсами и рѣдко населена людьми; но за то въ ней живутъ львы, слоны, пантеры, зебры, жирафы, кабаны, антилопы и газели, громадныя змѣи, убійственный скорпионъ и множество вредныхъ насекомыхъ. 2) Воина-Деги, между 1460 и 2750 метр. надъ моремъ, т. е. вся средняя область бассейна Такаццѣ. Въ этомъ роскошнѣйшемъ поясѣ, гдѣ расположены наиболѣе населенныя пункты, съ температурою южной Испаніи и Италіи (именно она колеблется между 11—12½°), произрастаютъ европейскія травы, зерновые хлѣба, стручковыя растенія. Изъ деревьевъ самыя обыкновенныя: ванца, колькваль, можжевельникъ, лѣса красной мойры или дикаго масличнаго дерева, множество породъ сикоморъ, касса и зегба, достигающая высоты самыхъ большихъ сосенъ сѣверной Европы; по рѣкамъ растетъ сахарный тростникъ. Въ этой области произрастаютъ теребинты, виноградъ, апельсины и лимоны, персики, абрикосы и финики до высоты 2225 метр. надъ моремъ. Земля всюду плодородна, и деревья, въ противоположность Колѣ, почти всегда зелены. Поля покрыты мѣстами хлѣбомъ и жирными пастбищами и прокармливаютъ всѣхъ европейскихъ домашнихъ животныхъ, за исключеніемъ свиней. 3) Деги, между 2750 и 4200 м., гдѣ обыкновенная температура дня равна 7—8° Р.; въ самыхъ высокихъ пунктахъ термометръ нерѣдко падаетъ ниже 0°. Деги представляютъ обширныя плоскогорья, рѣдко покрытыя лѣсомъ, съ богатыми клеверными лугами и полями; жители ихъ одѣваются въ шубы; растительность скудна, сѣютъ только ячмень и овесъ, первый даже выше 3650 метр. надъ моремъ. Изъ деревьевъ встрѣчается только косо, распространенный до высоты 3280 м., рѣдкій видъ мимозъ, и свойственное Абиссиніи, травянистое растеніе — гибара, которое достигаетъ 5 м. вышины, имѣетъ свѣтлозеленыя листья съ красными жилками, цвѣтетъ только одинъ разъ и затѣмъ погибаетъ. По формѣ гибара напоминаетъ пальму и простирается до лишенныхъ растительности высотъ въ 4050 м. Выше встрѣчаются только чертополохи мхи и лишай, за которыми слѣдуютъ уже мрачныя трахитовыя и базальтовыя скалы, придающія пейзажу унылый характеръ. Здѣсь-то, въ особенности на самыхъ высокихъ плоскогорьяхъ, бродятъ огромныя стада быковъ, козъ и овецъ съ длинною шерстью. Хищныя животныя, за исключеніемъ гіенъ, не поднимаются въ эту область.

Восточный склонъ Абиссиніи, въ низшихъ своихъ областяхъ, всюду поросъ рѣдкимъ кустарникомъ, а въ ущельяхъ долинъ, тамъ, гдѣ есть текучая вода, растутъ группы высокоствольныхъ деревь, въ особеннсти смоковницъ. Выше преобладаютъ густо растущіе колоссальныя молочаи, по формѣ похожіе на канделябры, и алоэвыя растенія; за ними слѣдуетъ колючій, вьющійся кустарникъ, а самыя высоты покрыты рѣдкимъ лѣсомъ изъ большихъ можжевеловыхъ деревь, достигающихъ иногда 2½ метровъ въ поперечникѣ, вѣтви которыхъ покрыты длинными лишаями. Плоскія возвышенности мѣстами годны для земледѣлія, но равнины, обращенныя на З. къ Такадцѣ, сухи и часто подвергаются неурожаю, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ годны только для пастбищъ и совершенно безлѣсны. Растительность этихъ песчаниковыхъ пространствъ, какъ и растительность Капленда, особенно характеризуется множествомъ луковичныхъ растеній. По берегамъ нѣкоторыхъ безводныхъ рѣчныхъ руселъ встрѣчаются средней величины баобабы, а мѣстами и колоссальныя смоковницы. Знойная долина пѣнистаго Такадцѣ, напротивъ, вся поросла высокими деревьями.

Почти всѣ рѣки этой богато орошенной страны принадлежатъ къ бассейну Нила; правая вѣтвь «Отца Водъ», такъ называемый Голубой Ниль, Голубая рѣка, Бахръ-эль-Апрекъ арабовъ, тоже беретъ свое начало въ Абиссиніи. Главною областью источниковъ его долженъ считаться бассейнъ озера Тана. Начинаясь на границѣ Ласты и Бегемедера, онъ течетъ въ озеро подъ именемъ Абай, вытекаетъ изъ него чрезъ находящуюся въ юговосточномъ углу его узкую расщелину скалы, затѣмъ, приближаясь къ границамъ Шоа, обхватываетъ спиралью Годжамъ и Дамоть и только въ Фазоклѣ и равнинахъ Сеннаара принимаетъ сѣверозападное направленіе, которое уже и сохраняетъ до соединенія своего съ Бѣлымъ Ниломъ, или Бахръ-эль-Абиадомъ, при Хартумѣ. Весьма характерно въ теченіи абиссинскихъ рѣкъ то, что многія изъ крупныхъ рѣкъ образуютъ большія спирали, обтекая такимъ образомъ большія пространства въ видѣ полуострововъ. Нигдѣ на землѣ не найдется такого множества этихъ замѣчательныхъ долинъ.

Абиссинія распадается нынѣ на два государства: сѣверное, которымъ послѣ смерти побѣжденнаго Англією Теодора II, завладѣлъ высочайшаго, т. е. императоръ, Іоаннъ II, и южное, извѣстное обыкновенно подъ именемъ королевства Шоа, гдѣ царствуетъ молодой сильный король Менелекъ, который строго блюдетъ законъ и порядокъ, между тѣмъ какъ въ сѣверозападной Абиссиніи при императорѣ Іоаннѣ господствуютъ нескончаемыя смуты и анархія. Столица Шоа—Анкоберъ; императоръ же Іоаннъ пребываетъ въ Гондарѣ, древнемъ эіопскомъ королевскомъ городѣ, «гемпъ» (замокъ) котораго, къ сожалѣнію, разрушается все болѣе и болѣе. О числѣ жителей въ Абиссиніи мы не знаемъ ничего достовѣрнаго, вообще же страна населена не слабо, а нѣкоторыя провинціи даже густо; всего же менѣе населена низмен-

Абисинскій стрѣлокъ.

ная, нездоровая Кола. Большихъ городовъ нѣтъ, и ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ теперь болѣе 8000—10,000 жителей.

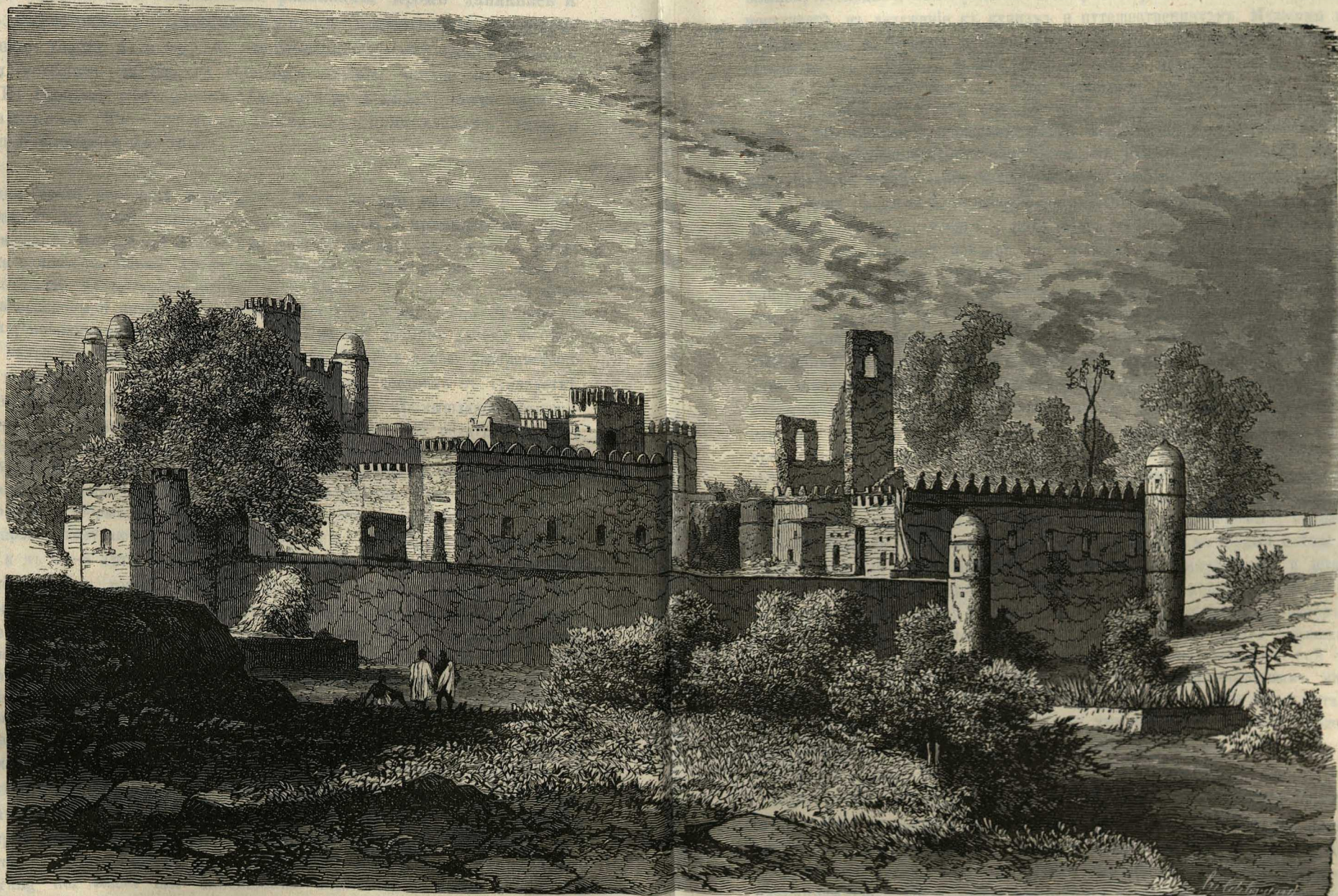
Въ предѣлахъ древняго Абиссинскаго царства живутъ различныя большія народности, но не однообразное въ племенномъ отношеніи населеніе. Это ясно замѣтно въ цвѣтѣ кожи различныхъ жителей, который изъ чернаго переходитъ въ бурый, краснобурый и т. д. до оливковаго. Собственно такъ называемые абиссинцы могутъ считаться остатками нѣкогда великой эіопской семьи.

Эти абиссинцы живутъ въ сѣверной горной странѣ, затѣмъ въ Шоа и Гурагуэ, но нигдѣ не встрѣчаются ниже уровня 1000 мил. надъ моремъ и столь сильно отличаются другъ отъ друга, что трудно дать имъ общую характеристику; но физическій типъ указываетъ на общій характеръ и сродство ихъ съ арабами. У нихъ преобладаетъ чисто бурый цвѣтъ кожи, который у жителей сѣверныхъ мѣстностей можно назвать почти бѣлымъ, а на югѣ — почти чернымъ. У населенія глубокихъ долинъ и жителей средняго уступа онъ повсемѣстно темнѣе. Между абиссинцами вообще отличаютъ три главныхъ племена, а именно: 1) Жители Тигрѣ, въ провинціяхъ Гамазе и мѣстностяхъ Эндерта и Гуэральта. У нихъ продолговатый и замѣчательно узкій черепъ, длинный изогнутый носъ, толстыя губы, живые, нѣсколько узко прорѣзанные глаза, почти такъ-же какъ у арабовъ, выдающіяся челюсти, шерстистые волосы и пропорціональное тѣло. Они храбры, ловки и проворны. 2) Жители Ласты, отличающіеся малостью черепа, греческимъ лбомъ, открытыми чертами лица, малыми конечностями и красивымъ тѣлосложеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они имѣютъ очень свѣтлый цвѣтъ кожи и умный, живой, даже пылкій характеръ, но на нихъ нельзя положиться. Хотя они живутъ въ очень высокой горной странѣ, но принадлежать къ числу лучшихъ наѣздниковъ и воиновъ Абиссиніи. 3) Жители Амгары, Шоа и Гурагуэ; они обладаютъ большею частію характеромъ смѣшанной расы, имѣютъ широкий черепъ, красивые большіе глаза, съ пріятнымъ выраженіемъ, выдающіяся скуловые кости, курчавые волосы, пропорціональное тѣлосложеніе и вообще темно-оливково-бурый цвѣтъ кожи. Характеръ у нихъ гостепріимный, веселый, пріятный и симпатичный, но при этомъ они тщеславны, вялы, хвастливы; мужчины очень лѣнны, женщины же, которыя во всей Абиссиніи превосходятъ мужской полъ красотою, весьма дѣятельны. Эти различныя племена говорятъ не на одномъ и томъ же языкѣ; еще и нынѣ между ними господствуютъ два языка: къ Ю. и З. отъ Такаддѣ — амгарскій языкъ, а къ В. — языкъ тигре или новогеепскій, которые совершенно различны одинъ отъ другаго. Амгарскій языкъ очень древень, онъ распространяется все болѣе и болѣе въ южной и центральной Абиссиніи и сдѣлался придворнымъ языкомъ.

Кромѣ собственно такъ называемыхъ абиссинцевъ, здѣсь живутъ еще аговы, въ особенности въ Ластѣ и Агамедерѣ, а также на сѣверномъ нагорьѣ вмѣстѣ съ фалашами; затѣмъ черные галласы — на южныхъ сухихъ плоскогорьяхъ, а нынѣ также частію въ Кафѣ, Едшоу и Годжамѣ, рядомъ съ родственными имъ данакилями и адалами, живущими въ сухихъ равнинахъ вдоль Краснаго моря и Индій-

скаго океана и внутри страны до подошвы Абиссинскаго нагорья; гонги — въ самыхъ южныхъ горныхъ мѣстностяхъ и къ сѣверу отдѣльными племенами до Абба въ Годжамѣ; наконецъ, шанкалы или шангаллы — въ лѣсистыхъ и болотистыхъ равнинахъ. Кромѣ данакилей и адаловъ, въ восточныхъ безводныхъ равнинахъ и предгорьяхъ мы встрѣчаемъ еще тероа и азаорта, — могометанскія пастушескія племена, которыя говорятъ частію на геецкомъ языкѣ, частію на нарѣчій галла. Въ горныхъ мѣстностяхъ сѣвернаго края живетъ часть племени бени-амеровъ. Къ сѣвернымъ абиссинцамъ принадлежитъ также и небольшой народецъ богосы.

Большая часть населенія исповѣдуетъ христіанскую религію, и именно принадлежитъ къ сектѣ монофизитовъ, какъ копты и православные сирійскіе христіане. Церковный глава ихъ носитъ названіе абуна, т. е. отецъ нашъ, съ саномъ патріарха. Абуна посвящается въ Александріи, но долженъ занимать ранѣе мѣсто архіепископа. Онъ живетъ въ Гондарѣ и при немъ состоятъ епископы и низшее духовенство. Вся страна наводнена духовными, монахами, монахинями и толкователями Св. Писанія, которые далеко не отличаются святостью жизни, а напротивъ скорѣе славятся своею безнравственностью и ничего не дѣлаютъ. Прізваніе монаховъ состоитъ въ тунеядствѣ. Они живутъ на счетъ богатыхъ церковныхъ имѣній, промышляютъ отпущеніемъ грѣховъ, грязнымъ нищенствомъ и обманомъ. Вся религія состоитъ въ исполненіи пустыхъ и совершенно безсмысленныхъ церемоній. Для народнаго образованія дѣлается очень мало, и всего менѣе со стороны духовенства, которое своимъ дурнымъ примѣромъ совершенно губитъ кое-какіе еще существующіе добрые зачатки. Только дѣти, которыхъ готовятъ въ служителей церкви, получаютъ кое-какое образованіе, остальные же растутъ дикарями и въ 5—6 лѣтъ приставляются къ работѣ. Не смотря на ограниченіе духовной свободы, горная природа абиссинца въ гражданской и государственной жизни выражается чувствомъ независимости. Впрочемъ, немногочисленные магометане и туземные евреи, фалаши, стоятъ въ нравственномъ отношеніи выше абиссинскихъ христіанъ; магометане занимаются торговлею и акцизными откупами, евреи же, въ противоположность своимъ европейскимъ единовѣрцамъ, напротивъ оказываются трудолюбивыми земледѣльцами и занимаются всевозможными ремеслами. Они хвалятся тѣмъ, что происходятъ непосредственно отъ Авраама, Исаака и Иакова и сохранили чистоту еврейской крови. Замкнутость, соблюдаемая этимъ народомъ, численностью въ четверть милліона, предохраняетъ ихъ отъ свойственныхъ абиссинскимъ христіанамъ распущенности и безнравственности. Замѣчательно, что абиссинскіе евреи имѣютъ чрезвычайное отвращеніе къ торговлѣ, презираютъ ее и считаютъ не совмѣстной съ Моисеевымъ закономъ. [Martin Flad. Kurze Schilderung der bisher fast unbekannten abessinischen Juden (Falaschas) Basel. 1869. 8°]. Городскіе же жители изъ христіанъ большею частію участвуютъ въ торговыхъ предпріятіяхъ, а въ торгашествѣ не отстаютъ отъ своихъ семитическихъ братьевъ, арабовъ и финикійцевъ: абиссинецъ является большею частью даже тонкимъ спекулянтномъ, причѣмъ ему весьма кстати его растяжимая совѣсть. Остальное населеніе живетъ земледѣліемъ и ското-

Императорскій дворецъ въ Гондарѣ.

воцствомъ; мужчины часто посвящаютъ себя солдатской службѣ, къ которой у нихъ существуетъ величайшая любовь, какъ и къ купеческому дѣлу. Вообще они охотнѣе соглашаются служить за небольшую плату какому нибудь важному господину, чѣмъ учиться какому-либо ремеслу. Кто побѣднѣе, тотъ поступаетъ въ услуженіе къ купцамъ и путешественникамъ. Мужчины ищутъ службы даже въ Египтѣ и отличаются стараніемъ, проворствомъ и привязанностью къ высшимъ. Эіопу вообще отнюдь нельзя отказать въ высокой степени природнаго ума; во всемъ поведеніи его выражается нѣкоторая благопристойность, и какъ онъ ни равнодушенъ и ни лѣнивъ, но въ разговорѣ его выражается весьма живой характеръ. Однако собственное умственное образованіе стоитъ еще на весьма низкой ступени, хотя у абиссинцевъ имѣется значительное число ученыхъ, особенно теологическихъ сочиненій. Рядомъ съ этою богословско-аскетическою литературою, большею частію переведенною съ греческаго, у нихъ существуетъ и исторія, которая сохраняется и продолжается конечно въ стилѣ хроникъ. Абиссинскіе богословы даже очень сильны въ хитрыхъ мудрствованіяхъ и очень цѣнятъ заучиваніе наизусть. Абиссинецъ вообще очень любознателенъ, охотно читаетъ, что ему даютъ, а студенты въ Гондарѣ выказываютъ замѣчательную неутомимость и неустанную дѣятельность; но все таки они суевѣрны и увлекаются нелѣпнѣйшими ученіями. Да и въ другихъ отношеніяхъ нельзя особенно похвалить абиссинцевъ. Народъ преданъ пьянству, лживъ и фанатиченъ; съ животными, рабами и женщинами онъ мягокъ, но съ врагомъ обходится варварски. Богачи и знатные живутъ въ праздности и все домашнее хозяйство предоставляютъ женамъ и рабамъ. Жилища полны грязи, дома представляютъ лачуги самаго грубаго свойства, строятся изъ земли и прутьевъ, такъ что въ нихъ имѣютъ полный доступъ вѣтеръ и непогода; дома имѣютъ только одно отверстіе — дверь, чрезъ которую выходитъ и дымъ, а очагъ, находящійся посреди комнаты, окрашиваетъ всѣ предметы сажею въ черный цвѣтъ. Бракъ заключается или при посредствѣ церкви, или при свидѣтеляхъ, и легко расторгается; кто можетъ, держитъ наложницъ. Нравственность во всякомъ случаѣ находится въ печальномъ состояніи; по маѣнію нѣкоторыхъ, характеръ абиссинцевъ запятнанъ всѣми пороками цивилизованнаго міра и сдѣлался презрѣннымъ; въ народѣ нѣтъ и слѣда стыда и благопристойности; всѣ классы отличаются безстыднымъ попрошайничествомъ и отвратительнымъ низкоклонствомъ. Войны ведутся у нихъ разбойнически; они нападаютъ врасплохъ, убиваютъ, жгутъ и грабятъ все, что могутъ; до сраженій дѣло доходить рѣдко.

При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что земледѣліе стоитъ еще на очень низкой ступени развитія. Полеводство ограничивается только зерновыми хлѣбами и хлопчатникомъ и во всей Абиссиніи ведется чрезвычайно простыми способами. Горнозаводство также незначительно. Но важнѣе земледѣлія и горной промышленности является скотоводство, развитію котораго чрезвычайно способствуютъ великолѣпныя луга, нагорья и травяныя степи южной части Абиссиніи. Впрочемъ, и въ необыкновенно удобныхъ для земледѣлія окрестностяхъ озера Тана встрѣчаются многочисленныя стада рогатаго скота, а

обработанной земли тамъ мало. Разведеніе рогатаго скота въ особенности развито на альпійскихъ лугахъ, разведеніе верблюдовъ—на прибрежныхъ равнинахъ, разведеніе лошадей — у галласовъ и овецъ — у жителей Бегемедера. Ремесленная промышленность въ Абиссиніи имѣетъ ничтожное значеніе. Самую промышленную часть населенія составляютъ фалаши, которые почти исключительно занимаются каменными работами и кузнечнымъ мастерствомъ, занятіе коимъ презирается въ странѣ, а на сѣверѣ Абиссиніи—плавкою желѣза. Гондаръ представляетъ центръ промышленной дѣятельности. Въ Адовѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ приготавливаются также тонкія ткани и самыя обыкновенныя хлопчатобумажныя матеріи. Въ нѣкоторыхъ округахъ выдѣлывается хорошая кожа.

ГЛАВА XVIII.

Восточный выступъ Африки.

Къ востоку отъ стремнинъ Абиссинскаго нагорья лежитъ восточный придастокъ Африки, который на нашихъ картахъ все еще бросается въ глаза своею безотрадною пустотою. Здѣсь простирается Самхара, вмѣстѣ со страною Данакиль, къ которой примыкаетъ область Сомали, а еще южнѣе—Галла. Скажемъ напередъ, что о внутренности этой обширной земли мы ровно ничего не знаемъ; что же касается существующихъ на этотъ счетъ догадокъ, то считаемъ необходимою по возможности избавлять отъ нихъ читателя. До сихъ поръ изслѣдованы, да и то весьма недостаточно, только берега съ ближайшими къ нимъ мѣстами, и мы упомянемъ вкратцѣ о результатахъ этихъ изслѣдованій. Западною границею страны Сомали обыкновенно принимаютъ знойный Таджурскій заливъ, къ югу отъ Бабъ-эль-Мандебскаго пролива. На значительное разстояніе отъ берега Сомали въ глубь материка не проникалъ еще никто; напротивъ, пути изъ Таджурры и съ береговъ Краснаго моря во внутренность Абиссиніи открыты для путешественника. Всего глубже внутрь страны проникли съ берега Аденскаго залива (такъ называется часть Индійскаго океана, суживающаяся между восточнымъ выступомъ Африки и Аравіей въ Бабъ-эль-Мандебскій проливъ) британскій путешественникъ Ричардъ Буртонъ въ 1854 и швейцарецъ Гаггенмахеръ въ 1874 году. Послѣдній изъ нихъ проникъ къ югу отъ важнаго прибрежнаго пункта Бербераха до Либатели; первый же достигъ и, такъ сказать, открылъ непосѣщавшійся до него ни однимъ европейцемъ го-

родъ Гараръ, или Герреръ, который 11-го октября 1875 года былъ занятъ египетскими войсками и присоединенъ къ египетскому государству.

Городъ Гараръ, столица бывшаго эмирства, имѣетъ болѣе 30,000 жителей. Гарарское эмирство состоитъ большею частью изъ сомаловъ и смѣси арабовъ и галласовъ, составляющихъ, вѣроятно, въ совокупности болѣе 1½ миліона. Населеніе трудолюбиво и занимается торговлею. По описаніямъ, это — земля, благословенная природою, богатая; она производитъ безъ труда всѣ продукты Египта и, кромѣ того, мирру, лалонъ и особенно кофе, — еще лучшаго качества, чѣмъ Іемень въ Аравіи.

Внутренность большаго полуострова Сомали состоитъ, повидимому, изъ высокихъ плоскогорій, прорѣзанныхъ глубокими долинами, въ которыхъ въ дождливое время шумятъ бурныя горныя воды. Озеръ, прудовъ и постоянныхъ текучихъ водъ, вѣроятно, совсѣмъ нѣтъ. Съ сѣвернаго берега, омываемаго Аденскимъ заливомъ, видно, какъ возвышаются эти крутыя и рѣзко очерченныя горы, — безмолвно признанная собственность и вмѣстѣ съ тѣмъ граница кочевниковъ. На этомъ сѣверномъ берегу, который объѣзженъ и географически изслѣдованъ въ 1857 году Т. фонъ-Хейглиномъ, а въ 1870 и 1871??.—Ричардомъ Бреннеромъ, расположено нѣсколько важныхъ для торговли мѣстъ, какъ напримѣръ Берберахъ и Бендеръ-Мирадже, изъ которыхъ первый недавно также присоединенъ къ Египту.

Къ востоку отъ Бендеръ-Мирадже выступаетъ въ море самый сѣверный пунктъ полуострова Расъ-Улула, а нѣсколько дальше — самый восточный мысъ Африки — Гвардафуй, представляющій плоскогорье, покрытое лѣсами и богатое драгоцѣнными смолами. Напротивъ него лежитъ нездоровый по климату островъ Сокотора, или Сокотра, внутренность котораго, подобно африканскому матеріку, возвышается террасами до значительной высоты, а между мысомъ и островомъ расположенъ маленькій скалистый островокъ Абдъ-эль-Кури, безлѣсныя горы котораго населены 70-ю арабами и ихъ полудикими козами. Берегъ, поворачивающій отъ мыса Гвардафуй къ югу, голъ и безплоденъ до мыса Гафуна, образующаго выдающійся далеко въ океанъ четырехугольникъ, на высотахъ котораго въ хорошее время года находятъ себѣ богатія пастбища верблюды, рогатый скотъ, лошади и овцы. До Расъ-Ауада, т. е. мыса Перемѣны, господствуютъ скалистыя берега съ болѣе значительными высотами, а затѣмъ къ югу начинается пустынный, бѣдный бухтами плоскій берегъ, окаймленный коралловыми рифами, между которыми и берегомъ тянется мелкій каналъ стоячей воды. Здѣсь расположены прибрежныя поселенія: Макдишу, или Магадокса, Марка, оба недалеко отъ рѣки Вобби, называемой здѣсь Денокъ, и Брава, на которыя распространяется власть занзибарскаго султана, хотя только номинально. Рѣка Джуба, изливающаяся въ океанъ почти

подъ самымъ экваторомъ, на сколько она извѣстна, составляетъ границу между землями Сомали и Галла. Источниковъ Джубы слѣдуетъ искать несомнѣнно въ глубинѣ материка, и быть можетъ она тождественна съ абиссинскою рѣкою Годжебомъ. Мы знаемъ эту рѣку, и притомъ какъ судоходную, лишь вверхъ до города Бардеры, гдѣ погибъ ея изслѣдователь, баронъ фонъ-деръ-Деккенъ, въ 1865 году. Бардера стоитъ на крутомъ и высокомъ лѣвомъ берегу Джубы, на высотѣ 109 метровъ надъ моремъ; позади города разстилаются безконечныя равнины страны Сомали. Постройки города указываютъ на его арабское происхожденіе; составляющія его 120—130 хижинъ имѣютъ форму ульевъ. Жители Бардеры мало занимаются торговлею, такъ какъ городъ стоитъ въ сторонѣ отъ большаго торговаго пути, соединяющаго гораздо болѣе важную Браву съ Гананомъ на верхнемъ теченіи Джубы. Къ югу отъ устья Джубы начинаются собственно владѣнія занзибарскаго султанства, простирающіяся по восточно-африканскому берегу до мыса Дельгадо подъ $10^{\circ} 45'$ ю. ш. Сѣверную береговую полосу, т. е. часть между устьями Джубы и Сабаки, можна назвать берегомъ земли Галла, потому что именно досюда распространяются южныя сосѣди сомаловъ—народъ галла. Рядъ волнообразныхъ цѣпей холмовъ (въ 100 метровъ высотой) окаймляетъ берегъ до 2° ю. ш.; далѣе же онъ совершенно плоскій. Гдѣ бы вы ни стали на твердую землю изъ Индійскаго океана, вездѣ, за возвышеніемъ перваго береговаго пояса, вы до самаго далекаго горизонта видите лишь одну безконечную равнину. Мονотонность этой береговой полосы, покрытой болотистыми мангровыми (корнепусковыми) лѣсами, прерывается маленькимъ архипелагомъ острововъ Виту; по рѣкамъ тянется настоящій первобытный лѣсъ; внутренность занимаютъ частью лѣса кустарниковъ, состоящіе преимущественно изъ акацій и мимозъ, частью равнины, покрытыя травою, на которыхъ мѣстами растутъ баобабы, тамаринды, пальмы «думъ» и различнаго рода кусты. Бесплодныхъ пустынь, какія весьма обыкновенны въ землѣ Сомали, въ южной странѣ Галла вовсе нѣтъ. (Herm. von Barth. Ostafrika vom Limpopo zum Somalilande, стр. 479—507.).

Обращаясь отъ разсмотрѣнія страны къ ея жителямъ, мы находимъ, что племена сомали и галла настолько же родственны другъ другу, насколько враждебны. Отъ негровъ оба народа должны быть рѣзко отличаемы. Капитанъ Мильзъ (Proceedings of the Roy. geographical Society. 1872, XVI т., стр. 149—157) описываетъ сомаловъ, какъ людей обходительныхъ, смиренныхъ и работающихъ, но бѣдныхъ. Другіе же наблюдатели приписываютъ имъ страсть къ хищничеству, къ убійствамъ, коварство и враждебность къ европейцамъ, грустные примѣры которой дѣйствительно существуютъ. Гордость составляетъ преобладающее національное качество, соединяющееся, впрочемъ, съ любопытствомъ и навязчивостью; съ честностью и правдивостью они живутъ очень часто не въ ладу. Къ вѣрѣ относятся строго лишь нѣкоторые племена; большая же часть сомали только наружно исповѣдуетъ исламъ, въ который они

Тигъ самхаріца.

обращены всё безъ исключенія. Власть у нихъ принадлежитъ султану, который, впрочемъ, пользуется лишь ничтожнымъ вліяніемъ, и кадіямъ или судьямъ отдѣльныхъ племенъ. Хижины у нихъ имѣютъ круглую форму, сплетены изъ прутьевъ, покрыты шкурами, обиты циновками; при нихъ имѣются загородки (крали) изъ терновника для немногихъ козъ и овецъ. Въ хижинахъ находятся кровати, циновки и соломенная утварь. Обыкновенно всё домашнія работы исполняются женщинами, полевые же работы производятся рабами, привозимыми большею частью изъ Занзибара; они пользуются чрезвычайно хорошимъ обращеніемъ и живутъ почти какъ члены семействъ. Во внутренности страны живутъ кочующія пастушескія племена; они занимаются скотоводствомъ, охотою и собираніемъ камеди, любятъ молоко и верблюжье мясо и умѣютъ готовить изъ коровьяго или козьяго молока жидкое масло — «семень». Табакъ они не курятъ, но жуютъ. Всё сомали вооружены сагайями, т. е. копьями, и длинными кинжалами въ видѣ ножей, а также лукомъ со стрѣлами и щитами изъ носороговой кожи, приготовляемыми соседнимъ племенемъ галла. По внѣшнему виду, сомали представляютъ большое разнообразіе: нѣкоторые племена иногда имѣютъ почти совершенно кавказскій типъ, другія же принадлежать къ числу самыхъ черныхъ и отвратительнѣйшихъ.

Галласы въ фізіологическомъ отношеніи занимаютъ высокое мѣсто между племенами Африки и имѣютъ общаго съ неграми только одинъ темный цвѣтъ кожи. Одежду ихъ составляетъ двойной передникъ изъ грубой хлопчатобумажной ткани; въ видѣ украшенія, мужчины носятъ на шеѣ цѣпи изъ латуни, а женщины — желѣзные кольца на рукахъ и на ногахъ, бусъ же не любятъ. Оружіе у нихъ состоитъ только изъ копій съ клинками въ 15 сант. ширины; кромѣ того, мужчины носятъ на большомъ и указательномъ пальцахъ правой руки желѣзное боевое кольцо съ шиномъ въ 2 сант. длиною, мѣткій ударъ которымъ въ кулачномъ бою — любимѣйшій галласами способъ борьбы — почти всегда смертеленъ. Положеніе женщинъ у нихъ необыкновенно свободно и почетно. Дѣвушка имѣетъ право отказаться отъ предлагаемаго брака, если онъ ей не нравится; жена хотя и должна нести всё тягости домашнего хозяйства, но за то въ предѣлахъ послѣдняго властвуетъ неограниченно. Одноженство у галласовъ — законъ и цѣломудріе до брака строго соблюдается. Политическая организація у нихъ, какъ и у сомали, патріархальная: во главѣ каждаго племени стоитъ гейичъ, т. е. султанъ, который, однако, вовсе не пользуется неограниченною властью. Религія южныхъ галласовъ — не магометанская; она состоитъ въ вѣрованіи въ высшее существо Вака; опредѣленіе или, вѣрнѣе, неопредѣленность понятія о немъ довольно близко подходитъ къ понятію о Богѣ народовъ съ высшей культурой.

Поселенія только что разсмотрѣнныхъ народовъ галла простираются къ югу до подошвы безспорно самой замѣчательной во всей Африкѣ горной области, въ которой поднимаются къ небу высочайшія вершины этой части свѣта, представляющія поразительное зрѣлище снѣговыхъ горъ почти подъ самымъ экваторомъ. Къ сожалѣнію, эта еще весьма недостаточно изслѣдованная область не имѣетъ особеннаго названія, и потому всего цѣлесообразнѣе назвать ее, по имени самой характеристич-

ной горной вершины — Килима-Нджаро. Она расположена къ югу отъ экватора, между восточнымъ берегомъ Африки и только въ самое недавнее время развѣданною страню великихъ озеръ, съ которою мы скоро ознакомимся поближе. Этотъ отрѣзокъ ограничиваютъ двѣ рѣки, текущія несомнѣнно изъ этой горной страны въ довольно параллельныхъ направлѣніяхъ съ сѣверозапада на юговостокъ и изливающіяся въ Индійскій океанъ: именно Дана—на сѣверѣ и Пангани или, какъ она называется въ верхнемъ теченіи, Руфу (Луфу)—на югѣ. При Пангани, городъ съ плохюю гаванью, но ведущему значительную торговлю съ внутреннею страню—Мазей, доставляющею слоновою костью, Руфу впадаетъ въ море и протекаетъ чрезъ богатую солью мѣстность Кахе, затѣмъ чрезъ двѣ обширныя горныя земли—Паре и Узамбара; столицу послѣдней, Фугу, посѣтилъ миссіонеръ Крапфъ. Вообще можно сказать, что Узамбара походитъ на лѣсъ горъ, которыя съ одной стороны круто поднимаются, а съ другой отлого спускаются, образуя то широкія, то узкія долины, отличающіяся большею частію бѣлымъ плодородіемъ.

Къ сѣверу отъ странъ Узамбары и Паре, вдоль берега, тянется страна ваниковъ. Здѣсь, на островѣ, лежащемъ среди глубоко врѣзавшагося и волнообразно развѣтвленнаго залива, расположенъ укрѣпленный городъ Момбасъ. Къ югу отъ него, на незначительномъ разстояніи отъ берега, возвышаются горы Шимба, имѣющія около 300 метровъ высоты; далѣе къ западу тянутся волнистыя равнины, покрытыя травою, съ разбросанными лѣсками. Онѣ становятся все каменистѣе и бесплоднѣе, и пока не спустимся въ мѣстность, называемую у туземцевъ Ньяка, которая простирается къ сѣверу до земель Галла, къ югу — до Узамбары, а къ западу—до горъ Паре и Джагга. Она повышается постепенно до 600 — 700 метровъ и представляетъ здѣсь отдѣльныя горы и горныя хребты, которые безъ всякаго постепеннаго перехода выдвигаются изъ равнинъ. Гдѣ горы, тамъ есть и населеніе, равнина же представляетъ безлюдную пустыню. Три горныя группы: Кадіаро, Буру и Удару вообще можно назвать страню Тейта, которая населена приблизительно 152,000 ватейтами, живущими въ 608 селеніяхъ. Къ западу отъ этихъ горъ стелется равнина, которая прерывается весьма незначительными волнообразными возвышенностями по направленію къ Жине (Jire), — мелкому, окаймленному тростникомъ мелководному озеру величиною съ Цюрихское, и доходитъ до Килиманджаро и его предгорій. Въмѣсто колючихъ кустовъ акацій и зарослей молочаевъ здѣсь появляется уже высокоствольный лѣсъ, между тѣмъ какъ почва покрыта невыносимо колючею травою. Въ этой лѣсной пустоши бродятъ большія стада слоновъ, буйволовъ, жирафовъ и антилопъ, а также львы и носороги. Далѣе къ западу мѣстность принимаетъ уже характеръ то открытой пустыни, то травяныхъ степей и оканчивается рѣкою Луми, которая изливается въ озеро Жине и за которою начинается воздѣланная земля Джагга. Къ сѣверу и сѣверовостоку отъ сте-

ни видны горныя цѣпи Нголія и Кикумбуліу, стоящія на границѣ Угамбарн. На югѣ же возвышаются массивныя горы Угоно, вершины которыхъ достигаютъ 2000 метровъ высоты. Къ западу отъ Угоно расположена горная страна Аруша, а между ними мѣстность Кахе. Внутрь страны отсюда тянутся равнины, населенныя кочевыми племенами мазаевъ или вакуафовъ, которые знамениты какъ воины и страшны какъ разбойники. Теперь мы находимся у подножія Килима-Нджаро.

«Горный Исполинъ» (Килима—гора, Нджаро—громада), изслѣдованный Ребманномъ, ф. д. Деккеномъ, а въ 1871 г.—Чарльзомъ Нью, возвышается на востокѣ Мазайской равнины, занимая въ ширину такое же протяженіе, какъ Бернскія Альпы. Вся его масса увѣнчана лишь двумя вершинами, покрытыми вѣчнымъ льдомъ, на З.—великолѣпный куполь, закутанный въ ослѣпительно бѣлую мантию, въ 5670 м. надъ уровнемъ моря; на В., на 760 м. пониже, громоздится масса круто поднимающихся колоннъ и исполинскихъ столбовъ, которые немного заходятъ за снѣговую линію и на крутыхъ обрывахъ которыхъ могутъ держаться лишь немногіе кристаллы водяной пыли. Обѣ вершины соединены длинною горною сѣдловиною. На правильно скошенныхъ бокахъ, книзу отъ снѣга, постепенно беретъ перевѣсъ тропическая растительность; подошва глубоко разорвана и прорыта развѣтвляющимися истоками рѣкъ, которымъ даютъ начало массы лежащаго на вершинѣ фирна и привлекаемая ею воды облаковъ. Обѣ истинной формѣ исполинской горы восточной Африки мы не знаемъ ничего опредѣленнаго, но въ высшей степени вѣроятно, что Килима-Нджаро есть древній, частію разрушенный, вслѣдствіе обваловъ, вулканъ. Равнина отдѣляетъ Килима-Нджаро отъ находящейся на З. отъ него горы Меру въ 4450 м.; она представляетъ одинокій, конусообразный пикъ, недостигающій снѣговой границы. Южные склоны Килима-Нджаро обитаемы только между 1000 и 1500 м. высоты; на 300 м. выше распространяются банановыя растенія, а кверху отъ этого пояса уже нѣтъ ни обработанныхъ мѣстъ, ни жилищъ: тамъ начинаются пустыри, первобытныя лѣса, луга, скалы, наконецъ еще выше—царятъ снѣгъ и ледъ. Узкій обитаемый поясъ распадается на нѣсколько «царствъ», которые, по размѣрамъ, конечно, не больше какого нибудь нашего административнаго округа. Килима-Нджаро представляетъ передовой пунктъ многихъ подобныхъ, а можетъ быть и высшихъ, снѣжныхъ горъ, которыя переходятъ по ту сторону экватора. Мы имѣемъ о нихъ до сихъ поръ лишь сказочныя свѣдѣнія, и только одну массивную Кенію вакамбовъ, или Орлдоніейборъ (бѣлая гора) вакуафовъ, смѣлый миссіонеръ-путешественникъ Крапфъ видѣлъ своими глазами. Форма ея съ ЮВ. походитъ на громадную стѣну въ родѣ кровельнаго конька, надъ которою возвышаются близко одна отъ другой двѣ большія вершины, похожія на башни и совершенно не похожія на правильный куполь Килима-Нджаро. Въ сравненіи съ послѣднимъ, высоту Кеніи можно опредѣлить по крайней мѣрѣ въ 5400 м. (По соч. Herm. v. Barth: Ost-Africa.).

ГЛАВА XIX.

Берегъ Суахели.

Между экваторомъ и $10\frac{1}{2}^{\circ}$ ю. ш. простирается берегъ Суахели, или Занзибаръ, представляющій въ торговомъ отношеніи несомнѣнно важнѣйшую полосу всего восточно-африканскаго побережья. Напротивъ него, весьма близко къ материку, расположены острова Пемба, Занзибаръ и Мафія, которые всѣ, какъ и самый берегъ Суахели, находится подъ властью занзибарскаго султана. Прежде эти мѣста принадлежали имаму маскатскому въ Аравіи, но лѣтъ 12—13 тому назадъ, по смерти послѣдняго имама, между двумя сыновьями его произошелъ раздѣлъ, по которому одинъ изъ нихъ получилъ занзибарское султанство, какъ самостоятельное государство, подъ условіемъ ежегодной уплаты опредѣленной суммы. На материкѣ султанство нигдѣ не простирается далеко внутрь страны, а ограничивается почти однимъ только берегомъ, на которомъ, кромѣ Момбаса и Пангани, расположены еще и другіе незначительные города, какъ Багамойо, противъ города Занзибара, Даръ-эс-Саламъ и Квиллоа (Килоа). Жители побережья и острововъ суть суахели, которые до такой степени смѣшались съ арабами, что ихъ большею частью нынѣ и называютъ арабами. Всѣ они магометане, и не только твердо держатся своего вѣроисповѣданія, но и стараются распространить исламъ далѣе внутрь страны, всюду, куда только они проникаютъ; при этомъ суахели—энергичный и торговый народъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается почти вся торговля африканскаго побережья. Но главнымъ складочнымъ мѣстомъ и центромъ торговли остается островъ Занзибаръ съ расположенною на западной сторонѣ его столицею того же имени.

Островъ находится въ 4450 кил. отъ южной оконечности Индіи и на одинаковомъ разстояніи отъ мыса Доброй Надежды и отъ Суэцкаго канала. Онъ очень плоскъ и возвышается надъ поверхностью моря всего на нѣсколько метровъ. Изъ немногихъ холмовъ его ни одинъ не выше ста метровъ. Число жителей простирается отъ 300,000 до 350,000, т. е. среднимъ числомъ по 145 на 1 кв. километръ. Самый городъ изумляетъ своею красивою постройкою и состоитъ весь изъ бѣлыхъ каменныхъ домовъ, чего путешественникъ никакъ не ожидаетъ встрѣтить въ столицѣ восточно-африканскаго султана. Интересна пестрая и своеобразная жизнь на взморьѣ, гдѣ выставлены различные предметы торговли острова, какъ напр. слоновая кость, гвоздика, турецкій перецъ, кожи, хлопчатобумажная матерія и т. д. — все это въ бочкахъ и тюкахъ; прежде-же главнымъ предметомъ торговли были невольники. Далѣе, форты, гдѣ защитники страны—арабы наслаждаются пріятнымъ ничего-педѣланіемъ. У султана есть великолѣпная конюшня, у входа которой

лежить огромная свинья, назначенная для отвода злых духовъ, если бы они вздумали войти въ лошадей. Впрочемъ, жители вовсе не прочь приготовить для бѣлыхъ свиное жаркое за хорошія деньги, и если кто изъ нихъ пожелаетъ скушать поросеночка, тотъ покупаетъ его въ султанской конюшнѣ. Лошадей своихъ султанъ отдаетъ на прокатъ какъ иностранцамъ, такъ и туземцамъ—стоитъ только дать немного на водку конюху. Жены охраняются весьма строго, хотя обращеніе съ европейцами уже оказало свое вліяніе и въ этомъ отношеніи. На поклонъ послѣднихъ иногда отвѣчаютъ весьма любезно. Члены семейства султана также весьма ласковы съ иностранцами, особенно если они приносятъ подарки.

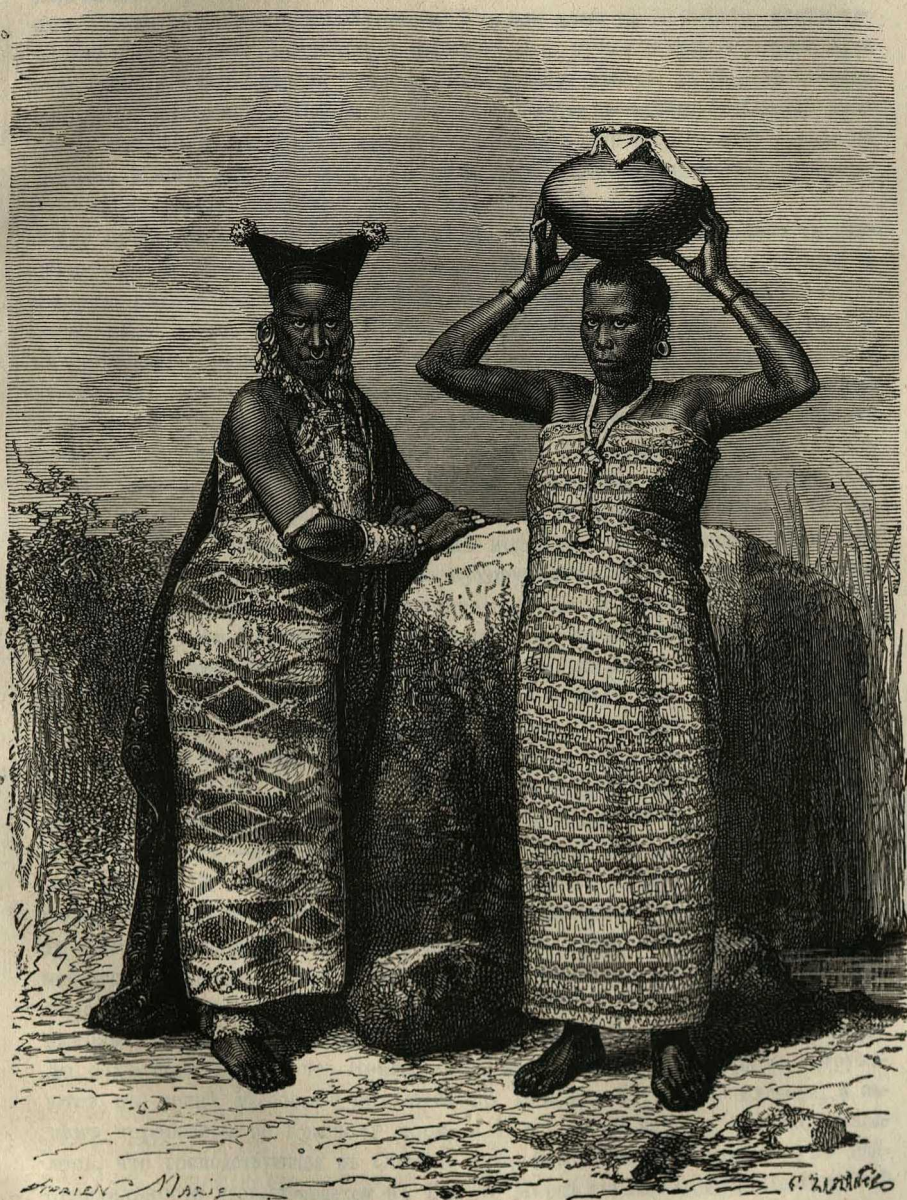
Такъ какъ Занзибаръ и берегъ Суахели обязаны своимъ большимъ значеніемъ преимущественно торговлѣ, то мы и бросимъ здѣсь взглядъ на торговлю восточнаго берега Африки вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ рассмотримъ вкратцѣ весьма тѣсно связанный съ нею вопросъ о торговлѣ невольниками. Кромѣ того, открытіе Суэцкаго канала придвинуло восточный берегъ Африки къ европейскимъ государствамъ, и хотя открытія въ недавнее время близъ берега каменноугольныя копи теперь еще не разрабатываются, но тѣмъ не менѣе открытіе ихъ важно для пароходства.

Прежде всего замѣчательно то, что не только мелкая, но и оптовая торговля на восточномъ берегу Африки находится въ рукахъ остъ-индскихъ уроженцевъ, которые встрѣчаются всюду не только вдоль континентальнаго берега, но и на всѣхъ островахъ, какъ напр. на Пембѣ, Занзибарѣ, Мафин, Коморо и Мадагаскарѣ. Въ 1873 г. на берегахъ занимались всевозможной торговлей болѣе 4000 индусовъ всѣхъ кастъ и профессій. Мѣстные же жители—суахели, сомали, коморы и т. д., ведутъ только мелкій торгъ провизіей, главнымъ образомъ солеными акулами, мясомъ, курами, овощами, сладкимъ картофелемъ и кассавою, между тѣмъ какъ арабы занимаются преимущественно земледѣліемъ, либо болѣе прибыльною торговлею невольниками; во всякомъ случаѣ, нѣтъ примѣра, чтобы арабъ имѣлъ лавочку. Поэтому индусы, вслѣдствіе бездѣятельности остальныхъ національностей, сдѣлались главными торговцами на восточно-африканскомъ берегу и ихъ «дау» покрываютъ всѣ тамошнія моря. Ихъ называютъ вообще гиндами, или баніанами. Гинды раздѣляется на индусовъ магометанской вѣры, коджаховъ, бораховъ и мемноновъ, а баніаны—на баттievъ и іоганнасовъ. Трудолюбіе и терпѣніе индусовъ необыкновенны. Они живутъ такъ просто и бережливо, что съ ними не можетъ сравниться ни одинъ европеецъ. Хотя многіе изъ нихъ получаютъ товары изъ Европы прямо и оптомъ, но они же бываютъ и мелкими торговцами европейскихъ домовъ. Товары ихъ идутъ главнымъ образомъ изъ Германіи и Америки; хлопчатобумажныя матеріи и стекляныя бусы получаютъ также изъ названныхъ странъ, рѣдко изъ Франціи, но мѣстами встрѣчаются синія хлопчатобумажныя ткани, привозимыя изъ Сурата и Гузерата. Книжки ихъ ведутся по двойной бухгалтеріи на индоостанскомъ, кучійскомъ или гузератскомъ языкѣ и обыкновенно очень аккуратно. Наживъ состояніе, индусъ возвращается на родину, и рѣдко кто-нибудь изъ нихъ поселяется въ Африкѣ

или на островахъ, — и эти немногіе бывають обыкновенно изъ бораховъ и коджаховъ, нѣкоторыя семьи которыхъ живутъ на Мадагаскарѣ въ теченіе четырехъ или пяти поколѣній. Глава семьи, впрочемъ, ежегодно съ югозападнымъ муссономъ отпрапляется въ Индію и съ сѣверо-восточнымъ муссономъ возвращается обратно на своей дау съ товарами. Дѣти для воспитанія всегда посылаются въ Индію, и если семейство родомъ изъ Куча или Сурата, — то непремѣнно въ Бомбей.

При всѣмъ томъ богатія торговые ресурсы восточнаго берега Африки далеко еще не исчерпаны индусами и представляютъ обширное и благодарное поле для предприимчивыхъ силъ. Возрастаніе торговыхъ оборотовъ на восточно-африканскомъ берегу выражается всего яснѣе въ томъ, что съ января 1873, т. е. съ открытія индо-британскимъ пароходнымъ обществомъ прямого ежемѣсячнаго сообщенія между Аденомъ, Занзибаромъ и Мадагаскаромъ, спросъ на фрахтовку постоянно усиливается. (Köln. Zeitung отъ 4 мая 1874).

Такъ какъ индусы, какъ хорошіе купцы, стараются не упускать случая зашибить деньгу, то конечно имъ пришлось по вкусу и столь выгодная торговля невольниками. Эта новая для нихъ отрасль промышленности началась въ этихъ странахъ лѣтъ 60—70 тому назадъ и въ послѣднее время достигла такихъ размѣровъ, что обратила на себя вниманіе англійскаго правительства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ объ этой важной отрасли торговли собраны слѣдующія подробности. Торговля производится посредствомъ арабскихъ «кучь-буггало» (судно съ двумя мачтами). Остъ-индскія фирмы заводятъ внутри Африки торговые дома и правильныя агентства. Самъ торговый домъ ведетъ дѣло en gros, агентства не занимаются мелкими операціями. Для закупки невольниковъ пріѣзжаютъ, на своихъ буггало, на восточный берегъ Африки арабы и сомали изъ Египта, Аравіи и Маската, а съ ними уже состоятъ въ тайныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ индусскіе купцы. Арабскій покупатель обыкновенно обращается къ начальнику деревни, который бываетъ либо арабъ, либо африканецъ, и чрезъ посредство его входитъ въ сдѣлку съ индусскими фирмами. Начальники эти ведутъ торговлю и на собственный счетъ, ловятъ невольниковъ внутри страны и продаютъ ихъ. Бываетъ и такъ, что купцы изъ Буннии и Баттіи вообще состоятъ въ торговомъ товариществѣ съ арабами. Индусы-работоторговцы сами не отправляются во внутренность страны, а остаются на берегу и посылаетъ туда африканскаго или арабскаго предводителя съ товарами, которые тамъ распродаютъ, а на выручку покупаются рабы. Они берутъ съ собою порохъ, оружіе, кучійское сукно, бусы и тому подобные товары. Прибывъ во внутренность страны, они входятъ въ сдѣлку съ другими лицами, которые всегда и принимаютъ на себя, за извѣстную плату и въ опредѣленный срокъ, поставку рабовъ на берегъ. Всякое лицо, начальствующее въ деревнѣ, имѣющей хоть двадцать хижинъ, называется «муки», т. е. главою. У нихъ постоянно бываетъ нѣкоторое число рабовъ въ запасъ для поддержанія рынка, а посредствующіе торговцы, съ своей стороны, покупаютъ, чрезъ извѣстные промежутки времени, отъ того или другаго главы нѣсколько рабовъ, чтобы показать, что на этотъ товаръ существуетъ постоянный спросъ. Рабовладѣльцы стоятъ обыкновенно на самой низшей степени развитія. Они вовсе не знаютъ цѣны деньгамъ и промѣниваютъ своихъ рабовъ на оружіе, порохъ и обыкновенныя бездѣлки. Порохъ они употребляютъ съ пользою для себя. Они приводятъ деревни въ ужасъ холостыми зарядами и, пользуясь смятеніемъ, захватываютъ цѣлыя се-

Занзибарскія женщины.

НАМ НА ОСТРОВЕ — И ВЪЗДЪЛЖАЮЩАЯ СЪС СЪВЕРШЕННЫМЪ СЪВЕРШЕННЫМЪ
 ДВУХЪ СТОЛБОВЪ СЪВЕРШЕННЫМЪ СЪВЕРШЕННЫМЪ СЪВЕРШЕННЫМЪ СЪВЕРШЕННЫМЪ
 ЧЕРНЫМЪ СЪВЕРШЕННЫМЪ СЪВЕРШЕННЫМЪ СЪВЕРШЕННЫМЪ СЪВЕРШЕННЫМЪ
 СЪВЕРШЕННЫМЪ СЪВЕРШЕННЫМЪ СЪВЕРШЕННЫМЪ СЪВЕРШЕННЫМЪ СЪВЕРШЕННЫМЪ

ЖЕНЩИНЫ ВЪ АФРИКѢ

ВЪ АФРИКѢ ЖЕНЩИНЫ ВЪ АФРИКѢ ЖЕНЩИНЫ ВЪ АФРИКѢ ЖЕНЩИНЫ ВЪ АФРИКѢ
 ЖЕНЩИНЫ ВЪ АФРИКѢ ЖЕНЩИНЫ ВЪ АФРИКѢ ЖЕНЩИНЫ ВЪ АФРИКѢ ЖЕНЩИНЫ ВЪ АФРИКѢ
 ЖЕНЩИНЫ ВЪ АФРИКѢ ЖЕНЩИНЫ ВЪ АФРИКѢ ЖЕНЩИНЫ ВЪ АФРИКѢ ЖЕНЩИНЫ ВЪ АФРИКѢ
 ЖЕНЩИНЫ ВЪ АФРИКѢ ЖЕНЩИНЫ ВЪ АФРИКѢ ЖЕНЩИНЫ ВЪ АФРИКѢ ЖЕНЩИНЫ ВЪ АФРИКѢ

мейства. Иногда вступают въ ссору другъ съ другомъ сами предводители. Порохъ они предпочитаютъ всѣмъ другимъ товарамъ. Одѣваются они вообще въ шкуры и рѣдко употребляютъ для своего одѣянія какія-нибудь ткани. Вымѣнивать рабовъ на порохъ очень легко. Во всякомъ боченкѣ бываетъ отъ 2½ до 12½ килогр. пороху, а за 2½ или даже за 1 килогр. можно купить раба. За ружье даютъ двухъ рабовъ. Эти ружья и порохъ привозятся изъ Франціи и изъ Америки. Предводители уводятъ рабовъ на берегъ и чрезъ посредство индусскихъ кушцовъ продаютъ ихъ буггало-валасамъ. Каждый рабъ стоитъ отъ 16 до 32 марокъ; арабы же продаютъ ихъ по 48—60 марокъ за cadaго. Многіе индусскіе купцы нажили себѣ этими торгомъ людьми баснословныя богатства. (Wanderer отъ 4 января 1873.)

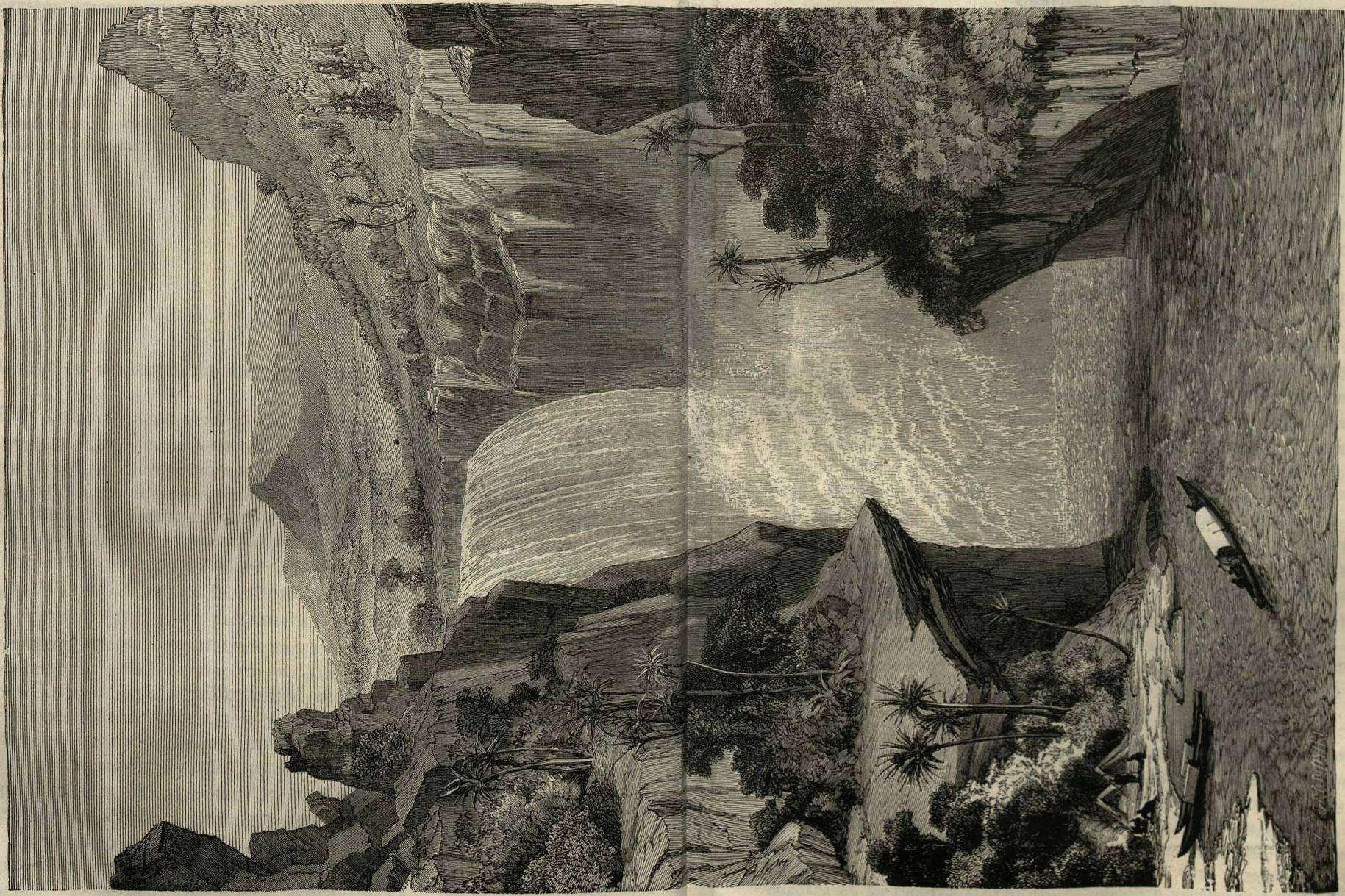
Для прекращенія этой торговли рабами, въ 1873 Англія заключила съ занзибарскимъ султаномъ трактатъ, котораго добились съ большимъ трудомъ и которому радовались, какъ крупной дипломатической побѣдѣ; но онъ все болѣе болѣе оказывается мертвой буквою, въ результатѣ получилось лишь то, что на раба цѣна понизилась на 10 марокъ, которыя прежде поступали султану въ видѣ пошлины. Вѣдь, берегъ Занзибара — далеко не единственный пунктъ, гдѣ процвѣтаетъ торговля людьми. То же самое дѣлается на островѣ Сокоторѣ (см. Globus, XXIII, стр. 30) и въ Египетскомъ Суданѣ, гдѣ Самуэль Бакеръ совершенно бесполезно хлопоталъ объ ея уничтоженіи (См. Mitth. der k. k. geograph. Gesellschaft in Wien 1872, стр. 249—252, и Globus, XXII, стр. 119—120). Съ загражденіемъ морскаго пути торговля рабами, какъ и слѣдовало ожидать, направилась по сухопутной дорогѣ, и тотчасъ же организовалась систематическая транспортировка рабовъ, которые и доставляются на сѣверъ тысячами. Впрочемъ, мало-по-малу теперь начинаютъ понимать, что пока на Востокъ не-будетъ вполне уничтожена продажа рабовъ,—а это совершенно невозможно въ странахъ мусульманскихъ,—до тѣхъ поръ нельзя прекратить и торговлю ими въ Африкѣ. Домашнее рабство въ Египтѣ, какъ мы знаемъ, не только не уменьшилось за послѣдніе годы, а напротивъ распространилось еще больше. Спросъ на рабовъ въ Аравіи, Персіи и Мадагаскарѣ далеко не убавился. Напротивъ, найденъ еще новый невольничій рынокъ на африканскомъ материкѣ,—въ Сомали, на мысѣ Гвардафуй. Это открытіе можетъ бросить истинный свѣтъ на безнадежность всѣхъ мѣропріятій противъ торговли рабами, потому что нѣтъ никакого средства прекратить ее на материкѣ между самими негритянскими народами. Въ то время года, когда для европейскихъ кораблей почти невозможно добраться до 2 и 3° с. ш. на африканскомъ берегу, торговля невольниками производится на открытомъ морѣ, направляясь къ Бравѣ и прибрежнымъ пунктамъ на сѣверъ отъ экватора. До сихъ поръ думали, что Брава есть мѣсто, въ которомъ рабы выгружаются въ концѣ муссона и остаются до начала слѣдующаго муссона, а затѣмъ перевозятся по Красному морю и Персидскому заливу. Однако, оказалось, что господствующая въ Сомали потребность въ этой торговлѣ въ дѣйствительности удовлетворяется въ Бравѣ, Меркѣ или Могодокѣ. Поэтому всѣ ограниченія ея англичанами въ Аравіи вовсе не пресѣкли потока этой торговли, а только дали ему другое направленіе. Уничтожая теперь невольничій рынокъ въ Занзибарѣ, они создали только другой торговый центръ, также основанный на невольничествѣ. Немногіе писатели, трактующіе объ этой торговлѣ людьми, смотрятъ на дѣло достаточно объективно, чтобы сообразить,

что она слѣдуетъ тѣмъ же законамъ, какъ и торговля всякими другими товарами: торговля невольниками будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока существуютъ спросъ и предложеніе. А чтобы они прекратились, нужно, какъ это только теперь начинаютъ понимать англичане, чтобы Африка вступила въ число цивилизованныхъ странъ. Цивилизоваться должны не только негры, но и всѣ окружающіе ихъ сосѣди. И если бы англичане со всею серіозностью принялись за дѣло просвѣщенія африканскихъ народовъ, то и тогда понадобилось бы еще много времени, чтобы слѣды ихъ цивилизаторской дѣятельности сдѣлались сколько вибудь замѣтными.

ГЛАВА XX.

Озерная область въ центрально-восточной Африкѣ.

Еще не такъ давно полагали, что Африка бѣдна водою, и не мало было удивленія, когда неутомимыя изслѣдованія за послѣднія десятилѣтія открыли постепенно, между экваторомъ на сѣверѣ и могучею рѣкою Замбезе на югѣ, такое скопленіе стоячихъ водъ, какъ то, по грандіозности, нѣтъ нигдѣ на нашей планетѣ, за исключеніемъ Сѣверной Америки. Смотри на карту, составленную соотвѣтственно состоянію нашихъ теперешнихъ познаній, мы замѣчаемъ прежде всего обширѣйшій водный бассейнъ—озеро Укереве, къ сѣверозападу отъ ней меньшее—Мвутанъ, къ югу же отъ послѣдняго удлинненное озеро Танганійка, совершенно окруженное вѣнкомъ крупныхъ и мелкихъ озеръ, изъ которыхъ наиболѣе бросаются въ глаза Бангвеоло—на ЮЗ. и Ніасса—на ЮВ. Мы рассмотримъ всѣ эти озера и находящіяся между ними страны на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій и подъ руководствомъ позднѣйшихъ путешественниковъ,—тѣмъ болѣе, что нѣтъ на землѣ ни одной страны, которая бы, съ географической точки зрѣнія, была интереснѣе этой обширной озерной области, заключающей въ себѣ источники двухъ величайшихъ рѣкъ Африки—Нила и Конго. Взявъ себѣ въ путеводители командора Камерона, который не позднѣе 1875 года совершилъ огромное путешествіе поперекъ африканскаго материка отъ берега Суахели въ Бенгуэлу, а затѣмъ американца Генри Стэнли, мы направимся съ ними изъ Занзибара во внутренность страны и ознакомимся съ тѣми проблемами, которыя такъ долго занимали, и отчасти занимаютъ еще и теперь, географію центральной Африки. Только пройдя такимъ образомъ материкъ и достигнувъ западнаго берега, мы можемъ обратиться къ южной Африкѣ, расположенной къ югу отъ Замбезе.

Водопадъ Мурисона.

полюс и фантом

Сѣверныя озера.

Капитанъ Ричардъ Буртонъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ завоевателей на пользу науки еще дѣвственной африканской почвы, раздѣляетъ страну между восточнымъ берегомъ материка и открытымъ имъ самимъ озеромъ Танганйика на пять областей. Первая область, около 130—150 килом. шириною,—береговая полоса, простирающаяся до горъ Узагара, возвышенной страны, имѣющей такое же отношеніе къ восточной Африкѣ, какое имѣютъ Гаттскія горы къ Индіи. Вторая область обнимаетъ самія горы Узагара. Къ ней примыкаетъ третья область—плоскогорье, простирающееся отъ западной подошвы горъ Узагара до Туры, со стороны Угого, и ширина котораго составляетъ приблизительно 220 килом. Эта тощая, сухая и безплодная страна лежитъ на подвѣтренной сторонѣ горной цѣпи, высота которой задерживаетъ влажный юговосточный пассатъ, а съ другой стороны далеко удалена отъ внутренней озерной области, служащей резервуаромъ для уравниенія въ атмосферѣ влажности. Четвертая область обнимаетъ холмистую столовую возвышенность Униамуэзи и Увинзы, шириною также въ 220 килом., простирающуюся до восточнаго берега рѣки Малагарацци, верхнее теченіе которой еще не вполне извѣстно. Здѣсь, по выраженію Буртона, садъ тропической Африки. Наносная долина Малагарацци до озера Танганйики, въ 150 кил. длиною, образуетъ пятую область. Здѣсь вступаемъ мы въ область семи языковъ, простирающуюся къ сѣверу за Нильскія озера и въ страну Галла, а къ западу—до неизвѣстныхъ еще предѣловъ. Считаемо полезнымъ обратить вниманіе на особенность этой области языковъ, которая, вслѣдствіе того, что часто проявляется въ географическихъ названіяхъ, имѣетъ важное значеніе. Приставки *У*, *Ва* и *М* обозначаютъ у всѣхъ этихъ народовъ страну, ея жителей и отдѣльное лицо: такъ, Угого—обозначаетъ страну, Вагого—ея жителей и Мгого—каждаго отдѣльнаго жителя.

Почти всѣ изслѣдователи восточной части центральной Африки, въ томъ числѣ и командоръ, тогда лейтенантъ Камеронъ, начинали еще свои путешествія съ города Багамои, расположеннаго напротивъ острова Занзибара и на небольшомъ разстояніи къ Ю. отъ устья рѣки Кингани. Килом. въ 48 къ сѣверу отъ Багамои, при небольшой гавани Вимбо изливается рѣка Ваи, которая, по словамъ американца Генри Стэнли, должно быть судохода для легкихъ пароходовъ до городка Мбуми, расположеннаго приблизительно въ 300 кил. отъ устья.

Изъ Багамои внутрь страны можно направиться нѣсколькими путями. Буртонъ и Спикъ въ 1857—1858 г. прошли первую береговую полосу чрезъ Кидунду и Зунгомеро вдоль по Кингани и достигли возвышенныхъ мѣстностей Узагары и Угого, гдѣ уже встрѣтили муху цеце, укушеніе которой смертельно для скота. Стэнли же, отправляясь въ 1871 на поиски за знаменитымъ, пропавшимъ тогда безъ вѣсти, миссіонеромъ Давидомъ Ливинг-

стономъ, перешелъ Кингани въ совершенно новомъ мѣстѣ и открылъ торный путь отъ этой рѣки къ горамъ Узагара чрезъ Розако, гдѣ фizioномія почвы замѣтно измѣняется уже въ незначительномъ разстояніи отъ морскаго берега. Камеронъ и его экспедиція, ходившіе на помощь тому же Ливингстону, пошли между дорогою Станлей и путемъ вдоль Кингани, чрезъ открытую паркоподобную страну и полосами джунглей и лѣсныхъ деревьевъ, между которыми часто попадались слѣды дикихъ звѣрей. На пути не было ни одной деревни, и черезъ три дня его люди стали жаловаться на недостатокъ провизіи. До Мзуваха мѣстность походила на пройденную, но отсюда она начинала подыматься. Отъ рѣки Макавы до горъ Узагары дорога было ровная и, за исключеніемъ нѣсколькихъ болотъ, хороша. Узагару пересѣкаютъ двѣ главныя горныя цѣпи—Мукондоква на С. и Кирингавана на Ю. Буртонъ пересѣкалъ черезъ послѣднюю, Станлей же направился черезъ сѣверный рядъ высотъ и взобрался на одну изъ западныхъ горъ Узагары, съ вершины которой любовался восхитительнымъ зрѣлищемъ окрестностей. Камеронъ описываетъ страну слѣдующими словами: «Путь намъ шелъ чрезъ Узагарскія горы, съ холма на холмъ, по скользкой кварцевой и гранитной поверхности. Но высоты эти, несмотря на свой скалистый характеръ, доверху покрыты лѣсомъ—большею частью акаціями. Въ углубленіяхъ мы находили воду, а въ ущельяхъ подымались великолѣпныя верхушки мпарамузи, самыхъ великолѣпныхъ деревьевъ на свѣтѣ. Гладкій стволъ ихъ достигаетъ отъ 50 до 70 метровъ высоты, безъ всякаго изгиба или неровности, и увѣнчанъ роскошною зеленою листвою. Когда туземцы желаютъ выразить что нибудь превосходящее ихъ силы, то произносятъ поговорку: «я взбирался уже на многія деревья, а на мпарамузи взобраться не могу». Перейдя первый рядъ горъ, мы достигли прохода, въ которомъ шумѣла Мукондоква. Мы должны были расположиться на такомъ крутомъ склонѣ, что чувствовали себя какъ на крышѣ. На другой день мы перешли бурную рѣку глубиною по колѣно и шириною въ 8 метр., направляясь къ старой деревнѣ Кадетамарѣ, затѣмъ прошли роскошныя поля мтамы и кафрекаго хлѣба, стебли коихъ достигали 5—6 м. высоты. Послѣ того дорога шла снова по правому берегу Мукондоквы, представляя опасную, крутую, скалистую тропинку, на которой поскользнуться—значило обрушиться въ пѣнящуюся рѣку. Холмы состояли большею частію изъ гранита, но попадавшіяся мѣстами массы краснаго песчаника составляли красивый контрастъ съ зеленою деревьевъ, вьющихся растений и темною окраскою выѣтривагося гранита. Намъ пришлось переправляться черезъ рѣку еще два раза, пока мы дошли до озера Угомбо, на которомъ живетъ множество бегемотовъ и водяныхъ птицъ. На двухъ длинныхъ переходахъ до Мивава воды совсѣмъ нѣтъ. На второй день мы пришли къ песчаному руслу Мивава, въ которомъ мы встрѣчали мѣстами ямы, наполненныя водою. Страна, расположенная на склонахъ цѣпи холмовъ и хорошо орошенная рѣкою Мивава, весьма изобильна, но все-таки провизія въ ней была очень дорога, потому что ближайшія деревни были жестоко ограблены разбойничьимъ горнымъ племенемъ вадириго. Вадириго красивы и мужественны на видъ; они носятъ большой щитъ изъ бычьей кожи и тяжелое копье. Они ходятъ по деревнямъ, какъ существа высшей породы, и хладнокровно объявляютъ, какія именно произведенія земли и стада должны поступить въ ихъ распоряженіе. Страна Мивава—очень хорошее мѣсто стоянки, такъ какъ лежитъ между озеромъ Угомбо и пусты-

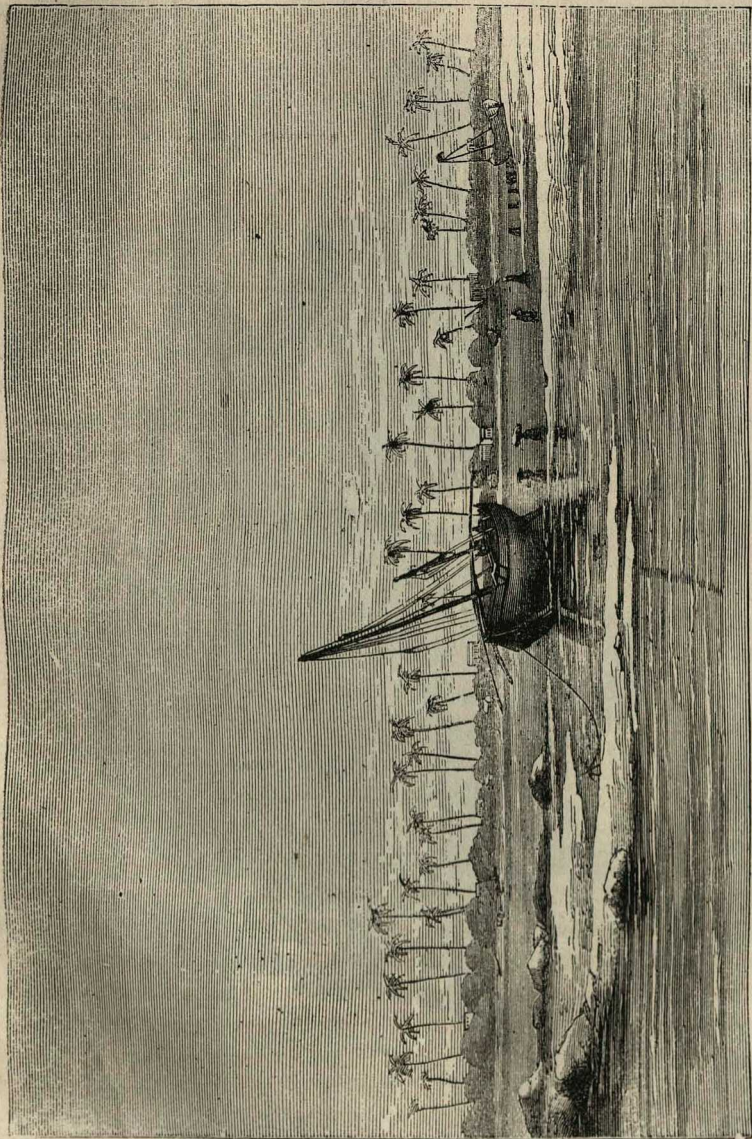
ней Маренга-Мкали. Маренга-Мкали — пустынная равнина, простирающаяся отъ Узагарскихъ горъ до восточной границы Угого и усыпанная множествомъ небольшихъ гранитныхъ холмовъ, изъ которыхъ многіе имѣютъ коническую форму. На ней есть множество руселъ, наполняющихся водою въ дождливое время, и, по убѣжденію Камерона, въ нихъ всегда подъ землею можно найти воду. Жители Угого—вагого—ужасные крикуны, забіяки и въ то же время трусы, какъ полагаетъ Камеронъ, вопреки взглядамъ другихъ африканскихъ путешественниковъ. Ихъ жалкія хижины окружаютъ открытое пространство, куда загоняются на ночь стада рогатаго скота, причемъ козы, овцы и птицы раздѣляютъ со своими хозяевами внутренность ихъ жилищъ. Дѣти у вагого, кажется, такъ-же многочисленны, какъ песокъ морской. Земля даетъ здѣсь необходимые жизненные продукты только при усиленной обработкѣ, и туземцы приводятъ и заманиваютъ къ себѣ рабовъ. Предводители, какъ и самые низшіе члены племени, должны поочередно пасти скотъ, и привилегіи, которыми они пользуются, состоятъ только въ томъ, что они имѣютъ больше женъ и могутъ напиваться чаще, чѣмъ ихъ подданные. Оружіе ихъ составляютъ луки, стрѣлы и копья, а въ восточныхъ частяхъ страны употребляются еще кожаные щиты, покрашенные въ бѣлый и красный цвѣта; уши у нихъ прокалываются, и мочки часто вытягиваются такъ, что касаются плеча. Они носятъ въ нихъ тыквы, табакерки и самые разнообразные предметы. Волосы они убираютъ некрасиво и фантастически.

Мы оставимъ пока Камерона въ Мпвалѣ и отправимся вмѣстѣ съ Генри Стэнли къ сѣвернымъ озерамъ. Этотъ предприимчивый американецъ достигъ западной границы Угого въ послѣдніе дни 1874 года и пошелъ оттуда вдоль почти совершенно плоской равнины, простирающейся, вѣроятно, до самаго Укереве, держась западной границы Дергумбы. Черезъ два дня пути къ сѣверу, Стэнли и его спутники достигли границы страны Узандави, знаменитой своими слонами; здѣсь дорога поворотала къ СЗ., и они достигли сѣверовосточнаго конца Укимбу, или Уйанди. Послѣ усиленныхъ переходовъ черезъ чащу молочаевъ и колючихъ акацій, а затѣмъ чрезъ обширную равнину, они пришли въ округъ Суна въ Уримби. Здѣсь живетъ народъ, замѣчательный своею мужественною красотою, благородными пропорціями тѣла и совершенною наготою. При всемъ своемъ физической состоятельности и красивомъ тѣлосложеніи, это — были самые недовѣрчивые люди, какихъ только доводилось видѣть Стэнли. У нихъ не было никакого предводителя, но они уважали распоряженія старшихъ. Слѣдующая стоянка Чивинъ находилась при подошвѣ водораздѣла, съ котораго текутъ новорожденные воды къ Нилу. При деревнѣ Виниата они перешли рѣку, принимающую въ себѣ всѣ ручьи между Чивиномъ и Виниатой. Она называется Ливумбу и течетъ изъ этой долины къ западу. Даже во сухое время она бываетъ значительною рѣкою — въ 6—7 м. ширины и 1 метръ глубины, въ дождливое же время года становится глубока и опасна. На пути между Мгонго-Тембо въ Ирамбѣ и Укереве или Викторію-Ниаза Стэнли пережилъ разнообразныя приключенія. Онъ и его спутники прошли Узукуму во всю ея длину чрезъ области Момбити, Узиха, Мондо, Сенгерема и Маріія и, послѣ перехода въ 1150 кил., 27 февраля 1875 достигли озера Укереве.

Такъ какъ вся страна отъ западнаго Угого является совершенно

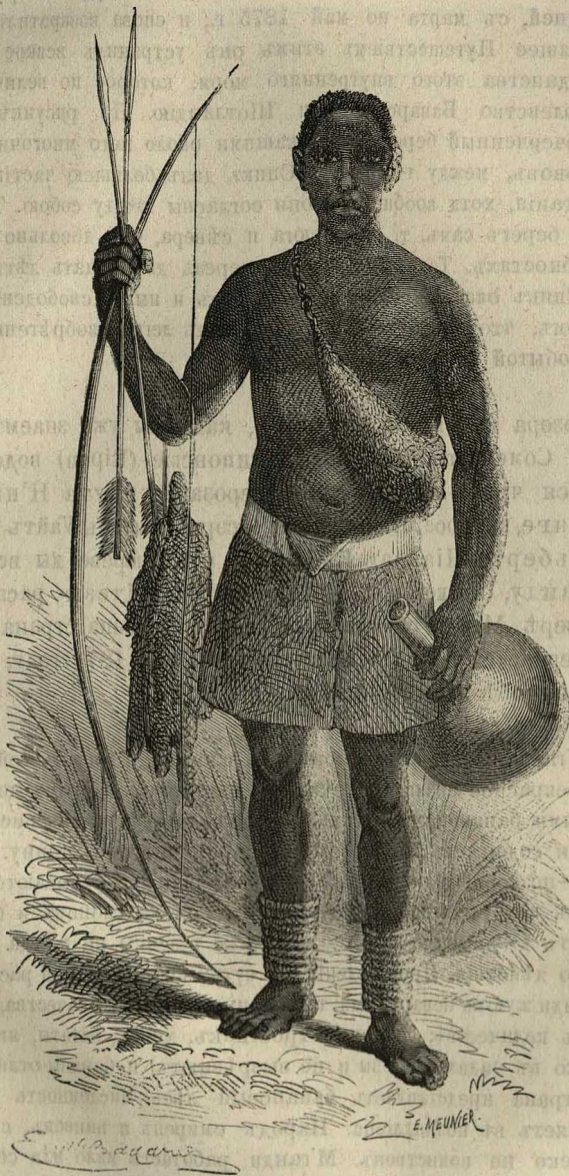
новою, то написанныя Стэнли записки о ней въ высшей степени интересны. Къ сѣверу отъ Мизанзы до границы Узандави, т. е. на пространствѣ 56 килом., тянется плоская равнина. Въ Мукондоку высота доходила до 850 метровъ, а въ Мтиві, на 320 километровъ къ сѣверу, до 861 метра. Къ западу и сѣверозападу отсюда вы поднимаетесь какъ бы по скату длиннаго горнаго вала, но, по прибытіи на высоту его, предъ вами открывается обширное, покрытое лѣсомъ плоскогорье. На восточномъ краю это плоскогорье имѣетъ 1160 м. высоты, а на западномъ возвышается до 1370 метровъ. Оно занимаетъ всю Уйанзи, Уніаніембе, Узукуму, Урими и Ирамбу, однимъ словомъ—всю часть центральной Африки между долиною Руфиджи на югѣ и Викторія-Ніанза—на сѣверѣ; среднюю высоту этого обширнаго плоскогорья можно опредѣлить не менѣе какъ въ 1070 метровъ. Разстояніе отъ Мизанзы до Ніанзы составляетъ около 540 километровъ, но барометръ-анероидъ во все это длинное путешествіе не показывалъ болѣе 1550 метровъ высоты надъ моремъ. Отъ восточнаго края до Урими плоскогорье густо покрыто акаціями, которыя густотою своею заглушаютъ всякую другую растительность. Только тамъ и сямъ въ расщелинѣ скалы виднѣлись исполинскіе молочаи, какъ единственные властители этихъ безплодныхъ пространствъ. Растительный перегной покрываетъ поверхность земли тонкимъ слоемъ и обильно перемѣшанъ съ пескомъ и валунами голаго камня, которые покрываютъ всякій бугоръ, всякій холмъ и служатъ яснымъ доказательствомъ силы періодическихъ дождей. Въ центрѣ Урими Нилъ получаетъ первую свою дань изъ экваторіальной Африки. Если провести на картѣ линію по широтѣ Уджиджи на Танганійкѣ къ востоку до 35° вост. долг., то линія эта укажетъ на источники самаго южнаго притока Укереве—Ливумбу; въ Ирамбѣ же, между Мгонго-Тембо и Момбити,—на равнину Лумамберри, которая прежде была вѣроятно рукавомъ моря. Въ Узукумѣ Ливумбу принимаетъ названіе Монанга. Въ дальнѣйшемъ теченіи, на 170 километровъ ниже, она перемѣняетъ свое названіе на Шиміу (Шимееу) и подъ этимъ именемъ изливается въ Укереве, къ востоку отъ гавани Кагей. Шиміу имѣетъ приблизительно 560 километровъ длины. Пробравшись сквозь лѣсъ и чащу на западѣ Лумамберри, мы приходимъ въ густонаселенную и богатую скотомъ страну Узукуму. Она состоитъ изъ ряда волнистыхъ равнинъ, на которыхъ мѣстами, на дальнихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, возвышаются зубчатые холмы горной цѣпи. Спускъ къ озеру совершенно отлогъ. (Petermann's geograph. Mittheil. Декабрь, 1875, стр. 455).

По измѣреніямъ Стэнли, озеро Укереве лежитъ на высотѣ 1160,5 мил. надъ уровнемъ моря. Оно было открыто 30 іюля 1858 нынѣ покойнымъ капитаномъ Джономъ Геннингомъ Спикомъ и объявлено главнымъ источникомъ Нила. Распространенный въ Англіи дурной обычай наполнять географическія карты именами Альберта и Викторіи, соблазнилъ также Спика перемѣнить хорошее мѣстное названіе Укереве на Викторія-Ніанза (Ніанза

Видъ Багамоу.

означаетъ озеро). Предпринявъ второе путешествіе (1859—1863) съ капитаномъ Джемсомъ Августомъ Грантомъ, Спикъ пытался доказать связь этого озера съ Ниломъ, но это ему удалось не исполнѣ, почему предположе-

Житель Узинзы.

ніе его встрѣтило столько же послѣдователей, сколько и противниковъ. Въ особенности опаснымъ противникомъ выступилъ прежній его спутникъ, капитанъ Ричардъ Буртонъ, который старался лишить открытіе озера

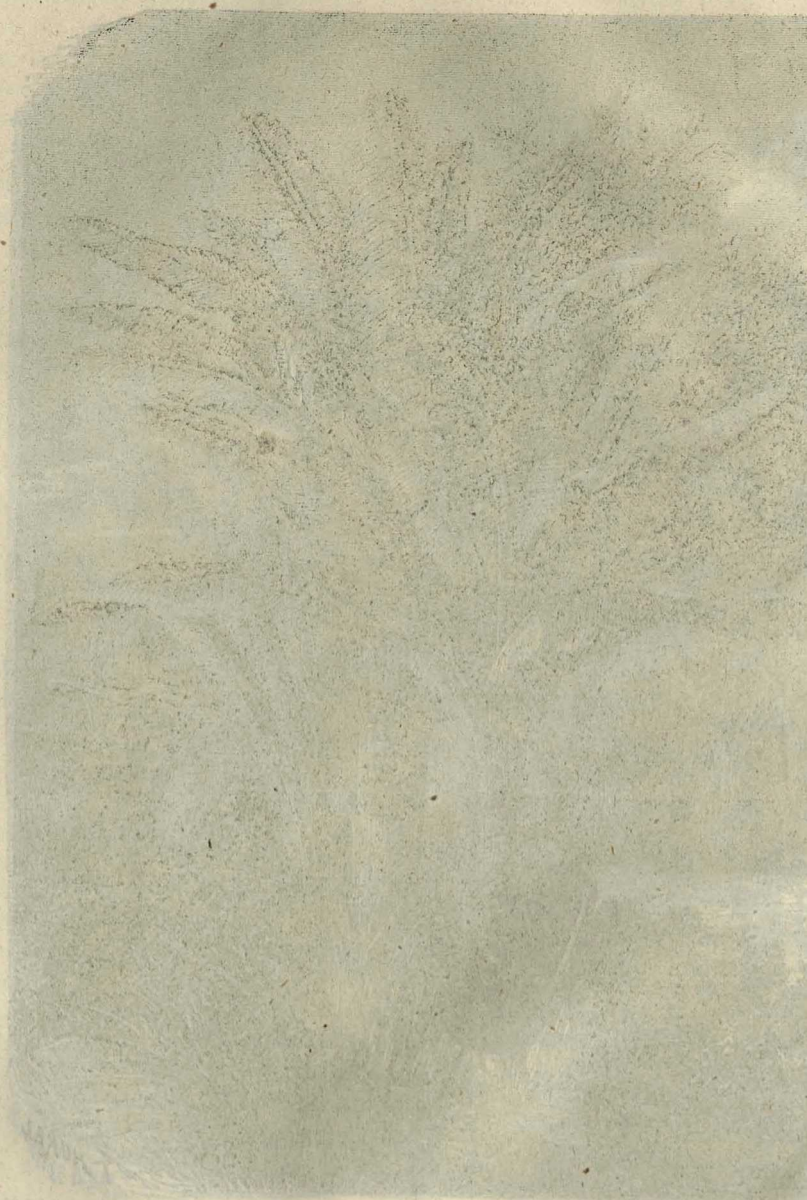
Викторія всякаго значенія, поставить на его мѣсто группу мелкихъ озеръ и доказать, что главный источникъ Нила есть Танганійка. (R. F. Burton и J. Macqueen. The Nile Basin. London. 1864). Стэнли оставалось только вполне подтвердить данныя Спика, и онъ объѣхалъ на суднѣ вокругъ всего озера въ 80 дней, съ марта по май 1875 г., и снова возвратилъ ему его названіе. настоящее Путешествіемъ этимъ онъ устранилъ всякое сомнѣніе относительно единства этого внутренняго моря, которое по величинѣ превосходитъ королевство Баварское или Шотландію. На рисункѣ Стэнли показалъ ясно очерченный берегъ съ лежащими около него многочисленными группами острововъ, между тѣмъ какъ Спикъ далъ большею частію неопредѣленные очертанія, хотя вообще оба они согласны между собою. Тамъ, гдѣ Спикъ видѣлъ берегъ самъ, т. е. съ юга и сѣвера, они довольно согласны даже въ подробностяхъ. Такимъ образомъ, черезъ двѣнадцать лѣтъ открывшій Укереве Спикъ оказался совершенно правъ и нынѣ свободенъ отъ подозрѣній въ томъ, что онъ будто бы представилъ легко изобрѣтенную фантазію вмѣсто добытой трудомъ истины.

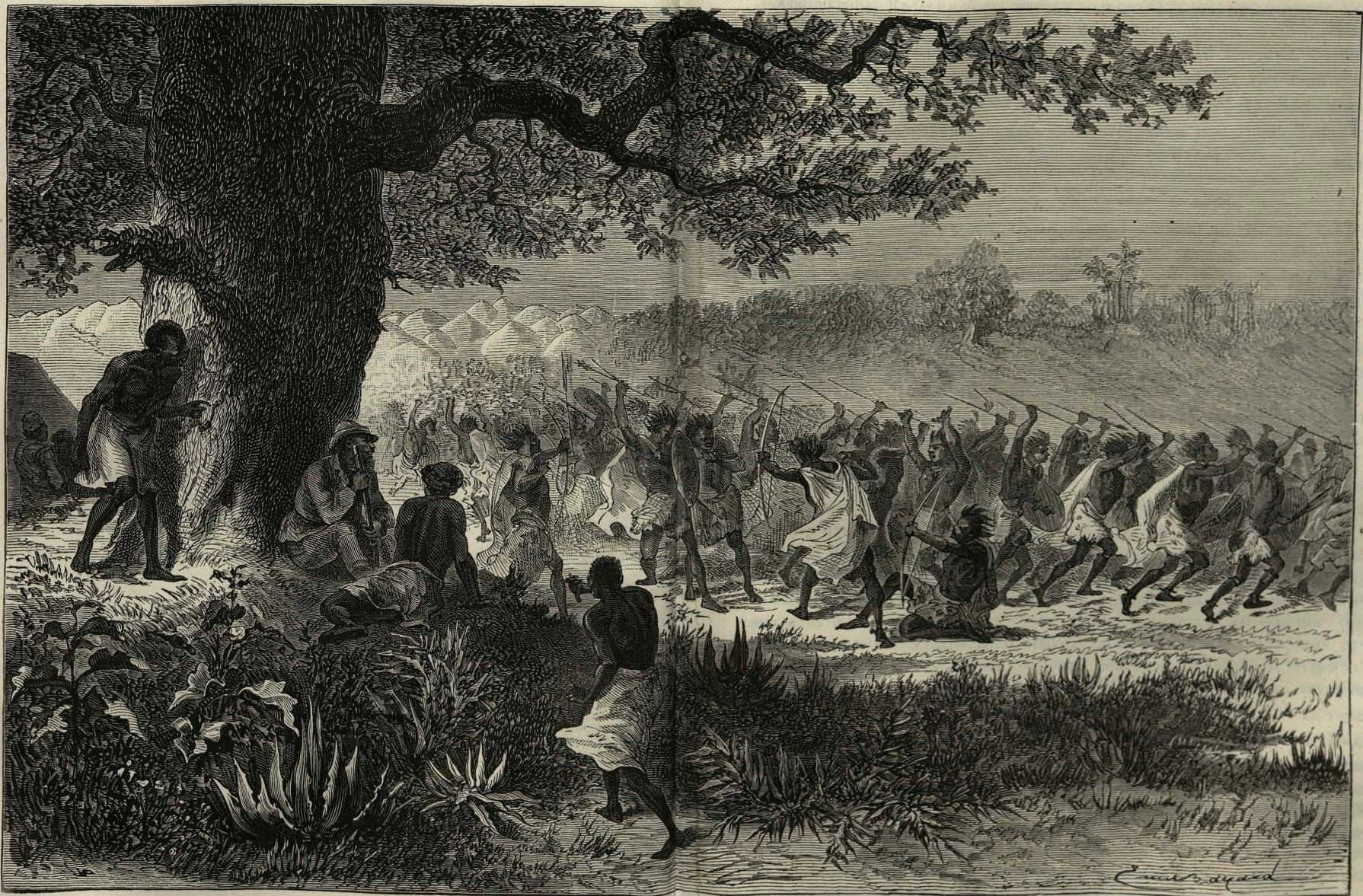
Изъ этого озера вытекаетъ на сѣверѣ, какъ мы уже знаемъ, Ниль-Викторія, или Сомерсетъ, образующій Рипонскіе (Ripon) водопады и направляющійся чрезъ лежащее къ сѣверозападу Лута Н'циге, или Мвутанъ-Нциге, которое открывшій его сэръ Самуэль Уайтъ Бэкеръ прозвалъ «Альбертъ-Ніанза». Къ сѣверу отъ Укерева мы вступаемъ въ страну Уганду, въ которой столица короля Мтезы расположена при самомъ озерѣ. Между обоими озерами расположена страна Уніоро. Путешествіе египетскаго полковника Лонга, въ 1874 году, пролило новый свѣтъ на обѣ эти страны.

Холмистая Уганда, въ противоположность плоской и болотистой Уніоро, производитъ прекрасное впечатлѣніе своими широкими, чистыми дорогами и густо-населенными банановыми лѣсами. Уганда гориста и живописна, почва ея плодородна и содержитъ желѣзо, хрусталь и горшечную глину. Климатъ для европейца—нездоровый и расслабляющій. Долины перерѣзываются болотами и топами, въ которыхъ наслаждаются цѣлыя стада слоновъ и буйволовъ. Здѣсь царствуетъ джунглевая лихорадка, и даже туземцы не всегда избѣгаютъ ея смертельнаго дѣйствія. Произведенія ея суть: кофе, который растетъ дико и который м'ганди жуютъ неваренный; табакъ превосходнаго качества, разводится въ большомъ количествѣ; сахарный тростникъ, манисъ, бататы, ямсъ, бобы, гранаты (только въ садахъ Мтезы и не вызрѣваютъ) и бананы отличнаго качества; вся страна представляетъ банановый лѣсъ. Численность населенія Лонгъ опредѣляетъ въ полмилліона. Народъ смиренъ и наивенъ, суевѣренъ, пугливъ и далеко не воинственъ. М'ганди работаетъ мало или совсѣмъ не работаетъ,—трубка и мелисса составляютъ для него верхъ блаженства. М'теза у нихъ—неограниченный властелинъ. Шесть лѣтъ тому назадъ онъ принялъ исламъ, занесенный въ страну нѣсколькими занзибарскими купцами; но обряды его здѣсь мало извѣстны. Нѣкоторые люди носятъ дощечки съ выписками изреченій изъ корана на арабскомъ языкѣ, и земляки ихъ смотрятъ на обладателей этихъ дощечекъ съ какимъ-то благоговѣніемъ. Въ честь

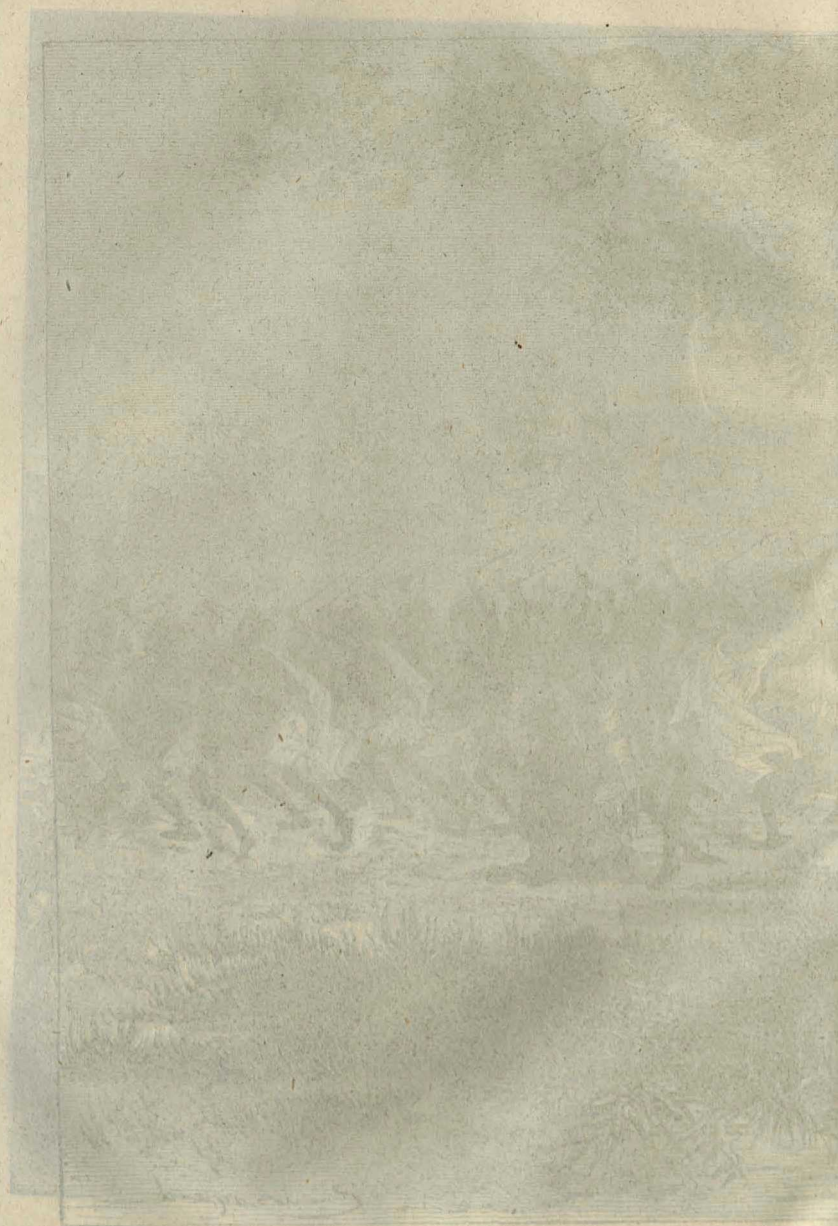

Хижини піам-піамовъ.

Племя вугго въ бою.

Лонга, при первомъ его посѣщеніи двора, было обезглавлено 30, а при кажда- домъ изъ послѣдующихъ—отъ 8 до 10 подданныхъ короля М'тезы. Совершенно такіе же варварскіе нравы господствуютъ и въ сосѣдней Уніоро.

Около горы Кабуги возвышается водораздѣлъ въ 1680 метровъ, между озерами Укереве и Мвутаномъ, ибо къ востоку отъ этого хребта течетъ Катонга—въ Укереве, а къ западу Рузанго—въ Мвутанъ. Съ востока къ послѣднему прилегаютъ плоскогорья въ 300 м. Глубокій заливъ озера, Беатриче, образуется выступающимъ въ него съ ЮЗ. мысомъ Узонгора, а восточный берегъ его—странами Ирангара, Уніампака, Бухужу и Упороро, береговая линія которыхъ падетъ почти въ югозападномъ направленіи.

Между Упороро и Узонгоро расположены острова, занимаемые морскимъ государствомъ Утумби. Къ западу отъ Узонгоры, на западномъ берегу Мвутана, лежитъ земля Уконжу, населенная, какъ говорятъ, лѣдоѣдами. Къ сѣверу отъ Уконжу расположена большая земля Улегга (по Бэкеру, Малегга). На восточномъ берегу озера мы находимъ страну Руанду, простирающуюся къ В. до Упороро, къ З. до Укнжо и занимающую все южное и юго-восточное побережье Мвутана. Къ С. отъ Уніампаки, на восточной сторонѣ, лежитъ Ирангара, а къ С. отъ Ирангары—округъ Торо. Уніоро занимаетъ всю восточную сторону отъ водопада Мурчисона на Нилѣ-Викторіи до Упороро, ибо Уніампака, Торо, Бугужу и Ирангара суть просто округа Уніоро. Большой мысъ Узонгора представляетъ обширное соляное поле, откуда получаютъ соль всѣ сосѣднія земли; на немъ, какъ говорятъ, есть гора, извергающая огонь и камни; соляное озеро значительныхъ размѣровъ, нѣсколько холмовъ изъ каменной соли, большая равнина, густо покрытая солью и щелочью, и т. д. Туземцы отличаются длинными ногами и очень храбры; у нихъ есть порода чрезвычайно дикихъ собакъ. Они живутъ совершенно замкнуто и никогда не брачуются съ чужеземцами; единственная пища ихъ—молоко, поэтому они и имѣютъ огромныя стада скота. Этими свѣдѣніями мы обязаны также Стэнли, который 1 января 1876 проходилъ со своими спутниками изъ Уганды къ Мвутану. Этотъ второй озерный источникъ Нила былъ открытъ, 1 марта 1864, Самуэлемъ Бэкеромъ, уже послѣ того какъ Спикъ, открывшій Укереве, описалъ его въ 1862 г. подъ именемъ Лута Н'диге. Но его настоящее имя—Мвутанъ Н'диге; высота его равняется 829 м. надъ пов. м. Бэкеръ считалъ озеро безконечно большимъ, даже больше, чѣмъ Укереве, и полагалъ что оно простирается далеко южнѣ экватора и состоитъ въ прямой связи съ озеромъ Танганйика. Въ такомъ случаѣ истиннымъ источникомъ Нила слѣдовало бы считать послѣднее. Но конецъ всѣмъ сомнѣніямъ положилъ итальянецъ Ромоло Гесси своимъ плаваніемъ по Мвутану. 8 марта 1876 онъ выступилъ изъ тѣнины на Бахрѣ-эль-Джебелъ, поднялся вверхъ по судоходному, какъ сообщалъ уже Бэкеръ, Нилу, проплылъ его весь, даже по неизвѣстнымъ еще до него частямъ Нила—до самаго озера Мвутана, вступилъ въ послѣднее и 31 марта прибылъ въ Магунго. Хотя Гесси не могъ объѣхать водою все озеро, но опредѣлилъ длину его въ 239 кил. и ширину въ 96 кил. Главнымъ результатомъ этой экспедиціи является теперь уже окончательно

установленная связь Бѣлаго Нила съ озеромъ Мвутаномъ; а по вышеприведеннымъ даннымъ о величинѣ его, озеро не должно простирается къ югу дальше перваго градуса сѣверной широты, слѣдовательно не должно имѣть болѣе трети придаваемой ему Бэкеромъ величины. И если оно составляетъ дѣйствительный озерный источникъ Нила, а не просто скопленіе рѣчной воды, какъ то видно на картѣ Слика, то оно настолько меньше Укерева и Танганійки, что оправдываетъ первоначальное названіе Слика—«Малое» Лута Н'циге. (Ausland 1876, № 31, стр. 602.).

Западные озера.

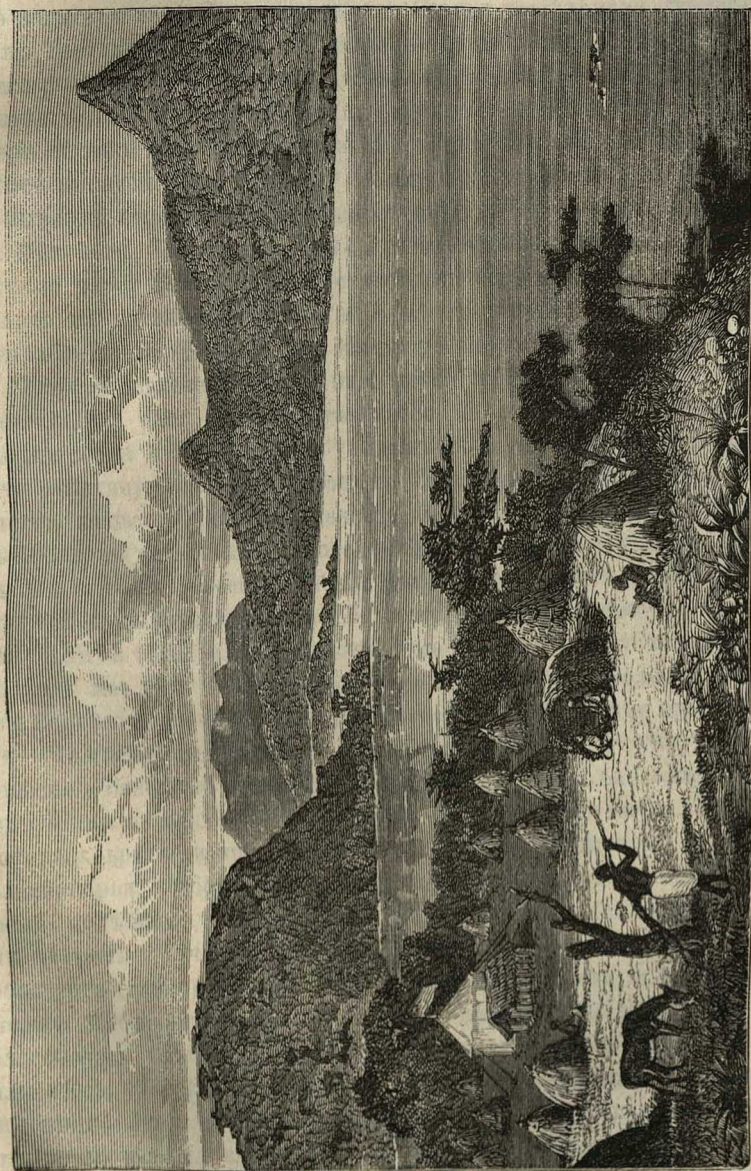
Мы возвращаемся снова къ бесплодной горной странѣ Угого, гдѣ мы покинули Камерона, для того чтобы слѣдовать къ сѣверу за Стэнли; теперь мы снова пойдемъ по слѣдамъ Камерона къ берегу Танганійки.

Камеронъ, какъ и Стэнли, направился въ Уніаніембѣ, чтобы отсюда двинуться къ западу; но изъ путешествія Камерона мы приведемъ лишь самое замѣчательное, и притомъ настолько, насколько пути обоихъ путешественниковъ не совпадаютъ и насколько они вносятъ интереснаго въ характеристику страны. Путь его шелъ сперва по равнинѣ, которая была частію обработана, частію покрыта кустарникомъ или представляла песчаную поверхность. Пройдя прекрасную, лѣсистую мѣстность, онъ прибылъ въ Каніеніе, или Великую Угого, которая простиралась вся между двумя цѣпями холмовъ. Равнина Каніеніе мѣстами покрыта слоемъ горькой натровой соли, которую туземцы продаютъ въ формѣ сахарныхъ головъ. На краю равнины, надъ крутою возвышенностью, начинается плоскогорье съ такимъ же основаніемъ и рядомъ скалистыхъ холмовъ, чрезъ которые можно достигнуть Узекѣ, гдѣ разбросаны гранитныя глыбы самой необычайной формы. Чрезъ густыя заросли добрался Камеронъ до ближайшей стоянки въ Коко, затѣмъ до плодородной долины Мдабура съ рѣчнымъ русломъ того же имени, которое въ дождливое время превращается въ бурную рѣку, а въ самое сухое представляетъ глубокія болота. Затѣмъ онъ прибылъ къ страшному Мгунда-Мкали, т. е. «огненному полю», на которомъ, впрочемъ, оказалось довольно много селеній племени вакимбу. Затѣмъ за Мабинггуру и однимъ притокомъ Рвахи, одной изъ двухъ главныхъ притоковъ, образующихъ Луфиджи, онъ проходилъ чрезъ скалистые холмы, полосы зарослей и гранитныя равнины, и прибылъ въ великолѣпную мѣстность. На половинѣ пути этого «огненного поля» англичане достигли Живѣ-ла-Синга и окружающихъ его селеній, обнесенныхъ неизбѣжными палисадами, затѣмъ снова вступили въ необитаемые лѣса, въ которыхъ были замѣчены слѣды жирафовъ и крупной дичи. При выходѣ изъ этой лѣсной глуши лежитъ Ургуру, затѣмъ путь ведетъ чрезъ дикія заросли, прерываемыя тамъ и сямъ луговыми пространствами, въ Уніаніембѣ—самое большое арабское поселеніе въ Африкѣ, гдѣ Камеронъ пробылъ цѣлый день, пока арабскія власти извѣщены были, согласно африканскому этикету, о его прибытіи. Число арабскихъ кушцовъ въ Уніаніембѣ—названіе цѣлой провинціи въ странѣ Уніамуэзи, или Лунной землѣ—простирается, вѣроятно, до 200. Всѣ арабы тамъ владѣютъ множествомъ рабовъ, какъ для

поски тяжестей, такъ и для хозяйственныхъ работъ. Болѣе бѣдные вамеримы и вазуахили не даютъ своимъ рабамъ никакой пищи, а велятъ ее воровать, почему необходимо ходить всегда съ оружіемъ.

Изъ Уніаніембѣ Камеронъ повернулъ въ обработанную область Угунду, а затѣмъ слѣдовалъ чрезъ почти безводную равнину до Соутъ-Нгомбѣ-Нулла. Здѣсь мѣстность была удивительно красива. Нгомбѣ, притокъ Малагарапи, на цѣлыя мили окаймленъ лѣсными холмами, рощами и деревьями. Отъ Нгомбѣ англійскій офицеръ шелъ чрезъ Угару, раздѣленную на три округа съ независимыми предводителями. Страна была когда-то хорошо обработана и густо населена, но большая часть туземцевъ или пала въ постоянныхъ войнахъ, или уведена въ рабство. Вся Угара, за исключеніемъ нѣсколькихъ холмовъ почти въ самомъ ея центрѣ, до самой западной границы, ровна, но необыкновенно плодородна. Отъ Шикুরаха, самаго южнаго пункта дороги, страна незаметно повышается, пока не обрывается круто около рѣки Мтумбо, берущей начало въ южномъ Утенди; здѣсь страна перерѣзана гранитными скалами, съ которыхъ съ шумомъ низвергаются горные ручьи. Въ Увендѣ мѣстность остается вообще гористою почти до рѣки Синде, принадлежащей также къ сѣтемѣ Малагарапи и образующей границу между Увендою и Увинцею. Горы, въ которыхъ нерѣдко появляются гранитныя стѣны значительной высоты, покрыты до вершинъ лѣсами, а самыя вершины населены туземцами Увенды, которые принуждены избѣгать равнинъ, дабы не попасть въ рабство арабамъ и вавинцамъ. Затѣмъ нужно было перерѣзывать въ лодкахъ самаго первобытнаго свойства рѣку Синди, а въ мѣстности, называемой Увинца, около Угага, и рѣку Малагарапи, — бурю и бурную, приближающуюся стремительно къ Танганійкѣ. Только люди не позволили перевозить ослонъ прежде чѣмъ «служитель фетишей не поколдовалъ». За Малагарапи пришлось проходить часть Увинцы, доставляющей соль, а затѣмъ безлюдную мѣстность, съ которой и показалось озеро Танганійка. Наконецъ, 22 января 1874, Камеронъ прибылъ въ главный городъ Кавеле, или Уджиджи, на самомъ озерѣ: онъ былъ пятый бѣлый человѣкъ, добравшійся до Танганійки. Предшественниками его были: Буртонъ, Спикъ, Ливингстонъ и Стэнли. Кавеле представляетъ почти совершенно арабское поселеніе. Люди, стоящіе въ торговыхъ связяхъ съ западомъ, пьютъ дома и разводятъ на своихъ земляхъ пшеницу, рисъ, лукъ и другія хорошія вещи. Камеронъ рѣшилъ объѣхать озеро кругомъ, такъ какъ слышалъ, что обойти его по направленію къ западу въ дождливое время невозможно. Географическое положеніе Уджиджи, по опредѣленію Камерона, приходится подъ $30^{\circ} 4' 30''$ в. д. отъ Гр. и $4^{\circ} 58' 3''$ ю. ш. Высоту Танганійки надъ поверхностью онъ опредѣлилъ въ 840 м. Эти опредѣленія Камерона подтверждаютъ вообще правильность измѣреній Спика и Ливингстона, но устанавливаютъ ихъ существенно точнѣе.

Танганійка, открытая Ричардомъ Буртономъ въ 1858, представляетъ громадный водный бассейнъ, простирающійся съ СЗ. на ЮВ., который, при относительно небольшой ширинѣ, тянется почти чрезъ 7 градусовъ широты. Что такая громадная масса воды должна имѣть въ какую нибудь сторону оттокъ, это слѣдовало предполагать напередъ но долгое время было неясно, гдѣ именно слѣдуетъ искать этого оттока. Буртонъ

Озеро и шикъ Угомбо.

и многіе другіе предполагали его при сѣверномъ концѣ озера, гдѣ буд-то бы должна вытекать изъ него рѣка Рузиджи. Эту Рузиджи представляли себѣ соединенною съ южнымъ Мвутаномъ, а слѣдовательно Танганійку считали самымъ южнымъ озернымъ источникомъ Нила. Но когда, въ 1871, Ливингстонъ со Стэнли изслѣдовали сѣверный конецъ Танганійки, то тамъ не оказалось предполагаемаго стока, а былъ замкнутый бассейнъ съ незначительными горными рѣками, какъ то представлялъ уже Спикъ. Рузиджи (или Лузизе) течетъ не изъ озера, а въ озеро. А такъ какъ Гесси показалъ, что въ Мвутанъ съ Ю. не изливается никакой рѣки, то связь между Мвутаномъ и Танганійкой уже не мыслима, и причисленіе послѣдняго озера къ системѣ Нила—невозможно. Наконецъ, Камеронъ въ 1874 сдѣлалъ чрезвычайно важное открытіе, именно что у Танганійки дѣйствительно есть оттокъ — Лукуга, но только съ западной стороны, и притомъ принадлежащій къ системѣ Луалаба-Конго. (*Geographical Magazine*, мартъ 1875, стр. 71—73.)

Если мы взглянемъ теперь на строеніе внутренней Африки къ З. отъ Танганійки, какъ оно представляется по новѣйшимъ изслѣдованіямъ Ливингстона и Камерона, то увидимъ въ крупныхъ чертахъ слѣдующую картину. Упомянутый оттокъ Танганійки, Лукуга, стремится въ слегка юговосточномъ направленіи къ большой рѣкѣ, которая течетъ съ Ю., и съ того мѣста гдѣ соединяется съ нею, носитъ названіе Лувва. Въ верхнемъ своемъ теченіи рѣка эта протекаетъ два озера, Моэро (914 надъ уровнемъ моря) и значительно меньшее — Бангвеоло, или Вемба (1124 м.), на болотистомъ южномъ берегу котораго скончался 1 мая 1873 Давидъ Ливингстонъ. Еще больше болотъ къ востоку отъ Бангвеоло, который здѣсь принимаетъ въ себя между прочими рѣками — Чамбези, стекающую съ горъ Урунгу. Горы Урунгу отдѣляютъ бассейнъ Бангвеоло отъ лежащаго къ СВ. отъ него бассейна Танганійки; съ юга обходятъ Бангвеоло горы Локинга, Мушинга или Баби за, которыя, врядъ-ли превышая 2000 м., могуче вздымаются, однакоже, на плоскогорья, подобно альпійской цѣпи, такимъ внезапнымъ, и крутымъ подъемомъ, что сосѣднія цѣпи кажутся лишь незначительными холмами. Тучи нерѣдко закутываютъ ихъ вершины, рядъ которыхъ образуетъ главный водораздѣлъ центральной Африки, т. е. водораздѣлъ между бассейномъ исполинской южно-африканской рѣки Замбези и бассейномъ Бангвеоло. Будемъ-ли считать Чамбези истокомъ Луввы или нѣтъ, во всякомъ случаѣ за Бангвеоло сохраняется роль озернаго источника Луввы, которая оставляетъ озеро въ западномъ его концѣ, но до изліянія своего въ Моэро носитъ названіе Луалуи. На правомъ берегу этой рѣки, недалеко отъ Моэро, расположена резиденція Казембе, въ царствѣ котораго слѣдуетъ искать обильнаго источника торговли рабами и центра настоящаго африканскаго варварства. Но часто упоминаемая страна Казембы — дѣтище и вассальное государство Муаты-Яанво, или Молуа, обширныя земли котораго

простираются еще дальше къ З. по источникамъ и притокамъ Кассабиди, недавно присоединено къ маленькому царству арабскихъ торговцевъ изъ Унианмуэзи, причемъ самъ Казембе былъ убитъ. Ниже устья Лукуги, Лувва вскорѣ соединяется съ новою рѣкою, текущею съ ЮЗ., именно Луалабою или Каморондо (Камолондо), которая точно также, какъ и Лувва, протекаетъ рядъ озеръ. Направляясь съ Ю., она сперва протекаетъ озеро Лохемба, затѣмъ поворачиваетъ къ СВ.—къ озеру Кассали, или Киконджѣ (533 м. надъ уровнемъ моря), по ту сторону его образуетъ еще третье, нѣсколько меньшее озеро по имени Ковамба, принимаетъ въ себя съ ЮЮВ. Луфиру и, до соединенія своего съ Луввою, протекаетъ еще цѣлый рядъ мелкихъ озеръ. Но едва успѣвъ слиться, вся соединенная масса воды снова вливается въ значительное озеро, простирающееся приблизительно между 27 и 28° в. д. отъ Гр., именно въ озеро Ланджиди, изъ котораго рѣка выходитъ также подъ названіемъ Луалабы, но только за тѣмъ, чтобы, переѣхавъ свое теченіе въ странѣ Маніуэма съ сѣвернаго на западное и принявъ въ себя различныя притоки, изъ которыхъ самый значительный, Ломани, течетъ съ юга, снова излиться въ большое озеро Санкорру, которое открыто Камерономъ, но не видано еще ни однимъ европейцемъ. Тутъ пока оканчиваются наши познанія о гидрографической системѣ центральной Африки; но многое уже говоритъ за то, что Санкорра, въ которую съ юга, вѣроятно, изливаются еще двѣ большія рѣки, имѣетъ западный оттокъ, и что оттокъ этотъ есть ничто иное какъ Конго, текущая къ западно-африканскому берегу, въ Атлантическій океанъ. Нельзя сказать, чтобы это давно искомое разрѣшеніе задачи объ источникахъ Нила и Конго было внѣ всякаго сомнѣнія, но, во всякомъ случаѣ, оно до такой степени вѣроятно, что врядъ-ли можно сомнѣваться въ существованіи связи Луалабы съ Конго. Въ такомъ случаѣ намъ слѣдуетъ смотрѣть на названныя западныя озера, какъ на источники системы Конго, къ которой принадлежит и огромное озеро Танганьика.

Вышеприведенное положеніе основывается на результатахъ Камеронова путешествія, дальнѣйшій ходъ котораго отъ Уджиджи на Танганьикѣ намъ и слѣдуетъ изложить теперь. Изъ Уджиджи онъ направился поперекъ озера въ Казенгѣ, а оттуда черезъ Нянгвѣ въ Маніуэма—въ столицу Уруа, переходя множество рѣкъ, изливающихся въ Лукугу въ южномъ направленіи. Населеніе Угугги отличалось убранными со вкусомъ волосами, и одежда у него была не такая жалкая, какую онъ видалъ въ дальнѣйшемъ путешествіи. Между большимъ государствомъ Уруа, къ которому принадлежитъ Угугга, и Маніуэмою онъ встрѣтилъ нѣсколько мелкихъ племенъ, у которыхъ во всякой деревнѣ есть независимый глава. За горами Вамбаррэ путешественникъ нашелъ страну съ совершенно новымъ характеромъ. Хижинъ были соединены въ длинныя улицы съ рядами масляныхъ пальмъ. Женщины носили чрезвычайно странныя прически—въ родѣ старомодныхъ чепцовъ, съ падающими внизъ длинными локонами. Умужчинъ на головѣ были глиняныя лепешки, между

1870

Кибуга, резиденція Мтезы.

которыми остальная часть головы выбивалась, такъ что казалось, будто на головѣ у нихъ что-то вроде шлема. Въ ущельяхъ горы Бамбаррэ росли деревья необыкновенной высоты, выше 160 метровъ Трава, на которую жаловался въ Маниуэмѣ уже Ливингстонъ, достигаетъ иногда высоты 4 м. и бываетъ въ палецъ толщиной, такъ что двигаться впередъ можно только постѣ выжиганія ея. Жители, весьма красиваго тѣлосложенія, вооружены только щитами и копьями, лукъ же и стрѣлы имъ не извѣстны. Въ обработкѣ добываемаго здѣсь въ изобиліи желѣза они являются весьма искусными кузнецами. Изъ селенія Кваказонго Камеронъ прибылъ черезъ три дня въ Кумбри на Дуалабѣ, по которой онъ затѣмъ и ѣхалъ въ лодкѣ до торговаго мѣстечка Нiangé—самаго дальняго и самаго западнаго пункта третьяго путешествія Ливингстона. Здѣсь Дуалаба имѣетъ 1300 метр. ширины и 2—6 метр. глубины и наполнена крокодилами и бегемотами. Протекая по широкой долинкѣ, принимающей въ себя всѣ воды этой части Африки, около Нiangé она пробирается чрезъ тѣснину, въ которой она иѣвится и образуетъ опасные водовороты между выступающими съ обонхъ береговъ скалами. Изъ страны Маниуэмы онъ отправился къ югу вдоль праваго берега Ломали въ Килему, главный городъ большаго государства Уруа, которому платять дань всѣ предводители къ Ю. отъ Дуалабы. Въ Килемѣ, гдѣ живетъ царь Уруа Казонго, Камеронъ рѣшился отправиться въ дальнѣйшее путешествіе къ западу съ однимъ чернымъ купцомъ изъ Бигѣ, Хозе Антонио Альвиномъ, но онъ оказался въ послѣдствіи гнуснымъ обманщикомъ. Между тѣмъ Камеронъ нашелъ случай побывать на небольшомъ озерѣ Моріа, которое, впрочемъ, существуетъ только во время дождей и явно не имѣетъ связи съ гидрографическою системою Африки. Интересно, что Камеронъ нашелъ тамъ нѣсколько небольшихъ настоящихъ свайныхъ поселеній. Затѣмъ онъ пытался добраться до Кассали (или Кионіи) и Коумбы, двухъ озеръ на истинной Дуалабѣ, но ему удалось видѣть Кассали только издали. Ему рассказывали, что на этомъ очень большомъ озерѣ плаваютъ растительныя массы, на которыя жители кладутъ бревна, а затѣмъ землю, и на этихъ пловучихъ островахъ строятъ себѣ хижины. На стоянкѣ въ Лунга-Манди Камеронъ имѣлъ возможность произвести наблюденія надъ торговлею невольниками. За послѣднее столѣтіе внутренняя Африка до того обезлюжена работорговлею, что большая часть налавливаемыхъ нынѣ невольниковъ продается внутри страны, особенно въ страну Секелету. Продавцы получаютъ за нихъ слоновую кость, которая доставляется ими на западный берегъ, а оттуда идетъ въ Европу. Ясно, что при этой системѣ работорговли Африки должна все болѣе и болѣе распространяться, а населеніе все болѣе и болѣе убывать. Центръ мѣнновой торговли рабами и слоновую костью находится, повидимому, въ вышепозванномъ Нiangé. Двигаясь все въ юго-западномъ направленіи, Камеронъ оставался сѣвернѣе верхняго теченія Замбезе и по правую сторону Дуалабы. Онъ покидаетъ Ломали, переходитъ Лубури и другія рѣки, изливающіяся въ Дуалабу, проходя по прекрасной холмистой странѣ, особенно богатой масличными пальмами. Но когда онъ достигъ высоты 800 мил., масличная пальма исчезла. Государство Уссамби, чрезъ которое лежалъ его путь, принадлежитъ также къ владѣніямъ великаго Казонго, хотя жители его изъ страха платять дань еще и ближайшему сосѣду Муата-Янво. Государство этого царя, обнимающее, какъ говорятъ, 26 провинцій или штатовъ, находится къ западу отъ

Уссамби, а его главный городъ, Кабебе (подъ 9° ю. ш.), на второстепенномъ притоцѣ Луице, изливающейся въ Лулуа, по описанію португальца І. Родригеса Грасы, который въ 1843—1846 годахъ путешествовалъ по этой прекрасно обработанной и богатой тропическими произведеніями странѣ, имѣетъ значительные размѣры, отличается широкими, пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ улицами, на которыхъ чистоту и порядокъ поддерживаетъ дѣятельная, хорошо дисциплинированная полиція. Путешественникъ всюду встрѣчаетъ тамъ доказательства высокаго прогресса въ цивилизаци и культурѣ, что не мѣшаетъ, однакоже, непоколебимо сохраняться самымъ кровавымъ обычаямъ, грубѣйшему деспотизму и драконовской строгости законовъ; тамъ даже въ сильномъ ходу приношеніе людей въ жертву.

Пройдя Улунду—дикую лѣсную глушь, гдѣ Камеронъ пошелъ въ западномъ направленіи, и Ловалѣ—землю, населенную различными племенами, говорящими на различныхъ языкахъ, и переправившись черезъ источники Улуа и Замбезе, Камеронъ выбрался на обширную равнину, простирающуюся между притоками Конго (Луалаба) и Замбезе. Равнина эта въ дождливое время покрывается водою и кишитъ рыбою. Окрестные жители устраиваютъ здѣсь небольшія плотины, между которыми, при спаденіи воды, остается рыба, которая затѣмъ сушится. Рыба это представляетъ весьма важный предметъ торговли по обѣимъ сторонамъ этой равнины. Въ Катембе Камеронъ пересѣкъ дорогу Ливингстона и могъ опредѣлить положеніе открытаго послѣднимъ озера Дилоло. Большая рѣка Кассаби, протекающая по границѣ между Ловалѣ и Улундой, а затѣмъ на сѣверѣ чрезъ государство Муата-Янво, безъ сомнѣнія по пути въ Конго, осталась у него на нѣкоторомъ отдаленіи вправо. Затѣмъ онъ прошелъ лѣсистую и богатую водою провинцію Кебокве, куда приходятъ многіе караваны изъ Бигѣ и Байлунды, для покупки воска. Покинувъ эту страну, онъ вступилъ въ болѣе холмистую область Кимбанди и перешелъ Коанцу, которая имѣетъ здѣсь 4 метра глубины и около 130 м. ширины. Изъ Комананти Камеронъ отправился прямо въ Бигѣ, главный городъ короля Катембе, прозваннаго Антоніо, влстителя всей страны Биге. Самый городъ имѣетъ въ окружности 6—8 кил., включая множество пространствъ для пастбы скота и разведенія табака. На аудіенціи король Антоніо явился въ черномъ платьи, въ старой бѣлой шляпѣ, шотландскомъ пледѣ, безъ сапогъ, и повидимому довольно выпивши. Европейскіе купцы должны являться передъ этимъ королемъ не въ домѣ, а подъ банановымъ деревомъ, гдѣ король садится на высокомъ камнѣ, а купцы на низенькихъ. Красотою мѣстности, особенно около Байлунды, Камеронъ не можетъ достаточно нахвалиться. Черезъ два дня онъ достигъ высочайшей точки своего путешествія, 1770 метровъ. Отсюда дорога стала спускаться. Отъ Кисанжи до моря жителей нѣтъ, дорога идетъ по гранитнымъ глыбамъ и по узкимъ скалистымъ тропинкамъ. Въ 72 кил. отъ берега обрадованный путешественникъ увидѣлъ море. Страна отъ Танганійки до берега, по словамъ Камерона, обладаетъ неисчислимымъ богатствомъ: въ ней есть желѣзо, мѣдь, серебро, золото, уголь, а также пальмовое масло, хлопчатникъ, мускатный орѣхъ, перецъ и кофе — и все это растетъ въ дикомъ состояніи. Арабы ввели рисъ, пшеницу, лукъ и нѣкоторые фруктовые деревья. Страны Биге и Байлунда чрезвычайно удобны для европейскихъ поселеній и производятъ все, что только растетъ въ южной Европѣ. Апельсины, виноградъ и розы были въ Биге въ роскошномъ цвѣтѣ. 19 ноября 1875 Камеронъ достигъ благополучно

Санъ-Паоло-де-Лоанда, на западномъ берегу Африки, пройдя поперекъ африканскаго материка, т. е. совершилъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ путешествій нашего, богатаго событіями, времени.

Юговосточныя озера.

Къ юговостоку отъ огромнаго центрально-африканскаго бассейна, заключающаго въ себѣ Танганію и другія западныя озера, за отдѣляющимъ ихъ водораздѣломъ, ближе къ восточному берегу, расположено большое озеро Ніасса, а почти къ Ю. отъ него поменьше—Ширва, принадлежащія къ рѣчному бассейну Замбезе. Большое озеро Ніасса окаймлено высокими краями плато отъ 1200 до 1500 м. высоты, которые на югѣ, гдѣ они обходятъ озеро Ширва, въ своихъ отдѣльныхъ вершинахъ возвышаются до 1800 и 2400 м. Къ С. отъ Ніассы они переходятъ въ плоскогорье Лобиза, около 2000 м. высотой, которое, продолжаясь на западъ въ видѣ горъ Мушинга, составляетъ границу озернаго бассейна, питаетъ многочисленные источники текущей въ Замбезе Лоангвы и стремится примкнуть къ горамъ Узагары, ограничивающимъ глубокую долину Луфиджи, или Руфиджи.

Рѣка эта изливается на Суахелійскомъ берегу, противъ острова Маффи, около 200 кил. къ Ю. отъ Занзибара, въ просторную дельту, изслѣдованную точнѣе въ 1874 Генри Стэнли, и вѣроятно совершенно тождественна съ Рвах-Нулла въ Угого. Къ Ю. отъ Луфиджи мы находимъ важный приморскій городъ Квиллоа (Килоа) съ оживленною торговлею, такъ какъ здѣсь сосредоточивается вся торговля берега какъ съ сѣвера, такъ и съ юга, а равно и изъ странъ по озеру Ніасса; далѣе—мысъ Дельгадо, на которомъ изливается въ море Руфума, или Ровума. Эта рѣка, которая ограничиваетъ съ Ю. султанство Занзибаръ и вмѣстѣ съ которою берегъ принимаетъ названіе Мозамбикскаго, по имени важнѣйшаго, расположеннаго на немъ, подъ 15° ю. ш., города Мозамбика, сохраняя его до устья Замбезе,—течетъ съ горъ, окаймляющихъ съ востока озеро Ніасса и спускающихся къ морю. Эти-то склоны образуютъ еще мало посѣщавшуюся внутренность страны Мозамбика, которая отчасти населена негритянскимъ племенемъ макуа, отличающимся прекраснымъ тѣлосложеніемъ и особенною страстью къ татуированію.

Озеро Ніасса (464 метровъ надъ уровнемъ моря), открытое Ливигстономъ въ полдень 16 сентября 1859, а потомъ черезъ мѣсяцъ 19 октября—нѣмцемъ Альбертомъ Рошеромъ, повидимому, совершенно окружено горами, но на самомъ дѣлѣ съ западной стороны есть лишь склонъ красиво поросшаго лѣсомъ плоскогорья. Въ прямомъ съ С. на Ю. направленіи озеро простирается болѣе чѣмъ на 3½ градуса широты и, какъ всѣ окруженныя горами озера, подвержено сильнымъ и внезапнымъ бурямъ. Ни съ одной стороны оно не принимаетъ, насколько извѣстно, значительныхъ притоковъ, а лишь мелкія рѣчки; само же оно имѣетъ весьма значительный оттокъ—рѣку Ширэ, которая выходитъ изъ южнаго

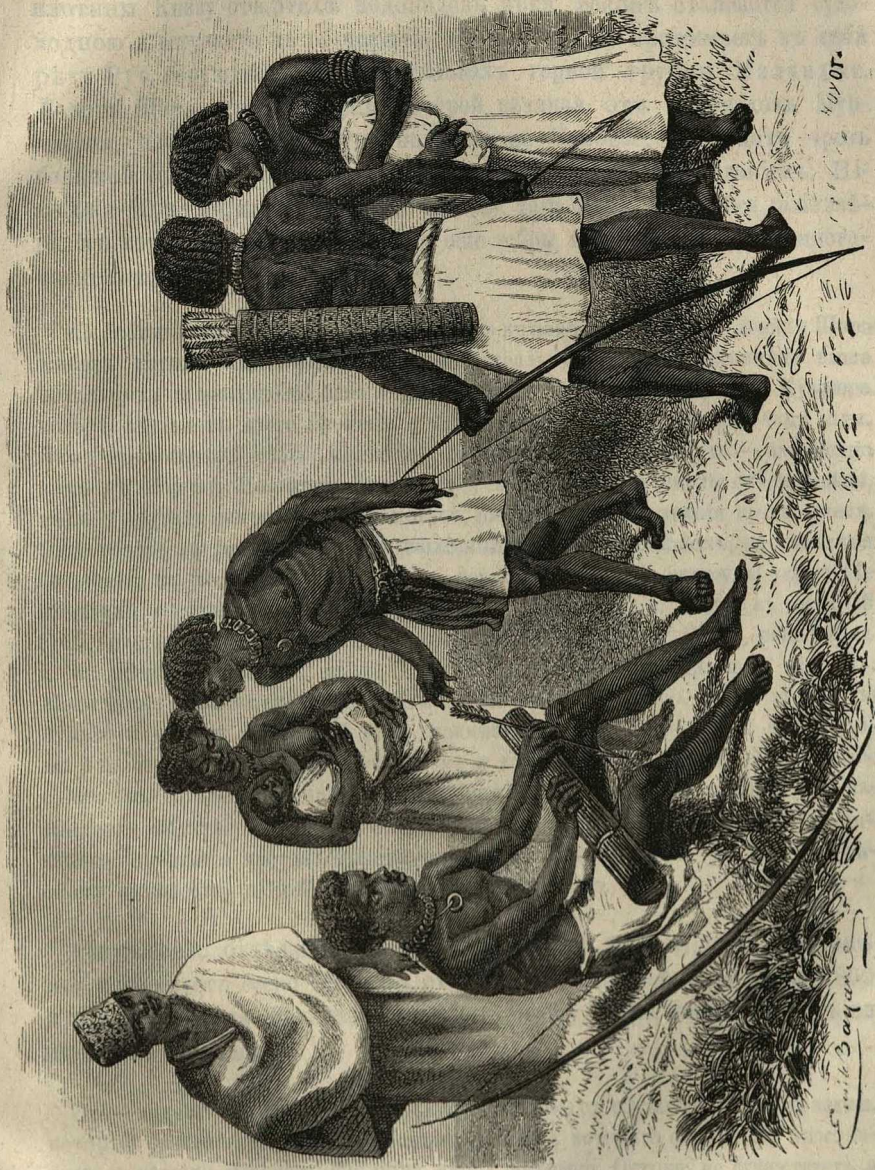
конца Ніассы, протѣкаетъ небольшое озеро Памаломбеи и направляется почти прямо на югъ къ Замбезе, которой и достигаетъ немножко выше ея изліянія въ Индійскій океанъ. Берега Ніассы прокармливаютъ весьма густое населеніе; земля повсюду хорошо обработана и засѣяна преимущественно рисоу и сладкимъ картофелемъ; встрѣчаются также маисъ, магира и просо; по южному берегу тянется почти непрерывный рядъ селеній. Окрестные жители—далеко не красивый народъ. Женщины очень противны и дѣлаютъ себя еще отвратительнѣе тѣмъ, что носятъ въ верхней губѣ пелеле, а нѣкоторыя

Женщина съ пелеле.

дамы, не довольствуясь этимъ, еще носятъ такую же штуку и въ нижней губѣ. Всѣ туземцы татуируются съ ногъ до головы фигурами, которыя считаются отличительными знаками различныхъ отдѣльныхъ племенъ. Матумбоки, или атимбоки назанадной сторонѣ озера дѣлаютъ на кожѣ лица маленькіе узелки, такъ что они кажутся покрытыми бородавками, и молодая дѣвушка, которая до того была совсѣмъ недурна, кажется старухой. Одежду ихъ описать нельзя, такъ какъ кусочекъ матеріи, изъ котораго она дѣлается, необыкновенно малъ. Красивые зубы у нихъ заострены, какъ у кошекъ.

Оттокъ Ніассы, рѣка Ширэ, богатая крокодилами и островами, протекаетъ узкую долину и однимъ прыжкомъ, образуя пороги, перескакиваетъ съ горъ въ смежную низменность. Рядъ значительныхъ водопа-

Жители Узармо.

довъ, изъ которыхъ самыя великолѣпныя—послѣдніе, т. е. Мамвира, или Мурчисоновы, тянется на пространствѣ 60 километровъ. Все паденіе Ширэ составляетъ 360 м., и на всемъ обширномъ пространствѣ отъ верховья до низовья рѣка шумить и пѣнится вездѣ, какъ у мельничной плотины. Книзу отъ этихъ водопадовъ рѣка вскорѣ становится судоходною и вступаетъ въ обширную мѣстность, гдѣ принимаетъ въ себя рѣку Руо, берущую начало на склонахъ горной группы Миландже. Долина Ширэ, нижнее теченіе которой, начиная отъ водопадовъ Мурчисона, направляется почти параллельно Замбезе, проходитъ чрезъ большой болотный бассейнъ, который извѣстенъ подъ названіемъ: Ниланджа-Мукуллу, или «Слоноваго болота», такъ какъ здѣсь эти дикіе звѣри, къ которымъ присоединяются еще зебры и козлы, особенно многочисленны.

На возвышенностяхъ и въ прилегающихъ къ нимъ мѣстностяхъ долины Ширэ живетъ народъ манганджа, который стоялъ бы вообще несомнѣнно выше остальныхъ африканцевъ, если бы не уродовалъ себя лица и тѣла. Куафюра волосъ занимаетъ много времени у мужчинъ и дѣлается на безконечные лады. Кто причешется всѣхъ нелѣпѣе, тотъ считается франтѣмъ—совершенно какъ въ Европѣ. Положеніе женщинъ у манганджей не столь стѣснительно, какъ у другихъ негровъ, и онѣ могутъ достигнуть даже званія предводителя. Онѣ носятъ латунныя, мѣдныя и желѣзныя кольца на пальцахъ, не исключая большаго, на шеѣ, на рукахъ и на ногахъ, но самое странное украшеніе женщинъ составляетъ обезображивающее «пелеле», т. е. кольцо въ верхней губѣ, распространенное вообще на верхней и на нижней Ширэ, равно какъ и на всемъ плоскогорьи; по р. Руфумѣ оно встрѣчается даже у мужчинъ. Манганджи занимаются земледѣліемъ, обдѣлываютъ желѣзо, ткутъ хлопчатую бумагу и плетутъ корзины. У нихъ примѣняется божій судъ, т. е. питье муавы или отравы. Они вѣрятъ въ вѣдьмъ и колдовство, а также и въ высшее существо, которое они называютъ «Мнамбе»; у сосѣднихъ аявовъ оно называется «Мулунгу». У нихъ есть и слѣды вѣрованія въ безсмертіе, но никакого понятія о чистоплотности въ нашемъ смыслѣ. Они предаются ужасному излишеству и особенно страстно пьютъ пиво.

Совершенно отдѣльный бассейнъ, на высотѣ 550 м. надъ уровнемъ моря, образуетъ озеро Ширва, открытое Ливингстономъ 18 апрѣля 1859 и находящееся на лѣвомъ, восточномъ берегу Ширэ, неподалеку отъ ея истеченія изъ Нилассы.

Это—водный бассейнъ значительной величины, съ нѣскольکو соленою водою, который оказывается очень глубокимъ и берега котораго окаймлены тростникомъ и кустами папируса. На немъ много острововъ. Оттока не существуетъ, а въ него изливается съ ЮЗ. нѣсколько рѣчекъ. Окрестности его поистинѣ живописны: на западѣ вьется гора Чикала, соединяющаяся съ кряжемъ въ 30 кил. длины, вершина котораго Цумбо возвышается на 2130 м. На восточномъ же берегу тянутся могучія горныя цѣпи, превышающія 2400 м. надъ уровнемъ моря. Далеко къ югу виднѣются, то подъ тучами, то надъ ними, вершины

еще высихъ горъ Миландже. Въ самомъ озерѣ гнѣзятся въ большомъ количествѣ обычные жители африканскихъ водъ—крокодилы и бегемоты, а въ особенности множество пиявокъ. У Ширвы есть еще другое названіе—Тамандуа, но оно не такъ употребительно. (По соч. Н. v. Barth'a: Ost-Africa).

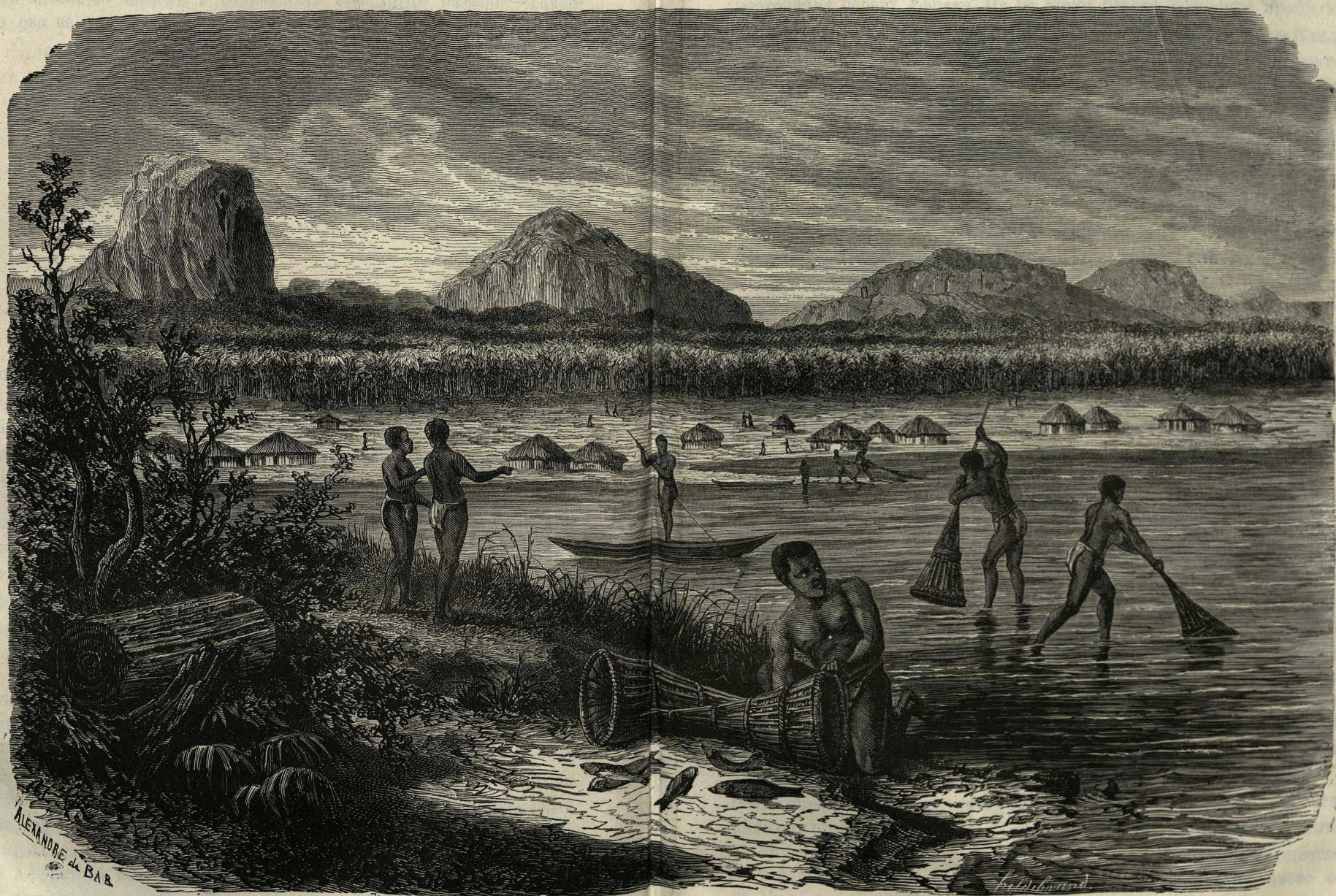
ЮЖНАЯ АФРИКА.

ГЛАВА XXI

Общій обзоръ.

Исполинская, первоклассная рѣка Замбезе, которая, не смотря на сильно уклоняющіяся отъ общаго направленія извилины, перерѣзываетъ материкъ вообще съ З. на В., можетъ считаться границею того послѣдняго отрѣзка Африки, который называется обыкновенно южною Африкою. Строго говоря, къ ней слѣдовало бы причислить все тѣ мѣста, которыя лежатъ вообще въ бассейнѣ Замбезе, хотя бы и къ сѣверу отъ нея. Такимъ образомъ Ніасса и Ширва оказались бы принадлежащими къ южной Африкѣ, а водораздѣлъ между Замбези съ одной стороны и бассейномъ Конго—съ другой былъ бы истинною границею южной Африки. Обширное пространство къ югу отъ Замбези до Мыса Доброй Надежды, для удобства, мы пройдемъ обратнымъ путемъ, чѣмъ до сихъ поръ, т. е. съ Ю. на С., начиная съ Капленда и до береговъ лѣвостой Замбезе, такъ какъ все важнѣйшія путешествія изслѣдователей почти безъ исключенія совершались именно въ этомъ направленіи.

Южный конецъ Африки занимаетъ Капская колонія англичанъ, сохранившая еще во многихъ отношеніяхъ типъ бывшихъ владѣльцевъ своихъ—голландцевъ. Еще болѣе это замѣтно въ двухъ южноафриканскихъ бойерскихъ республикахъ: Оранжевъ и Трансвааль, изъ которыхъ первая граничитъ непосредственно съ Капскою колоніею. Названіе ея происходитъ отъ Оранжевой рѣки, или Гарибъ, пересѣкающей южную Африку съ востока на западъ. Теченіе ея на всемъ протяженіи своемъ составляетъ границу Капленда, а именно, начиная съ запада, сперва съ землею Намакуа и странюю готтентотовъ, затѣмъ съ землею Грикуа, которая теперь, впрочемъ, присоединена британцами, далѣе съ республикой Оранжевой рѣки до земли Басуто, въ которой она и беретъ свое начало. Но и Басуто должна была волею-неволею подвергнуться присоединенію къ владѣніямъ жадныхъ до расширенія британцевъ и

Видъ на берегу Ровумы.

составляет теперь неразрывное цѣлое съ Капской колоніей и другимъ англійскимъ владѣніемъ, колонією Наталь, простирающаеся по восточному берегу Африки. Но на этомъ берегу есть еще пробѣлъ въ англійскихъ владѣніяхъ, такъ какъ между восточной границею Капленда и западной границею Наталья втискивается до самыхъ Бурныхъ горъ территорія независимыхъ кафровъ, или правильнѣе кафировъ. Къ С. отъ Наталья, вдоль берега мы встрѣчаемъ земли кафровъ-зулу, которыя, занимая относительно узкую полосу, отдѣляютъ отъ моря Трансваальскую республику и обращаютъ ее въ континентальное государство тѣмъ безнадежнѣе, что англичане желаютъ простереть свое господство и надъ берегомъ Зулу до залива Делагоа; но третейскимъ судомъ маршала Макъ-Магона оно признано за португальцами, которые отнынѣ и являются безспорными владѣльцами берега до мыса Дельгадо, т. е. до Руфумы, гдѣ начинаются владѣнія занзибарскаго султана. Отрѣзанная отъ моря Трансваальская республика ограничивается съ юга рѣкою Ва алемъ, текущимъ въ Оранжевую рѣку, а съ сѣвера—кругою дугою Крокодиловой рѣки, или Лимпопо, изливающейся въ океанъ сѣвернѣе залива Делагоа. Между Лимпопо и Замбезе нѣтъ ни одного государства, устроеннаго по европейскому образцу, но въ центрѣ находятся: владѣнія Мателебеле, а къ юговостоку отъ него — земли Умцилы, государства Банту, относительно которыхъ должно ожидать, что они будутъ поглощены, какъ и государство Казембы и другихъ африканскихъ властителей.

Вся отмѣченная здѣсь область перерѣзана исполнискою дугою горной цѣпи, идущей на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега и составляющей собственно окраинную южно-африканскаго плоскогорья. На 'длинномъ протяженіи своемъ, отъ устья Оранжевой рѣки до Лимпопо, она носитъ весьма различныя названія, но высшаго своего развитія достигаетъ въ Драконовыхъ горахъ Трансваальской республики. Какъ и въ большей части такихъ случаевъ, ей предшествуетъ обыкновенно береговая цѣпь, которая всего рѣзче выдвигается въ Каплендѣ. Между нею и главною цѣпью простирается пустыня Карроо. Оба склона этихъ горъ населены чистыми кафрскими племенами: на В. обитаютъ собственно или береговые кафры, а на З.—басуты, или восточные бечуаны. За предѣлами Трансвааль, т. е. еще далѣе къ западу, живутъ опять также бечуаны, которыхъ называютъ западными бечуанами. Отъ береговъ Оранжевой рѣки они простираются почти до Замбезе, и большою безводною пустынею Калагари отдѣляются отъ готтентотовъ, занимающихъ преимущественно западную часть южной Африки. Къ сѣверу отъ Калагари, около озера Нгами, которое приходится какъ разъ на рубежъ кафровъ и готтентотовъ, бродятъ бушмены, которые хотя и попадаютъ въ области готтентотовъ, но тамъ они только какъ бы вкраплены, главное же ихъ мѣстопробываніе къ югу отъ Оранжевой рѣки—въ Каплендѣ. Замѣчательно, что чисто кафрское племя дамары, совершенно отрѣзанное отъ своихъ одноплеменниковъ, занимаетъ большую горную страну, называе-

мую ихъ именемъ, къ сѣверу отъ готтентотовъ намакуа, такъ сказать уже на западномъ берегу Африки. Какъ Трансваальскую республику на В., такъ и ихъ отдѣляетъ отъ моря узкая полоса земля, населенная готтентотами.

ГЛАВА XXII.

Колоніи и боерскія государства южной Африки.

Каплендъ, поверхность котораго нѣсколько больше Великобританіи и Ирландіи, возвышается нѣсколькими, слѣдующими другъ за другомъ террасами, начинающимися отъ берега, самую южную оконечность котораго составляетъ мысъ Агульясъ, или Игольный. За береговою террасою въ 60—70 м. средней высоты слѣдуетъ крутая горная окраина въ 1300—1670 высоты, южный склонъ которой называется Великими Черными горами, а за нею—вторая терраса Карроо, представляющая плоскую возвышенность въ 780—1040 м. высоты и 110 до 150 кил. ширины.

Равнина Карроо (т. е. твердая) занимаетъ около 55,000 кв. кил. земли, состоящей изъ песку и глины окрашенной желѣзомъ въ цвѣтъ охры и высыхающей лѣтомъ до твердости кирпича; на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ подъ поверхностью всюду находится твердый камень. Пересѣкающія Карроо поперегъ рѣчныя русла девять мѣсяцевъ въ году бываютъ сухи, а потому здѣсь нѣтъ почти никакой растительности, за исключеніемъ какихъ-нибудь мимозъ по краямъ рѣчныхъ руселъ. Но въ дождливое время года, особенно послѣ нѣсколькихъ дней дождя, начинаютъ проростать всѣ безчисленныя, скрытыя въ каменистой почвѣ луковичныя растенія, и равнина превращается въ море травы и цвѣтовъ, украшается соляными и щелочными растеніями, покрывается липлями, амариллами, ирисами и т. д. и становится превосходнымъ пастбищемъ, на которое спускаются жители прилежащихъ горъ. Только въ немногихъ оазисахъ, имѣющихъ источники, есть постоянная зелень и возможно земледѣіе. Поэтому здѣсь нѣтъ вовсе ни деревень, ни постоянныхъ селеній. (v. Klöden Handb. d. Erdk. III, стр. 523).

Ковнутри страны могучія горы отдѣляютъ террасу Карроо отъ плоскогорья Оранжевой рѣки, имѣющаго отъ 970 до 1620 м. средней высоты и составляющаго продолженіе внутренней южно-африканской плоской возвышенности. Къ упомянутымъ могучимъ горнымъ цѣпямъ принадлежатъ: на западѣ—горы Роджфельдскія, на югѣ—Ньювельфельдскія, а также Зимнія и Сигъовныя горы, между которыми гора Компасъ

достигаетъ высоты 2590 м. Прибрежная окраина Капленда, на протяженіи 2670 кил. отъ устья Оранжевой рѣки до мыса Доброй Надежды, чрезвычайно однообразна, и по виду низменныхъ прибрежныхъ дюнь никакъ нельзя было бы ожидать, что онѣ выдвигаютъ въ море такіе опасные рифы и мели. Однообразіе картины прерывается между названнымъ мысомъ и Столовой бухтой высокими скалистыми стѣнами выступающихъ до самаго моря югозападныхъ отроговъ Черныхъ горъ. При подошвѣ этихъ горъ, именно Лвиной Головы (665 м.), Столовой горы (1082 м.) и Чортова пика (1000 м.), расположенъ главный городъ колоніи Капштадтъ, или Капъ-Тоунъ, построенный правильными четырехугольниками и имѣющій лишь 28,000 жителей. Къ В. отъ мыса Доброй Надежды открывается помѣстительная бухта Фальзъ (Вѣроломная), а съ восточной стороны колоніи—обширная бухта Альгоа, на которой расположенъ второй по значенію торговый городъ съ гаванью Портъ-Элизабетъ, извивающійся вверхъ по песчаному холму и имѣющій 11,000 жителей. Это—наиболѣе процвѣтающій нынѣ пунктъ въ Каплендѣ: тамъ все движется, все ширится, все растетъ. Но общественной жизни, повидимому, вовсе не существуетъ, и жители кажутся очень скучающими, хотя необыкновенно здоровы. Дѣйствительно, климатъ въ Каплендѣ, при необыкновенной сухости и чистотѣ воздуха и при совершенномъ отсутствіи болотъ, принадлежитъ къ числу самыхъ здоровыхъ на свѣтѣ. Страна всюду бѣдна водою, за исключеніемъ, пожалуй, восточныхъ округовъ, и немногія рѣки въ дождливое время года обыкновенно высыхаютъ. Точно также почти совсѣмъ нѣтъ лѣсовъ, только въ горныхъ ущельяхъ и къ востоку отъ Рыбной рѣки есть великолѣпныя лѣсныя мѣста. Впрочемъ, флора Капленда необыкновенно богата, и на береговой полосѣ, рядомъ съ тропическими растеніями, произрастаютъ всѣ европейскія хлѣбныя и фруктовыя растенія, особенно виноградъ. Капское вино пользуется далеко распространенною славой. Хотя Каплендъ лежитъ уже совершенно въ умѣренномъ поясѣ, но тамъ извѣстны только два времени года: лѣто (съ сентября по апрѣль) и зима (съ мая по сентябрь). На возвышенныхъ равнинахъ зимою часто господствуетъ чувствительный холодъ, а снѣгъ и ледъ не представляютъ ничего необыкновеннаго.

Весьма пестрое населеніе Капленда составляетъ въ настоящее время круглымъ числомъ 700,000 человѣкъ, включая сюда и бѣлыхъ. Эти бѣлые, такъ называемые африканцы, частію нидерландскаго, частію французскаго и частію нѣмецкаго происхожденія, переселившіеся въ Ю. Африку большею частію вслѣдствіе религиозныхъ преслѣдованій; такъ какъ уже лѣтъ 200 нѣтъ значительнаго притока переселенцевъ, то языкъ ихъ сталъ очень не похожъ на нынѣшній голландскій и подходитъ къ ниже-нѣмецкому. Пропитаніе настоящимъ африканскимъ «Boers» (боерамъ или бурамъ, т. е. земледѣльцамъ) всегда почти доставляетъ скотоводство, обѣдъ ихъ состоитъ обыкновенно изъ мятаго мапса, сала, соленого бычачьяго мяса и пампунъ—родъ тыквы. Единствен-

ный напитокъ при этомъ—ячменный кофе; хлѣбъ почти не употребителенъ. Обращеніе боеровъ съ иностранцами крайне невнимательно, и, послѣ перваго рукопожатія, они тотчасъ начинаютъ спрашивать: *Wo geht ge hemm? War kommt ge von damm? Wat vell ge da doen?* — Въ восточныхъ округахъ преобладаетъ населеніе англійскаго происхожденія. Какъ политическіе господа въ странѣ, британцы возвели свой языкъ въ officialный, но на немъ говоритъ только самая незначительная часть народа. Къ числу поселенцевъ относятся и чернокожіе изъ Мозамбика и малайцы, изъ которыхъ послѣдніе, равно какъ и часть туземнаго населенія, исповѣдуютъ исламъ. Это туземное населеніе принадлежитъ къ южно-африканской семьѣ народовъ а-банту и распадается на готтентотовъ, преобладающихъ въ Каплендѣ, и кафровъ, которые населяютъ только маленькую, восточную часть Британской Каффрии—мѣстность, сдѣлавшуюся окончательно британской провинціей только въ 1847 г. Главную гавань этой страны, обладающую конечно лишь открытымъ рейдомъ, недоступнымъ для кораблей, сидящихъ въ водѣ глубже 1¼—2 м., составляетъ Истъ-Лондонъ (Восточный Лондонъ), расположенный при устьи рѣки Буйволловой и соединенный весьма первобытною желѣзною дорогою съ находящимся внутри городомъ Кингъ-Вильямъ-Тоунъ. Капштадтъ также соединенъ желѣзными дорогами съ нѣкоторыми болѣе важными мѣстами, какъ напр. съ Мальмсбери, Стелленбошемъ, Тулбагомъ и Ворстеромъ.

Съ готтентотами и кафрами мы познакомимся подробнѣе впослѣдствіи; теперь же мы упомянемъ только, что между первыми отличаютъ 4 племени: Колоніальные Готтентоты, Малое Намакуа, Корана и Саабъ. Каплендскіе кафры принадлежатъ также къ собственно или прибрежнымъ кафраамъ, какъ и басуто; на западѣ страны Грикуа живутъ также бушмены; восточные грикуа представляютъ помѣсь бѣлыхъ съ черными. Страна Басуто, присоединенная англичанами въ 1868, густо населена и необыкновенно плодородна. Кафры засѣваютъ землю иногда три раза въ годъ. Въ 1873 изъ одной половины округа было вывезено 40,000 мальтеровъ хлѣба, маиса, пшеницы и кафрскаго хлѣба. Въ горахъ считается около 50,000 овецъ и около 30,000 штукъ рогатаго скота и лошадей. Весьма большое значеніе имѣетъ открытіе очень хорошаго угля, въ которомъ страна до сихъ поръ терпѣла недостатокъ; всѣ отрасли промышленности, получавшія уголь изъ-за моря, въ будущемъ должны достигнуть полнаго развитія. Впрочемъ, число занимающихся ремеслами во всей Капской колоніи еще весьма невелико, а для земледѣлія страна вообще весьма мало пригодна. Главнѣйшее, а на высшихъ террасахъ по свойствамъ почвы единственно возможное занятіе жителей есть скотоводство.

Управленіе колоніи вполнѣ европейское и во главѣ его стоитъ назначаемый отъ британской короны губернаторъ, который въ то же время есть и главный начальникъ войскъ. Законодательная власть съ 1 іюля 1874 года перенесена на парламентъ, состоящій изъ двухъ палатъ. Британцы въ Ю. Африкѣ, какъ и вездѣ, обнаруживаютъ необыкновенную жадность къ приобрѣтенію земель; уже въ 1868 г. тамъ разбирался вопросъ, не полезно-ли распространить британское господство еще на нѣсколько мелкихъ племенъ, кромѣ басутовъ, дабы англійское покровительство простиралось отъ устья Замбезе до того же градуса широты на западномъ берегу. Впослѣдствіи британ-

Видъ на берегу Замбезе.

ское министерство колоній предложило даже проект соединенія южно-африканскихъ колоній въ Союзъ штатовъ, по образцу Канадскаго Союза, и недавно сдѣлало въ этомъ отношеніи нѣкоторые успѣхи.

Англійская колонія Наталь, занимающая пространство больше Греціи и имѣющая 290,000 жителей, отдѣляется отъ Капленда расположенною между ними Свободною Кафрскою землею и состоитъ во владѣніи англичанъ съ 1843. Условія Наталья, равно какъ и многія условія обоихъ голландскихъ республикъ—Оранжевой рѣки и Трансваала, во всѣхъ отношеніяхъ сходны съ условіями Капленда. Населеніе ихъ состоитъ изъ такихъ же элементовъ и страна носитъ тотъ же характеръ. Въ Наталь есть только два достойные упоминанія города: приморскій городъ Портъ-Наталь, или Д'Урбанъ, и столица Питеръ-Марицбургъ или, какъ его называютъ, просто Марицбургъ.

Дорога изъ города Д'Урбана, улицы котораго сдѣланы, кажется, изъ пыли и производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто воды въ гавани недостаточно, чтобы смыть эту пыль хоть на полчаса, идетъ черезъ мѣстечко Пайнъ-Тоунъ, на протяженіи трехъ дней пути и не представляетъ ничего особенно интереснаго. Отраднo лишь то, что въ Натали, а также и въ Трансваалѣ, такъ развилась посадка привезенныхъ изъ Австраліи *Eucalyptus globulus*, что это красивое дерево сдѣлалось теперь характерическою чертою многихъ пейзажей этой области.

Марицбургъ расположенъ очень живописно при Умсиндузи или маленькой Бушменской рѣкѣ (притокъ Умгени, изливающейся въ море сѣвернѣе Д'Урбана) на обширной, слегка наклоненной отъ ЮЗ. къ СВ. равнинѣ, на высотѣ 610,81 м. надъ моремъ, и въ 1869 г. имѣлъ около 11,000 населенія, состоящаго изъ бѣлыхъ, кафровъ и поселившихся здѣсь индостанскихъ кули. Съ вершины холма, у подошвы котораго пріютился городъ Марицбургъ—какъ говоритъ леди Бекеръ—городъ, если смотрѣть на него немножко съ птичьяго полета, кажется несравненно лучше, чѣмъ вблизи: однообразіе прямолинейныхъ улицъ не такъ замѣтно, а часовая башня, часы которой не ходятъ, имѣетъ даже совершенно грандіозный видъ. Но въ цѣломъ городъ должно считать необыкновенно отсталымъ. Только въ самыя темныя ночи Марицбургъ освѣщается масляными лампочками, а если мало-мальски свѣтять звѣзды, то ихъ считают ненужными. Впрочемъ, два зданія достойны нѣкотораго вниманія: Government House—съ хорошенькимъ портикомъ, стоитъ въ большомъ саду; впрочемъ, онъ походитъ на самый обыкновенный домъ англійскаго приходскаго священника; напротивъ него домъ Colonial Secretary, удивительно похожій на развалившуюся ферму, но внутри него есть, какъ говорятъ, хорошенькія комнаты. Прямые улицы представляютъ либо море грязи, либо пустыню пыли. Немногія изъ находящихся въ Марицбургѣ хорошо обставленныхъ лавокъ, по неповатной скромности, не показываютъ на окнахъ никакихъ своихъ сокровищъ. Неподалеку отъ города, т. е. въ предѣлахъ загородныхъ гуляній, находятся Карклускіе водопады, водопады Умсиндузи, дѣлающіе двойной скачекъ примѣрно въ 24 м., и водопады Умгени. Впрочемъ, Наталь вовсе не такое мѣсто, гдѣ прогулки были

бы особенно пріятны, по крайней мѣрѣ для дамъ. Нужно строго держаться протоптанной тропинки, и горе тому, кто осмѣлится ступить на выжженную солнцемъ траву: онъ наступитъ либо на змѣю, либо, въ крайнемъ случаѣ, на лягушку. Ноги въ самое короткое время покрываются злыми клещами, которые впиваются въ мясо всею головою и охотнѣе умираютъ, чѣмъ позволяютъ себя вытащить. Вокругъ носятся міриады зеленыхъ и буроватыхъ насѣкомыхъ вродѣ саранчи и цѣлыми кучами прицѣпляются къ платью. Другое мученіе доставляютъ здѣсь горячіе вѣтры, которые дуютъ иногда съ утра вплоть до полудня, принося такой палаящій зной, что пересыхаетъ кожа; послѣ полудня же появляется внезапно темная туча, которая такъ быстро несется къ западу, что не успѣешь оглянуться, какъ она уже надъ домомъ. Раздается ударъ грома, потрясающій землю подъ ногами, падаетъ нѣсколько капель крупнаго, холоднаго дождя, и черезъ минуту все проходитъ.

Кто желаетъ совершить путешествіе изъ Марицбурга въ республику Оранжевой рѣки, граничащую съ Наталемъ на СЗ., тотъ долженъ воспользоваться фургономъ, запряженнымъ 10 — 14 волами; иногда же не хватаетъ и 30 штукъ, чтобы вытащить возъ. Всякій такой фургонъ требуетъ двухъ кафровъ: одного возницу и одного погонщика воловъ, изъ коихъ послѣдній дѣйствуетъ кнутомъ въ 10—14 м. длиною. Хорошо владѣть этимъ кнутомъ—искусство, которому африканецъ учится съ ранней юности. Кафры, впрочемъ, какъ возницы, не могутъ сравниться съ бѣлыми.

Границу Наталь съ кафрамъ-зулу образуетъ рѣка Тугела, а съ республикой Оранжевой рѣки — Драконовы горы, которыя кажутся на З. отвѣсною стѣною. Драконовы горы составляютъ собственно только окраину начинающагося здѣсь плоскогорья, имѣющаго около 2000 м. высоты, и представляютъ лишь отдѣльныя высокія, круглыя вершины или столовыя горы, которыя однако не достигаютъ 3000 м. абсолютной высоты. Съ высоты Драконовыхъ горъ Наталь кажется настоящей террасой, а названныя республики—настоящимъ плоскогорьемъ (плато), слегка спускающимся внутрь страны и усаженнымъ отдѣльными высокими столовыми горами, и чѣмъ дальше внутрь страны, тѣмъ число ихъ становится меньше, но за то онѣ выигрываютъ въ правильности формы. Плоскогорья республики Оранжевой рѣки и находящейся къ сѣверу отъ нея Траваальской не имѣютъ ни кустовъ, ни деревьевъ, а поросли только травою, которая зимою, впрочемъ, выгораетъ на цѣлыя мили, такъ что глазъ видитъ почти только черную поверхность. Къ сѣверу отъ прохода показываются весьма интересныя по своей формѣ столовыя вершины Драконовыхъ горъ, а къ югу — исполинская стѣна этой цѣпи; черезъ нѣсколько же дней появляются и покрытыя снѣгомъ горы Витте. Переходомъ Драконовыхъ горъ оканчивается первый и легчайшій шагъ путешествія во внутрь. Съ этого же момента человѣческія жилища отстоятъ другъ отъ друга часто на нѣсколько дней пути, и караванъ предоставляется самому себѣ. За Ринанскимъ проходомъ грудъ путника начинаетъ вздыматься высоко при видѣ безконечныхъ равнинъ, распростертыхъ передъ нимъ въ ненарушимомъ покоѣ. Нѣсколько дней

Африканские невольники

Справа къ сѣверу виднѣется фантастическая цѣпь Нельсонъ-Копъ, а слѣва втеченіи нѣсколькихъ дней остается видимою удивительная гора Рендскопъ со своими крутыми каменными стѣнами. Такимъ образомъ, путешественникъ, перейдя ручей Вильге, достигаетъ городка Гаррисмита, принадлежащаго республикѣ Оранжевой рѣки.

Республика Оранжевой рѣки, занимающая 110,000 кв. кил., съ 60,000 чел. населенія и столицею Блемфонтейнъ, и Трансвааль, занимающая около 300,000 кв. кил., т. е. нѣсколько больше королевства Пруссіи до 1866, и имѣющая 275,000 жителей, представляютъ двѣ республики голландскихъ боеровъ и въ существенныхъ чертахъ совершенно сходны другъ съ другомъ.

Большая часть старыхъ боеровъ родилась въ Капской колоніи или Натали и ни что иное, какъ потомки нѣмецкихъ, французскихъ и голландскихъ эмигрантовъ, основавшихъ эти колоніи. Недовольные англійскимъ правительствомъ и предпочитающіе строгимъ англійскимъ законамъ свободную и независимую жизнь, они удалились постепенно въ эти мѣста, называвшіяся тогда «вопиющею пустынею». Какъ ни мало образованы, какъ ни суевѣрны сильные и здоровые боеры съ европейской точки зрѣнія, но они—народъ необыкновенно ласковый, религіозный и гостепріимный. Ни одинъ пришелецъ, бѣдный онъ или богатый, не получить отказа, а найдетъ дружескій и гостепріимный кровъ. Правленіе въ обѣихъ республикахъ въ полнѣйшемъ смыслѣ республиканское, и народъ пользуется почти чрезмѣрною свободою.

Народный языкъ составляетъ нѣчто въ родѣ ниже-голландскаго съ примѣсью нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ словъ и выраженій. Дома представляютъ большую частію прочно построенныя землянки, покрытыя соломой или, вѣрнѣе, травой. Въмѣсто оконъ, имѣются обыкновенно небольшія отверстія, которыя днемъ открываются, а вечеромъ закрываются. Стѣны дома какъ внутри, такъ и снаружи выбѣлены, а полъ, изъ битой глины, каждые пять или шесть дней смазывается отъ пыли распущеннымъ въ водѣ коровьимъ навозомъ. Мебель очень жалкая и состоитъ большею частію изъ одного или двухъ столовъ, оригинальной лавки и нѣсколькихъ стульевъ, сидѣнья которыхъ сплетено изъ ремней, наръзанныхъ изъ звѣриной шкуры. Почва очень плодородна, а многочисленныя рѣки, пересѣкающія страну во всѣхъ направленіяхъ, равно какъ встрѣчающіеся вездѣ источники, даютъ совершенно достаточно воды для орошенія. Климатъ, влѣдствіе высокаго положенія страны (отъ 2000 до 3000 мил. надъ поверхностью моря), очень здоровъ а лѣтній жаръ не такъ тяжелъ, какъ можно было бы полагать, судя по географическому положенію. Зимой ночи бываютъ очень холодны, но весь день солнце свѣтитъ такъ же тепло, какъ въ Германіи въ позднее лѣто. Дни какъ зимою, такъ и лѣтомъ, очень коротки: самый кратчайшій день 10 часовъ, а самый долгій—14 часовъ. Различіе климата въ разныхъ провинціяхъ благоприятствуетъ въ одной, напр., овцеводству, скотоводству и воздѣлыванію зерновыхъ хлѣбовъ, въ другой же—добыванію тропическихъ и полутропическихъ произведеній, кофе, сахара, хлопка и т. д. Фрукты всѣхъ родовъ не переводятся круглый

годъ, такъ, какъ одни зрѣютъ зимою, другія лѣтомъ. Табакъ хорошаго качества разводится въ значительномъ количествѣ и вмѣстѣ съ хлѣбомъ и скотомъ вывозится въ Капскую колонію и Наталь. Маиса ежегодно производится огромное количество, но большая часть его употребляется на мѣстѣ какъ бѣлыми, такъ и туземцами, которые, находясь между бѣлыми, питаются почти исключительно варенымъ въ водѣ маисомъ и ѣдятъ его съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ своихъ же краяхъ (деревняхъ), гдѣ они не могутъ позволять себѣ такой роскоши, они питаются преимущественно такъ называемымъ кафрскимъ хлѣбомъ, очень похожимъ на гречиху, только онъ растетъ кустами, втрое выше послѣдней. Всѣ овощи, свойственныя сѣвернымъ климатамъ, произрастаютъ здѣсь превосходно. Хлопчатникъ, конопля, рисъ въ нѣкоторыхъ частяхъ страны растутъ дико, а въ Рустенбургскомъ округѣ встрѣчаются дикое кофейное дерево и дикій виноградъ. По берегамъ рѣки вездѣ растетъ родъ дикой конопли, называемый у туземцевъ дагга; его рѣжутъ, сушатъ и курятъ съ большимъ удовольствіемъ, не смотря на то, что онъ имѣетъ притупляющее дѣйствіе на органы чувствъ. Минералами страна очень богата. Мы сомнѣваемся, есть-ли другая страна, которая обладаетъ большимъ богатствомъ рудъ и драгоценныхъ минераловъ. Здѣсь изобиліе желѣза, олова, свинца, мѣди, графита, фарфоровой глины, охры, квасцовъ, мрамора, седитры и драгоценныхъ камней. Каменный уголь открывается во всѣхъ частяхъ страны и залегаетъ на поверхности земли огромными пластами. (Terre, die Transvaal'sche oder südafrikanische Republik. Gotha. 1868, 8, стр. 2—4).

Южно-африканское плоскогорье представляетъ одинъ изъ немногихъ богатыхъ алмазныхъ мѣсторожденій на землѣ. Первый южно-африканскій алмазъ былъ найденъ въ мартѣ 1867 около Гоптоуна на Оранжевой рѣкѣ; вскорѣ затѣмъ нашли цѣлыя алмазныя россыпи по обоимъ берегамъ Ваала около Клипъ-Дрифта, Пниля и Геброна, далѣе—при Дютуа-Панъ и Форсмитъ, въ республикѣ Оранжевой рѣки, наконецъ при Кобсергѣ въ Капской колоніи. Сухія копи двухъ послѣднихъ мѣстъ очень производительны и равномерно усыяны алмазами. Но самыя большія прінски расположены несомнѣнно по Ваалу въ землѣ Грикуа, которая также принадлежала республикѣ Оранжевой рѣки. Но жадные англичане вдругъ вспомнили, что старый кафрскій предводитель уступилъ имъ между прочимъ и этотъ округъ, и захватили его въ октябрѣ 1871, не принявъ во вниманіе ни протестовъ голландскихъ земледѣльцевъ, ни предложенія ихъ предоставить германскому императору рѣшить спорное дѣло. Нынѣ копи уже переполнены людьми; въ одномъ Нью-Рупѣ, напр., число поселенцевъ полагаютъ въ 40,000, но оно вѣроятно нѣсколько преувеличено. Гостинницы переполнены. Жилищами служатъ болѣею частію палатки, такъ какъ страна совершенно безлѣсна; теперь строить деревянные магазины и маленькіе дома, но они обходятся невѣроятно дорого. Еловая доска, благодаря дальнему и трудному привозу, стоитъ 16 мар., а балка даже 64 марки. Заработная плата громадна: человѣка, который только называется плотникомъ, а на самомъ дѣлѣ умѣетъ развѣ гвозди вбивать, нельзя нанять меньше чѣмъ за 12 марокъ въ день. Участки также очень дороги: половинный участокъ въ 10 м. длины и 5 ширины, взрытый уже вглубь на 15 м., стоилъ еще 480,000 марокъ! Вотъ причина, почему алмазники такъ мало зарабатываютъ. Большая часть ихъ коротаетъ жалкую жизнь. Конечно, есть много и очень богатыхъ людей, которые живутъ весьма пріятно

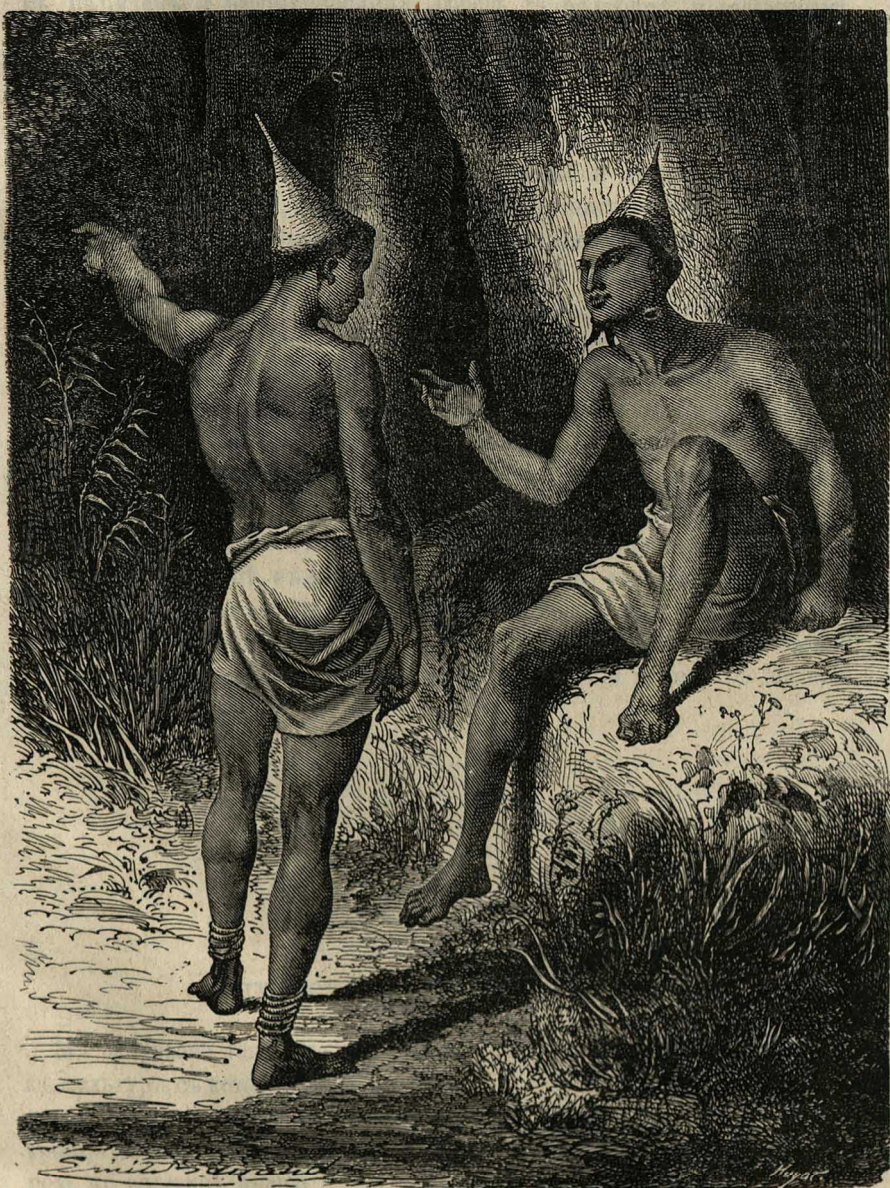
имѣютъ хорошую кухню, піано, лошадей, кареты, ходятъ въ концерты, на балы, въ театрѣ, играютъ въ рулетку и проч. Въ игорныхъ домахъ игроку подаютъ бесплатно бисквиты, шампанское, ситары и всякого рода прохладительныя, конечно для привлеченія людей. Каждый разсчитываетъ когда нибудь пожить на широкую ногу. Людей привлекаетъ всякій разнесшійся слухъ о неожиданной находкѣ. Такъ, одинъ ирландецъ въ первые же часы своей работы нашель алмазъ, который продалъ за 75,000 фр.; другой нашель алмазъ въ 115 каратовъ и притомъ въ ямѣ, которая была брошена ея прежнимъ владѣльцемъ послѣ долгой безуспѣшной работы. (*Revue des deux Mondes*, 1 июня 1874 г.). Нельзя себѣ представить болѣе рѣзкаго соціальнаго противорѣчія: съ одной стороны уединенныя голландскія крестьянскія жилища, гдѣ чужеземецъ принимается въ семью, послѣ первыхъ же привѣтствій, словами—дядя, тетка, племянникъ и т. д., гдѣ хозяйка дома, окруженная малолѣтнею цвѣтною прислугою, почти не покидаетъ своего мѣста, сосредоточиваетъ вокругъ себя по вечерамъ всю семью по обычаю отцовъ и дѣдовъ для пѣнія псалмовъ и для чтенія Библии, а съ другой — Алмазный округъ, гдѣ пестро перемѣшанная толпа, живущая и защищающаяся отъ непогоды всевозможными способами, при успѣхѣ ликуетъ цѣлыя ночи послѣ напряженного дневнаго труда.

Какъ въ республикѣ Оранжевой рѣки есть алмазы, такъ въ Трансваалѣ есть золото, которое открыто нѣмецкимъ путешественникомъ Карломъ Маухомъ въ сѣверной части государства и распространено и далѣе въ Ю. Африкѣ—къ С. отъ Лимпопо. Но золотые рѣски при поселеніи Тати въ государствѣ Мотиликатсе вскорѣ оказались весьма бѣдными, золото встрѣчалось лишь въ небольшомъ количествѣ въ твердомъ кварцѣ, такъ что ожиданія устремившихся сюда золотоискателей изъ всѣхъ частей свѣта, даже изъ Австраліи, были жестоко обмануты. Напротивъ, въ послѣднее время въ сѣверномъ Трансваалѣ, около города Мараба и Лиденбурга, открыты были новыя золотыя рѣски, о которыхъ получены самыя блестящія извѣстія. Тотчасъ же явились туда около 800 золотопромысловъ и достигли очень хорошихъ результатовъ. Добываемое тамъ золото отличается превосходными качествами и продается по 78 марокъ за унцію. Очень многіе работники бросили алмазные рѣски и кинулись на золотыя. Золото находится большею частію наносное, хотя часто попадаются и куски отъ 5 до 20 унцій. Наиболѣе опытные австралійскіе золотоискатели, судя по всѣмъ примѣтамъ, приходятъ къ тому заключенію, что здѣсь должны быть очень богатые рѣски. Трансваальское правительство дѣлаетъ большія усилія для проложенія дороги отъ Лиденбурга къ заливу Делагоа. Пока же ѣздить здѣсь можно только на мулахъ, потому что волы даже ночью подвергаются смертельнымъ укушеніямъ мухи цеце,

Трансваальская республика—настоящее Эльдorado для охотника, который можетъ бродить тамъ, не стѣсняясь никакими законами объ охотѣ. Дичи всякаго рода—изобиліе, есть козлы, каменные бараны, гну, зебры; слоны же, носороги, морскія коровы, буйволы и жирафы нѣсколько лѣтъ тому назадъ перешли къ сѣверу. Изъ хищныхъ животныхъ есть львы, тигры, волки, шакалы, тигровыя кошки и т. д. Они съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уничтожаются боерами и отодвигаются въ необитаемыя мѣста. Изъ трехъ встрѣчающихся здѣсь видовъ львовъ, самый опасный—съ блѣдно-желтою шерстью и черною

грюю, но рѣдко слышно, чтобы онъ нападалъ на людей, такъ какъ существуетъ много дичи. Вслѣдствіе высокихъ цѣнъ, платимыхъ въ послѣдніе года за всѣ роды страусовыхъ перьевъ, тысячи этихъ невинныхъ животныхъ приносятся въ жертву модѣ. Громадныя количества этого цѣннаго предмета торговли вывозятся теперь въ Англію изъ гаваней Колоніальной и Наталя, а идетъ онъ главнымъ образомъ изъ Трансвааля и мѣстностей, граничащихъ съ нимъ непосредственно съ запада, такъ какъ въ Капской колоніи и въ сосѣдней съ нею республикѣ Оранжевой рѣки охота на страуса наказывается большимъ штрафомъ. Но истинное наказаніе во всей Ю. Африки составляютъ рои саранчи. Путешественникъ Моръ, сидя подъ сѣнью своего фургона, на берегу Вааля, имѣющаго здѣсь ширину Везера при Бременѣ, замѣтилъ на югозападной сторонѣ горизонта громадныя столбы дыма; но проводники его, по желтоватому цвѣту ихъ, тотчасъ узнали саранчу, эту крылатую язву Африки, истребляющую всякую растительность. Съ неба саранча повалилась сперва по одиночкѣ, потомъ дюжинами, а потомъ тысячами; она двигалась такой огромной тучей, что затемняла воздухъ; сквозь саранчу можно было простымъ глазомъ смотрѣть на солнце, которое хотя и было высоко, но было красно и безъ лучей, какъ при закатѣ. На это волнующееся море насѣкомыхъ нападали стаи пожирающихъ саранчу птицъ, но ихъ было такое же несчетное множество, какъ песку въ пустынѣ. Вся мѣстность вдоль и поперекъ покрылась саранчею; вода въ Ваалѣ, покрытая тѣлами этихъ животныхъ, приняла сѣрожелтый видъ, а маленький садъ при фермѣ, въ которой остановился Моръ, въ нѣсколько минутъ былъ погнанъ до чиста. Съ невозмутимѣйшимъ, турецкимъ спокойствіемъ сидѣла семья боера въ своемъ маленькомъ домикѣ и молча смотрѣла на уничтоженіе своихъ садовыхъ и полевыхъ фруктовъ, что совершенно понятно, такъ какъ противъ этого сдѣлать рѣшительно ничего нельзя. Движенія саранчи не останавливаетъ ничто; достигнувъ рѣки, она прямо бросается въ нее, такъ что изъ тѣлъ ея постепенно образуется пловучій слой, по которому неудержимо скачутъ слѣдующіе рои. Всего хуже то, что гдѣ бы саранча ни упала, тамъ сейчасъ же она кладетъ свои яички, такъ что съ наступленіемъ дождливаго времени изъ земли выползаютъ молодыя, безкрылыя животныя, которыя и скачутъ дальше, уничтожая снова всякую растительность. Эти молодыя рои боеры называютъ довольно характеристично *footloopers*, т. е. пешеходами, а летучихъ—*Spring Naans*. Воля Мора, лошади, овцы и козы пожирали ихъ съ жадностію, а слонамъ и другимъ крупнымъ травояднымъ дикимъ животнымъ они кажутся какимъ-то лакомствомъ. Всѣ туземныя племена ЮВ. Африки считаютъ саранчу также лакомымъ кушаньемъ, собираютъ ее кучами и ѣдятъ жареную и сушеную. Г. Моръ пробовалъ ее, но безъ соли она совершенно безвкусна. (Mohr. Zu der Wasserfällen der Zambesi. 1 т., стр. 114—116).

Населеніе Трансвааля состоитъ изъ 25,000—3,000 бѣлыхъ и приблизительно 250,000 туземцевъ, изъ которыхъ послѣдніе называются макатизами и принадлежатъ большей частію къ бечуанскимъ племенамъ. Это — здоровые, хорошо сложенные люди, но у нихъ есть два дурныя качества, не встрѣчаемыя у другихъ кафрскихъ племенъ: они лѣнны и трусливы. Ихъ страсть къ бусамъ, латуной проволоцѣ, металлическимъ

Замбезкие негры.

THEY WERE BOTH VERY OLD AND WEAK, AND HAD BEEN
LIVING IN THE MOUNTAINS FOR MANY YEARS. THEY
HAD NO OTHER FRIENDS, AND WERE VERY POOR.

THEY WERE BOTH VERY OLD AND WEAK, AND HAD BEEN
LIVING IN THE MOUNTAINS FOR MANY YEARS. THEY
HAD NO OTHER FRIENDS, AND WERE VERY POOR.

пуговицамъ и тому подобнымъ вещамъ, которыми они украшаютъ себя и своихъ многочисленныхъ женъ, гонить ихъ иногда изъ кралей, гдѣ они большую часть года ничего не дѣлаютъ. У нихъ большая страсть къ нарядамъ и необыкновенная любовь къ болтовнѣ и разговорамъ. Оружіе ихъ состоитъ большею частью изъ самодѣльныхъ топоровъ и ассегаевъ. На рукахъ и на ногахъ они носятъ большія мѣдныя кольца, приготовляемыя ими въ многочисленныхъ мѣдныхъ рудникахъ, и нѣчто въ родѣ гитары, изъ которой они умѣютъ извлекать однообразныя меланхолическіе звуки и которую они берутъ съ собою въ дорогу. Отъ природы они добродушны, легко выучиваются чужому языку и часто умѣютъ сдѣлать себя необходимыми. Правящій элементъ населенія составляютъ конечно бѣлые, такъ называемые боеры. Главный городъ страны Почефструмъ, или, какъ его еще называютъ, Муи-Риверъ-Дорпъ, находится на самомъ югѣ республики. Почефструмъ, маленькое мѣстечко съ 400—500 жителей, расположенъ, какъ и всѣ основанныя боерами поселенія: широкія улицы пересѣкаются подъ прямыми углами, въ каждую проведена текучая вода, всякій эрфъ или наслѣдье окружено плодовыми садами и огородами. Для апельсиновъ и южныхъ плодовъ климатъ слишкомъ холоденъ. Что касается до послѣдняго и плодородія почвы, то Трансвааль принадлежитъ къ самымъ благословеннымъ странамъ на свѣтѣ; на сѣверѣ, въ мѣстностяхъ по Лимпопо, лѣтомъ господствуетъ тропическій зной; сухой чистый воздухъ оказывается особенно цѣлебнымъ при болѣзняхъ легкихъ и удушья, и страдающіе этими болѣзнями прїѣзжаютъ въ послѣднее время сюда изъ Англіи и даже съ Мадеры.

ГЛАВА XXIII.

Внутренность южной Африки.

Мы вступаемъ теперь въ обширное пространство, не пріобщенное еще къ культурѣ, съ которымъ мы познакомились по отдѣльнымъ путешествіямъ и которое всего правильнѣе назвать настоящею внутреннею частью южной Африки. Это—пространство, заключающееся между Лимпопо, второю по величинѣ рѣкою восточной Африки, съ Ю. и Замбезе съ С. Источники Лимпопо находятся на горномъ хребтѣ Гатсъ Рандъ, къ СВ. отъ Почефструма; изгибающееся къ сѣверу его теченіе описываетъ почти двѣ трети дуги полного круга, и прямая линія отъ верховьевъ къ устью содержится въ немъ три раза. На обозначаемой имъ сѣверной границѣ Трансвааля теченіе его прерывается многими быстринами, оканчиваю-

щимися водопадами Толо-Азиме. Великолѣпный водопадъ съ громомъ свергается въ зіяющую пропасть и представляетъ одинъ изъ цѣлаго ряда водопадовъ, которыми Лимпопо сбѣгаетъ въ расположенныя ниже мѣстности. Его устье въ Индійскомъ океанѣ, изслѣдованное только въ 1868 С. Винцентомъ В. Эрскайномъ, находится въ болотахъ Ингампуры подъ $25^{\circ} 15'$ ю. ш.

Къ югу отъ устья Лимпопо тянется сравнительно узкая полоса земли отдѣляющая Трансваальскую республику отъ моря; южная часть ея — земля кафровъ-зулу, сѣверная — оспариваемая боерами территория Свади, образующая восточный и южный берегъ португальской бухты Делагоа. Хотя эта густо поросшая лѣсомъ страна, расположенная между содержащими золото трансваальскими горами и бухтой Делагоа, бываетъ лѣтомъ болотиста и посѣщается опасною мухою цеде, но зимою она здорова и орошается рѣкою Умцуту, которая легко можетъ быть сдѣлана судоходною для мелкихъ пароходовъ. Пръ заливѣ Далагоа стоитъ португальская факторія и городъ Лоуренсо-Марквесь на песчаной мели, почти совершенно окруженной моремъ. Мѣстности по нижнему Лимпопо представляютъ разительную противоположность съ гористою почвою Трансваала: это — страна открытая, богатая озерами и кустарникомъ, въ которой лишь изрѣдка встрѣчаются ряды высотъ и которая обрабатывается большею частью такъ называемыми ландинсами, т. е. крѣпостными предводителей различныхъ племенъ. Верховнымъ главою на нижнемъ теченіи Лимпопо является Умцила (Умцейла), знаменитый король котораго лежитъ недалеко къ востоку отъ загадочныхъ еще развалинъ Зимбаое, или Зимбабайе, открытыхъ Карломъ Маухомъ 5 сентября 1871. Далеко-ли простирается царство Умцилы, съ точностью неизвѣстно, такъ какъ на побережьѣ претендуютъ португальцы, которые владѣютъ пунктами Ингамбане и Софала; то же самое надо сказать и про нижнее теченіе Замбезе. Съ запада же оно граничитъ съ царствомъ Мателе, занимающимъ огромное пространство отъ Лимпопо до среднего теченія Замбезе.

Западную часть земли Мателе проѣхалъ Эдуардъ Моръ въ путешествіи своемъ изъ Шошонга къ Замбезе. Шошонгъ, называемый также Бамангвато, не принадлежитъ еще къ царству Мателе, но составляетъ столицу бечуанскаго предводителя Мачей и имѣетъ нѣкоторое торговое значеніе, какъ рынокъ цѣнныхъ страусовыхъ перьевъ, составляющихъ монополію монарха. Городъ считаетъ въ себѣ около 30,000 населенія и представляетъ во всякомъ случаѣ одно изъ крупнѣйшихъ и многочисленнѣйшихъ поселеній въ Ю. Африкѣ. Грязь на улицахъ, если только можно такъ назвать проходящія между хижинами пѣшеходныя тропинки, превосходитъ всякое вѣроятіе. Высота мѣста надъ моремъ составляетъ здѣсь 1005,82 м., и холода были такъ велики, что по ночамъ являлись ледяныя сосульки. Поэтому-то здѣсь, при южной широтѣ въ $23^{\circ} 20'$, по вечерамъ люди надѣваютъ мѣховые плащи и башлыки. Шошонгъ даже прославился приготовленіемъ этихъ плащей, называемыхъ кароссе, которые шьются со вкусомъ изъ шкуръ различныхъ животныхъ и распространены по всей южной Африкѣ. Холмистая мѣстность около Шошонга состоитъ изъ скалъ зеленого камня, въ расщелинахъ кото-

Танецъ "каровъ-вулу".

рыхъ пышно растеть одно необыкновенное дерево съ могучимъ стволомъ и корнями, въючимися по голымъ утесамъ, въ родѣ плюща, но въ это время оно не имѣло листьевъ. Дальнѣйшій путь шелъ чрезъ однообразный лѣсъ мимозъ и мопани къ ручью Магаласи и Теуани, затѣмъ чрезъ совершенно безводную мѣстность все такимъ же лѣсомъ; только мѣстами виднѣлись кварцевыя холмы съ своеобразными, дебелыми молочайными деревьями, какія часто встрѣчаются въ Натали. Такъ Моръ добрался до Гогве и перешелъ затѣмъ періодическіе ручьи Кашани и Серибъ, а также довольно большой ручей Шашу, текущій въ Лимпопо. Безводное, желтое песчаное русло его было голо и пусто; на немъ виднѣлись слѣды множества дикихъ животныхъ, искавшихъ лужъ; ручьи все одинаковы и извиваются въ одномъ и томъ же направленіи—съ ЮЗ. на СВ. Берега этихъ ручьевъ окаймлены густымъ блѣдно-зеленымъ терновымъ кустарникомъ, предъ которымъ тянется длинный поясъ блѣдно-желтаго тростника, въ которомъ днемъ прячутся львы и кафрскіе быки. Далѣе мѣстность волниста и холмиста, мѣстами возвышаются одинокія крутыя и фантастическія гранитныя вершины, составляющія характеристическую черту какъ этой мѣстности, такъ и страны Мателе; вообще же путешественника окружалъ однообразный, повидимому, безконечный лѣсъ «мопани». Надрѣзанные по срединѣ листья этого вида баугиніи обращены краями къверху и потому вѣтви ихъ, въ этой странѣ жажды и солнца, даютъ такъ же мало тѣни, какъ растянута на солнцѣ рыбацья сѣть. Пройдя эту однообразную, выжженную солнцемъ мѣстность, караванъ прибылъ въ селеніе на Тати. Отъ Тати Моръ принявъ сѣверовосточное направленіе и, перейдя проходъ Рамакобанъ, прибылъ въ Иниатинъ, въ странѣ Мателе. Весь этотъ путь идетъ поверху плоскогорья, склоняющагося къ СЗ. и ЮВ. Онъ странствовалъ между истоками тѣхъ періодическихъ рѣкъ и ручьевъ, которые текутъ влѣво отъ пройденнаго пути съ ЮВ. на СЗ., въ Замбезе, изливая предварительно свои воды въ Гуай, открытый Джемсомъ Чапменомъ. Направо же отъ пути, т. е. наоборотъ отъ СЗ. къ ЮВ., текутъ все тѣ воды, которыя принадлежатъ системѣ Лимпопо или Крокодиловой рѣки. Къ С. отъ Рамакобана страна становится плодороднѣе, и около рѣки васъ поражаетъ громадная толщина древесныхъ стволовъ. Далѣе путь шелъ чрезъ пустынную, необитаемую лѣсную мѣстность. При проходѣ Моніама начинается мѣстность, которую по справедливости можно назвать моремъ скалъ: по всему горизонту, на сколько можетъ видѣть глазъ, разбросаны въ хаотическомъ безпорядкѣ громадныя гранитныя массы. Среди этихъ каменныхъ развалинъ, мѣстами торчатъ одинокія гранитныя массы въ родѣ полуразрушенныхъ башенъ или покинутыхъ древнихъ исповидскихъ замковъ. Высота Иниатинскаго плоскогорья составляетъ 1250 м., и мѣстность переполнена ночными ядовитыми змѣями; въ сумерки выползаютъ изъ своихъ норъ черная м'хамба, изъ рода кобры, и ужасная тадюка, бродятъ львы и другія крупныя хищныя животныя.

Въ періодъ совершеннаго затишья и большихъ засухъ Моръ часто наблюдалъ небольшіе вихри или крутящіеся ураганы, поперечники которыхъ на землѣ бываетъ рѣдко больше 5 м.; они появляются совершенно неожиданно съ особенныхъ шумомъ и гуломъ, особенно въ полуденныя часы, и сила ихъ такова, что они вырываютъ съ корнемъ пучки травы и кустарники, даже ломаютъ вѣтви деревьевъ и подбрасываютъ ихъ на значительную высоту.

При своихъ странствованіяхъ Моръ прибылъ въ бечуанскую деревню Ки-

камабеле, улыеобразныя хижины которой лѣпились по утесамъ, какъ ласточкины гнѣзда у стѣны. Затѣмъ онъ пришелъ въ большой край Н'Умканіулы, расположенный въ котловинѣ, окруженной гранитными утесами, какъ настоящими стѣнами. Тѣсный входъ въ нее, загороженный еще частоколомъ, такъ узокъ, что могутъ пройти въ рядъ только двое человѣкъ, и лишь, войдя за этотъ частоколъ, можно увидѣть хижины туземцевъ. Время свое жители проводятъ частію за питьемъ пива іоалла—прохладнаго, кисловатаго и чрезвычайно чистаго напитка, отъ котораго пахнетъ свѣже испеченнымъ хлѣбомъ. Другой разъ Моръ зашелъ въ большой макалакскій край Умзуазе (1270 метр.). Макалаки, называющіе себя марриримо и говорящіе на одномъ изъ нарѣчій бечуанскаго языка, суть земледѣльцы Мателе. Ихъ плантаціи манса и дурры тянутся на цѣлыя мили; они разводятъ также тыквы, арбузы, табакъ, земляные орѣхи и нѣкоторое количество конопли для куренія. Они изготовляютъ превосходное желѣзо, которое, какъ говорятъ, похоже на шведское. Изъ него дѣлаютъ они свое любимое оружіе—ассегай, т. е. копье, и тѣ тяжелыя мотыги, которыми женщины обрабатываютъ поля. Затѣмъ путь Мора шелъ въ совершенно сѣверномъ направленіи чрезъ густо населенныя провинціи къ самому сѣверному макалаксому краю Бабасъ; отсюда до самой Замбезе тянулось необитаемое пространство, совершенно обезлюженное мателелами при Мозиликадзе. Лѣсъ становился гуще и гуще, такъ что приходилось немало поработать топорами. На многочисленныхъ прудахъ виднѣлись слѣды буйволовъ, приходившихъ сюда ночью на водопой. Далѣе простиралась голая, пустынная мѣстность, на которой не было ни кусточка и почва которой для земледѣлія вовсе негодна; здѣсь бродили страусы, квагги и жирафы. На слѣдующій день онъ достигъ ручья Текуане или Нетун, текущаго въ Нату, а затѣмъ и самой Наты, на сѣверномъ берегу которой былъ широкій разливъ воды. Отъ перехода черезъ Нату до Замбезе оставалось еще почти 200 кил. Въ простирающейся до этой рѣки большой пустынѣ бродятъ тысячи слоновъ, и на пространствѣ цѣлыхъ миль видны страшныя опустошенія, производимыя въ лѣсу этими колоссальными тварями. Дальнѣйшій путь требовалъ величайшей осторожности, такъ какъ всякую минуту можно было попасть въ область мухи цеце (*Glossina morsitans* Westw.), и дѣйствительно подъ 19° 11' ю. ш. телѣга достигла самаго отдаленнаго отъ берега предѣла, ибо посланные впередъ развѣдчики принесли извѣстіе, что цеце уже очень близка. Отсюда Моръ направился въ сѣверозападномъ направленіи по открытой, холмистой мѣстности, поросшей сочною травою; тѣнистыя деревья «марулы» составляли мѣстами зеленыя группы, подобно островамъ. На сѣверъ все яснѣе показывались синія горы низовьевъ Гуая, изливающагося въ Замбезе. Пришлось снова переходить этотъ богатый крокодилами Гуай по весьма разсѣистой мѣстности; затѣмъ Моръ вышелъ на Чангани—горный потокъ, изливающийся въ Гуай. Мѣстность все болѣе и болѣе принимала видъ крайне дикой горной страны, покрытой большею частью докучливо густымъ лѣсомъ, въ которомъ все чаще стали попадаться исполинскіе стволы баобабовъ. Берега Гуая обставлены дико романтическими баціонами утесовъ, образующихъ часто крутыя стѣны. Поэтому Моръ повернулъ на западъ къ Дакѣ, которая, какъ и Гуай, есть южный притокъ Замбезе. Дака была перейдена легко, и вскорѣ растительныя формы и травы стали свѣжѣе и роскошнѣе, показались слѣды человѣка, которыхъ путешественники тщетно искали въ пустынѣ по

цѣлымъ недѣлямъ; наконецъ, они увидѣли хорошо засѣянные маисовыя поля и давно желанныя хижины: то была деревня Ванки на Замбезе. Въ 9 часовъ 12 минутъ утра, въ воскресенье 12 іюня 1870 г., Эд. Моръ стоялъ на берегу Замбезе.

Источники Замбезе, этой величайшей изъ рѣкъ восточной Африки, находятся, на сколько извѣстно до сихъ поръ, на болотистой возвышенной равнинѣ небольшого озера Дилоло (приблизительно подъ 12° ю. ш. и 22° в. д. отъ Гр.), но вѣроятно, что боковыя вѣтви Замбезе образуютъ тѣ многочисленныя притоки ея, которые соединяются въ Либу, и что истинныхъ источниковъ ея должно искать на югѣ той самой озерной области, которая распределяетъ воды между Ниломъ и Конго. Дѣйствительно, мы знаемъ, что въ этомъ мѣстѣ, лежащемъ уже значительно ближе къ западному берегу Африки, чѣмъ къ восточному, Камеронъ нашелъ юную Замбезе. Черезъ долину Баротсе спускается она къ югу подъ именемъ Ліамбаи, протекаетъ большое государство Маколло и только близъ Линіанти, т. е. приблизительно подъ 18° с. ш., поворачиваетъ къ берегу Индійскаго океана. Вскорѣ послѣ своего поворота на В., Замбезе свергается въ болѣе низменное мѣсто водопадомъ Мозиватунья (открытъ Ливингстономъ и названъ, по дурному англійскому обычаю, водопадомъ Викторія), представляющимъ чудо природы, которое можетъ соперничать съ Ниагарскими водопадами.

Мы заимствуемъ у г. Мора описаніе этого величественнаго водопада. Ночью ясно слышенъ рокочущій шумъ падающей воды, сопровождающійся какъ бы равномернымъ біеніемъ. Шумъ этотъ ночью слышенъ дальше, чѣмъ днемъ. На слѣдующій день я пошелъ къ водопаду. Картины становились все грандіознѣе, и мы проходили мѣстность, которую можно назвать «паркомъ водопадовъ». Къ В. отъ избраннаго мѣста, Моръ увидѣлъ лѣсъ (уже описанный Ливингстономъ, Бенсомъ и Чепмэномъ), который по своей пышности и красотѣ, но не по разнообразію растительныхъ формъ, можетъ равняться всему, что только видѣлъ Моръ въ Задней Индіи, на Цейлонѣ, на полуостровѣ Малаккѣ и на Явѣ. Папоротники принимаютъ размѣры деревьевъ, исполинскія вьющіяся растенія, толщиной въ большой корабельный канатъ, перекидываются съ вѣтки на вѣтку, надъ всѣмъ этимъ качаются перистыя верхушки пальмъ, а великолѣпныя группы бамбуковъ напоминаютъ о берегахъ Иравади.

Величественная рѣка течетъ съ ССЗ., при ширинѣ $2\frac{1}{2}$ кил., и свергаетъ свои волны съ высоты 120 м. въ пересекающую ея русло, поперечную трещину скалы, ширина которой колеблется между 72 и 90 м. Выше водопада въ волнахъ Замбезе виднѣются многіе острова, украшенные богатѣйшей растительностью. Берега поросли обширнымъ, открытымъ лѣсомъ, гдѣ встрѣчаются цѣлыя группы высокоствольныхъ пальмъ, придающихъ пейзажу истинно-южный характеръ. Вода несется къ уступу съ необычайной быстротой, всюду виднѣются длинныя полосы пѣны, которыя сообщаютъ водѣ такой видъ, какъ будто она кипитъ. Около западнаго края расположенъ маленькій остро-

вокъ, метрахъ въ 50 отъ берега, и рѣка имѣтъ здѣсь, повидимому, большую глубину, а ложе ея—сильный наклонъ, потому что вода свергается здѣсь съ воемъ и шумомъ, дѣлая скачекъ на подобіе морскаго вала. Въ этомъ мѣстѣ, въ самомъ западномъ углу, можно встать на выдающійся край скалы, но это возможно только такимъ путешественникамъ, которые совершенно не страдаютъ головокруженіемъ. Тогдаhalb, рядомъ и внизу вы увидите только что описанный водопадъ, а предъ вами—длинная линія большого водопада, который видѣтъ, конечно, только отчасти, потому что сдавленный водою внизу и наполненный водяными частицами воздухъ съ силою вырывается и летитъ крутясь, вверхъ, обуславливая появленіе тѣхъ облаковъ тумана, которые какъ духи свѣтятсяверху надъ этимъ великимъ «алтаремъ» воды. Смотри долго внизъ на этотъ хаосъ kloпочущей, брызжущей, пѣнистой, волнуемой воды, оглушенный страшнымъ шумомъ разъяренной стихіи, человекъ потрясается съ головы до ногъ проникающимъ его, несущимся изъ глубины грохотомъ и воемъ и изумляется, какъ могутъ противостоять этой силѣ даже скалы, составляющія остовъ земли!—Протѣснившись сквозь этотъ узкій проходъ, Замбезе катитъ свои волны, дѣлая далѣе 3—4 могучихъ изгиба. При столь узкомъ руслѣ, глубина ея должна быть громадна, дабы вмѣстить всю воду. Берега ея образуются перпендикулярными скалами въ 150—180 м. высоты. Для человека они безусловно недоступны, но многіе изъ живущихъ здѣсь бабуновъ легко взлѣзаютъ на нихъ. (Mohr, Nach den Victoriafällen des Zambesi II. т., стр. 28—37).

Здѣсь нельзя не упомянуть о томъ, что въ восточной Африкѣ, повидимому, нѣтъ рѣкъ безъ водопадовъ и пороговъ, что легко объясняется террасобразнымъ строеніемъ всего материка. Такъ, Мозиватунья составляетъ наибольшій, но далеко не единственный водопадъ на Замбезе. Въ сѣверо-восточномъ направленіи она прорывается чрезъ гористую мѣстность страны Батока, и теченіе ея прерываютъ и тѣснятъ водопады Кансора, Макабеле и ущелье Кариба, имена которыхъ уже указываютъ на тѣ препятствія, съ которыми приходится бороться судоходству по Замбезе. Съ обѣихъ сторонъ она принимаетъ въ себя многочисленные и иногда большіе притоки: въ южномъ направленіи съ горъ текутъ Матоппо и Машона, а на сѣверѣ—съ плоскогорій, ограничивающихъ озерную область. Пороги Кебрабаза снова быстро и значительно углубляютъ русло Замбезе, и, пройдя тѣснину въ Лунатскихъ горахъ, внизъ отъ Тете, составляющаго, послѣ перехода черезъ Цумбо, самое отдаленное португальское поселеніе въ долину Замбезе, она принимаетъ юго-восточное направленіе изъ страны Баніай къ португальскому мѣстечку Сенна и изливается къ югу отъ Килимане въ Индійскій океанъ широко развѣтвляющейся дельтой. Незадолго до своего владенія, она принимаетъ въ себя данника водъ озера Ніасы—рѣку Шпрэ. (Barth, Ostafrika. S. 14).

Отъ Замбезе до широты Оранжевой рѣки Африку можно раздѣлить на три полосы земель, изъ которыхъ каждая имѣтъ свои особенности относительно физическихъ свойствъ, климата и населенія. Восточная

полоса, которую мы уже знаемъ, большею частію гориста и населена кафрами, занимающимися земледѣліемъ и скотоводствомъ. Слѣдующая или средняя полоса можетъ быть названа почти холмистою и состоитъ большею частію изъ обширныхъ, слегка волнообразныхъ равнинъ. Она населена бечуанами, и съ нею мы ознакомились благодаря путешествіямъ Мора. Самый же западный изъ трехъ отрѣзковъ—еще ровнѣе средняго и только къ западному берегу становится нѣсколько гористъ. Въ немъ расположена большая, рѣдко населенная равнина, которую называютъ пустынею Калагари.

Эта замѣчательная во многихъ отношеніяхъ равнина, простирающаяся отъ Оранжевой рѣки до озера Нгами, не соответствуетъ нашему обыкновенному представленію о пустынѣ, потому что она отнюдь не бесплодна и не безлюдна, хотя рѣкъ въ ней нѣтъ, а источниковъ очень мало. Только высохшія рѣчныя русла показываютъ, что здѣсь, какъ и во всей южной Африкѣ, вода была когда-то не такою рѣдкостью, какъ нынѣ; засимъ вся эта полоса земли на всемъ своемъ протяженіи замѣчательно равна. Почву ея составляетъ вообще слегка окрашенный бѣлый песокъ, почти чистый хрящъ. Но, несмотря на то, страна не представляетъ на видъ песчаной пустыни и обнаруживаетъ гораздо высшую степень плодородія, чѣмъ можно было бы ожидать при подобныхъ условіяхъ. Пустыня Калагари большею частію покрыта травой, достигающей удивительной высоты и растущей отдѣльными группами; промежутки же, если он не совсѣмъ голы, покрыты разнообразной флорой ползучихъ и клубненосныхъ растений, арбузами и тыквами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются большія группы кустарниковъ и даже деревьевъ. (Barth. Ostafrika, стр. 46). На сѣверъ отъ Калагари находится открытое Ливингстономъ 1 августа 1849 озеро Нгами, красивый водный бассейнъ, который можетъ быть обозрѣваемъ только въ ширину, а не въ длину. Последняя опредѣляется приблизительно въ 90 кил., и, по рассказамъ туземцевъ, это мелководное озеро можетъ быть обойдено въ 3 дня. Берега его, вообще, чрезвычайно плоски, песчаны, илисты и поросли тростникомъ. Въ дождливое время оно принимаетъ въ себя значительные притоки, и вода его бываетъ тогда прѣсная, между тѣмъ какъ при низкомъ уровнѣ она дурна и песочна на вкусъ. Отъ широты, на которой лежитъ Нгами, и страна, и люди принимаютъ совершенно иной характеръ. Вмѣсто ожидаемой песчаной, безводной, возвышенной страны оказывается обширный и изобильный водою бассейнъ, окруженный рядами высотъ. Озеро Нгами составляетъ лишь южную границу этой большой впадины. Она тянется на большомъ пространствѣ къ сѣверу отъ озера, покрыта сѣтью рѣкъ, текущихъ изъ болѣе высокихъ мѣстностей на С. и СЗ., а въ сухое время года образуетъ большею частью покрытыя тростникомъ болотистыя равнины. Но съ апрѣля по іюль, съ разлитіемъ рѣкъ, начинаются наводненія, заливающія землю на большое разстояніе, и изъ всего этого количества воды лишь незначительная часть достигаетъ южнаго вѣстилища, озера Нгами. Съ восточной стороны у послѣдняго есть оттокъ, Зуга, который оканчивается въ поросшемъ тростникомъ болотѣ; съ сѣвера же Нгами принимаетъ въ себя Тіогге. Берега его довольно однообразны и окаймлены обширными тростниковыми болотами, которые только мѣстами прерываются красивыми группами вѣрообразныхъ пальмъ. Далѣе вверхъ

по рѣкѣ страна принимаетъ болѣе пріятный характеръ: берега поднимаются выше и покрываются пышною древесною растительностью пальмъ, мимозъ и сикоморъ. Но вся окрестность сохраняетъ характеръ громадной болотной мѣстности, настоящаго лабиринта рѣкъ, ручьевъ, топей и болотъ, которые такъ перепутываются, что въ нихъ плутають нерѣдко даже туземцы на своихъ лодкахъ. Но гдѣ только сухая земля хотя немного возвышается надъ уровнемъ воды, тамъ она одѣвается роскошною и величественною растительностью тропическаго міра. Животная жизнь на озерѣ и на берегахъ рѣкъ богата и разнообразна. Здѣсь имѣють свои пристанища всѣ крупныя животныя, слоны, бегемоты, носороги, буйволы, жирафы, а также многія породы антилопъ. Вода кишитъ крокодилами, которые достигаютъ иногда исполинскихъ размѣровъ.

По ту сторону, т. е. на западъ отъ пустыни Калагари и вышеописанной области, тянутся вдоль моря обширныя земли готтентотовъ намакуа и дамаровъ, весьма скудно населенныя вслѣдствіе недостатка въ водѣ. Намакуа представляютъ самый характерный типъ первоначальнаго готтентотскаго племени. Область Намакуа—чрезвычайно скучная мѣстность, гдѣ вся растительность состоитъ лишь изъ одиночныхъ кустовъ нѣжной «бушменовою» травы, колючихъ, въ футъ вышиною, кустовъ съ клейкими листьями, мясистаго *Portulacaria akra*, блѣдно-зеленаго *Lasoxylon salsola*, вѣчнозеленой колючей мимозы и дикихъ арбузовъ. Берегъ песчанъ и безводенъ, хотя сѣверная часть его немного лучше и населена кочующими воинственными намакуа, которые разводятъ самый мелкій рогатый скотъ. У истоковъ рѣки Упъ добывается мѣдь, затѣмъ собирается въ небольшомъ количествѣ слоновая кость, страусовыя перья и гумми, а на нѣкоторыхъ маленькихъ прибрежныхъ островахъ, какъ напр. Итча боо, лежитъ много гуано, отчего какъ здѣсь, такъ и на нѣкоторыхъ пунктахъ на берегу, тотчасъ же утвердились англичане. Животный міръ здѣсь тотъ же, что и въ болѣе восточныхъ областяхъ. На сѣверѣ страны Намакуа, вдоль песчаной западной береговой полосы тянется здоровая, зимою даже холодная возвышенность, которая на востокъ переходитъ въ пустыню Калагари. Рѣки, область истоковъ коихъ лежитъ приблизительно на 2000 м. высоты, не судоходны, нѣкоторыя горныя вершины достигаютъ высоты 2400 м., а гора Оматока даже 2680 м. Южную часть этой области составляетъ страна Дамара, которая отдѣлена отъ лежащей сѣвернѣе ея страны Овампо широкой полосой земли, поросшей колючими чащами акацій и верблюжьяго терна. Въ этомъ лѣсистомъ поясѣ встрѣчаются всѣ виды крупныхъ африканскихъ животныхъ, а у береговъ показываются большіе киты. Населеніе составляютъ темнокожіе, чрезвычайно безобразные овампо, грязные дамары равнины и разбойническіе горные дамары.

ГЛАВА XXIV.

Племена южной Африки.

Въ мѣстностяхъ южной Африки живутъ два совершенно отличныя другъ отъ друга племени: кафры и готтентоты. Связь кафрскихъ народовъ, состоящихъ въ этнографическомъ отношеніи изъ кафровъ и народовъ Конго, вытекаетъ изъ родства языковъ, на которыхъ они говорятъ и которые происходятъ отъ одного и того же, нынѣ уже не существующаго, перешедшаго въ нихъ древняго языка. Всѣ эти языки принято называть банту. Употребительнѣйшее названіе для народовъ а-банту—кафры; но это слово тривіальное и происходитъ отъ арабскаго слова кафиръ, что значить невѣрующій, а потому правильнѣе писать каферы или кафиры. Всѣ племена, принадлежащія къ а-банту, отличаются темною, черноватою кожей и шерстистыми волосами, длина и свойства которыхъ весьма разнообразны, но только никогда они не бываютъ гладки и жестки. Цвѣтъ кожи, также чрезвычайно разнообразный, переходитъ чрезъ всевозможные оттѣнки отъ густаго цвѣта сени до синевато-чернаго. Тѣло большею частью сильно развито, черепъ долихоцефалическій (продольный діаметръ его значительно преобладаетъ надъ поперечнымъ), высокій, но черты лица у чистаго племени никогда не сходны съ европейскими. Языки ихъ всѣ принадлежатъ къ группѣ языковъ съ предъименными приставками, образуя, такъ сказать, ихъ основаніе, такъ какъ, кромѣ семейства банту, къ нимъ принадлежатъ лишь гораздо менѣе значительныя семьи мена и горъ. Группа банту, по своему географическому положенію, распадается на восточную, племена которой называются по ихъ главнымъ представителямъ, какъ напр. амазулу и ама-ксоза, или собственно кафрами, среднюю или бечуановъ (бечуана или бежуана), и западную—о-ва-гереро или дамаровъ.

Въ физическомъ отношеніи ама-ксозы (т. е. люди Ксозы) могутъ считаться самыми характеристическими представителями кафрской группы. Авторы первыхъ описаній этого народа изображаютъ его племенемъ совершенно идеальнымъ по своей красотѣ, настоящими живыми статуями; но фантазіи эти были вполне уничтожены тщательными изслѣденіями всѣхъ частей тѣла, произведенными д-ромъ Густавомъ Фричемъ, быть можетъ всѣхъ основательнѣе знакомымъ съ южно-африканскими народами и на трудахъ котораго основаны нижеслѣдующія краткія сообщенія. Не только черепъ этихъ людей, но даже весь скелетъ, въ цѣломъ, весьма рѣзко отличается отъ скелета европейскихъ племенъ, и по строенію скелета кафръ отличается отъ европейца совершенно такъ же, какъ дикое животное отъ домашняго той же породы. Тѣло его, вслѣдствіе закаленности, скорѣе отличается живучестью и способностью противустоять вреднымъ вліяніямъ, нежели какими либо особен-

ными положительными свойствами; какъ мускулатура а-банту не представляетъ ничего удивительнаго, такъ и органы чувствъ стоятъ не особенно выше органовъ чувствъ европейца; замѣчательна только развѣ острота зрѣнія. Относительно умственныхъ способностей кафръ отличается тѣмъ, что высшія идеи религіозной философіи у него сводятся къ голой дѣйствительности. Его идеаль, его

Глава кафровъ-зулу.

любимый предметъ мечтаній и пѣсень составляютъ быки, т. е. его самая цѣнная собственность. Забота о сохраненіи своего скуднаго, но съ трудомъ прибрѣтеннаго состоянія, или даже со страхомъ оберегаемой жизни, т. е. всего, что, при недостаткѣ высшихъ представленій, можетъ имѣть для него какую-нибудь цѣну, вносить въ его характеръ нѣкоторую трусость. Много разъ кафровъ выставляли героями, но несправедливо. Правда, они высту-

пають обыкновенно съ безстыдствомъ и самохвальствомъ, и можно подумать, что дѣйствительно видишь передъ собою гордаго воина, но въ сущности они ничего болѣе, какъ понимающіе свою выгоду негодяи. Имѣть всегда въ виду свою пользу—составляетъ величайшую добродѣль а-банту, все остальное стоитъ у него ниже матеріальной выгоды. Разсчитывая на поживу, онъ уже не заботится болѣе о сохраняемомъ имъ обыкновенно спокойствіи и покидаетъ свою обычную безпечность; но грабежи съ насиліемъ, случающіеся довольно часто и составляющіе даже отчасти ремесло, тѣмъ не менѣе случаются гораздо рѣже, чѣмъ воровство, которое, въ видѣ скотокрадства, распространено до такой степени, что получаетъ политическое значеніе. Связанное съ воровствомъ лицемѣріе также развито весьма сильно. Впрочемъ, кафръ не вполне лишенъ чувства справедливости и обладаетъ замѣчательною ловкостью въ обсужденіи вопросовъ о правѣ. Но вообще онъ не любитъ заботиться о томъ, что не входитъ въ узкій кругъ его немногочисленныхъ потребностей и склонностей, и всего охотнѣе предается безпечному веселью, пользуясь настоящимъ и не думая о будущемъ; въ такомъ настроеніи духа онъ является обходительнымъ, гостепріимнымъ и предупредительнымъ. Онъ ищетъ общества, чтобы поговорить, и, сидя со своими добрыми друзьями вокругъ пивнаго горшка, онъ болтаетъ, какъ самый добродушный человѣкъ въ свѣтѣ, ибо дикость его характера дремлетъ въ это время. Но коль скоро она возбуждена, кафръ приходитъ въ такое бѣшенство, что находитъ особенное удовольствіе въ самыхъ страшныхъ безобразіяхъ; впрочемъ, онъ не мстительнъ и не злопамятенъ. Его нерасположенность къ размышленіямъ составляетъ значительное препятствіе къ развитію, умъ его недостаточно эластиченъ, чтобы выдерживать балластъ отвлеченныхъ мыслей. Поэтому религіозныя представленія кафра стоятъ на самой низкой ступени; всѣ кафры имѣютъ неясное представленіе о загробной жизни; у большинства души ихъ умершихъ предковъ являются предметомъ особаго рода культа. Кромѣ этого культа, они имѣютъ, конечно, много различныхъ суевѣрій, между которыми вѣра въ колдовство занимаетъ первое мѣсто и ужасно распространена.

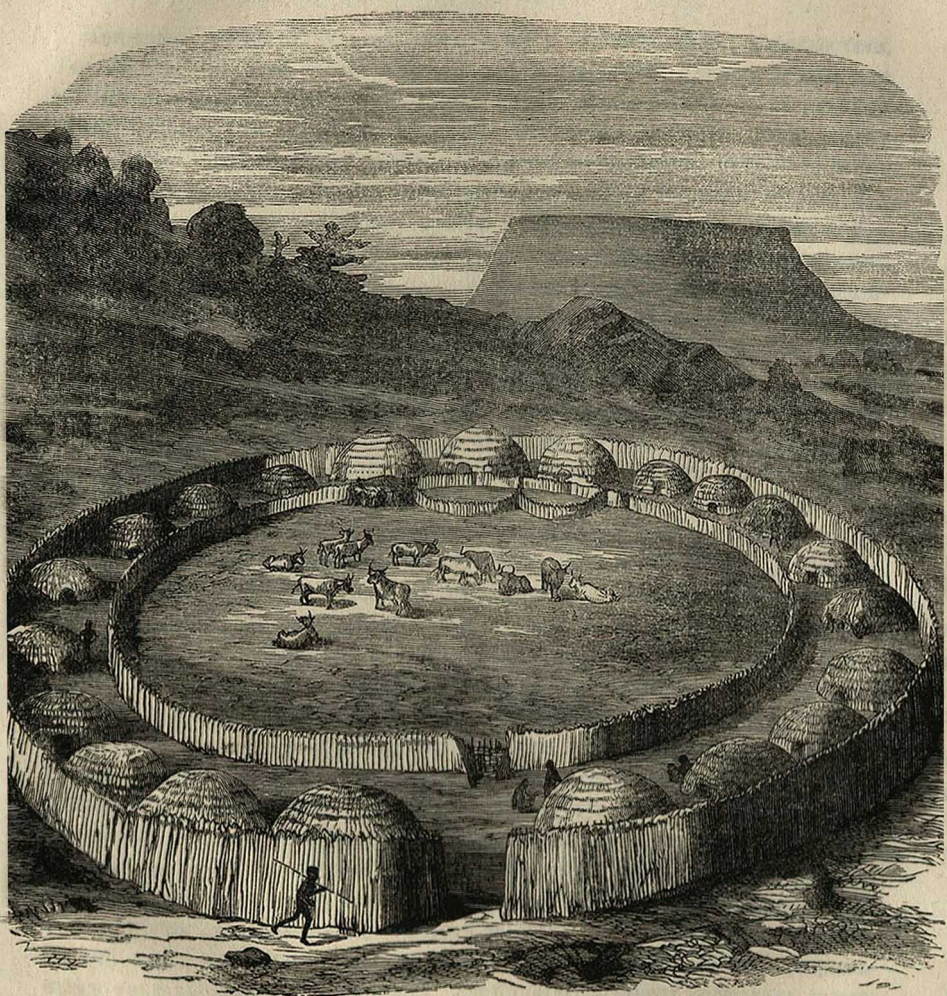
Сѣверная часть племенъ а-банту носитъ названіе ама-зулу и принадлежитъ къ лучшимъ представителямъ темнокожихъ народовъ. Зулу отличаются сравнительно хорошо развитымъ тѣлосложеніемъ и значительнымъ ростомъ, непревышающимъ, впрочемъ, средняго роста европейцевъ, а по строенію лица рѣшительно могутъ стать выше ама-ксовъ. Но всѣхъ распространеннѣе и всѣхъ богаче по числу племенъ—бечуаны. Нынѣшняя область ихъ простирается отъ Оранжевой рѣки до Замбезе, занимая самую внутреннюю часть материка, причемъ на востокъ тянется цѣпь Куатламба, отдѣляющая ихъ отъ зулу и свади, а на западъ Калагари, за которой слѣдуютъ поселенія намакуа.

У бечуановъ, какъ и у собственно кафровъ, также не существуетъ добросовѣстности и честности тамъ, гдѣ на нихъ еще не оказала вліянія цивилизація. Лукавство еще болѣе присуще ихъ національному характеру, чѣмъ характеру кафровъ, причемъ нѣтъ того сильнаго сознанія права, какъ у послѣднихъ. Впрочемъ, лукавство ихъ соединено съ извѣстнымъ добродушіемъ,

такъ что сердиться за ихъ безстыдство нельзя. Склонность къ безпечной веселости и общежитію у бечуановъ такъ же сильна, какъ и у другихъ народовъ а-банту. Сидѣть вмѣстѣ по цѣлымъ часамъ, шутить и смѣяться — вотъ ихъ любимое занятіе. Безпечность выражается и въ ихъ представленіяхъ о будущемъ, а также въ менѣе мрачномъ взглядѣ на колдовство. Конечно, они вѣрятъ и въ вѣдьмъ, и въ чары, и имѣютъ своихъ «іаковъ» т. е. заклинателей, но никогда не заходятъ въ своемъ фанатизмѣ такъ далеко, какъ ксозы и зулу; и страшныя казни за колдовство не составляютъ у нихъ обыденнаго явленія. Мысль о томъ, что будетъ послѣ смерти, не особенно заботитъ бечуановъ, но они полагаютъ, что есть особый родъ неземныхъ существъ, называемыхъ «ба-рими», которыя имѣютъ нѣкоторую связь съ тѣнями усопшихъ.

Къ племенамъ бечуановъ примыкаетъ народъ, простирающійся всего далѣе къ сѣверо-западу и прозванный колонистами дамара, между тѣмъ какъ самъ онъ себя называетъ о-ва-гереро. Его не слѣдуетъ однако смѣшивать съ другимъ племенемъ, горными дамарами, происхожденіе которыхъ никогда не было вполне опредѣлено, но которые впрочемъ, первоначально навѣрное не имѣли ничего общаго съ о-ва-герерами, хотя потомъ съ ними и смѣшались постепенно нѣкоторые отвергнутые элементы послѣднихъ. Настоящіе о-ва-гереро, какъ по вѣншему виду, такъ и по другимъ признакамъ, вовсе не сходны съ горными дамарами, хотя по духовнымъ способностямъ и складу характера не отличаются существенно отъ другихъ а-банту.

Готтентоты, вѣрнѣе называемые кой-коинъ («люди»), — народъ не сходный съ большою семьей а-банту ни въ одной существенной чертѣ, кромѣ курчавыхъ волосъ, которые, впрочемъ, также имѣютъ свои особенности. Общій типъ кой-коиновъ представляетъ своеобразно блѣдный желтобурый цвѣтъ кожи, весьма курчавые, спутанные на подобіе войлока волосы, узкій лобъ, сильно выдающіяся въ стороны скулы, острый подбородокъ, средняго роста, несильное, но выносливое тѣло и маленькія руки и ноги; по строенію черепа готтентоты принадлежатъ къ плоскоголовымъ; у женщинъ характеристично особенное жировое образование—*steatopygia*. Оно состоитъ главнымъ образомъ въ доброкачественной гипертрофіи жировой кѣлѣчатки извѣстныхъ частей тѣла, особенно ягодицъ, а также поясицы и наружныхъ поверхностей бедръ. Богатый прищелкиваньями языкъ готтентотовъ принадлежитъ къ языкамъ съ суффиксами (срединными приставками); различаютъ четыре нарѣчія этого языка: Мыса Доброй Надежды, восточной провинціи, кора и нама. Почти рука объ руку съ дѣленіемъ языка идетъ и этнографическое дѣленіе, только кой-коины на мысѣ Доброй Надежды и восточной провинціи соединяются въ одно. Поэтому различаются три группы кой-коиновъ: колониальныя или готтентоты собственно, живущіе на мысѣ Доброй Надежды и далѣе къ востоку до границъ Кафрской земли, но неимѣющіе общаго названія для всѣхъ

Кафрскій краль.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS
PUBLISHED BY THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS
CHICAGO, ILLINOIS
1911

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS
PUBLISHED BY THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS
CHICAGO, ILLINOIS
1911

причисляющихся къ нимъ племенъ; затѣмъ кораны, поселенія которыхъ расположены большею частью по правому берегу Оранжевой рѣки, и именно въ верхнемъ ея теченіи, особенно вдоль береговъ Вааля и Гарта, и, наконецъ, намакуа, область которыхъ занимаетъ западныя части южной Африки, на сѣверъ отъ Оранжевой рѣки до Киптоваго залива, а на востокъ—до пустыни Калагари.

Кои-коины рѣзко отличаются отъ а-банту физическими особенностями. Готтентоты, при всей своей лѣности, живѣе и веселѣе а-банту, и хотя они значительно слабѣе послѣднихъ, тѣмъ не менѣе лучше владѣютъ своими членами, приближаясь въ этомъ отношеніи къ нашему племени. Вотъ почему они гораздо скорѣе а-банту усвоили искусства европейцевъ, какъ напримѣръ верховую ѣзду и употребленіе огнестрѣльнаго оружія. Вышнія чувства ихъ чрезвычайно тонки, а по своему зрѣнію и чутью они далеко превосходятъ и а-банту, и бѣлыхъ. Тѣмъ не менѣе, кои-коины, какъ народъ, вымираютъ съ такою быстротою, какъ еще ни разу не вымирало никакое другое населеніе. Причина такого рѣзкаго явленія лежитъ въ значительной мѣрѣ въ характерѣ и сангвиническомъ темпераментѣ націи, въ ея крайнемъ легкомысліи, которое совершенно парализуетъ ихъ хорошія качества. Умственные способности кои-коиновъ вовсе не слабы; они весьма легко усваиваютъ себѣ иностранные языки, но въ то же время съ такою же легкостью приобрѣтаютъ и пороки иноземцевъ, которые разрушительно дѣйствуютъ на нихъ. Особенно опасно сдѣлалось для нихъ пьянство: его можно назвать національнымъ порокомъ. Впрочемъ, и въ другихъ отношеніяхъ они не особенно нравственны, и никому не пришло бы въ голову искать нравственныхъ побужденій въ ихъ дѣйствіяхъ. Только страхъ наказанія удерживаетъ народъ отъ дурныхъ поступковъ, ибо голосъ совѣсти рѣдко въ состояніи былъ бы ихъ обуздывать. Ложь, воровство и чувственность также свойственны этимъ племенамъ, но опять являются лишь слѣдствіями легкомыслія при недостаткѣ нравственности. Религіозныя инстинкты несомнѣнно есть и у готтентотовъ.

Намакуа отчасти еще пользуются нѣкоторою независимостью; страсти ихъ легко возбуждаются, но онѣ не особенно сильны; особенно выдающимися характеристическими чертами ихъ можно назвать чувственность и эгоизмъ, но, съ другой стороны, имъ присущи и похвальные качества, какъ напримѣръ супружеская привязанность и почитаніе родителей, хотя уничтоженіе безпомощныхъ стариковъ довольно распространено. Прелюбодѣяніе, повидимому, рѣдко, и если открывается, то влечетъ за собою тяжкія тѣлесныя наказанія. Живой нрав намакуа выражается также въ ихъ склонности къ праздничнымъ танцамъ, которые, впрочемъ, представляютъ ничто иное, какъ культъ чувственности. Кораны, вслѣдствіе вліянія колонистовъ и бечуановъ, уже заимствовали много иноземнаго, они отличаются тупоуміемъ и отсутствіемъ умственной живости. Они тихи, часто даже угрюмы и не любятъ работать черезъ силу, какъ вообще всѣ готтентоты. Они добродушны отъ природы и не выказываютъ особенной склонности къ военнымъ предпріятіямъ; но надеждой на добычу ихъ не трудно поджечь и привести въ безразсудную ярость. Обыкновенно кораны живутъ мирно въ своихъ поселеніяхъ среди колонистовъ и ничуть не тревожатъ окружающихъ жителей, но въ безпокойное время они приходятъ въ какое-то лихорадочное состояніе и творятъ такіа дѣла,

которыя вовсе не свойственны ихъ натурѣ. Какъ ученики въ миссіонерскихъ школахъ, они равнодушны и лѣнны и вовсе не производятъ отраднаго впечатлѣнія. Они не выказываютъ особеннаго расположенія къ умственному развитію и еще менѣе жажды знанія. Пока раздается табакъ, они являются на уроки, но безъ приманки ихъ залучить трудно. Голову свою они, конечно, не особенно отягощаютъ познаніями, однако у нихъ есть нѣкоторыя суевѣрія, о которыхъ они говорятъ весьма неохотно. Кораны—страстные поклонники крѣпкихъ напитковъ, а также «даха» и табаку, и въ высшей степени предаются чувственности. Они не только терпятъ въ своей средѣ отребье бѣлаго населенія, но еще всячески способствуютъ необузданностямъ этихъ людей. Даже высшія ученія христіанской религіи были поняты съ чувственной, пошлой стороны. Наконецъ, у нихъ надо признать склонность ко лжи и воровству. Если ихъ искушаетъ предметъ, обладаніе которымъ для нихъ выгодно, то они берутъ его безъ всякаго угрызенья совѣсти. Одинъ миссіонеръ, желая внушить имъ понятіе о «совѣсти», упомянулъ о внутреннемъ неприятномъ чувствѣ, порождаемомъ сознаніемъ сдѣланнаго грѣха, и — что же? — въ послѣдствіи, когда онъ сталъ спрашивать у своихъ катехуменовъ, что они разумѣютъ подъ словомъ совѣсть, то получилъ отвѣтъ: «боль въ животѣ». (По соч. d-r Gustav Fritsch: Die Eingeborenen Südafrika's, ethnologisch und anatomisch beschrieben, nebst einem Atlas. Breslau, 1872. 8°.)

Подобнымъ же образомъ характеризуютъ и другіе писатели обѣглавныя южно-африканскія семьи—а-банту и кои-коцновъ.

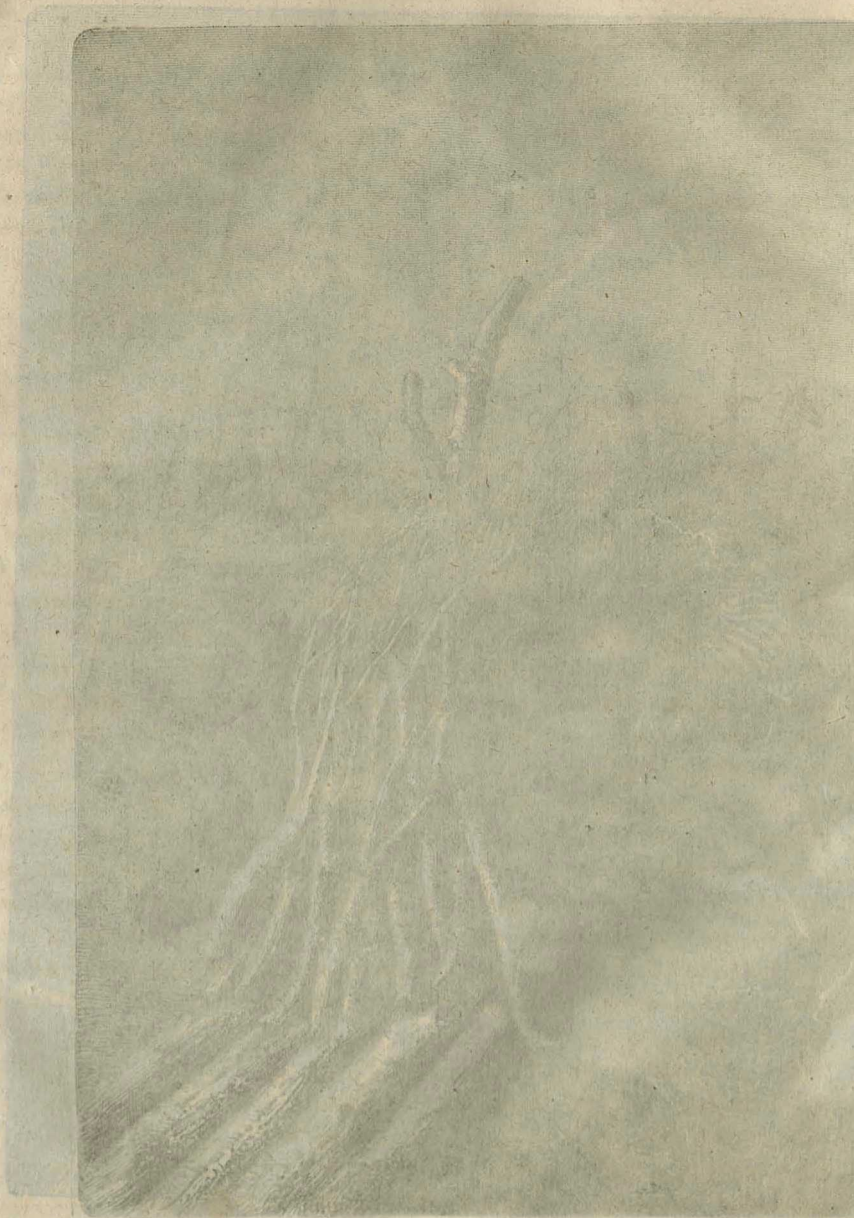
Различіе между кафромъ и готтентотомъ (употребляя это названіе, какъ общее для всѣхъ цвѣтнокорыхъ въ старой колоніи)—полное. Готтентотъ не имѣетъ никакого національнаго чувства. Съ 350,000 себѣ подобныхъ онъ никоимъ образомъ не составляетъ народа, между тѣмъ какъ уже нѣсколько сотенъ кафровъ сознаютъ себя народомъ. Готтентотъ рабъ отъ рожденія, видящій въ бѣломъ своего природнаго господина, котораго онъ охотно готовъ обманывать, но котораго онъ всегда рабски слушается. Кафръ же, напротивъ, смотритъ на евронейца какъ на непрошеннаго пришельца; его онъ боится и ненавидитъ, ибо его онъ охотно свергнулъ бы и подчинился ему никогда бы не согласился. Готтентотъ слабъ, вялъ по характеру; кафръ же хитеръ, упорно держится своихъ возрѣній. Готтентотъ не знаетъ никакихъ національных обычаевъ; кафръ же пропитанъ ими до мозга костей. Онъ имѣетъ своихъ потомственныхъ князей, за которыми слѣпо слѣдуетъ и власть которыхъ признаетъ даже тамъ, гдѣ она была сломана англичанами; онъ признаетъ семью, сильно привязанъ къ своимъ кровнымъ родственникамъ и лишь съ трудомъ привыкаетъ къ мысли, что теперь не вся земля составляетъ его собственность. Готтентотъ почти не знаетъ цѣны деньгамъ и, какъ только пріобрѣтетъ ихъ, тотчасъ же обращаетъ ихъ въ платье или какія-нибудь бездѣлки, или даже охотно жертвуетъ ихъ на церковь и миссію, если миссіонеръ сумѣетъ выбрать удобную минуту; кафръ же, напротивъ, держится крѣпко за свою собственность и полагаетъ, что дѣлаетъ пріятное миссіонеру уже и тѣмъ, что принимаетъ отъ него Святыя Тайны. Ни одинъ готтентотъ не осмѣлился бы упрямиться и ослушаться передъ учителемъ, между тѣмъ какъ съ кафромъ это легко случается. Поразительное противорѣчіе съ этою

CHICAGO JOHN J. KAPLAN

Способъ ловли животныхъ въ южной Африкѣ.

Unecode Angol Nou

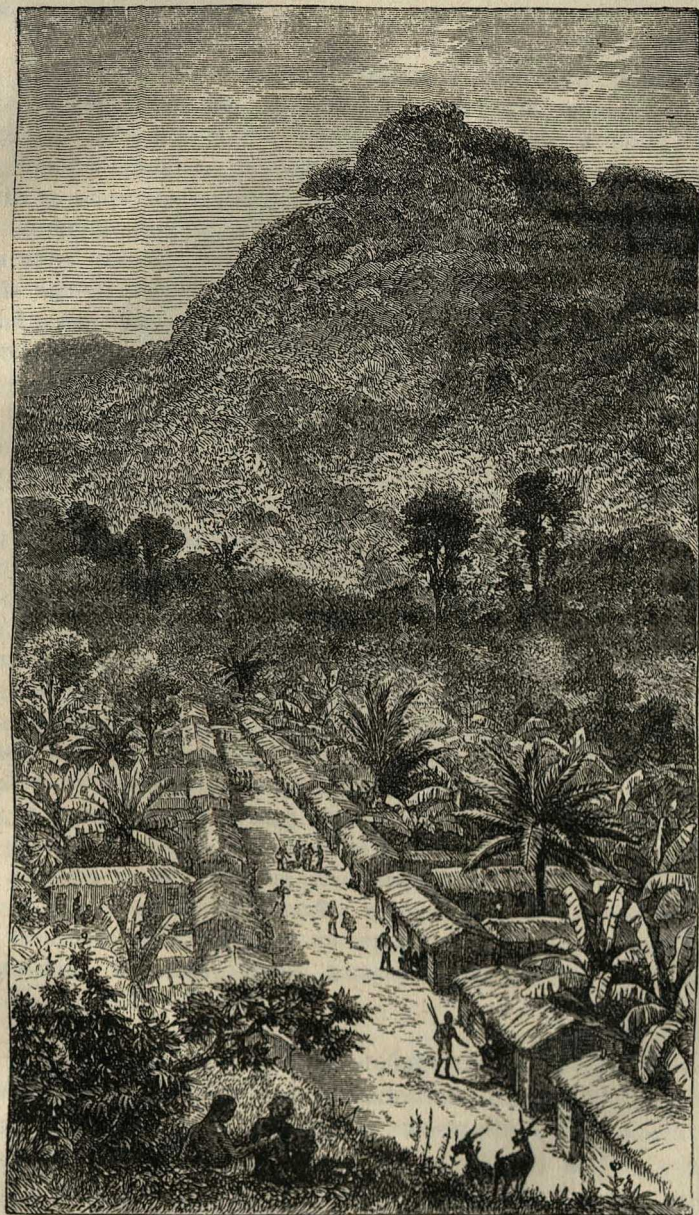
тордостью и самолюбіемъ кафра составляетъ его склонность просить милостиню. Даже самъ король готовъ побираться, какъ самый послѣдній слуга. Такъ, король Сандиле выпрашивалъ у меня однажды шесть пенсовъ на табакъ. Кафръ настойчивъ и упоренъ и потому представляетъ лучшую почву для культивироваія, чѣмъ мягкій, губчатый готтентотъ, хотя съ другой стороны проникнуть въ это каменное сердце чрезвычайно трудно. (Dr. Wapgemann. Ein Reisejahr in Südafrika. Berlin 1868. 8°. S. 213.) Другой наблюдатель говоритъ: «Готтентоты вовсе не такъ ограниченны, какъ это обыкновенно себя представляютъ, но только настоящіе несмѣшанные готтентоты встрѣчаются лишь въ уединенныхъ мѣстахъ южной Африки. Готтентотъ въ духовномъ отношеніи отличается отъ кафра именно тѣмъ, что онъ свободенъ отъ предразсудковъ. Умъ его еще болѣе направленъ на матеріальное, чѣмъ у кафра, такъ что отъ обращенія въ христіанство онъ болѣею частью уклоняется. Готтентоты чрезвычайно рѣшительны и въ войнахъ съ англичанами и туземцами выказали себя хорошими солдатами» (G. Haverland. Ausland 1872, № 42; стр. 986).

Остается еще сказать нѣсколько словъ о бушменахъ (Bosjemenans) и ихъ особенномъ положеніи. Хотя въ общемъ они причисляются къ кои-коинамъ, но тѣмъ не менѣе составляютъ особое племя, рѣзко отличающееся отъ вышеупомянутой семьи. Въ нарѣчій ихъ фонетическія особенности готтентотскаго языка доходятъ до чрезмѣрности. Слова у нихъ болѣею частью односложныя, причемъ каждый короткій слогъ оканчивается или гласнымъ, или носовымъ звукомъ. Бушмены принадлежатъ къ наименѣе цивилизованнымъ туземцамъ южной Африки и жили нѣкогда отъ мяса Доброй Надежды до Замбезе, а можетъ быть и еще тораздо далѣе. Что они уже давно составляли особое племя, свидѣтельствуютъ прежде всего ихъ физическія свойства, между которыми особенно бросается въ глаза ихъ малый ростъ. Но въ настоящее время во многихъ частяхъ южной Африки ихъ преслѣдуютъ какъ дикихъ животныхъ. Такъ, напримѣръ, матебеле считаютъ ихъ опасными, и молодой воинъ ничуть не задумается заколотъ бушмена, чтобы испытать остроту своего ассегаи. Про нихъ можно сказать, что это — цыгане южной Африки, такъ какъ, подобно послѣднимъ, имъ свойственна непреодолимая страсть къ кочевой жизни, благодаря которой они никогда не привыкнутъ къ осѣдлости. Они умѣютъ чрезвычайно искусно ставить западни, въ которыя ловятъ много разной дичи, почва даетъ имъ стѣдобныя клубненосныя растенія, а лѣсныя деревья — медъ; они бьютъ также на бѣгу или на лету куропатокъ и цесарокъ, а коршуны указываютъ имъ тѣ мѣста, гдѣ послѣднею ночью была убита львомъ кабая нибудь крупная дичь и оставлены гигантскія, содержащія мозгъ, кости *Bos elaphus*'a, *Bos Kafir*'a или жирафа, неподдавшіяся даже его зубамъ. Однимъ словомъ, бушмены умѣютъ не пропасть въ такой глуши, гдѣ незнакомый съ лѣсомъ европеецъ положительно умеръ бы съ голоду.

ГЛАВА XXV.

Земли Южной или Нижней Гвинеи.

Южною или Нижнею Гвинеею называют ту полосу африканскаго западнаго берега, которая тянется на сѣверъ отъ горной страны дамаровъ до угла Гвинейскаго залива, гдѣ примыкаетъ къ обращенному къ югу, уже извѣстному намъ берегу Сѣверной или Верхней Гвинеи. Обзорѣніемъ странъ Нижней Гвинеи, къ которой, конечно, будутъ отнесены и страны, лежащія далѣе въ глубь страны, на сколько онѣ мѣстны, мы и закончимъ наше круговое путешествіе по африканскому материку. Большая часть этого берега отъ $5\frac{1}{2}$ до $18\frac{1}{2}$ ю. ш. принадлежитъ португальцамъ, которые, какъ мы уже видѣли, суть собственники значительной береговой области на восточной сторонѣ. Но хотя господство ихъ далеко не ограничивается однимъ морскимъ берегомъ, какъ господство султана въ Занзибарѣ, а простирается далеко вглубь страны, тѣмъ не менѣе нигдѣ внутренность Африки не осталась на столько не изслѣдованною, какъ именно на западѣ. Португальцы господствуютъ въ Моссамедесѣ, Бенгуэлѣ, Анголѣ и Конго, но ни на какой картѣ не обозначено восточныхъ границъ этихъ странъ. Только въ одной Анголѣ восточную границу считается Куанго, или Коанго, впадающій, по всей вѣроятности, въ Конго, но извѣстный лишь въ своемъ верхнемъ теченіи. Кассандже, самый далекій внутри страны португальскій постъ, находится уже недалеко отъ границы недоступнаго царства Муата-Янво на Кассаби. Португальская территорія начинается на югѣ мысомъ Трио; за нимъ до мыса Негро идетъ плоская, однообразная береговая полоса, по которой протекаетъ къ морю одна изъ самыхъ значительныхъ рѣкъ западнаго берега — Кунене, орошающая область Моссамедесъ. Къ сѣверу отъ мыса Негро поднимаются непосредственно изъ моря высокія скалистыя стѣны, перерываемыя болотистыми низменностями при устьяхъ Коанцы (Куанца) и Запры, или Конго, но затѣмъ возобновляющіяся и простирающіяся далеко за предѣлы португальскихъ владѣній до мыса Св. Екатерины ($1^{\circ} 49'$ ю. ш.), гдѣ близъ устья Оговая онѣ смѣняются низменною мѣстностью, покрытою болотами. Внутри же, за исключеніемъ болотистой мѣстности на Коанцѣ, ограничивающей съ юга важнѣйшую часть португальскихъ владѣній — Анголу, идутъ, поднимаясь все выше и выше, богато поросшіе лѣсомъ холмы, соединяющіеся, наконецъ, съ возвышающимся на 3000 м. западнымъ краемъ внутреннихъ возвышенностей. Важнѣйшіе пункты европейцевъ расположены, какъ и всегда, по берегу, и прежде всего С. Паоло-де-Лоанда, или просто Лоанда, португальская столица Верхней Гвинеи, съ 12,000 жителей, за которой къ югу

Макаба, деревня апоновъ.

слѣдуютъ Бенгуэла и Моссамедесъ, а къ сѣверу отъ устья Заиры—Кабинда. Изъ внутреннихъ пунктовъ заслуживаютъ, пожалуй, упоминанія Бембэ, Байлундо и Биге.

Съ прекращеніемъ торговли невольниками, которая здѣсь прежде была весьма значительна, вывозъ изъ Анголы сильно понизился, а капиталы колоніи въ нѣсколько лѣтъ ушли въ Европу. Но послѣ этого и бѣлые, и черные такъ энергично принялись за земледѣліе, что теперь вывозъ равняется ввозу. Главные предметы воздѣлыванія суть: кофе, хлопчатникъ и сахарный тростникъ; послѣдній—пока преимущественно для винокурения. Кофе Анголы потребляется почти исключительно въ Германіи, а вино—въ самой странѣ. Воздѣлываніе хлопчатника было вызвано ужасной дороговизной во время американской войны. Торговля масломъ усилилась, а торговля воскомъ и слоновой костью находится все въ одномъ положеніи. Гумми, продуктъ камеднаго дерева,—а его здѣсь существуютъ цѣлые лѣса, — обратилъ на себя вниманіе лишь въ послѣдніе годы, хотя негры уже не разъ показывали употребленіе его. Нынѣ прибыль отъ камеди на Заирѣ приняла большіе размѣры, но въ области Лоанды извлеченіе изъ нея выгоды только что началось.

Въ португальскихъ владѣніяхъ еще господствуетъ рабство, но черезъ нѣсколько лѣтъ оно должно прекратиться, на чтó въ Африкѣ смотреть какъ на несчастіе. Невольники бѣлыхъ вообще цивилизованнѣе свободныхъ негровъ; они—всегда христіане, никогда не имѣютъ права на многоженство, принуждены работать, за что ихъ хорошо кормятъ и одѣваютъ, тогда какъ у свободныхъ негровъ мы встрѣчаемъ совершенно противное. Всѣ они добродушны, недалеки и имѣютъ склонность къ спиртнымъ напиткамъ и воровству.

Климатъ Анголы, смотря по мѣстности, весьма различенъ. На югѣ въ Моссамедесѣ онъ почти европейскій. Внутренность страны, на разстояніи 70 километровъ отъ берега, становится значительно прохладнѣе и здоровѣе, чѣмъ берега, и имѣетъ хорошую воду для питья, которой на послѣднемъ нѣтъ. Жара рѣдко превосходитъ іюльскую или августовскую температуру Германіи и рѣдко доходитъ до 24° Р. Самые нездоровые мѣсяцы—мартъ и апрѣль, вслѣдствіе сильныхъ проливныхъ дождей и производимой ими лихорадки; это замѣтно именно на берегу; мѣсяцы же отъ мая по сентябрь—самые здоровые и прохладные; впрочемъ, ночью достаточно шерстянаго одѣяла (Ausland 1873, № 17. S 302).

Съ южною частью Анголы и въ особенности съ Бенгуэлою насъ познакомили ближе, благодаря своимъ замѣчательнымъ путешествіямъ, венгерецъ Владиславъ Магіаръ. Здѣсь живетъ нѣсколько негритянскихъ племенъ, которыя часто враждуютъ между собою и ведутъ кровавыя войны, но по языку и нравамъ составляютъ одинъ народъ, который Магіаръ называлъ кимбунда. Сюда принадлежатъ всѣ мѣстности, черезъ которыя протекаетъ Коанца. Къ югу отъ устья этой рѣки мы прежде всего встрѣчаемъ живущихъ на плодородной землѣ и занимающихся земледѣліемъ киссамовъ (квссамы), но, не смотря на это, любящихъ преимущественно человѣческое мясо, подобно всѣмъ кимбундамъ (смотри о послѣднихъ Ausland 1873, Nr. 43, S. 858). Затѣмъ слѣ-

дуютъ мупинды, область которыхъ кишитъ слонами, бегемотами и крокодилами; зумбы, извѣстные своимъ необыкновеннымъ искусствомъ плавать, и занимающіеся скотоводствомъ племена мумдомбе въ окрестностяхъ Бенгуэлы.

Владиславъ Магіаръ отправился съ пути 15 января 1849 года изъ города Бенгуэла и вскорѣ дошелъ до рѣки Катумбелла, стекающей съ трудно переходимыхъ вулканическихъ горъ Бимба, и образующей великолѣпный водопадъ Упа. Мы уже видѣли, что въ восточной Африкѣ водопады и пороги составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ рѣкъ; почти то же самое оказывается и на западной сторонѣ. Такъ, напр., въ лежащей далѣе къ сѣверу странѣ мупиндовъ Магіаръ упоминаетъ о прекрасномъ водопадѣ Каги, образуемомъ рѣкою Муджинджи на склонѣ горъ Гама; наконецъ, вспомнимъ, что и въ сѣверозападной Африкѣ на Сенегалѣ мы встрѣчали также пороги и водопады. Перебравшись черезъ горы Бимба, Магіаръ оказался въ плодородной странѣ разбойническихъ киссанджи и направился черезъ весьма интересную долину Кубале къ Бинга-Ямъ-Бамби, т. е. Рогамъ Газели. Это—двѣ совершенно одинаковыя, стройныя и высокія гранитныя колонны, возвышающіяся на горномъ узлѣ, вышиною въ 1150 м. надъ моремъ, километрахъ въ 200 отъ берега и представляющія далеко видный путеводъ. Когда была оставлена долина Кубале, напоминающая скорѣе вестгіндскую или бразильскую глушь, чѣмъ то, что мы привыкли представлять себѣ вообще объ Африкѣ, то предстояло перейти обширное плоскогорье, дабы достигнуть рѣки подошвы горъ Линги-Линги. Плоскогорье это пересѣкается лишь долиною рѣки Калманда, притока Баломбы. Плоскогорье Кіабера составляетъ самый высокій пунктъ приблизительно въ 1600 м., за которымъ слѣдуетъ страна Гамбо, извѣстная воинственными и разбойническими правами своихъ обитателей. Далѣе за горами Діамба слѣдовала африканская горная страна, высокая равнина Самбосъ въ 2000 м., а затѣмъ путешественники вскорѣ достигли Биге, гдѣ Магіаръ оказался среди кимбундовъ. Эти негры еще много соблюдаютъ варварскихъ обычаевъ и въ торжественныхъ случаяхъ, въ особенности во время коронованія ихъ царей, угощаются мясомъ храбрыхъ враговъ, которое они жарятъ и пожираютъ вмѣстѣ съ буйловымъ и собачинымъ мясомъ, воображая, что отъ этого сдѣлаются непобѣдимыми воинами. Впрочемъ, и о нихъ, какъ и о всѣхъ людоедахъ, можно замѣтить, что умственно они стоятъ выше другихъ, болѣе кроткихъ племенъ.

За сѣверную границу португальскихъ владѣній можно принимать Заиру или Конго, хотя частью она проходитъ еще сѣвернѣе нижняго теченія этой рѣки. Конго, образуемая при своемъ впаденіи въ Атлантическій океанъ обширную дельту, на которой укрываются весьма опасные чернокожіе морскіе разбойники, называемые схиссилонгисъ, есть несомнѣнно самая могущественная рѣка Нижней Гвинеи и играетъ въ этой части Африки такую же роль, какую на востокѣ рѣка Замбезе. Но, къ сожалѣнію, извѣстна лишь совершенно незначительная часть ея нижняго теченія, которая, кромѣ того, недоступна для судоходства вслѣдствіе пороговъ, называемыхъ Гемала. Кверху отъ дальнѣйшаго

восточнаго пункта, достигнутаго Туккеемъ въ 1816 г. (приблизительно около $14\frac{1}{2}^{\circ}$ в. д. отъ Гр.), Конго течетъ по такимъ мѣстамъ, куда еще ни разу не заглядывалъ европеецъ. Истокъ его до послѣдняго времени оставался совершенно неизвѣстенъ, и лишь розыски истоковъ Нила привели, какъ намъ извѣстно, къ открытію верхней области Конго, хотя еще и нѣтъ очевидныхъ доказательствъ тому, что Луалаба есть верховье Конго.

При устьи Конго роттердамское «Африканское торговое общество» основало поселенія, центральнымъ пунктомъ которыхъ служить Банана. Эта факторія расположена на вдающейся въ устье Конго песчаной отмели, запирающей собою маленькій естественный каналъ (сгеек) и образующей такимъ образомъ безопасную и удобную гавань. Далѣе вверхъ по рѣкѣ на Заирѣ находится голландская факторія Бомма, или Эмбомма, до которой поднимаются рѣкою морскіе пароходы. Берега Конго покрыты чрезвычайно густою, даже гложущею отъ своей густоты растительностью, которая выдвигается среди водъ живописными группами. Далѣе, вверхъ по рѣкѣ, горизонтъ становится открытѣе, а вдали показывается рядъ холмовъ, сопровождающій преимущественно лѣвый берегъ. Одинъ изъ увѣченныхъ лѣсомъ гребней спускается до самой поверхности воды скалою, называемою Камень Фетиша (Taddi Damungu). Когда же минуешь возвышающійся съ правой стороны на одномъ изъ холмовъ скалистый столбъ Камня Молнія (Taddi Umsasa), то глазамъ открывается всхолмленная мѣстность съ факторіями Боммы по берегу.

Территорія къ сѣверу отъ устья Конго дѣлится на туземныя королевства: Лоанго, Кабинда, или Ангои, и Каконго, изъ которыхъ первое, какъ сильнѣйшее, одно время господствовало надъ двумя другими, а еще ранѣе всѣ эти три королевства зависѣли, повидимому, отъ короля или императора Конго. Къ востоку отъ этой береговой страны почва образуетъ первый уступъ террасы. Здѣсь расположена обширная лѣсистая страна Майомбе, или Майумба, и область Янгела на верхнемъ Квилу.

Властителями береговыхъ королевствъ являются чисто духовные короли, служащіе простыми орудіями служителей фетишей, которыми они и возводятся на престолъ послѣ обстоятельной многолѣтней подготовки—жертвоприношеній различнымъ злымъ духамъ и щедрого обдариванія жреческихъ коллегій; эти короли остаются въ постоянной зависимости отъ духовенства. На каждого такого властителя возлагаются безчисленныя квиксиллы, т. е. запрещенія, въ родѣ полинезійскихъ табу, вслѣдствіе чего каждое его дѣйствіе, ходьба и стояніе, ѣда и питье, сонъ и бодрствованіе, обставляется различными церемоніями. Благодаря всѣмъ этимъ затрудненіямъ, въ послѣднее время мало уже является охотниковъ занять непріятный постъ лоангскаго короля, и такимъ образомъ престолы остаются незанятыми по цѣлымъ годамъ, впродолженіе которыхъ гробъ усопшаго короля не можетъ быть закопанъ въ землю; дѣлами же управляетъ отъ его имени жреческая каста. Впрочемъ, упомянутые квиксиллы, или ксины, тяготеютъ не только надъ королемъ, но

и надъ всякимъ простымъ смертнымъ; онѣ относятся къ различнымъ предметамъ удовольствія или ежедневнаго потребленія, и частью назначаются каждому отдѣльному лицу при его рожденіи, смотря по тому, къ какому предмету онѣ прежде всего прикоснулся и т. п., частью передаются по наслѣдству путемъ семейныхъ традицій, и частью, наконецъ, приобретаются втеченіи жизни, вслѣдствіе данныхъ божеству обѣтовъ, чтобы снискать его покровительство вообще или при какомъ нибудь извѣстномъ трудномъ предпріятіи. Всѣ онѣ соблюдаются чрезвычайно строго, и бывали примѣры, что, нарушивъ по нечаянности какой-нибудь квиксилл, туземецъ умиралъ отъ страха, боясь послѣдствій своего проступка.

Берега Лоанго холмисты и мѣстами покрыты лѣсомъ; предметы вывоза, ими доставляемые, суть: пальмовое масло, гумми, орсель, воскъ, мѣдь и слоновая кость, а также кофе и хлопокъ; кромѣ того, они производятъ маниоки, бананы и другіе питательные продукты въ такомъ количествѣ, что ими прокармливается густое для Африки населеніе. Туземцы, какъ и всѣ негры Конго, малорослы и слабаго сложенія, и говорятъ на языкѣ сродномъ съ весьма распространеннымъ въ Гижней Гвинееѣ и во внутренней Африкѣ языкомъ бунда и потому понятномъ даже на восточномъ берегу. Они принадлежатъ къ болѣе развитымъ негритянскимъ племенамъ, знающимъ кое-какія ремесла. Такъ, въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ берега и далѣе внутрь страны живутъ народцы, которые отлично умѣютъ ткать, а изъ лыка и соломы дѣлаютъ одежды, тонкія и мягкія на оцупъ, какъ шелкъ. Почва воздѣлывается довольно старательно, а европейскіе корабли и купцы встрѣчаются съ удовольствіемъ; если же они не ѣдутъ долѣе обыкновеннаго, то объ ихъ прибытіи молятся особому фетишу.

Берега Лоанго служили также сценою для недавней несчастной нѣмецкой экспедиціи, намѣревавшейся отсюда проникнуть во внутрь Африки. Во главѣ многочисленной экспедиціи стоялъ д-ръ Павелъ Гюсфельдтъ, а главною квартирою была избрана голландская факторія Чинчошо. Д-ръ Гюсфельдтъ оставилъ Чинчошо 16-го октября 1873 года и направился прежде всего къ голландской станціи при устьѣ Квиллу, откуда онъ пріѣхалъ вверхъ по рѣкѣ. При Кама-Хитомоо впервые показываются по берегамъ скалы, около Маніаматала берега начинаютъ подниматься, а недавно основанная крайняя торговая станція находится вблизи пороговъ Бумина, рядомъ съ порогами Готуа. Квиллу, текущій сѣвернѣе Конго, но повидимому параллельно ему, прорывается водопадами сквозь идущія пераллельно берегу горныя пѣби, черезъ которыя путешественники принуждены были перебираться. Сначала путь ихъ лежалъ между лѣсными деревнями Баюмбе, граничащими съ Балумбо, но далѣе характеръ мѣстности измѣнился, густые лѣса стали рѣдѣть и раздѣлились на отдѣльныя группы въ видѣ парковъ, вдаль показались голыя горныя вершины, а около Нунси (700 м. надъ моремъ) открылся видъ на Янгелу до страны Ба-Тетже съ травянистыми равнинами и пѣбиями горъ на югозападѣ. У НГуелла д-ръ Гюсфельдтъ переправился 13 ноября черезъ верхній Квиллу и уже по правому его берегу возвратился черезъ Майомбе въ Химбеке-Манкусу. Уже слѣдующею весною, т. е. въ 1874 году, Гюсфельдтъ отправился снова на сѣверъ, но на этотъ разъ только до Коанго-Луца, небольшой рѣки, текущей съ африканской горной террасы между Конго и Квиллу. Здѣсь онъ достигъ долиною рѣки самага отдаленнаго пункта своего пути Секосси, гдѣ пробылъ отъ

5-го по 9-е марта 1874 года. Остальную часть года онъ употребилъ между прочимъ на объѣздъ сѣвернаго берега почти до Сетте-Камаса, при переходѣ въ бассейнъ Оговая. Изъ лагуны Банки къ сѣверу отъ Лоанго и къ югу отъ Майомбе отправился онъ черезъ Понта-де-Норте къ устью почти неизвѣстной до того времени рѣки Ніанга, по которой поднялся вверхъ до Монго Ніанга, гдѣ она впервые течетъ межъ скалъ. Продолжая слѣдовать далѣе сухимъ путемъ, онъ поднялся изъ территоріи балумбовъ (слѣдующихъ по берегу за барили) на первый уступъ плоскогорья, занятый баяками, гдѣ изъ Кассоке открылся широкій видъ съ синѣющими впереди горными цѣпями. Крайній пунктъ Интинде былъ достигнутъ 13 сентября.

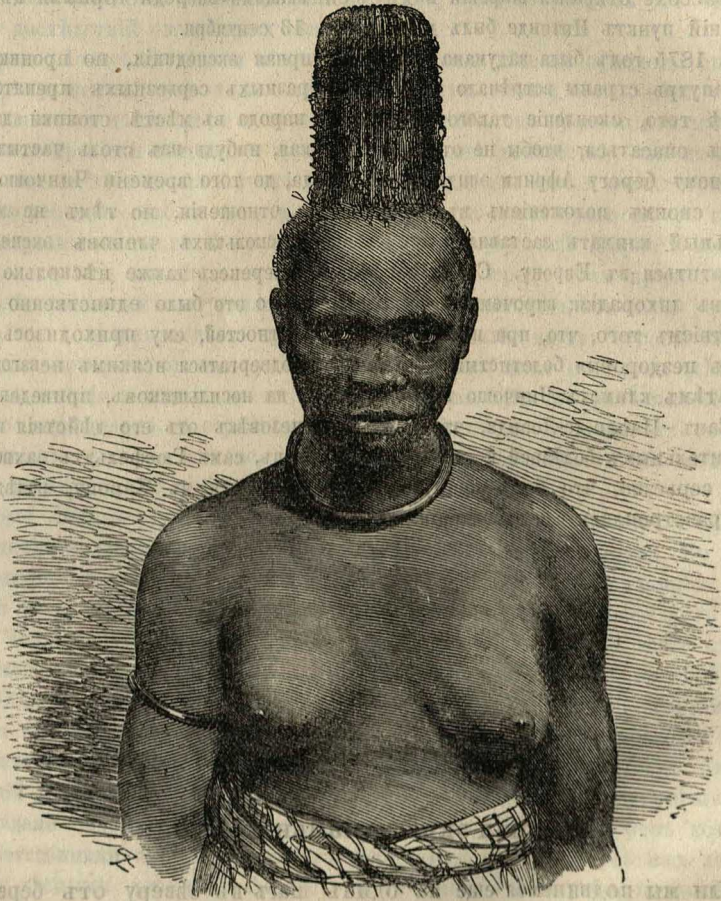
На 1875 годъ была задумана болѣе обширная экспедиція, но проникновеніе внутрь страны встрѣчало все болѣе разныхъ серьезныхъ препятствій. Кромѣ того, скопленіе такого множества народа въ мѣстѣ стоянки давало поводъ опасаться, чтобы не открылась какая, нибудь изъ столь частыхъ на западномъ берегу Африки эпидемій. Правда, до того времени Чинчопо славился своимъ положеніемъ въ санитарномъ отношеніи, но тѣмъ не менѣе гибельный климатъ заставилъ уже давно нѣсколькихъ членовъ экспедиціи возвратиться въ Европу. Самъ Гюсфельдтъ перенесъ также нѣсколько припадковъ лихорадки; впрочемъ, всѣ полагали, что это было единственно лишь слѣдствіемъ того, что, при изслѣдованіи окрестностей, ему приходилось проходить нездоровыя болотистыя мѣстности и подвергаться всякимъ невзгодамъ. Но затѣмъ климатъ Чинчопо такъ повліялъ на носильщиковъ, приведенныхъ изъ Санъ-Паоло-де-Лоанда, что изъ 100 человѣкъ отъ его дѣйствія и отъ заразительныхъ болѣзней погибло 70. Наконецъ, самъ Гюсфельдтъ захворалъ такъ серьезно, что былъ принужденъ возвратиться въ Европу; вслѣдствіе чего разстроилась вся экспедиція.

ГЛАВА XXVI.

Западная экваторіальная Африка.

Если мы подвинемся еще на одинъ шагъ къ сѣверу отъ береговъ Лоанго, то окажемся въ области рѣки Оговай, а еще далѣе — въ области Габуна, которые были точнѣе изслѣдованы объамериканившимся французомъ Полемъ дю Шалью, а позднѣе Викторомъ Компьенемъ и Александромъ Маршемъ. Берегъ между этими рѣками экваторіальной Африки принадлежитъ французамъ, а за нимъ далѣе внутрь страны громоздятся одна за другою параллельныя цѣпи горъ, прерываемыя Оговасемъ, въ который впадаетъ съ юга текущій между этими цѣпями, въ направленіи съ юга къ сѣверу, Онанго. Гдѣ начинается Оговай — намъ не извѣстно. Самый дальній пунктъ, достигнутый, на

немъ Маршемъ и Компьенемъ въ 1874 г., заставляетъ думать, что рѣка продолжается еще далеко внутрь континента. Это-то и есть настоящая рѣка экваторіальной Африки, между тѣмъ какъ прежде за таковую принимали Габунъ, который въ сущности ни что иное какъ громадной ширины и ничтожной глубины дельта, за которою рѣка вскорѣ суживается, стекая съ самыхъ ближайшихъ горъ, между тѣмъ какъ Оговай во всякомъ случаѣ является гораздо болѣе развитою рѣ-

Женская прическа ишоговъ.

кою. Здѣсь, т. е. въ западной экваторіальной Африкѣ, ко всемъ ужаснымъ породамъ звѣрей страны чернокожихъ присоединяется еще не менѣе ужасная горилла (*Gorilla gina Geoffi*), самая крупная изъ поразительно похожихъ на человѣка обезьянъ, населяющая, вмѣстѣ съ тремя другими близкими къ ней породами, лѣса этой мѣстности и вообще всей болѣе теплой части Нижней Гвинеи. Многіе не желаютъ признавать гориллу соединительнымъ звеномъ между человѣкомъ и животными,

считая ее ничѣмъ инымъ какъ большою обезьяною; но, въ противоположность этому мнѣнію, мы приведемъ тотъ интересный фактъ, что многія негритянскія племена не ѣдятъ мяса этой обезьяны, потому что считаютъ ее человѣкомъ. Къ югу отъ Оговая, въ упомянутыхъ параллельныхъ горахъ лежитъ страна Ашира, полная живописныхъ прелестей и населенная патриархальнымъ народцемъ крѣпкаго тѣлосложенія, трудолюбивымъ и искуснымъ, который живетъ мирно какъ у себя дома, такъ и съ сосѣдями. Далѣе за аширами слѣдуютъ апинги, главную

Мужская прическа ишоговъ.

промышленность которыхъ составляетъ тканье; апинги не умѣютъ угодить бѣлыхъ лучше, какъ жаркимъ, приготовленнымъ изъ тучнаго раба. Наконецъ, самый послѣдній извѣстный въ настоящее время народъ, живущій всего далѣе внутри страны, это—ашанго; но чтобы достигнуть до него, надо пройти еще область апоновъ и добродушныхъ, прекрасно сложенныхъ ишоговъ. Подобно отандо и ашанго, апонго также принадлежать къ семейству Ашировъ и всѣ говорятъ на аширскомъ языкѣ, тогда какъ ишогги относятся къ другому негритянскому племени и говорятъ совершенно инымъ языкомъ. На нижнемъ Оговаѣ и на Габунѣ господствуетъ мпонгвейское или габунское нарѣчіе, которое у всѣхъ побережныхъ народовъ и далеко внутри страны служитъ

языкомъ торговыхъ сношеній, но онъ вовсе не звученъ и особенно труденъ для изученія. Что касается собственно бассейна Габуна, то по обоимъ берегамъ его живутъ шекіани, булу и мпонгвейцы. Первые два народа (лѣсные люди) нинѣ малочисленны и живутъ въ лѣсахъ почти въ дикомъ состояніи. Исполненные самыхъ грубыхъ суевѣрій, они презируются даже другими неграми, именно мпонгвейцами, которые гораздо цивилизованнѣе всѣхъ своихъ сосѣдей.

И это тѣмъ болѣе поразительно, что у мпонгвейцевъ не открыто никакого слѣда историческихъ преданій. Они не заглядываютъ въ прошлое далѣе временъ своихъ отцовъ. Впрочемъ, особенно похвального о нихъ сказать нечего. Правда, имъ было проповѣдано христіанство, но они приняли съ истиннымъ энтузіазмомъ лишь одно изъ его ученій — соблюденіе воскресныхъ дней. Въ то же время всѣ они очень тщеславны, что особенно выражается въ ихъ забавныхъ воскресныхъ костюмахъ. Если у габунца есть въ карманѣ нѣсколько грошей, то онъ покупаетъ себѣ связку ключей, которую надѣваетъ на шею, чтобы люди подумали, что у него есть сундукъ. Разбогатѣвъ, онъ дѣйствительно покупаетъ себѣ сундукъ, который и ставитъ въ своемъ жилищѣ на видное мѣсто, чтобы люди подумали, что у него чрезвычайно много товару. Всякому хочется сдѣлаться важнымъ лицомъ, а важное лицо — тотъ, у кого есть много женъ, много славы, цилиндровая шляпа и кредитъ у какого-нибудь бѣлаго купца. Если кто достигаетъ этой цѣли, то онъ тотчасъ же становится предметомъ зависти своихъ, менѣе счастливыхъ, товарищей и долженъ держать ухо востро, такъ какъ ядъ играетъ въ Африкѣ весьма опасную роль. Поэтому несчастный *grand monde* изъ осторожности ѣстъ только то, что приготовлено первой женой и было отвѣдано за нѣсколько времени передъ тѣмъ остальными его женами. Такъ какъ значеніе человѣка измѣряется здѣсь количествомъ женъ, то многоженство составляетъ главнѣйшее препятствіе для распространенія христіанства. Воспитанный въ миссіонерскомъ заведеніи, сынъ предводителя не можетъ слѣдовать наставленіямъ своего священника и взять одну жену, дабы не подвергнуться постояннымъ насмѣшкамъ или даже презрѣнію своихъ земляковъ. Мпонгвейскія женщины вообще не плодовиты, вслѣдствіе ранняго супружества и распутства, а также вслѣдствіе частыхъ браковъ между родственниками. Съ другой стороны, габунскіе мужчины не знаютъ ревности; правда, мужъ охотно выгонитъ навязчиваго любовника своей жены, но если соблюдены извѣстныя формальности и заплачена извѣстная дань мужу, то всякій можетъ сдѣлаться любовникомъ замужней женщины. Такой любовникъ называется *конгвие*, и мужъ по закону обязанъ терпѣть его.

Къ югу отъ Габуна, между этою рѣкою и Оговаемъ, живутъ фаны, которыхъ впервые подробно описалъ Де-Шалью. Они оставили свою первоначальную родину и не извѣстно почему постоянно двигаются къ западу. Въ 1867 году адмиралъ Флеріо-де-Лангль насчитывалъ 60,000 фановъ, вновь прибывшихъ и приблизившихся къ французскимъ поселеніямъ на Габунѣ; но съ той поры число ихъ все увеличивалось

Царекъ фановъ.

и увеличивается до настоящаго времени, такъ что лѣтъ черезъ пятнадцать ими должна наводниться вся габунская область.

Фаны — несомнѣнно людоеды; но надо признать, что людоедство у нихъ уменьшается по мѣрѣ приближенія ихъ къ французамъ. Случаи пожирания человѣческаго мяса становятся все рѣже и рѣже, и, главное, это дѣлается больше тайкомъ. Фаны — весьма красивый народъ и довольно искусны въ нѣкоторыхъ ремеслахъ. Они умѣютъ ковать желѣзо и прежде сами изготовляли ядовитыя стрѣлы и другое оружіе. Но теперь они употребляютъ преимущественно кремневые ружья англійской фабрикаціи и самодѣльные ножи въ родѣ кинжала. Впрочемъ, они также оправдываютъ справедливость столь часто подтверждаемаго этнологіею правила, что соприкосновеніе съ европейскою цивилизаціей обращается въ проклятіе. У племенъ, еще несталивавшихся съ европейцами, въ особенности у женщинъ, нравы бываютъ весьма чисты, и потому господствуетъ большая плодовитость; у фановъ плодовитость женщинъ достигла размѣровъ, неизвѣстныхъ даже въ Европѣ. Но теперь все пошло прахомъ: изъ европейской цивилизаціи они заимствуютъ все пороки и ни одной добродѣтели; чѣмъ ближе они подвигаются, чѣмъ больше они живутъ среди бѣлыхъ, тѣмъ они становятся лѣнивѣе и тѣмъ болѣе они разбойничаютъ и обманываютъ; женщины предаются самому ужасному распутству, за которымъ слѣдуетъ уменьшеніе ихъ плодовитости.

Немногимъ лучше положеніе дѣлъ и у негровъ дельты Оговая, а нравственность дамъ оговайскаго устья и Фернандо-Ваца — большой лагуны, соединяющейся съ Оговаемъ узкимъ, поросшимъ тростникомъ и въ дождливое время удобнымъ для проѣзда потокомъ. Нпулуме, оставляетъ желать еще многого. Тамъ производится безпрестанные палаверы (очевидно отъ испанскаго *balabra*), т. е. третейскіе суды, какъ разумѣютъ это слово на всемъ берегу Африки. Весьма часто судятся, къ сожалѣнію, и бѣлые съ черными, но черные между собою постоянно. Суды эти характеризуются безчисленными церемоніями, безконечными рѣчами, а иногда и кровавыми схватками; предметъ же ихъ бываютъ обыкновенно исторіи съ женщинами. Почти во всей экваторіальной Африкѣ на женщину смотрятъ, какъ на выгодную собственность, прелести которой могутъ дать еще болѣе дохода, чѣмъ работа раба. Поэтому супруги всегда готовы уступить или даже предложить жену первому встрѣчному, такъ какъ если онъ богатъ, то заплатитъ за нее, если же бѣденъ, то сдѣлается рабомъ супруга. Впрочемъ, около лагуны Фернандо Ваца женщины не дороги, но ихъ любовь къ пьянству — еще наименьшій изъ ихъ пороковъ. Зато и обращаются съ ними гораздо хуже, чѣмъ на Габуни; участь же рабовъ еще печальнѣе, такъ какъ господинъ можетъ убивать ихъ, ничѣмъ не рискуя. Здѣсь мы опять-таки встрѣчаемся съ тѣмъ заблужденіемъ, что всякая естественная смерть приписывается какимъ-нибудь чарамъ, и обвиненные общественнымъ голосомъ въ причиненіи смерти должны бываютъ подвергнуты себя испытанію посредствомъ [ядовитаго напитка] мбунду, если желаютъ снять съ себя обвиненіе. Это ужасное заблужденіе болѣе всякихъ войнъ способствуетъ къ обезлюденію Африки. Компьенъ описываетъ дѣйствіе смертоноснаго мбунду и прибавляетъ, что если кто выдержитъ испытаніе, то народная ярость обращается тотчасъ противъ обвинителя,

и счастье если обвинитель—оганга (фетишскій жрецъ), такъ какъ только оганги всегда умѣютъ найти оправданіе для своего ложнаго обвиненія.

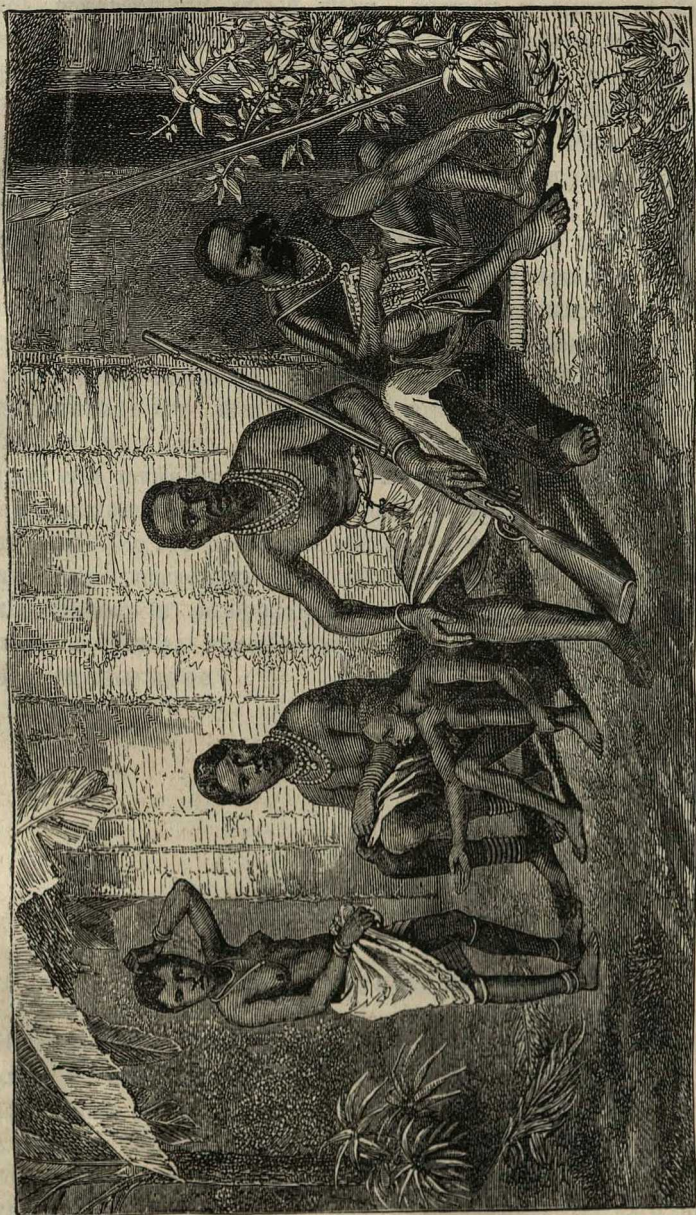
Важнѣйшимъ пунктомъ на нижнемъ Оговаѣ служатъ деревни Аданинанланго при сліяніи съ Оговаемъ богатаго порогами Н'Гуніе. Водопады Самба составляютъ крайній пунктъ, до котораго прежде когда-либо достигали бѣлые; далѣе за ними слѣдуютъ значительные пороги Этамбе, при которыхъ рѣка сильно суживается и близъ которыхъ на довольно высокой горной вершинѣ расположенъ негритянской городъ Буали, состоящій изъ значительнаго числа хорошенеккихъ хижинъ. Впадающій ниже этого города въ Н'Гуніе, Акоіо образуетъ также порогъ въ 2 — 3 м. высоты. На Оговаѣ, Пойнте Фетише, при впаденіи Н'Гуніе, долго считался у туземцевъ рубежомъ, далѣе котораго не дерзалъ идти бѣлый, но Айме, въ 1867 году, опровергъ это убѣжденіе. Еще немного далѣе находится такъ называемый лѣсъ палаверовъ, нейтральная почва, на которой пограничныя племена разрѣшаютъ полюбовно свои несогласія. На лѣвомъ берегу здѣсь начинаются поселенія бакале, правый же берегъ остается незаселеннымъ. Послѣ фановъ бакале несомнѣнно самое важное племя экваторіальной Африки, какъ по численности, такъ и по занимаемому имъ пространству. Они чрезвычайно свирѣпы и невыразимо грязны, такъ что ихъ деревни составляютъ отвратительный контрастъ съ опрятными мѣстечками живущихъ вокругъ нихъ иненгами и галойями. Къ югу отъ Оговая, а отчасти и къ сѣверу, окрестности Аданинанланго отличаются большимъ количествомъ озеръ.

Наибольшее изъ этихъ озеръ—Онангве—лежитъ приблизительно на 29 км. къ югу отъ Аданинанланго подъ 1° ю. ш. и 8° 1' в. д. Съ Оговаемъ оно соединяется посредствомъ трехъ рѣкъ: Н'Гомо, Акамбе и Бандо. Оно имѣетъ приблизительно форму прямоугольника, около 25 км. длиною, при средней ширинѣ въ 11—12 кил. Съ этимъ озеромъ посредствомъ маленькаго протока соединено другое—Отгемуэнъ. Къ сѣверу отъ Оговая мы находимъ озеро Ацинго, также соединенное съ Оговаемъ еще необозначенною на картахъ рѣкою Акаломъ. Акалой имѣетъ извилистое теченіе и мѣстами очень узокъ, но вообще едва ли уже самаго Оговая. Онъ принимаетъ три или четыре притока такой же величины, какъ онъ самъ, и протекаетъ два озера въ пять кв. кил. каждое. Начиная отъ этого мѣста, рѣка удивительно красива и впадаетъ въ прелестное, покрытое островами озеро Ацинго совершенно неожиданно. Берега Акалая заселены въ настоящее время ивилисами, которые пришли съ юга и число которыхъ въ бассейнѣ Оговая постоянно возрастаетъ. О мѣстности и о народахъ вверхъ по Оговаю мы почерпаемъ свѣдѣнія изъ путешествій Компъена и Марша. 16 января 1874 г. они достигли первой деревни оковъ, на большомъ оговайскомъ островѣ Камба. Жилища здѣсь были построены изъ древесной коры, и все имѣло жалкій и грязный видъ. Вытѣсненные на лѣвый берегъ Оговая озіебами, выгнанными изъ ихъ поселеній по ту сторону рѣки, оковы часто страдаютъ отъ го-

лода; они питаются преимущественно однимъ крупнымъ, зеленымъ, сладковатымъ и тѣстообразнымъ плодомъ, растущимъ въ изобиліи въ ихъ лѣсахъ, и представляютъ собою некрасивый, злой и коварный народъ. Цѣломудріе окотскихъ дамъ слишкомъ преувеличивается, но онѣ дѣйствительно не такъ распутны, какъ женщины другихъ племенъ Оговая. Торговля невольниками составляетъ почти единственную торговлю окотовъ, языкъ которыхъ имѣетъ поразительное сходство съ языкомъ бенговъ Кориско, но большинство ихъ понимаетъ и говорить также на мпонгейскомъ языкѣ.

Далѣе, на правомъ берегу путешественники увидѣли дамъ первыхъ озіебскихъ деревень, гдѣ живутъ людѣды, при одномъ имени которыхъ содрогаются окоты, апинги, оканды и даже бакале. У подножія пика Кондо-Кондо въ Оговай вливается съ правой стороны значительная рѣка Оконо, по берегамъ которой живутъ также озіебы. Наконецъ, французы вступили въ область ялимбоговъ, замѣтно отличающихся отъ окотовъ, хотя они говорятъ однимъ съ ними языкомъ и принадлежать къ одной и той же семьѣ. Въ физическомъ отношеніи ялимбоги выше и стройнѣе другихъ, а въ нравственно мягче, предупредительнѣе и прилежнѣе. За ялимбогами слѣдуютъ апинги, — немногочисленный, но кроткій и трудолюбивый народецъ, добывающій каучукъ и медъ и преимущественно хашишъ. Они умѣютъ дѣлать весьма тонкую ткань, затѣмъ тондокъ (головныя булавки) для женщинъ и посуду. Кромѣ того, у нихъ есть козы и куры, и ялимбоги были бы совершенно счастливы, если бы не озіебы, которые держатъ ихъ въ постоянномъ страхѣ. Недалеко отъ водопада Эленджа находится первая деревня окандовъ, на лѣвомъ берегу Оговая, имѣющаго здѣсь въ ширину болѣе 800 м., но такъ испещренного островами, песчаными отмелями и скалами, что лишь съ трудомъ можно пробираться по немъ. На ночлегъ путешественники расположились у подошвы горы Океко, а затѣмъ направились по рѣкѣ черезъ тѣснину, едва имѣвшую въ ширину 20 м., къ мѣстечку Лопе, дальнѣйшему пункту, когда, либо достигнутому бѣлыми на Оговѣ. Лопе состоитъ всего изъ нѣсколькихъ хижинъ, но оканды стекаются сюда со всѣхъ концовъ страны для своихъ палаверовъ и приводятъ всѣхъ своихъ, славящихся красотой, женщинъ, чтобы безстыдно предлагать ихъ чужеземцамъ. Впрочемъ, Компьенъ утверждаетъ, что слава ихъ преувеличена, не отвергая однако же того, что окандскія женщины не уступаютъ въ красотѣ габункамъ. Къ сожалѣнію, у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго понятія о нравственности и стыдливости. Гораздо некрасивѣе женщины бангуеновъ — многочисленного племени, живущаго на лѣвомъ берегу Оговая, рядомъ съ окандами, и очевидно принадлежащаго къ большому семейству бакале, такъ какъ оно говоритъ на нарѣчій того же языка. Прекрасный полъ считаетъ необходимымъ украшать себя своеобразной синей татуировкой и обладаетъ по-истинѣ геркулесовой силой. Бангуенскія хижины, подобно хижинамъ племени бакале, строятся изъ древесной коры и располагаются всегда по прямой линіи. (Marquis de Compiègne: L'Afrique équatoriale. Gabonais, Pahouins, Gallois, — Okanda, Bangouens, Osyéba. Paris. 1876. 8. 2 v.)

Этнографія экваторіальной Африки представляетъ особую важность и интересъ: благодаря этнографическимъ свѣдѣніямъ мы въ состояніи дѣлать заключенія о населеніи еще совершенно неизвѣстной внутренней

Типы племени бакале.

страны. Когда Компьень посѣтилъ озіебскихъ людѣдовъ, онъ съ перваго взгляда узналъ въ нихъ людей той же породы, какъ и фаны, близкое сродство которыхъ съ посѣщенными Швейнфуртомъ также пожирающими людей ніамъ - ніамами и монбутту было уже замѣчено не разъ. По этому Компьень полагаетъ, что центральная Африка, не много къ сѣверу отъ экватора, служитъ громаднымъ средоточіемъ людѣдовъ, распространяющихся одновременно къ востоку и къ западу. Такое предположеніе подкрѣпляется тѣмъ фактомъ, что монбутту являются непосредственными сосѣдями фановъ. Компьень подтверждаетъ также мнѣніе другихъ наблюдателей, что всѣ людѣды далеко превосходятъ своихъ сосѣдей не-людѣдовъ какъ физическими, такъ и духовными качествами, тѣлесною силою, храбростью, смышленностью, ловкостью, прилежаніемъ и т. д. По сосѣдству съ окандами, какъ говорятъ, обитаетъ народъ карликовъ, называемый обонго и описанный уже дю-Шалью подъ видомъ тѣсныхъ людей, живущихъ въ жалкихъ шалашахъ изъ листвы, по сосѣдству съ ашанго. Компьень почти вполнѣ подтверждаетъ его описаніе и говоритъ, что въ центральной Африкѣ есть также порода пигмеевъ, къ которымъ принадлежатъ аккимьяни, называемые туземцами мабонго и вѣроятно относящіеся къ племени обонго. Но эти послѣдніе обнаруживаютъ такое близкое сродство съ тщательно описанными д-ромъ Фричемъ бушменами, что всѣхъ ихъ можно признать за разбросанные остатки африканскаго первобытнаго племени, восточную вѣтвь котораго представляютъ въ Сеннаарѣ маленькіе смуглые доко.

ГЛАВА XXVII.

Западные группы острововъ.

Недалеко отъ сѣверозападнаго выступа африканскаго материка находится нѣсколько группъ острововъ, которые всѣ до одного въ географическомъ отношеніи принадлежатъ къ Африкѣ, хотя нѣкоторые изъ нихъ въ политическомъ отношеніи, то есть по тѣмъ государствамъ, которымъ они принадлежатъ, относятся къ Европѣ. Эти вулканическія группы, начиная отъ юга къ сѣверу, суть: острова Зеленаго Мыса, Канарскіе, архипелагъ Мадера и Азорскіе, или Ястребинные. Только послѣдніе лежатъ такъ далеко въ морѣ, на такомъ разстояніи отъ всякаго материка, что въ нихъ еще можно, пожалуй, не признать родства съ Африкой. Всѣ эти острова, за исключеніемъ Канарскихъ, надъ которы-

ми владычествуетъ Испанія, принадлежать португальскому королевству. Бросимъ же теперь бѣглый взглядъ на нихъ, начиная съ юга.

Португальскіе острова Зеленаго Мыса (Phaz do Caroverde), отстоящіе приблизительно на 500 кил. отъ Зеленаго Мыса, распадаются на двѣ, ясно раздѣленные группы: сѣверную, состоящую изъ пяти, и юговосточную — изъ шести острововъ, расположенныхъ въ видѣ четверти окружности. Но мы назовемъ лишь болѣе значительные, а именно: С. Винцентъ въ сѣверной и Сантіаго или С. Тиаго въ южной группѣ. С. Винцентъ, какъ станція европейско - бразильскихъ телеграфныхъ линій и какъ прекрасная гавань, въ которую стекаются корабли почти всѣхъ западно-африканскихъ, центрально и южно-американскихъ линій, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія предъ остальными, хотя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, какъ напримѣръ по производительности почвы, онъ стоитъ далеко назади другихъ.

Человѣку, прибывшему изъ Европы, на С. Винцентѣ прежде всего бросается въ глаза вполне африканскій характеръ мѣстности, представляющей уже совершенную пустыню. Тонъ пейзажа составляютъ сѣрый, бурый, желтоватый и красноватый цвѣта, и зелень одного какого нибудь дерева или маленькой группы ихъ является какъ бы неумѣстною, не вяжущеюся со всѣмъ окружающимъ. Городъ представляетъ мало достойнаго вниманія, но имѣетъ фортъ, расположенный на выдающемся холмѣ, съ котораго видны вдали могучія горныя массы С. Антонію. Внутри страны тянется красноватобурая и сѣрая каменистая равнина до подножія направляющейся къ Пунта-Колумна цѣпи вершинъ, между которыми особенно бросается въ глаза Пикода-Спіа (приблизительно въ 300 м. высоты надъ моремъ). Западная сторона острова вообще скалиста, всюду торчатъ фантастической формы конусы, зубцы и башни сѣро-бурого или даже почти чернаго цвѣта, то соединенные между собою зазубренными хребтами, то раздѣленные обрывистыми темными ущельями и пропастями или круглыми широкими котловинами, загроможденными обломками скалъ и щебнемъ.

Видъ С. Тиаго, самаго большаго изъ острововъ Зеленаго Мыса, одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ описываетъ слѣдующими словами: «Внутри страны все горы и горы, а изъ нѣдръ ихъ открываются къ морю широкія долины, такъ что съ берега земля кажется поднимающеюся отлогими холмистыми террасами. Все это имѣетъ желтовато-сѣрый, свѣтлый тонъ, на столько же не похожій на цвѣтъ голаго камня, на сколько и на цвѣтъ зеленѣющаго луга, но онъ легко можетъ быть сравниваемъ съ общимъ колоритомъ высокихъ, поросшихъ полусухиею травою, склоновъ нашихъ Альповъ. Въ сущности это — тощія поля и пастбища, ожидающія дождя, чтобы снова пустить свѣжую, полную жизни зелень; но имъ долго еще придется ждать, такъ какъ сырое время года начинается на островахъ Зеленаго Мыса лишь въ іюлѣ и продолжается до сентября. За исключеніемъ этихъ мѣсяцевъ, дождь бываетъ чрезвычайно рѣдко и лишь случайно. Но съ пробужденіемъ растительной жизни появляются зловредныя міазмы маляріи, которой мы, какъ пріѣхавшіе въ сухое время года, могли не опасаться. На желтовато-сѣрыхъ равнинахъ и склонахъ холмовъ замѣчаются тамъ и сямъ въ видѣ далеко отстоящихъ одинъ отъ другаго темно-

Малгашскій вои́нь.

сѣрыхъ пятенъ, тамариндовыя деревья, а кое-гдѣ по берегу свѣжій морской вѣтерокъ колыхаетъ вѣро-образную вершину кокосовой пальмы. Не рѣдко видны также по берегу или по склонамъ горъ темныя, буроватыя домики туземцевъ—то въ одиночку, то по-два или по-три, то наконецъ маленькими деревнями. Между внутренними горами въ особенности выдается двойная вершина горы-да-съ-Синца-съ, а далѣе еще одинъ высокій острый пикъ, который кажется все на одинаковомъ отъ насъ разстояніи и лишь медленно перемѣняетъ свое положеніе по мѣрѣ того, какъ нашъ корабль подвигается впередъ на своемъ пути вокругъ острова. Явственная, надъ всѣмъ господствующая высота этого пика, равно какъ и его положеніе заставляютъ признавать его центромъ и главою острова,—и дѣйствительно, это ни что иное, какъ Пико д'Антоніа, высочайшая вершина С. Тиго (по англійскимъ картамъ высота его 2250 метр.). Хотя пароходъ нашъ идетъ на всѣхъ парахъ, тѣмъ не менѣе движеніе его въ виду обширной горной панорамы кажется медленнымъ,—и лишь, взглянувъ на ближайшую окрестную мѣстность, да на темно-синюю пѣнящуюся около скалистыхъ береговъ воду, вспоминаешь, что передъ собою имѣешь островъ Атлантическаго океана, а не тирольскій или швейцарскій альпійскій видъ, какъ это можно было бы подумать. Около самаго берега видны маленькія рыбацкія лодки, снующія туда и сюда, или спокойно стоящія на мѣстѣ; онѣ ищутъ здѣсь драгоценныхъ, растущихъ на каменистомъ днѣ красныхъ коралловъ, одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ которыхъ составляетъ именно архипелагъ острововъ Зеленаго Мыса. Когда Пико д'Антоніа остается позади, земля начинаетъ становиться болѣе плоскою, и лишь отдѣльныя конусообразныя горы выступаютъ среди отлого-спускающейся къ югу равнины. Далѣе мы пробѣгаемъ мимо бѣлыхъ, по большей части развалившихся домовъ и двухбашеннаго собора Сидаде-да-Рибейра-гранде, прежней столицы не только острова, но и всего архипелага, которая въ новѣйшее время принуждена была уступить мѣсто Прайѣ съ ея прекрасною, безопасною гаванью, и нынѣ значительно опустѣла. Затѣмъ мы объѣзжаемъ далеко выдающійся, плоскій мысъ, на которомъ уже издали видно бѣлое, красивое зданіе лазарета, куда принимаются больные, когда въ мѣстности свирѣпствуютъ заразительныя болѣзни, какъ напримѣръ желтая лихорадка, бывшая здѣсь уже не разъ. Потомъ показывается снова крутой скалистый берегъ, а съ лѣвой стороны открывается обширная бухта, въ которой постоянно есть стоящія на якорѣ корабли. Посреди гавани возвышается крутыми скалистыми стѣнами маленький островъ, на которомъ есть строенія и большіе склады каменнаго угля, гдѣ получаютъ запасы для дальнѣйшаго путешествія корабли западно-африканскихъ линій.

Городъ Сидада-да-Прайа-де-С.-Тиго, расположенный также на вершинѣ круто обрывающагося со всѣхъ сторонъ скалистаго плато, края котораго снабжены каменною оградой и мѣстами вооружены тяжелыми пушками, производитъ съ перваго же взгляда благоприятное впечатлѣніе, которое при болѣе близкомъ ознакомленіи не уменьшается, а еще усиливается. Небольшая, но хорошо построенная каменная набережная принимаетъ вновь прибывшаго, когда онъ выходитъ изъ лодки, а широкая «кальсада» ведетъ его вверхъ къ городу, прямая, широкая, хорошо вымощенная улицы котораго имѣютъ мало общаго съ африканскимъ отсутствіемъ цивилизаціи. Дома, конечно, большею частью одно-этажныя, построены на европейскій ладъ, и если гдѣ нибудь и

замѣчается неопрятность, то далеко не въ такой степени, какъ бы можно было ожидать отъ «Африки». Большая площадь передъ общественнымъ зданіемъ и нѣсколько другихъ меньшей величины украшены деревьями и «цвѣтами». (Herm. v. Barth: Angolafahrt. Вѣ Ausland 1876, № 36, стр. 704—705).

Населеніе острововъ Зеленаго Мыса смѣшанное—европейско-африканское, но на нѣкоторыхъ островахъ преобладаетъ негритяскій типъ. Господствующая религія — католическая, а главное занятіе жителей — земледѣліе; земля здѣсь чрезвычайно плодородна; промышленность, состоящая въ винокурениі, рафинированіи сахара, очисткѣ масла и ткацкомъ производствѣ; наконецъ, довольно оживленная торговля. Число жителей вѣроятно, не превышаетъ 100,000.

Приблизительно на 15° сѣверной широты и совершенно близко къ африканскому материку выступаютъ изъ моря Канарскіе острова, «счастливые» острова древнихъ; они отличаются прекраснѣйшимъ въ свѣтѣ климатомъ. Архипелагъ состоитъ изъ семи большихъ и шести малыхъ острововъ, называемыхъ Islotas, Desiertos и Despropladus, и распадается на двѣ явственныя группы, восточную и западную. Въ первой наиболѣе замѣчательны острова: Лансерота, Фуэртевентура и Гранъ-Канарія, а въ послѣдней—Тенерифъ, Гомера, Пальма и Хіерро (Ферро). Всѣ они вулканическіе и, несмотря на свою близость къ материку, вѣроятно никогда не имѣли съ нимъ связи, но круто поднимаются изъ весьма значительной глубины и образуютъ ясно опредѣленное цѣлое, обуславливающееся общими направленіями ихъ поднятія. Предположеніе, будто они составляютъ остатокъ пещезнущаго материка Атлантиды, который какъ полагаютъ находился между Африкой и Америкой, не основательно потому, что противъ него говорятъ многіе серьезныя географическіе доводы. Острова всѣ гористы и мѣстами поднимаются до значительной высоты. Всего ниже горы на Фуэртевентурѣ и Лансаротѣ; на послѣднемъ, изъ двухъ параллельныхъ разсѣлинъ, въ свою очередь пересѣченныхъ поперечными трещинами, выступаетъ множество маленькихъ вулкановъ, конусы которыхъ выстроились въ ряды точно солдаты. (Peschel. Neue Probleme, стр. 30). Самыя высокія вершины мы находимъ на Тенерифѣ, который въ то же время и самый большой изъ этихъ острововъ. На немъ возвышается могучій Пико-де-Тейде, 3,711 м. надъ уровнемъ моря.

Послѣ достопамятнаго восхожденія Гумбольдта на Пико-де-Тейде, на эту замѣчательную вершину взбирались не разъ; такъ какъ она принадлежитъ къ самымъ интереснымъ вулканамъ на земномъ шарѣ, то мы приведемъ здѣсь нижеслѣдующее описаніе одного изъ послѣднихъ восхожденій на него, совершенное ботаникомъ д-ромъ Ноллемъ въ сентябрѣ 1872 г. «Область подтропическихъ деревьевъ, апельсиновъ, эйкалиптусовъ, пальмъ и банановъ, вскорѣ пресѣклась, и выше начались хлѣбныя поля (520—1250 м.), весьма напоминавшія намъ нашу родную Германію. По склонамъ горъ спускались

Малагаскарская королева Могели.

HOTELIN

ALPA

Министерство культуры Российской Федерации

уже сжатия хлѣбныя нивы, майскъ ждалъ своей очереди, а около крестьянскихъ хижинъ финиковыя и сливовыя деревья были покрыты обильными плодами. Мы встрѣчали даже орѣховыя деревья и яблони. Затѣмъ вскорѣ начался лѣсъ, который сначала былъ довольно густъ и тѣнистъ, а потомъ превратился въ низкій кустарникъ. Онъ состоялъ изъ древовидныхъ *Erica arborea*, стволы которыхъ достигали высоты 14 м. Тщетно искали мы кругомъ стройныхъ лѣсовъ канарскихъ сосенъ, которыя, правда, уже довольно рѣдко, но все еще попадались Гумбольдту на этой же самой высотѣ. Это—прекрасное дерево со смолистымъ запахомъ и съ иглами въ футъ длиною, нѣкогда господствовало на всѣхъ высотахъ, но при нынѣшней системѣ истребленія, при которой истребители ничуть не заботятся даже о подростѣ, скоро должны исчезнуть и послѣднія изъ этихъ деревьевъ. Вскорѣ мы достигли вершины Портико (2009 м.), т. е. массы лавы, перелившейся черезъ гребень образующихъ островъ высотъ и въ разсѣлинахъ которой могли укрѣпиться лишь ничтожныя слѣды растительности. Затѣмъ вскорѣ почва оказывается покрытою желтоватыми пемзовыми гальками, между которыми торчатъ замѣчательная *Retama blanca* (*Spartocytisus nubigerus*), дрековидный кустарникъ, успѣвшій приковать къ себѣ вниманіе всѣхъ путешественниковъ, потому что принадлежитъ исключительно пику Тенерифа, на которомъ составляетъ преобладающее растение на высотѣ 1916—3150 метр. Поднявшись на полчаса вверхъ по уже болѣе крутой области ретамы, мы остановились для отдыха среди имѣющаго три метра высоты кустарника, въ «Эстансія-де-ла-Сера», что значитъ «Восковая Стоянка». Такъ называется мѣсто среди огромныхъ лавовыхъ глыбъ, потому что во время цвѣтенія ретамы жители окрестныхъ мѣстъ ставятъ здѣсь свои ульи, чтобы позднимъ лѣтомъ унести ихъ нагруженными воскомъ и медомъ. Оставивъ скалистыя обломки Эстансія-де-ла-Сера, мы приходимъ на замѣчательное плоскогорье, называемое Канадасъ, или Циркомъ пика Тенерифа. Циркъ этотъ образуетъ углубленіе въ 320 слишкомъ метровъ, эллиптической формы, съ весьма крутыми склонами внутрь и пространствомъ въ 190 кв. км. Въ срединѣ этой огромной впадины и проявлялась преимущественно вулканическая дѣятельность, образовавшая здѣсь могучій пикъ, такъ сказать «гору на горѣ». Посреди плоскогорья Канадасъ (2100 м.) возвышается широкимъ куполомъ позднѣе образовавшійся Пико-де-Тейде до высоты 3711 метровъ, тогда какъ окружающіе его кратеры имѣютъ: Пико-Віехо—3106 метр., Кахорра—2473 метра, гора же Монтана-бланка имѣетъ 2743 метра. Мы вошли на Канадасъ съ сѣверо-востока черезъ Портико и сначала были поражены впечатлѣніемъ, производимымъ на душу могучимъ твореніемъ подземной силы. Но все оно въ дѣломъ такъ удобообозримо и ясно, что можно подумать, не теперь-ли только вулканъ приостановилъ свою дѣятельность,—и невольно поднимаешь глаза къ вершинѣ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ-ли надъ нимъ облака дыма, которое бы свидѣтельствовало о послѣднемъ дыханіи великана. Вершина эта прежде всего такъ приковываетъ къ себѣ вниманіе, что забываешь смотрѣть себѣ подъ ноги. Замѣчательно ясно рисуются передъ нами ея формы въ прозрачности, рѣдкомъ воздухѣ, и хотя мы знаемъ ея громадность, но, при этой прозрачности атмосферы и при отсутствіи всякихъ человѣческихъ сооружений и деревьевъ, которыя могли бы послужить точкою опоры, мы положительно теряемъ масштабъ для измѣренія ея величины и разстоянія. На самомъ верху горы блеститъ, на

подобіе остроконечной шапочки, Питонъ, или Панъ-де-Азукаръ (Сахарная Голова), а подъ нимъ, въ видѣ курчаваго воротника, расположены безчисленные, направленные внизъ потоки лавы, отъ которыхъ по выпуклому каменному панцирю тѣла идутъ отдѣльные могучіе каменные хребты, рѣзко выдающіеся своимъ темнымъ цвѣтомъ на свѣтломъ пемзовомъ фонѣ. Основаніе главной горы съ восточной стороны скрыто округленнымъ, покрытымъ бѣловатою пемзою предгорьемъ Монтана-бланка (2743 м.), къ которой мы сначала и направляемся. Предъ нами возвышаются на плоскогорьи, не далеко одиѣвъ отъ другаго, пять вулканическихъ конусовъ, которыхъ округленные бока и совершенно круглые края кратеровъ дѣлаютъ изъ нихъ истинные образцы маленькихъ вулкановъ. Почва подъ нами и впереди насъ образуетъ обширную равнину, истинную пустыню, въ которой разбросанные тамъ и сямъ кустарники ретама представляютъ, повидимому, единственныхъ представителей органической жизни. Пемзовыя гальки такъ сухи и рыхлы, что копыта лошадей совершенно проваливаются въ нихъ, но пыль, поднимаемая ногами животныхъ, тотчасъ же падаетъ снова на землю, такъ какъ рѣдкій воздухъ не въ состояніи нести ее. Ослѣпительно и жарко блеститъ солнце какъ на небѣ, такъ и на землѣ, отъ которой оно отражается, такъ что приходится доставать платки, чтобы защитить глаза и голову. Кожа лица краснѣетъ и отдѣляется сухими слоями, ибо, кромѣ жары, на нее вредно дѣйствуетъ еще сильная сухость рѣдкаго воздуха. По вѣшнему краю Канадаса есть незначительное число источниковъ, изъ коихъ нѣкоторые содержатъ немного угольной кислоты. Кромѣ нихъ, на всемъ плоскогорьи нѣтъ никакой другой воды, за исключеніемъ той, которая скопляется въ «Ледяной пещерѣ» высоко у стѣны самаго Пико-де-Тейде, вслѣдствіе таянія небольшого подземнаго глетчера; но при его положеніи доступъ къ ней весьма труденъ. Поэтому человѣкъ не имѣетъ на Канадасѣ постояннаго поселенія, и нигдѣ на ней вы не увидите слѣда обработки почвы или жилища. Подолгу остаются лишь здѣсь пастухи козъ да сторожа ульевъ, влача жалкое существованіе, а затѣмъ, кромѣ путешественниковъ, поставившихъ себѣ цѣлью взобраться на пикъ, черезъ Канадасъ перебираются на вьючныхъ лошадяхъ только поселяне, переправляющіе произведенія почвы для продажи на другую сторону острова. Отъ Монтана-бланка дорога идетъ вверхъ все круче и круче. Около пяти часовъ вечера намъ показали сбоку, въ одномъ углубленіи, съ полдюжины гигантскихъ безмолвныхъ глыбъ. Это—ночной пріютъ, *Estancia inglesa*, названный такъ потому, что прежде англичане постоянно останавливались здѣсь ночевать. Послѣ весьма холодной ночи, на слѣдующее утро была достигнута Алта-виста (3262 м.), откуда остальная часть пути должна была быть сдѣлана пѣшкомъ. Перелѣзая съ камня на камень, мы хотя и медленно, но безъ особенныхъ приключеній добрались до слѣдующей стоянки, Рамлеты (3580 м.). Здѣсь мы нашли нѣсколько «*narizes*»,—ноздрей пика, т. е. отверстій въ боковой стѣнѣ Рамлеты, изъ которыхъ постоянно выходятъ водяные пары въ 56° Ц. На маленькой плоскости Рамлеты, т. е. на приплюсненной вершинѣ почти кеглеобразной горы, возвышающейся между Монтана-бланка и Пико-віехо (съ западной стороны Тейде), есть, наконецъ, еще маленькій конусъ приблизительно въ 150 метровъ высоты, который считается собственно вершиною Тейде, называющагося или Питонъ (рогъ), или Панъ-де-Азукаръ (Сахарная Голова). На вершинѣ его есть маленький кратеръ, стѣны котораго

составляютъ естественный разрѣзъ этой маленькой горы. Взобраться на этотъ конусъ чрезвычайно трудно, такъ какъ ноги на каждомъ шагѣ погружаются въ рыхлую почву и скользятъ назадъ. Къ этому присоединяются еще затрудненія, обусловливаемые рѣдкостью и сухостью воздуха. Послѣ каждаго нѣсколькихъ шаговъ приходилось останавливаться, чтобы дать успокоиться груди, въ которой сильно билось сердце. Такимъ образомъ было уже 7½ часовъ, пока большая часть общества достигла, наконецъ, верхняго края кратера (3711 м.), который представляетъ воронкообразное углубленіе приблизительно въ 70 м. глубины, считая отъ верхняго края, тогда какъ окружность его имѣетъ 400—500 шаговъ. Вслѣдствіе дѣйствія сѣрныхъ паровъ, выходящихъ изъ многочисленныхъ его отверстій, онъ сильно вывѣтрился, и большая часть его поверхности, въ особенности въ самой глубинѣ, покрыта желтымъ и бѣловатымъ налетомъ (кремнеземъ и сѣрнокислыя соли). Какъ по краю, такъ и внутри воронки находится много фумаролъ, т. е. отверстій, изъ которыхъ выходятъ водяные пары, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что надъ вершиною пика никогда не образуется изъ нихъ облака. Жаръ почвы вокругъ кратера, вмѣстѣ съ сыростью и сѣрными парами, дѣйствуетъ чрезвычайно вредно на кожу и на одежду, такъ что подошвы нашихъ сапогъ совершенно отслоились. Въ ясную погоду съ пика Тейде можно обозрѣвать пространство въ 300,000 кв. км. Чрезвычайно сильное впечатлѣніе производитъ видъ самаго острова Тенерифа. На солнцѣ блѣднѣютъ, среди своихъ окрестностей, многочисленные дома жителей и безчисленные разсѣянные хижинны и домики занимающихся земледѣліемъ поселянъ; всюду видно множество деревушекъ и деревень, а мѣстами и болѣе значительные города, расположенные большею частью по окраинамъ моря, — наконецъ само безконечное море, изъ котораго выдается самъ «счастливый островъ» съ его собратями». (С. F. Noll. Der Pik von Tenerifa und die Canadas, въ Jahresbericht des Vereins für Geographie und Statistik zu Frankf. a. M. 1871—72. Frankfurt 1873. 8°, стр. 62—106).

Испанцы считаютъ Канарскіе острова королевствомъ, принадлежащимъ къ ихъ родинѣ, и потому все еще причисляютъ ихъ къ Европѣ. 240,000 жителей ихъ представляютъ смѣсь испанцевъ съ мѣстными гуанхами и нѣкоторою долею норманской, фландрской и маврской крови. Первобытныя жители гуанхи были храбрыя, но миролюбивыя пастушескій народъ, отличавшійся мягкостью и чистотою нравовъ, и до сихъ поръ считались принадлежащими къ берберскому племени; но въ самое недавнее время была сдѣлана попытка признать ихъ остатками вандаловъ, т. е. германцами. Земледѣліе, скотоводство, а съ нѣкотораго времени разведеніе козъ и мореплаваніе суть главнѣйшія занятія жителей; промышленность же напротивъ весьма слабо развита. Важнѣйшіе города суть: С. Кристоаль-дела-Лагуна и Ортава на Тенерифѣ, Ласъ-Пальмасъ на Гранъ-Канаріа и Пуэрто-дель-Аресифе на Лансеротѣ.

Къ сѣверу отъ Канарскихъ острововъ, на широтѣ средняго Марокко, находится маленький архипелагъ Мадера, состоящій только изъ значительнаго острова съ 115,000 населенія — именно знаменитой

Мадеры, славившейся прежде своимъ виномъ, а нынѣ своимъ мягкимъ климатомъ, затѣмъ изъ маленькаго острова Порто-Санто и трехъ скалистыхъ Дезертасъ, неимѣющихъ ни растительности, ни жителей. Никакая земля не представляетъ для вновь прибывшаго европейца такого страннаго зрѣлища, какъ Мадера. Рядомъ съ розами, миртами, лаврами и кипарисами, произрастающими также и на югѣ Европы, растутъ магноліи, гранаты, манго, бананы, кофе и сахарный тростникъ, который воздѣлывается весьма усердно, между тѣмъ какъ двѣ факторіи занимаются его прессовкою. Недостатокъ въ порядочныхъ дорогахъ ощущается мѣстными жителями весьма сильно, такъ какъ для доставленія продуктовъ съѣврной части острова въ Фунчалъ нѣтъ другаго средства, кромѣ перевозки ихъ въ лодкахъ противъ теченія. Фунчалъ, главный городъ острова, есть въ то же время перлъ всей мѣстности.

Городъ этотъ, заключающій до 30,000 жителей, имѣетъ совершенно европейскій видъ; дома и улицы его едва отличаются отъ лиссабонскихъ; своеобразны лишь экипажи. Здѣсь ѣздить всегда на салазкахъ, т. е. прочно сдѣланныхъ санихъ, въ которыя впрягаются быки, конечно медленно и неравномерно влекущіе ихъ по гладко вытертой мостовой. Типъ жителей также не представляетъ ничего особеннаго, и по чертамъ лица, равно какъ и по цвѣту кожи они мало отличаются отъ португальцевъ. За то красота положенія Фунчала не имѣетъ ничего себѣ подобнаго. Ослѣпительно бѣлый, тянется онъ по берегу, поднимаясь ступенями все выше и выше; вокругъ него красуются среди темной зелени многочисленныя прелестныя виллы, сверху съ горнаго склона смотритъ на него двойная колокольная церкви Носса-Сеньора-до-Монте, а еще выше громоздятся гребни и вершины выдающихся къ югу горныхъ группъ, покрытыя сосновыми лѣсами и пастбищами, среди которыхъ нерѣдко виднѣются сѣрые и бурые скалы. Прямолинейными террасами возвышаются надъ городомъ сахарныя плантаціи, свѣтлая, яркая полужелень которыхъ составляетъ совершенную противоположность темному черноватому тону миндальныхъ лѣсовъ и матовой, сѣровой зелени верхнихъ горныхъ луговъ, сразу напоминающей ландшафты нашихъ европейскихъ Альповъ. (Herm. v. Barth въ *Ausland* 1876. № 29, стр. 561).

Последнимъ, самымъ западнымъ форпостомъ Африки, а по мнѣнію португальцевъ — Европы, являются вулканическіе Азорскіе острова. Вслѣдствіе ихъ болѣе сѣвернаго положенія, почти подъ 40° с. ш., т. е. почти на широтѣ Нью-Йорка и Лиссабона, ихъ климатъ и произведенія весьма сходны съ южно-европейскими. Климатъ мягокъ, постояненъ и здоровъ, хотя и сыръ. Населеніе, приблизительно въ четверть милліона человекъ, трудолюбиво и воздержно, происхожденія испанскаго и португальскаго, но стоитъ еще на довольно низкой ступени культуры, занимаясь земледѣліемъ, а на нѣкоторыхъ островахъ также разведеніемъ виноградниковъ и южныхъ плодовъ, составляющихъ предметъ вывоза. Но всюду господствующая бѣдность принуждаетъ жителей къ значительнымъ вы-

Түземцы острова Соединенія.

селеніямъ, преимущественно въ Бразилію. Важнѣйшіе изъ девяти Азорскихъ острововъ суть: Сантъ-Мигуэль, Терсера, Пико и Файаль. Главный политическій центръ архипелага, Ангра, находится на Терсерѣ, но самый богатый и главный торговый городъ, Понта Дельгада, съ 20,000 жителей, расположенъ на наибольшемъ изъ острововъ Сантъ-Мигуэль.

Сантъ-Магуэль и главнымъ образомъ Понта - Дельгада имѣютъ прелестное мѣсто для гулянья—Валь-да-Фурнасъ на восточной сторонѣ острова, въ 30 килом. отъ города. По идущей вдоль южнаго берега дорогѣ черезъ Росто-де-Као вы скоро прѣзжаете къ виноградникамъ и пальсиннымъ садамъ, доставляющимъ главный предметъ отпускной торговли острова. Когда вы минуете Алагоу, мѣстность становится открытѣе, и релестные виды по сторонамъ безпрестанно мѣняются. Дорога мѣстами идетъ по откосамъ крутыхъ высотъ, стѣны которыхъ какъ бы грозно нависли надъ нею. Изъ Виллафранки виднѣнъ замѣчательный островъ—Илео-да-Виллафранка, вершина едва выдающагося изъ моря вулкана, кратеръ котораго на 11 метровъ въ глубину наполненъ водою; посредствомъ узкаго канала въ этотъ бассейнъ могутъ въѣзжать небольшія суда. До Виллафранки вы ѣдете въ каретѣ, здѣсь же пересаживаетесь на ословъ и по крутому подъему взбираетесь до Пико-Цедросъ; затѣмъ дорога вдругъ поворачиваетъ, и передъ глазами вашими открывается долина Фурнасъ со своимъ озеромъ, имѣющимъ болѣе 1 $\frac{1}{4}$ км. длины и лежащимъ приблизительно на 250 м. надъ моремъ, тогда какъ крутя окружющія его горы достигаютъ слишкомъ 600 метровъ абсолютной высоты.

ГЛАВА XXVIII.

Мадагаскаръ и африканскія группы острововъ Индійскаго океана.

Мы окончили описаніе Африки; но привыкшіи обращаться съ картами читатель найдетъ, что недостаетъ еще описанія лежащихъ около восточнаго африканскаго берега острововъ, въ особенности большаго острова Мадагаскара, которые обыкновенно причисляются къ Африкѣ. Слѣдую старому обычаю, мы также рассмотримъ ихъ здѣсь, но прибавимъ, что въ сущности мы будемъ имѣть дѣло съ совершенно самостоятельной частью свѣта, которая, не смотря на свою близость къ Африкѣ, не можетъ быть причислена къ ней ни географически, ни этнологически. Въ Индійскомъ океанѣ, къ югу и востоку отъ Стараго Свѣта, долженъ былъ существовать нѣкогда большой материкъ, такъ

называемая Лемурия, родина полуобезьянъ; къ нему принадлежали Мадагаскаръ, гранитные, нынѣ понижающіеся Сешельскіе острова, Маледивскіе острова и Цейлонъ; быть можетъ, онъ простирался даже до острововъ Килинга или еще далѣе къ востоку. Отъ этого громаднаго, нынѣ покрытаго водою континента торчатъ лишь нѣкоторыя, большею частью вулканическія, скалистыя вершины: Маскаренскіе острова, Родригесъ, Сешельскіе острова, Коморскіе и Альмирантскіе, тогда какъ Мадагаскаръ, занимающій немного болѣе пространства, чѣмъ Германская имперія, составлялъ одинъ изъ могучихъ западныхъ столбовъ его.

Отдѣленный отъ восточнаго берега Африки лишь Мозамбикскимъ проливомъ, Мадагаскаръ, или Носси-Дамбо, представляетъ продолговатый, относительно узкій материкъ, который долженъ неминуемо исчезнуть, хотя на западномъ берегу, подобно Маскаренскимъ островамъ, онъ также возвышается. Вдоль берега его тянется, за исключеніемъ юго-западной стороны, болотистый поясъ въ 75—100 кил. шириною, затѣмъ почва повышается на западѣ постепенно, а на востокъ—на подобіе стѣны, образуя обширную, лишенную деревьевъ, но богатую травой высокую равнину. Но главную характеристическую черту Мадагаскара въ физическомъ отношеніи составляетъ громадная центральная дугообразная горная масса, которая начинается на сѣверномъ концѣ его и немного не доходитъ до южнаго. Эта горная цѣпь, если смотрѣть на нее съ западнаго берега, образуетъ три террасы. На югѣ она теряется въ бичуемой вѣтрами равнинѣ, гдѣ самый главный изслѣдователь острова, французскій ученый Альфредъ Грандидье, нашелъ остатки костей *Eriopnis maximus*'a, одной свойственной Мадагаскару вымершей породы грифовъ. Огромное плато покрыто гнейсовыми и гранитными холмами вулканическаго происхожденія. Впрочемъ, и вода также была могучимъ дѣятелемъ при нынѣшнемъ образованіи острова, какъ это доказываетъ огромный слой краснаго мергеля, распространяющійся почти по всему острову. Замѣчательно, что совершенно тотъ же видъ краснаго мергеля встрѣчается и на Сешельскихъ островахъ.

Прежде на Мадагаскарѣ только предполагали вулканическую дѣятельность; нынѣ же дознано, что средняя часть острова была дѣйствительно центромъ ея, въ необыкновенно сильной степени. Анкаратскія горы, ограничивающія съ юго-запада Имеринскую равнину, видны изъ главнаго города острова и занимаютъ пространство въ 33,000 кв. километровъ. Пять среднихъ вершинъ хотя и не имѣютъ кратеровъ, покрыты, однако, обломками лавы и достигаютъ высоты 2440 и до 2600 метровъ надъ моремъ. Километрахъ въ 40 отъ нихъ, по сосѣдству съ озеромъ Итази, находится другая вулканическая область, представляющая уже кратеръ на кратерѣ. Здѣсь открыто болѣе сорока кратеровъ, а къ сѣверу есть вѣроятно и еще;—къ югу же километровъ въ 80 расположена другая вулканическая группа, на одномъ изъ вулкановъ которой лава такъ черна и сѣра, словно только вчера выплала. Не принимая во вниманіе Анкаратской группы, здѣсь насчитываютъ не менѣе ста потух-

шихъ кратеровъ, расположенныхъ дугою въ 150 километровъ. Этотъ вулканическій поясъ продолжается на сѣверѣ и очевидно имѣетъ связь съ системою вулканическихъ высотъ, образующихъ острова: Нозибѣ, Майотѣ и Юганна. Большой Коморо еще и теперь необыкновенно дѣятеленъ и часто изъ него бывають чрезвычайно сильныя изверженія. Нѣтъ ничего невозможнаго [что связь существуетъ даже съ отдаленными вулканами острововъ Маврикія и Бурбона (по д-ру Joseph Mullens: Twelve Months in Madagascar. London, 1875. 8°)].

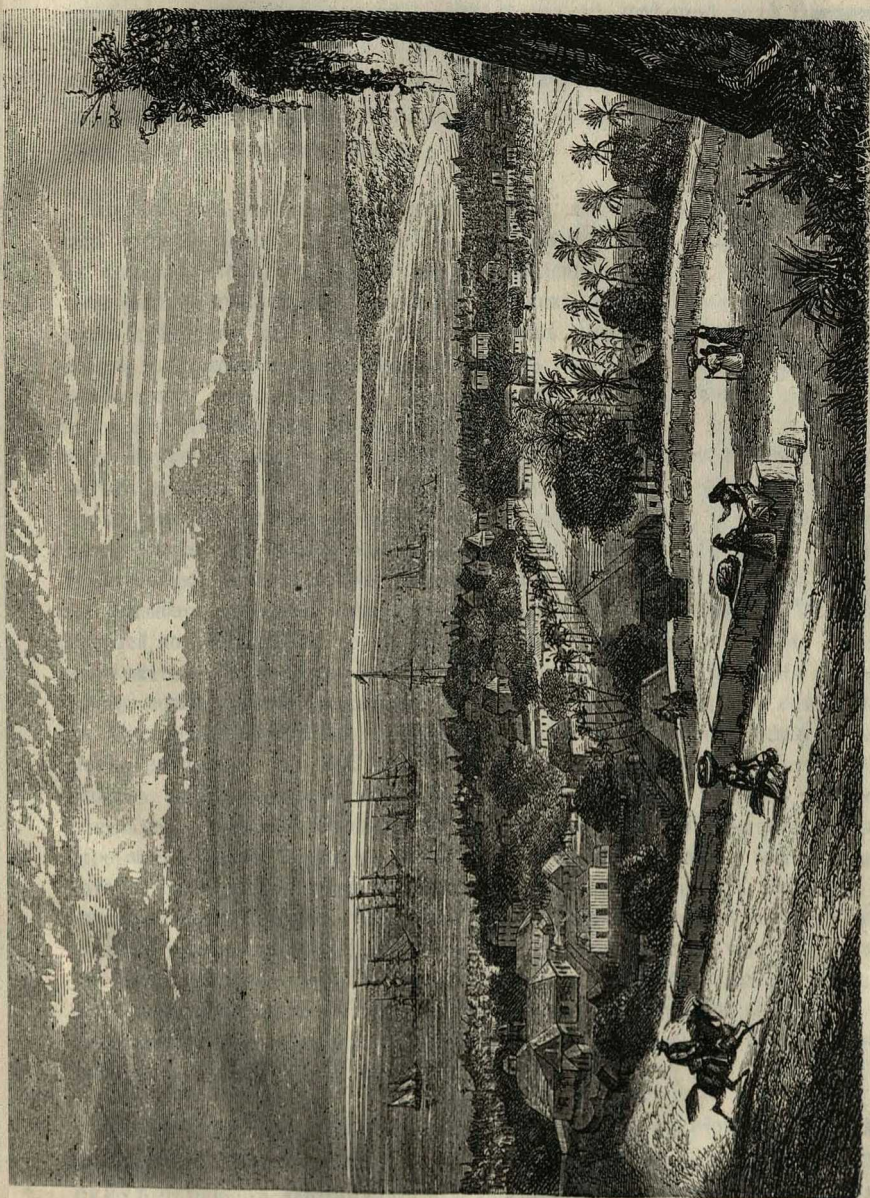
Но дугообразную горную массу Мадагаскара ничуть не должно представлять себѣ центральнымъ гребнемъ, дѣлящимъ островъ на двѣ приблизительно равныя части. Островъ состоитъ дѣйствительно изъ двухъ ясно различныхъ частей, но только изъ сѣверовосточной, чрезвычайно гористой, и югозападной — относительно плоской. Впрочемъ, Грандидѣ открылъ пять горныхъ цѣпей, слѣдующихъ приблизительно одному и тому же направленію — отъ ССВ. къ ЮЮЗ. Три первыя изъ нихъ отдѣляются одна отъ другой песчаными равнинами или безплодными плоскогорьями, которыя пересѣкаются неглубокими ущельями. Большая центральная гранитная масса чрезвычайно неправильна и имѣетъ среднимъ числомъ не болѣе 1000 — 1200 метровъ высоты. Здѣсь, равно какъ и во всей восточной области нѣтъ никакихъ другихъ низменностей, кромѣ маленькихъ долинъ, употребляемыхъ туземцами для воздѣлыванія риса. Ко югу отъ гранитныхъ горъ разстилаются вплоть до берега обширныя, слегка волнистыя равнины вторичной формаціи. На всемъ югѣ и западѣ, т. е. почти на половинѣ всей поверхности Мадагаскара, почва мало плодородна, и населеніе расположено лишь вдоль довольно рѣдкихъ рѣкъ, вся же масса вулканическихъ горъ къ западу отъ восточнаго склона еще неплодороднѣе, за исключеніемъ долинъ, образовавшихся изъ озеръ или болотъ, засыпанныхъ обломками соедѣнныхъ горъ. За то обращенный къ Индійскому океану восточный склонъ весьма плодороденъ, благодаря постояннымъ осадженіямъ паровъ, оплодотворяющихъ весь восточный берегъ. Онъ представляетъ узкую, но непрерывную, направленную отъ сѣвера къ югу полосу лѣсовъ, примыкающихъ къ лѣсамъ западнаго берега и образующихъ такимъ образомъ поясъ, внутри котораго господствуетъ одна лишь пустыня. Въ гидрографическомъ отношеніи Мадагаскаръ можно раздѣлить на двѣ области: короткій восточный склонъ, не представляющій ни одной рѣки длиннѣе 15 километровъ отъ истока до устья, причемъ ни по одной изъ нихъ нельзя ѣздить даже на самомъ маленькомъ судѣ, и широкій западный склонъ, представляющій значительныя рѣки какъ по длинѣ, такъ и по качеству воды; но на югѣ и на югозападѣ рѣкъ очень мало. (Petermann's Geogr. Mitth. 1872 г., стр. 15—16). Климатъ на плоскогорьяхъ и въ западныхъ прибрежныхъ мѣстностяхъ здоровый, на востокѣ же, вслѣдствіе господствующей здѣсь лихорадки, часто смертеленъ для европейцевъ. Естественными произведеніями островъ вообще богатъ; изъ минеральныхъ произведеній здѣсь встрѣчаются: серебро, мѣдь, желѣзо, каменный уголь и соль. Растительность особенно пышна по берегу и отличается тропическимъ характеромъ, въ болѣе же высокихъ мѣстностяхъ произрастають растенія и умѣренныхъ странъ. Но эта характеристика не относится къ южнымъ частямъ, представляющимъ обширную, песчаную, лишенную тѣни равнину. Такимъ образомъ, однѣ части острова заселены природою въ ущербъ другимъ. Животный міръ богатъ, хотя нѣтъ ни слоновъ, ни носороговъ, ни крупныхъ

хищныхъ животныхъ. На восточномъ берегу Мадагаскаръ имѣетъ свою особую фауну, которая отличается пресмыкающимися и 28 породами полуобезьянъ.

Жители Мадагаскара, называемые малагассами или малгашами, составляютъ особое племя, неимѣющее ничего общаго съ африканцами. Они—скорѣе малайскій народъ, слѣдующій малайскимъ обычаямъ, а иногда сходный съ малайцами и по типу лица, по глазамъ и волосамъ. Языкъ ихъ, распадающійся на нѣсколько нарѣчій, имѣетъ совершенно характеръ малайскаго. Малагассы распадаются на три большія племена: бетсимазараковъ, сакалавовъ и говасовъ, изъ которыхъ послѣдніе господствуютъ на островѣ. Число же ихъ, чрезвычайно преувеличенное прежними путешественниками, по Мулленсу составляетъ не болѣе 2.500,000.

Малайскій характеръ говасовъ признанъ уже давно—и болѣе, чѣмъ у другихъ черныхъ народовъ острова, которыхъ они превосходятъ по цивилизаціи и способностямъ, уступая обимъ въ численности. Говасы живутъ на центральномъ плоскогорьѣ, въ провинціи Анкова (называемой также Имерина), въ которой находится также и королевская резиденція и главный городъ государства—Тананариво, или Антанариво, приблизительно съ 75,000 жителей. Бетсимазаракі занимаютъ восточную часть острова, а сакалавы—западную. Главнымъ занятіемъ жителей служить скотоводство и земледѣіе. Промышленность же сосредоточивается преимущественно въ городахъ, изъ которыхъ стоитъ упомянуть гавань Таматаве (7000 жителей), и на бѣдныхъ растительностью возвышенностяхъ равниннахъ. Предметами ея служатъ разныя украшенія, желѣзныя издѣлія, прекрасныя цвѣтныя матеріи для одежды изъ пальмовыхъ волоконъ, а также шелковыя и шерстяныя ткани и ковры. Мадагаскаръ составляетъ независимое королевство подъ властью говасской династіи и долго оставался враждебнымъ европейскому вліянію, хотя (а можетъ быть и потому) христіанскіе миссіонеры давно уже начали тамъ свою дѣятельность. Даже послѣдняя умершая королева была язычница. Ей наслѣдовала нынѣшняя королева Ранавалона, при коронованіи которой были отмѣнены всякія идолослуженія. Въ слѣдующемъ году она была крещена, а 8 сентября 1869 года, по ея приказанію, были преданы огню всѣ идолы страны. Такимъ образомъ вошло сѣмя, посѣянное лондонскими миссіонерами семьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Такого кореннаго, основательнаго и внезапнаго религіознаго переворота нельзя указать ни въ какомъ другомъ пунктѣ земнаго шара.

На сѣверозападномъ берегу Мадагаскара въ Бали-Баѣ и далѣе къ сѣверу на островѣ Носси-бе утвердились французы и превратили эти мѣста въ цвѣтущую колонію. Отсюда намъ недалеко перебраться на островъ Майотте, который былъ купленъ французами у одного предводителя и также превращенъ въ колонію. Онъ принадлежитъ къ архипелагу Коморскихъ острововъ, который находится по срединѣ Мозамбикскаго пролива, у сѣвернаго его входа, между восточнымъ африканскимъ берегомъ и западною частью сѣвернаго берега Мадагаскара, подъ 11—13°

Видъ города С.-Поль.

актанта... На востоке... 29... 191...

Матерас... возник... на... 191...

Боморон... остров... до... 191...

ю. ш., и состоитъ изъ четырехъ болѣе значительныхъ острововъ: Ангандицы или Большаго Комора, Мохели, или Мохиллы, или Малаго Комора, Адшуаны, невѣрно называемой Юганна, и уже упомянутого Майотте. На Большомъ Коморо есть вулканъ въ 2500 м. высоты; тамъ чувствуется сильный недостатокъ въ прѣсной водѣ. Островъ Мохилла важнѣе Большаго Коморо. Счастливое положеніе и оживленная торговля съ Мадагаскаромъ, Занзибаромъ и другими частями материка дѣлають Мохиллу важнѣйшимъ пунктомъ среди группъ острововъ, вдоль восточнаго берега.

Островъ этотъ имѣетъ 35 кил. длины и 30 кил. ширины; внутри онъ гористъ, какъ и другіе Коморскіе острова. Единственный городъ острова находится на западной сторонѣ и, кромѣ дворца королевы, мечетей, полуразрушившагося форта и нѣсколькихъ большихъ арабскихъ домовъ, состоитъ лишь изъ грубо сдѣланныхъ изъ глины прямоугольныхъ хижинъ, покрытыхъ соломой макути. Гдѣ условія почвы благоприятны, тамъ Мохилла хорошо воздѣлана, но добываемыхъ произведеній не достаточно для покрытія нуждъ, такъ какъ здѣсь находятъ болѣе выгоднымъ получать рисъ, табакъ и плоды съ берега, чѣмъ трудиться надъ воздѣлываніемъ пропизанной кораллами почвы. Предметомъ торговли со стороны материка служатъ прежде всего невольники, которые конечно вывозятся тайно, затѣмъ слоновая кость, рога носороговъ, кожи, копаль, кунжутное масло, орсель, рисъ, мтама и скоть, со стороны Мадагаскара—черное дерево, сало, кокосовое и кунжутное масло, а со стороны Занзибара—гвоздика и предметы для мѣны. Мохилла имѣетъ 6000—7000 жителей, но чрезвычайно трудно было бы среди нихъ указать на племя коренныхъ жителей, если когда-нибудь такое существовало. Нынѣшніе жители ея произошли отъ переселившихся сюда прежде арабовъ Суахели, сакалавовъ съ Мадагаскара и жителей съ сосѣдняго Мозамбика, которые частью совершенно смѣшались; но всѣ они—строгіе магометане. По ихъ собственнымъ словамъ, они происходятъ также частью отъ персовъ и индусовъ, которые основались нѣкогда на Мохиллѣ въ качествѣ купцовъ,—и дѣйствительно это утвержденіе подкрѣпляется тѣлосложеніемъ, религіей, правами и обычаями нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ. Въ характерѣ жителей Коморскихъ острововъ, по словамъ Рихарда Бреннера, мы находимъ, какъ и у всѣхъ народовъ смѣшаннаго происхожденія, преимущественно дурныя качества. Они отличаются хитростью, духомъ предпримчивости и большими способностями къ торговлѣ и барышничеству; поэтому молодымъ людямъ маленькій родной островъ скоро становится слишкомъ тѣсенъ, они уѣзжаютъ съ него, и если дѣла пойдутъ хорошо, то никогда болѣе не возвращаются.

Къ сѣверовостоку отъ Коморскихъ острововъ и къ сѣверу отъ Мадагаскара лежатъ двѣ родственныя группы Амирантскихъ и Сешельскихъ острововъ, составляющихъ британское владѣніе; первыя всѣ коралловаго строенія, малы и возвышаются надъ поверхностью моря лишь на 6—8 м.; вторыя же—гранитныя, но упираются также въ коралловые рифы. Самый большой изъ Сешельскихъ острововъ, населенный 7000 до 8000 человекъ,—Маге; всѣ эти острова имѣютъ хорошія

гавани и всё они покрыты пышною растительностью, преимущественно пальмами, между которыми всёхъ важнѣе финиковая пальма. Только на островахъ Праслинѣ, Куріозѣ и Ротондѣ изъ группы Сешельскихъ растетъ полезный *Lodoicea Seychellarum*, двойной или морской кокосъ, весьма цѣнившійся прежде, какъ необъяснимое удивительное произведеніе.

Къ архипелагу Маскаренскихъ острововъ, выступающему изъ моря на довольно значительномъ разстояніи къ востоку отъ Мадагаскара, принадлежатъ лишь три маленькіе, отдѣленные другъ отъ друга порядочными пространствами острова, расположенные почти по прямой линіи отъ запада къ востоку: островъ Соединенія, или Бурбонъ, островъ Маврикія, или Иль-де-Франсъ, и чрезвычайно здоровый и плодородный Родригецъ. Самый восточный и самый большой изъ нихъ—островъ Соединенія, принадлежитъ французамъ, остальные же два—англичанамъ.

Островъ Соединенія составляетъ въ настоящее время единственное владѣніе французовъ въ Маскаренской группѣ, но, по своему выгодному положенію, замѣчательнымъ физическимъ свойствамъ и богатству произведеній, онъ можетъ стоить многихъ другихъ. Два вулкана, изъ которыхъ одинъ—Питонъ-де-ла-Фурнэзъ еще дѣйствуетъ, свидѣлствуютъ о плутоническомъ происхожденіи острова, имѣющаго въ настоящее время 215,000 жителей, между которыми 60,000 кули, китайцевъ и индусовъ, 70,000 креоловъ и 85,000 цвѣтныхъ, негровъ и метисовъ. Многіе значительные города, каковы: Сень-Дени, Сень-Пьерръ и Сень-Поль, съ 40,000 30,000 и 25,000 жителей, свидѣлствуютъ о благосостояніи населенія. Растрескавшаяся во всёхъ направленіяхъ и состоящая изъ вулканическаго аллювія почва, чрезвычайно благоприятна для воздѣлыванія сахарнаго тростника, кофе, корицы, а также ввезенной въ 1776 году гвоздики, мускатнаго орѣха и какао; здоровый же климатъ острова благоприятенъ одинаково для всёхъ его населяющихъ племенъ.

Британскій островъ Маврикія знаменитъ, напротивъ, райскою красотою своихъ ландшафтовъ, превосходя въ этомъ отношеніи даже острова Таити въ Южномъ морѣ. Онъ вполне вулканическій и имѣетъ три покрытыя лѣсомъ горы, между которыми самая извѣстная Петерботтъ. И здѣсь, какъ и на островѣ Соединенія, главное произведеніе составляетъ сахарный тростникъ, почему оба эти острова называютъ также «Сахарными островами»; но, кромѣ сахарнаго тростника, здѣсь съ успѣхомъ воздѣлываются также рисъ, индиго, кофе, хлопчатникъ и пряности. Въ богатыхъ животными лѣсахъ растутъ различныя драгоцѣнныя деревья, и вполне тропическій характеръ острова выражается какъ во флорѣ, такъ и въ фаунѣ; недостаетъ, какъ и на Мадагаскарѣ, только гигантовъ африканскаго материка. Населеніе, какъ и на островѣ Соединенія, смѣшанное и доходитъ до 340,000 человекъ, треть которыхъ занимается земледѣліемъ. На о. Маврикія есть только два достойные вниманія города: Портъ-Луи съ 26,000 жителей и Магдебургъ или Гранъ-Портъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
На стр. 170, 5 стр. сверху	Станлея	Стэнли
» » 178, подѣ рисункомъ	Житель Уніацмуэзи	Житель Уніамуэзи
» » 184, 12 стр. снизу	Онъ	Камеронъ
» » 192, 10 стр. снизу	бойерскихъ	боерскихъ
» » 192, 12 стр. сверху	Замбези	Замбезе
» » 256, 13 стр. сверху	возвышается	поднимается
» » 256, 4 стр. снизу	километровъ	километрахъ

